

МНЕМ

ВИГРУШКИ ДОМА КАМЛАНТАЙН

Анна
Семироль

Игрушки дома Баллантайн. Глава 1. Кэрол

— Брендон, посмотри на меня! Я же вижу: ты меня слышишь. Посмотри на меня!

Она не просит — требует. Голос хриплый, нервный, вот-вот сорвется на визг.

«Ты никогда не умела спокойно говорить с людьми, Кэрол», — думает Брендон. И против своей воли открывает глаза.

В окно за спиной Кэрол бьет яркое солнце. Рама открыта, трепещет на ветру грязная занавеска. Вдалеке видны дымящие фабричные трубы. Слышится гудок автомобильного клаксона, цокают копытами лошади, влекущие конку. Брендон следит за проплывающим над крышами серым облаком и только потом переводит взгляд на Кэрол.

Бледное лицо, сетка ранних морщин в уголках фанатично сияющих глаз, тусклые, неприбранные волосы. Кэрол подносит руку к губам — неловкий жест человека, отвыкшего улыбаться. Кожа напоминает пергамент, покрытый темными пятнами чернил и ожогами от химикалий.

В школе она никогда не нравилась ему — нелюдима, слишком умная, чтобы тратить себя на общение со сверстниками. Брендон настолько привык, что она смотрит на всех свысока, что опешил, когда в старших классах гордячка Баллантайн начала проявлять к нему интерес. Несколько встреч из любопытства и поцелуй на выпускном балу так и не разбудили в Брендоне нежных чувств к ней. А после он всячески избегал Кэрол.

Он быстро женился после окончания школы на юной прелестнице из университета и женился спокойно и счастливо. А в сочельник, накануне своей двадцать первой зимы, Брендон поскользнулся на улице и угодил под колеса автомобиля. И последняя его мысль была о Кэрол: «Ты меня прости...»

И вот повзрослевшая Кэрол Баллантайн глядит ему в лицо глазами той самой влюбленной старшеклассницы.

«Откуда ты здесь?» — хочет спросить Брендон, но из его горла вырывается лишь шипение, словно кто-то крутит ручку настройки радиоприемника.

— Ты умер, — говорит Кэрол. — И я тебя вернула.

Брендон усилием склоняет голову и смотрит на свои руки. И видит выше белых перчаток металлические трубки и шестеренки в радужных разводах машинного масла. Пальцы гнутся плохо — он тратит не меньше минуты на то, чтобы расстегнуть пуговицы на белой сорочке. Мертвенно-бледную кожу пересекает вертикальный шрам. Брендон в ужасе разглядывает грубые стежки и заплату из темной ткани на животе. Кэрол никогда не опускалась до изящного шитья.

— Больше я тебя не потеряю, — то ли смеется, то ли всхлипывает она и обнимает Брендона. — Ты теперь навсегда со мной.

Брендон вскакивает со стула, шатаясь, делает несколько шагов и слышит, как скрипят железные сочленения его ног. Зеркало в человеческий рост отражает высокого молодого человека с искаженным от ужаса лицом. У него нет шеи: сразу под подбородком начинается система трубок и шлангов, соединяющая голову с грудной клеткой. Рубаха распаивается, Брендон успевает увидеть металлические штыри и поршни, вживленные в куски плоти плеча. Кэрол Баллантайн заключает Брендона в объятия.

— Не смотри. Не важно, какой ты теперь. Ты есть. Ты со мной.

Он кричит — долго и беззвучно. Руки в белых перчатках нежно гладят худую спину

девушки, воскресившей мертвеца.

— Поцелуй меня, — просит Кэрол.

Теперь ее приказы не обсуждаются.

— Ты привыкнешь. Успокойся.

Кэрол берет из вазы яблоко. Надкусывает, кладет на стол.

— Ты должен постоянно находиться при мне. Без меня ты не сможешь, Брендон. Только я способна о тебе позаботиться.

Он лежит на кушетке и смотрит в одну точку. Кэрол сидит рядом и, едва прикасаясь, обводит пальцем черты его лица. Жесткая, накрахмаленная манжета платья царапает щеку Брендона. От запястья девушки пахнет розовым маслом. Тяжелый, сладкий аромат.

...Вспоминается смолистый запах пихты, нотки зимней свежести. Эти духи отец привез ей на совершеннолетие. Брендон помнит, как она волшебным образом пахла. Она пролила их на свадебное платье. Он помнит, как она неловко прятала почти подсохшее пятно в складках юбки.

Ее зовут Кимберли. Не Кэрол.

— Успокойся. У тебя такой взгляд, будто я призрак. Все хорошо. Ты дома. Ты со мной. Я тебя люблю.

Кэрол Баллантайн склоняется над ним, касается поцелуем губ. Это не нежность. Это хозяйская печать. Ее право распоряжаться им. Право кукловода.

— Обними меня. Я так долго мечтала о том, что ты однажды вернешься и останешься со мной навсегда. Я так долго к этому шла.

Шуршит плотная темная ткань платья, удушливо пахнет розами. Брендон обнимает девушку, глядя в одну точку поверх ее плеча. Служанка, моющая пол в гостиной, сплетничает с дворецким и экономкой. Все сходится во мнении, что юная леди Баллантайн помрачилась рассудком после смерти родителей и водит знакомство с дьяволом.

Брендон вызывает у слуг лишь одно чувство — страх. Тщательно скрываемый за напускным равнодушием или вежливыми улыбками. Ему избегают смотреть в глаза. Проще бояться и оставаться в стороне. Проще лелеять свой собственный страх, чем увидеть в чужих глазах ужас.

— Не волнуйся. Они привыкнут к тебе, — шепчет Кэрол. — Они скоро поймут, насколько ты дорог мне. Ты — мое сердце. В тебе моя жизнь, моя вера, моя любовь.

Брендон качает головой. Кэрол Баллантайн, ты тоже ничего не хочешь видеть.

Ночью ему снится синяя шаль на плечах Кимберли и первые шаги синеглазой Фэй.

На следующий день к обеду прибывает в гости опекун Кэрол, мистер Джозеф Хейст. Дом Баллантайнов оглашается зычным басом. Мистер Хейст в свои пятьдесят семь полон энергии и идей. Брендон хорошо его помнит. Совладелец автомобильного завода и разработчик нескольких моделей машин, в школе Хейст преподавал им математику.

— Кэрол, дитя, прекрасно выглядишь! — слышится его голос из вестибюля. — Счастливы видеть румянец на твоих щеках. Чем сегодня порадуешь старого дядюшку? Рисовый пудинг и рябчики? А из новостей? Иду-иду, конечно.

Каблуки туфель Кэрол стучат по коридору второго этажа. Распахивается дверь в спальню, девушка влетает, глаза ее радостно сияют. Брендон отрывается от чтения книги.

— Пойдем! — девушка хватается за руки, тянет за собой. — Пойдем, я покажу тебя

мистеру Хейсту!

Брендон качает головой, в глазах мелькает испуг. Меньше всего ему сейчас хочется показываться на глаза тому, кто знал его с детства. Но Кэрол неумолима:

— Не упрямясь! Брендон, что за фокусы? Идем же!

Снова приказной, капризный тон. Против своей воли Брендон следует за Кэрол в гостиную. Джозеф Хейст отрывается от беседы с дворецким, оборачивается... и столбенеет.

— Дядюшка, я полагаю, вас друг другу представлять не нужно? — озорно спрашивает Кэрол и смеется как девчонка.

Брендон смотрит в пол и лишь сжимает и разжимает кулаки опущенных рук. Кэрол встает на цыпочки, обнимает его за плечи и нежно целует в щеку. Мистер Хейст подходит ближе. Вынимает из внутреннего кармана сюртука пенсне.

— Боже правый... Брендон? Кэрлайн, что ты наделала? Как...

— Книги родителей, собственные познания в механике, детали ваших машин, — гордо перечисляет она. — Три с половиной года работы, желание стать счастливой. Мечты сбываются, дядюшка Джозеф!

Мистер Хейст с ужасом смотрит на Брендона. Взгляд скользит по переплетению трубок и металлических скоб шеи, по лицу, рукам. Кэрол указывает Брендону на кресло, он послушно садится. Встречается глазами со старым учителем и снова отводит взгляд. Джозеф Хейст присаживается рядом с ним на корточки. Долго молчит, потом обращается к сияющей Кэрол:

— Моя дорогая девочка, если бы я знал, чем на самом деле ты занимаешься, я никогда бы не стал тебе помогать. Что ты наделала?

— Воскресила любимого человека, — с вызовом отвечает девушка и кладет ладони на плечи Брендона.

— Кэрлайн! Да взгляни же на него! Ты создала чудовище! Ну почему я в свое время не сжег эти проклятые книги!

Джозеф Хейст берет Брендона за руку. Задирает рукав, щелкает ногтем по металлическому запястью.

— Чем вы оба платите за это, Кэрол?

Кэрол Баллантайн гордо выпрямляет спину.

— Тем же, чем платили мои родители за тайное знание, дорогой дядюшка Джозеф. Кровью. Частью души. Годами своей жизни. Я добилась того, чего не смогли добиться они. Это победа над смертью. Мой Брендон со мной. Это счастье.

— А чем платит он?

Кэрол оставляет этот вопрос без ответа.

— Брендон, — зовет Джозеф Хейст. — Ты меня слышишь?

Он еле заметно кивает.

— Ты меня помнишь?

Брендон смотрит на учителя Хейста и отвечает одними губами: «Да». Джозеф вздыхает, качает головой.

— Кэрол, давай-ка выйдем и поговорим. Брендон, мы тебя оставим ненадолго.

Они выходят из комнаты, спускаются в палисадник. Кэрол молчит и натянуто улыбается правым уголком рта. Мистер Хейст нервно раскуривает трубку, затягивается.

— Моя дорогая воспитанница, — начинает он. — До сего дня я тобой безмерно гордился. А сейчас, мой дорогой гений, я жалею, что не могу ударить тебя. Кэрол, ты что

натворила?! Кого ты вернула? Ты в глаза ему заглядывала? Брендона нет, девочка! Есть полумеханический мертвец с пустым взглядом. И это — счастье?

— Вы ничего не понимаете, дядюшка! — звонко кричит Кэрол. — Я его действительно вернула! Я люблю его, он живой! Ему тяжело понять, что произошло, но нужно лишь время! Он привыкнет!

Джозеф Хейст стискивает трубку в кулаке, обжигает пальцы, вскрикивает и обрушивает на воспитанницу весь свой гнев:

— Кэролайн Баллантайн, замолчи! Брендон никогда тебе не принадлежал, у него семья! Забыла? Напоминаю: у него жена и дочь! Если у Брендона сохранилась хоть крупица памяти, он помнит их! И захочет вернуться. Что увидят родные, похоронившие его три с половиной года назад?

Кэрол бледнеет, резко выдыхает. Шаг в сторону с мощеной дорожки. Ветер треплет русые пряди, глаза темны от злости, плечи гордо расправлены.

— Запомните одну вещь, дядюшка: Брендон — мой. Я люблю его, я его вернула и никогда не отпущу! У него больше никого нет. Только я.

Учитель Хейст хватается девушку за локоть, подтаскивает к себе.

— То, что ты вытворяешь, для него хуже, чем смерть, — с горечью говорит он. — И если карой твоим родителям за их деяния были болезнь и гибель, то свое наказание ты выбрала сама. Девочка, он никогда тебя не простит.

Хейст отталкивает Кэрол и уходит прочь. У ворот останавливается и бросает через плечо:

— Через неделю жду тебя на ужин к пяти вечера. Тобой заинтересовался сын моих старых друзей. Пора бы тебе замуж, Кэролайн.

Брендон сидит в кресле и слушает, как отсчитывают время старые часы на комод. Этот звук заменяет ему биение собственного сердца. Он представляет себе, будто ритмичные удары доносятся из его грудной клетки. Будто бежит по сосудам кровь и легкие гоняют туда-сюда воздух. Иногда Брендон забывается и ощущает себя живым. В такие мгновения он вспоминает о жене и маленькой дочери. «Обязательно летом свожу их к океану», — думает он, и улыбка трогает бескровные губы.

— Иди ко мне, — мурлычет сонная Кэрол из-под одеяла.

Улыбка гаснет.

Брендон садится в изголовье кровати и гладит Кэрол по волосам. Ей нравится, когда он перебирает пряди, касается ее тела. Ей нравится, когда он приносит ей в постель завтрак. Брендон идеально готовит. Брендон заботливо сопровождает мисс Баллантайн на вечерних прогулках. Брендон прекрасно вальсирует под мелодию музыкальной шкатулки, изготовленной Кэрол.

Он ненавидит вальсы.

— Ты же счастлив со мной, да? — спрашивает Кэрол, не открывая глаз.

Брендон знает, что сейчас она не смотрит на него, но все равно кивает. Так нужно Кэрол Баллантайн.

— Если бы ты только мог знать, как я по тебе скучала эти годы... Я думала лишь о том, как тебя вернуть. Я перечитала сотню книг по механике, я перетаскала в лабораторию тонны деталей с дядюшкиного завода. Я отыскала в домашних тайниках запретные отцовские

книги. Брендон... Как мне было плохо от этих знаний и от страха, что я не смогу с ними совладать!

Плечо девушки под его ладонью напрягается. Кэрол садится в постели, хмурится. Проводит пальцем по щеке Брендона, трогает губы.

— Я люблю тебя. Потому и лишила голоса, — говорит она, глядя в сторону. — Больше всего на свете я боялась, что по твоим первым словам пойму: у меня ничего не вышло.

Руки в белых перчатках замирают. Брендон вслушивается в тиканье часов, начинает считать за ними. Сейчас ему хочется слышать только часы.

— Мистер Хейст старается убедить меня в том, что я сделала ошибку.

Шелестит легкая ткань ночной сорочки. Кэрол подходит к окну и впускает в комнату утро. С улицы пахнет горячей выпечкой, мальчишки звонко выкрикивают заголовки утренних газет. Девушка стоит лицом к окну, мягкие изгибы тела просвечивают сквозь тонкие кружева. Брендону не хочется ни ее тела, ни свежей сдобы. Если б Кэрол пожелала, то услышала бы, как посвистывает воздух в трубках его горла. Так бывает, когда Брендон овладевает отчаяние.

— Ты же любишь меня, Брендон?

Конечно же, он кивает и закрывает глаза. Они могут выдать.

— Тогда докажи.

Он уходит в библиотеку и приносит оттуда музыкальную шкатулку. Заводит, ставит ее на комод рядом с часами и протягивает Кэрол руку. Девушка смотрит на него с печальной усмешкой.

— Да, ты уяснил, что мне нравятся вальсы.

Железные суставы и шестеренки поскрипывают в такт мелодии. Руки в белых перчатках бережно придерживают Кэрол за талию. Брендон смотрит вверх и улыбается. Когда-то давно он читал, что так делают все счастливые влюбленные.

В груди становится горячее, воздух в трубках горла свистит все громче.

Дома тихо. Слуги собираются обедать, Кэрол уехала на очередной раут. Вернется поздно, будет плакать. Брендон знает это наверняка. Раз за разом повторяется одно и то же. Она приезжает, разувается в вестибюле и несется по лестнице, коридорами, шурша пышным платьем и размазывая тушь по бледным щекам. Зовет Брендона, бросается к нему в объятия и долго-долго кается, с кем танцевала, какие комплименты от кого получила и как ей гадко сейчас.

— Я не хочу... Я тебя люблю... — всхлипывает маленькая девочка Кэрол Баллантайн.

Брендону все равно, кто проявлял к ней внимание. Все равно, в каких танцах ее кружили. Она ему не принадлежит. И ему не нужно, чтобы принадлежала. Единственное желание, которое испытывает Брендон, желание, растущее в нем день ото дня, — вернуться домой. Не важно как и зачем. Он помнит, где его дом. Он знает, что его место — не здесь.

Брендон кладет на стол книгу. Встает. Снимает со спинки стула фрак. Одевается и выходит в коридор. Он старается ступать как можно тише и быстрее. Ковер под ногами приглушает его тяжелые шаги. Он спускается в вестибюль и останавливается перед входной дверью. Прислушивается к отзвукам голосов с кухни, к доносящемуся снаружи уличному шуму. Поворачивает дверную ручку и выходит.

Улица встречает Брендона сильным, таящим запах океана ветром. Играют на тротуарах

дети. Желтый лабрадор подбегает, тычется носом в обтянутую перчаткой ладонь, шлепает хвостом по коленям Брендона. Добрая морда лучится радостью, и Брендон улыбается в ответ. Он присаживается на корточки и гладит лабрадора. Общение с собакой дарит ему небывалый покой и умиротворение. Но радость длится недолго: лабрадора свистом подзывает хозяин, и пес убегает.

Брендон идет по улице прочь от дома Кэрол Баллантайн. Смотрит на гуляющих прохожих, на детей, гоняющих обручи по мостовой. Разглядывает парящий среди туч дирижабль, пытается вспомнить, что это может быть за рейс. Раньше он знал расписание полетов наизусть. Старший брат работал диспетчером аэровокзала, и маленький Брендон часто бегал к нему после школы. Смотрел в небо, провожая взглядом гигантские туши дирижаблей, как сейчас...

Идущая навстречу леди бросает на Брендона странный взгляд, и он тут же тянется поправить воротник. Прячет шею. Улыбка исчезает с его лица, шаг замедляется. Порыв ветра прибывает к ногам обрывок газеты.

«Кто я теперь?» — с ужасом думает Брендон.

Он сворачивает с Лайон-стрит в узкий переулок, останавливается и прислоняется к серой шкуре чужого дома. Тело наливается свинцом, кружится голова. Брендон отчетливо понимает, что не сможет вернуться в свою семью.

«Что я теперь?..»

Первые капли падают на запрокинутое вверх лицо. Мгновение — и небо обрушивает на Брендона поток дождя. Ледяные струи забираются под одежду, змеятся по коже. Холодно. «Вернись домой!» — грозно выстукивает ливень по крышам и подоконникам. Брендон выходит из переулка и, пошатываясь, бредет прочь.

Два часа спустя дворецкий осторожно сообщает мистеру Джозефу Хейсту, что видит у ворот привидение. Джозеф в домашних туфлях спешит на улицу и обнаруживает Брендона сидящим на тротуаре под проливным дождем. Ни слова не говоря, мистер Хейст ведет его в дом. Дворецкому строго-настрого велено держать язык за зубами.

— Как ты здесь оказался? — спрашивает Джозеф Хейст Брендона. Тот кутается в плед и качает головой. — Я дам тебе бумагу и перо. Мы сможем так говорить?

«Да», — отвечает он беззвучно.

Хейст кладет на стол раскрытую тетрадь, ставит рядом писчие принадлежности. Брендон садится. Механические суставы плохо слушаются, движения даются с трудом.

— Пиши, — сурово говорит Джозеф Хейст. — Что произошло?

Брендон медленно покрывает лист чернильными каракулями, протягивает написанное мистеру Хейсту. «Я шел домой».

— Ты поссорился с Кэрол?

Он качает головой, снова тянется к перу. «Я не могу с ней. Невыносимо».

Джозеф мрачнеет.

— Я почему-то думал, что все не так плохо. Надеялся, что ошибаюсь. Послушай... Тебе нельзя домой. Если ты любишь свою семью — пощади их.

«Я не вернусь к Кэрол».

— Прости. Я уже послал за ней. — В голосе старого учителя звучит покаяние.

Брендон складывает на столе руки, как примерный школьник, и утыкается в них лицом. С мокрых волос капает вода. Расплываются чернила на исписанном листе. Джозеф Хейст выходит из комнаты и прикрывает за собой дверь. Он спускается на первый этаж,

раскуривает трубку и дожидается приезда Кэрол, расхаживая по коридору взад-вперед. На душе тяжело, давит ощущение неверности принятого решения.

Звякает над входной дверью колокольчик, и Кэрол Баллантайн переступает порог. Отряхивает забрызганную грязью малахитово-зеленую юбку и умоляюще смотрит на мистера Хейста.

— Здравствуй, Кэролайн, — сухо приветствует ее хозяин дома. — Ты быстро.

— Ваш посыльный прибыл в тот момент, когда я собиралась идти искать Брендона. Что с ним, дядюшка?

Ее голос звенит от волнения, пальцы нервно сжимают ручку зонта. Джозеф давит вздох, разводит руками.

— Это у тебя надо спросить, что с ним. Не торопись. Сперва я хочу выяснить некоторые детали. Во что ты превратила того, кого я знал озорным, улыбчивым мальчишкой, а позже — любящим мужем и отцом ребенка моей ученицы?

— Брендона надо срочно кормить, — упрямо отмахивается Кэрол. — Топливная смесь, питающая его двигатель, должна была закончиться часа два назад!

Джозеф Хейст неумолим.

— Две минуты подождет. Я не стану говорить в его присутствии. Это унижительно для него. Кэрол, стой. Я хочу услышать ответ на один вопрос: как проходит ваш день вместе?

Девушка смотрит на него с вызовом, потом напористо отвечает:

— Просыпаемся, я его одеваю, кормлю, умываю. Он помогает мне одеться, присутствует рядом, когда я завтракаю или работаю над очередным вашим заданием, мистер Хейст. Вечером мы вместе выходим на прогулку. Да, я теперь работаю быстрее, и благодаря мне ваши автомобили становятся лучше и надежнее, не так ли?

— Так, Кэрол. Скажи, ты общаешься с Бренденом? Знаешь о его желаниях, настроении?

— Нет. Он нем, дядюшка, если вы еще не успели этого заметить. Мне достаточно просто того, что он рядом. Я его люблю, он любит меня. Зачем слова?

— Кэролайн, за все это время ты хоть раз поинтересовалась...

— Достаточно! Мистер Хейст, мне нужна моя кукла. Сейчас же! — почти кричит она.

Не дожидаясь разрешения хозяина, Кэрол проходит дальше по коридору.

— Иди в мой кабинет, — говорит Джозеф Хейст ей в спину и следует за ней.

В кабинете Кэрол бросается к Брендону, обнимает его.

— Брендон, милый, почему ты такой мокрый? — шепчет она. — Тебе же нельзя под дождь, ты что натворил? Просыпайся. Сядь ровно, я принесла еды. Давай, не упрячься!

Он медленно выпрямляет спину, опускает руки вдоль туловища, садится, как велела Кэрол. Учитель Хейст наблюдает от двери кабинета, как девушка быстро расстегивает пуговицы на мокрой рубашке Брендона, пыльным рукавом платья обтирает влагу с его тела. Порывшись в сумочке, Кэрол достает миниатюрную отвертку и бумажный пакет размером не больше пудреницы. Долго возится, подцепляя край заплаты на груди Брендона, вывинчивая какую-то деталь, потом бережно открывает маленькую топку и закладывает в нее бумажный пакет. Минута на возню с отверткой, и Кэрол удовлетворенно кивает:

— Все, теперь у тебя снова много сил. Посмотри на меня, Брендон. Я на тебя очень сердита.

Он открывает глаза, но смотрит не на Кэрол. Брендон не сводит взгляда с учителя Хейста. И от этого взгляда хозяину дома не по себе.

— Брендон, куда ты ходил? — строго спрашивает Кэрол. — Зачем ты ушел на улицу?

Кто тебе разрешил покидать дом?

Она садится перед ним на корточки, заглядывает в лицо.

— Милый, ты соскучился по мне? Ты пошел меня искать, правда же?

В ее голосе Джозеф Хейст слышит тщательно скрываемый за нежностью страх.

— Брендон, ты меня искал?

— Кэрлайн, оставь его в покое, — не выдерживает Хейст.

Брендон встает, бережно вешает мокрый плед на спинку стула. Отвешивает учителю легкий поклон. Равнодушно смотрит в глаза Кэрол, четко артикулирует: «Нет». И получает крепкую, злую пощечину.

— Чудовище, — цедит Кэрол сквозь зубы. — Как ты можешь так со мной поступать?

Как ты вообще смеешь?

Она все же берет себя в руки, улыбается немного нервно.

— Наверное, это дождь. Ты слишком промок, милый. Поедем домой. Я тебя переодену, высушу, и, уверена, все придет в норму. И не смей больше один выходить из дома. Это приказ! Дорогой дядюшка, спасибо вам за заботу и своевременное извещение. Мы вынуждены вас покинуть, простите. Брендон, иди за мной.

Хейст стоит у окна и смотрит, как они уходят. Он старается не думать, чем все это может закончиться.

Близится осень. Меняется ветер, ночи становятся сырыми и холодными. Кэрол Баллантайн любит спать с открытым окном, и Брендону приходится подниматься несколько раз за ночь, чтобы поправить ее одеяло. Брендон мало спит, потому что во сне он не в силах контролировать свою память. Он сидит у окна и слушает ночь.

Дыхание ветра доносит далекие гудки пароходов, ритмичное постукивание монорельса. Цокают по брусчатке конские копыта, поскрипывает припозднившийся экипаж. Проходит полицейский патруль, невидимый в темноте. Если долго вглядываться в небо над городом, замечаешь, что к западу, где находятся крупные нью-кroyдонские заводы, оно светлее.

Проходит час, другой — и небо бледнеет, будто линяет. Постепенно проступают из темноты контуры домов, гаснут фонари. Стучат по тротуарам каблуки спешащих на работу горничных, цветочниц, разносчиков свежих газет. Лайон-стрит пробуждается, наполняется привычным гомоном, суетой, обретает прежние краски.

Просыпается Кэрол. Брендон подает ей завтрак, помогает одеться, расчесывает и укладывает в высокую прическу ее темно-русые волосы. Вот уже несколько недель она не разговаривает с Брендоном и касается его только тогда, когда открывает маленькую дверцу в его груди и кладет туда порцию топлива. После завтрака Кэрол покидает дом, не говоря Брендону ни слова.

Брендон ходит по комнатам, читает книги в библиотеке и слушает, о чем судачат горничные. Они уже не боятся его и не смолкают при нем. «Не так уж я и страшен», — думает Брендон и улыбается экономке, мисс Эббот. Она помнит его живым. Ему хочется узнать о своей семье, он написал бы свой вопрос на бумаге, но Кэрол строго-настрого запретила мисс Эббот общаться с ним. Брендон присаживается в кресло и делает вид, что увлеченно читает свежую газету.

— Куда хозяйка в этот раз? — спрашивает мисс Эббот вошедшую в гостиную горничную Мэри.

— Сказала, что сегодня у нее ипподром.

— Она же терпеть не может скачки! — морщится экономка.

— И полеты на дирижаблях, — вторит горничная. — И выставки в галерее. И походы в гости к опекуну и дальним родственникам...

Она перечисляет и перечисляет. Мисс Эббот в очередной раз делает вывод, что хозяйке надо замуж. Мэри что-то щебечет о высоком усатом господине, что трижды привозил мисс Баллантайн домой на своем автомобиле. Брендон откладывает газету, прикрывает глаза и дремлет. Горничная обмахивает его лицо веером из перьев, и Брендон улыбается, не открывая глаз. Мэри бережно гладит его по голове и говорит, что его светлые кудри напоминают ей о младшем братишке.

Вечером начинается дождь, а Кэрол все не идет. Брендон ходит по дому, поскрипывая железными суставами, подолгу задерживается у окон. Он немного волнуется, но не за Кэрол, а за себя. Что его ждет, если хозяйка не вернется?

У парадной останавливается двуколка, запряженная каурой лошадью. «Странно, — думает Брендон. — Последние две недели Кэрол приезжает на автомобиле. Но не сегодня». Лошадь встряхивает мокрой гривой и фыркает. Брендон пытается вспомнить, как пахнут кони, но навязчивый запах машинного масла мешает ему.

Кэрол взбегает по залитым водой ступенькам, и через минуту ее шаги уже звучат на втором этаже дома. В коридоре между библиотекой и спальней она спотыкается, наступив на юбку, и падает. Брендон считает до двадцати, не спеша выходит из спальни и встречается с Кэрол взглядом.

На щеках потеки туши, мокрые спутанные волосы разметались по плечам. Она сидит, неловко поджав под себя ноги, и рукавом размазывает по лицу слезы.

— Явился! — ее лицо искажает злая гримаса. — Чего ты ждешь? Приказа помочь мне?

Брендон осторожно поднимает ее с пола, ставит на ноги и ведет, поддерживая под руку. Кэрол молчит и позволяет отвести себя в спальню. Там она садится на кровать, и Брендон расшнуровывает ее грязные ботинки. Кэрол молчит слишком долго, и Брендон решается взглянуть ей в глаза.

От вспышки гнева не осталось и следа. Взгляд Кэрол Баллантайн полон разочарования.

— Как же я ошиблась, — говорит она глухо. — Мне хватило знаний и умения воскресить мертвеца, но я не смогла вернуть любимого. Ты просто кукла, Брендон. Живой мозг в жестянке с шестеренками. Ты исполняешь все мои просьбы, целуешь меня, ласкаешь, но только потому, что так хочу я. И когда ты нашелся у мистера Хейста, я сперва подумала, что ты сам захотел уйти. Но такого быть не может. У тебя нет своей воли, да, Брендон? Это не ты. Это мое отражение, мои желания и тайная наука. Я потратила почти четыре года на бездушную механическую куклу.

Брендон выпрямляется, встает перед ней в полный рост. «Я не кукла», — хочет сказать он. Свистит в горле пар.

— Я прикажу — ты исполнишь. Как послушная дрессированная собака, — чеканя каждое слово, продолжает Кэрол. И выкрикивает: — Уйди!!!

Брендон отходит к комоду. Там рядом с музыкальной шкатулкой лежит растрепанный блокнот Кэрол и чернильный карандаш. Руки в белых перчатках заводят шкатулку и касаются бумаги.

— Я хотела бы тебя ненавидеть, Брендон. Но в том, что я убила столько лет на иллюзию, виновата лишь я сама. Я изучила сотни книг по механике, химии, анатомии,

окультизму. Я знаю столько, сколько не знает никто в этой стране, и завидую тебе, который не стоит и моего ногтя! Ты успел жениться и стать отцом. Конечно, ты ничего не помнишь, тебе теперь все равно. Куклы не испытывают чувств. Только мне не все равно. Я живая женщина, Брендон. Мне нужна семья и хоть немного тепла.

«Я не кукла. Я помню дочь. Ее зовут Фэй, у нее глаза цвета океана. Просто я никогда тебя не любил. К этому невозможно принудить», — торопливо пишет Брендон.

Он поворачивается к Кэрол, протягивает ей исписанный чернильным карандашом листок и видит в ее руках револьвер, направленный ему в грудь. Кэрол не смотрит на листок, она глядит Брендону в глаза.

— Я хочу успеть, — говорит она. — Я исправлю свою ошибку.

Первый же выстрел разносит маленькую топку в груди Брендона. Еще четыре превращают его в грудку бесполезного металла и мертвой плоти. Последний заряд Кэрол тратит на шкатулку, играющую вальс.

Часть II

Алистер

Слух возвращается внезапно — будто кто-то щелкнул тумблером. Тишина вдруг обретает объем и глубину, перестает быть забвением. Где-то капает вода, бьется о стекло насекомое. Шуршит по бумаге грифель карандаша. И совсем рядом кто-то порывисто, взволнованно дышит.

Потом возвращаются запахи: керосиновая лампа чадит, легкий сквознячок напоен свежестью снега. Машинное масло, травы. Чуть заметный привкус озона в воздухе.

Свет. Потолок кажется то выше, то ниже. Зыбкие тени колеблются и пульсируют. Их едва уловимые движения завораживают, гипнотизируют. Слегка кружится голова.

С легким стуком падает на стол карандаш. Скрипит отодвигаемый стул, слышатся приближающиеся шаги.

— С возвращением, Брендон! Я знал, что у нас получится. Ты крепкий парень.

Над Брендонем склоняется мужчина лет двадцати трех, темноволосый, с карими глазами и аккуратно подстриженной щегольской бородкой. Широкие скулы, линия рта и огонек в глазах кажутся Брендону смутно знакомыми.

— Давай проверим, все ли работает. Сперва руки.

Брендон подчиняется, сгибает пальцы, сжимая кулаки.

— Теперь очередь ног. Только не вскакивай сразу.

Он поочередно сгибает в колене правую ногу, затем левую. Садится, опираясь на руку. Мир перед глазами качается, плывет пятнами.

— Отлично. Суставы работают, слух и координация в порядке. Зрение я тебе поправлю чуть позже. Ты удивительный счастливчик! — Голос молодого человека звенит от восторга и гордости. — Попробуй сделать вдох. Я немного доработал твой двигатель. Теперь затраты топлива должны уменьшиться.

Брендон глубоко вдыхает и чувствует, как его наполняет энергия. Становится легче двигаться, рассеивается дурман в голове. Он обводит взглядом помещение, в котором находится, и не узнаёт его. Потолок высокий, покрытый разводами и засохшими брызгами самого разного цвета. Вдоль стен — полки и стеллажи, заставленные колбами, банками и ретортами, заваленные растрепанными книгами, коробками, пучками трав. Высокие узкие окна занавешены плотными шторами. Громоздятся по углам странные приборы, закрытые мешковиной и плотными кожухами. Параллельно друг другу стоят три массивных мраморных стола — на одном из них и сидит сам Брендон.

— Лаборатория, — поясняет кареглазый мужчина, проследив его взгляд. И осторожно спрашивает: — Помнишь, кто ты?

Брендон медлит мгновение и кивает. Кареглазый протягивает ему руку:

— Я — Алистер. Алистер Баллантайн.

Он жмет широкую ладонь. Взгляд останавливается на чернильном пятне, въевшемся в когда-то белую перчатку.

Брендон все помнит. Баллантайн...

Он медленно спускает ноги со стола, встает, шаткой походкой идет к стеллажу, на котором лежат карандаш и бумага. Минуту стоит неподвижно, затем пишет на листе единственное слово и протягивает бумагу Алистеру.

«Зачем?»

Тот выглядит слегка растерянным. Трет переносицу, скрещивает на груди руки. Брендон прекрасно понимает, что его обескуражил этот вопрос, и не собирается отступать. Он смотрит в лицо Алистеру Баллантайну и ждет ответа.

— Я вижу, что ты не в восторге от возвращения, парень. Тогда нет смысла скрывать причины содеянного мной. Я хотел посмотреть в глаза тому, кого моя мать любила всю свою жизнь.

Он умолкает, складывает в папку бумажные листы со стола. Его пальцы чуть заметно дрожат.

— Брендон, я знаю, что ты хочешь спросить. Давай пойдем в дом. Я чертовски замерз тут. Я все тебе расскажу за чашкой чая.

— Она умерла, когда мне исполнилось одиннадцать лет. И сдается мне, болезнь поразила ее задолго до моего рождения. Эта болезнь — безразличие. Сколько я себя помню, мать либо смотрела в окно, либо читала книги. Я пытался добиться ее внимания, но однажды услышал от нее: «В тебе нет искорки таланта, ты ничего не достигнешь в жизни». И все. Через год она угасла. Отец отослал меня учиться за границу и тихо спился за два года. Когда я вернулся, мне достался ветшающий дом и распустившиеся слуги, потихоньку распродающие наше имущество.

Алистер ставит на стол опустевшую чашку и откидывается на спинку кресла. Брендон смотрит на его профиль и видит все больше сходства с Кэрол. Ее скулы, ее решительная линия рта. И пальцы Алистер складывает так же, когда нервничает.

— Разбирая вещи матери, я нашел ее дневники. Там не было ни единого упоминания обо мне или об отце. — Алистер говорит медленно, словно взвешивая каждое слово. — В ее жизни существовал только Брендон. Милый Брендон, ангел Брендон. Вечный возлюбленный Брендон. Я сжег эти записи. Я нашел тебя в лаборатории и уничтожил бы тоже, но что толку ненавидеть теперь? Если б мать любила отца и меня, а ты пришел бы и украл ее у нас... А отца она не любила. Настолько, что дала мне свою фамилию.

Брендон отрицательно качает головой. Алистер хмурится, достает из кармана растрепанный блокнот и карандаш, протягивает Брендону.

— Не согласен? Пиши, я хочу понять, что не так.

«Ты неискренен. Что-то утаиваешь», — выводит Брендон неровным почерком.

Баллантайн пожимает плечами, усмехается в сторону. Он подходит к окну, касается пальцами витой отопительной трубы, поплотнее задергивает шторы. Снаружи бушует метель, снежные волны бросаются на стены дома.

— Ты чувствуешь холод, Брендон?

Брендон кивает и пишет: «Там, где я — плоть, остались все ощущения. Я чувствую не только тепло и холод, но и вкус, запахи, боль».

— И как личность ты вполне сохранен. Как мать могла принять тебя за неодушевленного болвана?

«Не юли. Зачем я тебе понадобился?»

Алистер смеется, будто Брендон удачно пошутил. Тянет время, обдумывая ответ.

— Ладно. Причина проста и стара, как мир. Мне нужны деньги. На дом, на жизнь, на женитьбу. И с твоей помощью я смогу хорошо заработать. Ты нужен мне в качестве компаньона, парень.

Брендон откидывается на спинку дивана. Его очередь усмехаться.

«Компаньона, — говорит его насмешливый взгляд. — Алистер Баллантайн, тебе некого больше было взять в оборот? Ты думаешь, что сумеешь так легко убедить меня помогать?»

Часы в гостиной торжественно провозглашают полночь.

— Здравствуй, новый день! — театралью восклицает Алистер, воздев руки. — Брендон, мы можем сделать этот день точкой отсчета в истории нового мира! Ты только вдумайся: мы избавим человечество от смерти, от горечи потерь, от ужаса одиночества! Ты станешь Адамом нового поколения!

Глаза Алистера возбужденно блестят, он захвачен своими идеями, он сияет, как рождественская елка. Он говорит и говорит, а Брендон слушает и никак не может понять, кто же перед ним: одержимый фанатик или расчетливый делец.

— Подумай только: мы сможем вернуть людям их близких, радость, смысл жизни. Мы сделаем мир счастливым! И он щедро возблагодарит нас, вот увидишь!

Брендон грустно улыбается, и Алистер воспринимает это как знак согласия.

— Я знал, что ты меня поддержишь! Мы войдем в историю!

Брендон берет карандаш, заносит руку над раскрытым блокнотом, медлит — и кладет карандаш на место. Когда выбора нет, лучше молчать.

Метель за окнами улеглась, и из низких туч мягкими перьями падает снег. Он такой густой, что за его пеленой не видно даже городских огней. Брендон стоит у окна в гостиной и вспоминает.

«Эти окна выходят на Лайон-стрит. Первый особняк принадлежит главному судье Нью-Кройдона. За ним левее — дом семьи Хаммерсмит. У мистера Хаммерсмита были настолько волосатые уши, что детьми мы всерьез считали его оборотнем. Ниже по улице живут немцы Миттерданки и маршал Коулс. Живут. Или жили?.. За перекрестком Лайон-стрит и Нью-Лайт-авеню — мой дом. Моя семья».

Брендон хмурится. Сколько прошло лет с его второго рождения? Что с его родными? Жив ли хоть кто-то из тех, кого он любит и помнит? Повинуясь внезапному порыву, Брендон выходит из гостиной и идет к парадной лестнице. Ковровые дорожки на полу чуть приглушают его тяжелые шаги. Он спускается в вестибюль, тянется к дверной ручке... и замечает свое отражение в старинном зеркале на стене.

Из мутного мрака амальгамы, чуть подсвеченного керосиновой лампой в руке Брендона, на него смотрит призрак в лохмотьях. Сквозь прорехи в тряпье тускло поблескивают механические суставы и трубки. Брендон остолбенело изучает худое лицо с заострившимся носом, прямой линией рта, синяками под глазами и обтянутыми кожей скулами. Лицо мертвеца.

«Что я им скажу?..»

Утром Алистер находит Брендона в вестибюле. Тот спит, сидя на нижней ступеньке мраморной лестницы и уткнувшись лицом в механические ладони. На полу перед зеркалом

стоит потухшая керосиновая лампа.

— Эй, парень! — Алистер трясет спящего за плечо. — Давай, просыпайся. Что ты тут забыл? Перепугал горничную до слез. «Ах-ах, мистер Алистер, у нас в доме дьявол!»

Алистер раскатисто смеется, Брендон сонно моргает, выдавливая улыбку. Из-за балюстрады на втором этаже на хозяина и гостя с любопытством таращатся слуги. Брендон поднимается и следует за Алистером в его кабинет. Проходя мимо зеркал, он смотрит под ноги.

— Уж не болен ли ты лунатизмом, дорогой компаньон?

У Алистера хорошее настроение, он весь — бодрость и кипучая энергия. В хитрых карих глазах искрится кураж. В кабинете он садится в кресло, забрасывает ноги в начищенных ботинках на стол и делится планами на день:

— Я распорядился подыскать тебе подходящие брюки и рубашку на первое время. Через два часа подадут экипаж, поедем одевать тебя, как положено молодому аристократу. Чтобы выбить из общества деньги, надо произвести на него впечатление. В полуистлевшем тряпье и развалившихся башмаках ты похож на... — Алистер осекается, поняв, что говорит не то, и торопливо продолжает: — Пока подыскивают одежду, я велел Абби привести тебя в порядок. Ты что-то хочешь сказать?

Брендон кивает, и Алистер бросает ему блокнот и карандаш. Спустя минуту на стол ложится записка со словами «Я хочу знать о своей семье», именами и коротким адресом.

— Без проблем, компаньон, я наведу справки.

Абби, смуглая миниатюрная девушка с восточным разрезом глаз, ничуть не боится странного гостя дома Баллантайнов. Ловкие руки бережно управляют с пузырьком шампуня и кувшином воды, возвращая волосам Брендона прежний цвет и блеск. Ее касания легки и приятны, Абби негромко напевает незамысловатую песенку. Закончив с волосами, девушка очищает кожу Брендона ватой, смоченной в лосьоне, потом аккуратно втирает крем. Брендон улыбается, прикрыв глаза, хочет сказать заботливой Абби что-то приятное, но вспоминает, что не может говорить. И он просто продолжает улыбаться.

К полудню мистер Алистер и «механический господин» отбывают за покупками в центр Нью-Кройдона. Обслуга дома Баллантайнов собирается в одной комнате и долго обсуждает внезапное увлечение хозяина. И только Мэри Перкинс, немолодая молчаливая горничная, не участвует в разговорах. Она помнит леди Кэрол. Она слишком хорошо помнит то, что происходило в этом доме двадцать пять лет назад.

— Прекрасный кофе, господин мэр! Кто ваш поставщик?

Фарфоровая чашка в пальцах Алистера настолько тонка, что падающий из окна свет делает ее нежно-розовой, словно раковина рапаны изнутри. Горьковатый запах арабики щекочет ноздри. Печенье на покрытом вышитой салфеткой подносе посыпано сахаром и корицей. Если немного склонить голову, на крупинках сахара начинают плясать крошечные солнечные искры. Шелковый шарф на шее мешает, от него греются трубки, но надо терпеть. Улыбаться уголками рта и делать слегка скучающий вид.

— Кофе я привожу себе сам раз в год из Колумбии. Мистер Баллантайн, давайте все же вернемся к делу. Вы настаивали на срочной аудиенции, и я полагаю, что цель вашего визита важнее обсуждения кофе.

Майкла Уодсворта сложно увести от темы. Когда тебе хорошо за пятьдесят, ты

безошибочно определяешь, о чем с тобой хочет поговорить очередной молодой эсквайр с хитрыми глазами. И внутреннее чутье, благодаря которому ты в свое время занял пост мэра Нью-Кройдона и по сей день удерживаешь его, точно подсказывает, что дело пахнет деньгами.

Алистер напускает на себя серьезный и деловой вид. Ставит на блюдце кофейную чашку и начинает говорить:

— Мистер Уодсворт, много ли средств из городского бюджета тратится на содержание наемных работников?

— Конкретнее, мистер Баллантайн.

— Дворники, грузчики, трубочисты, почтмейстеры, садовники, рабочие на заводах и мануфактурах.

— Не все заводы и мануфактуры — собственность муниципалитета, мистер Баллантайн.

— Я прекрасно осведомлен об этом, — кивает Алистер. — В данный момент мы говорим лишь о тех гражданах, что наняты муниципалитетом и выполняют работу, не требующую высокого интеллекта. Физический труд, подай-принеси, обточи деталь.

— Даже учитывая невысокую оплату их работы, средств они вытягивают много, да. Те же выплаты на лечение, по утрате кормильца, на рождение детей. Получаются весьма солидные расходы, — соглашается мэр.

— Стало быть, если бы люди болели и увечились реже, жили бы дольше и м-м-м... плодились меньше, Нью-Кройдон сэкономил бы немалые деньги. Деньги, которые пошли бы на иные, несомненно достойные дела. Верно?

Алистер говорит неторопливо, делая паузу после каждой фразы, давая мэру возможность обдумывать сказанное.

— Верно, мистер Баллантайн. У вас есть какие-то идеи, как сэкономить?

— Господин мэр, я могу дать вам работников, не требующих оплаты труда. Не болеющих. Высоконадежных. — Он снова делает паузу. — И практически бессмертных.

Брендон хмурится. «Вот, значит, для чего...» Умница Алистер, все хорошо просчитал. И его, Брендона, роль в этом спектакле очевидна. Больше всего на свете ему сейчас хочется, чтобы мэр расхохотался, объявил Баллантайна прохиндеем и выставил их обоих из своего дома. Но мэр внимательно слушает Алистера и весь его вид выражает заинтересованность.

— Это хорошая идея, мистер Баллантайн. Но она недостижима.

Алистер подается вперед, на губах играет хитрая улыбка.

— Я здесь и сейчас докажу вам, что я не просто мечтатель, господин мэр.

Майкл Уодсворт с усмешкой разводит руками. «Попробуйте меня удивить», — говорит его взгляд. Алистер поворачивается к Брендону:

— Компаньон, вы позволите?

«Нет», — качает головой Брендон. И жестами просит карандаш и блокнот, что лежат в кармане жилета Алистера. Молодой Баллантайн делает вид, что не понимает, но лисья улыбка исчезает с его лица.

— Мистер Уодсворт, я прошу прощения. Мне надо сказать компаньону пару слов. С вашего позволения.

Мэр напускает на себя равнодушно-скучающий вид и доликает себе в чашку кофе из механической кофеварки. Алистер подходит к креслу, в котором сидит Брендон, и встает так, чтобы мэр не видел их лиц.

— Послушай, парень, — говорит он едва слышно. — Давай оставим выяснение

отношений на потом. Я не хочу давить на тебя, но я могу и приказать, Брендон. Я знаю, как это делала мать, и не хочу, понимаешь? Но я не позволю тебе мне мешать. Уясни.

«Блокнот и карандаш», — жестами повторяет Брендон, не сводя с Алистера злого, напряженного взгляда.

— Иди за мной, — цедит Алистер сквозь зубы и поворачивается к Уодсворту: — Господин мэр, мы с компаньоном готовы.

Брендон встает и вслед за Алистером подходит к мэру. Уодсворт выжидающе смотрит на двух одетых с иголки молодых людей, неторопливо отхлебывает кофе.

— Мистер Уодсворт, моего компаньона зовут Брендон. Кроме того, что он ничего не говорит, вы не видите в нем ничего особенного, не так ли? Как вы думаете, мистер Уодсворт, сколько ему лет?

— Ну... восемнадцать-двадцать?

— Нет, — широко улыбается Алистер. — И не угадаете. Но он примерно ваш ровесник. Брендон, сними перчатку.

Глядя в одну точку, тот стягивает новую белую перчатку с левой кисти. Звякает о блюде чашка в руках мэра.

— Брендон, вторую перчатку, — продолжает Алистер.

Он повинуется.

— Вы заменили человеку обе руки механизмами? — удивляется Уодсворт.

— Смотрите дальше. Брендон, шарф.

Свистит в горле пар, руки слушаются с трудом. «Я не хочу давить на тебя, но я могу и приказать». А что же ты сейчас делаешь, по-твоему, Алистер Баллантайн? Распускается изящно повязанная широкая шелковая лента, скользит на пол белой змеей.

— Боже милостивый... — шепчет Майкл Уодсворт.

— Расстегни жилет и сорочку.

Алистер распахивает рубашку на груди Брендона, спускает ее с плеч. Мэр Нью-Кройдона роняет чашку на дорогой паркет. Вдребезги.

— Вы видите все своими глазами, мистер Уодсворт, — деловым тоном говорит Алистер. — Вот что я готов предложить городу. Это обойдется вам довольно дорого, но на обычных рабочих вы потратите куда больше. Мои куклы окупятся с лихвой уже на третий год службы. Вас заинтересовало мое предложение?

Мэр подходит к Брендону, касается его руки, рассматривает маленькую дверцу в груди, места, где механизмы переходят в человеческую плоть. Желая лучше разглядеть шею, мэр берет Брендона за подбородок. Стальные пальцы тут же смыкаются на его запястье, и Майкл Уодсворт встречается с Брендонами глазами. И отчетливо видит в них ненависть.

«Не трожь».

— Брендон, убери руки! — рявкает Алистер.

Мэр Нью-Кройдона потрясен.

— Мистер Баллантайн, он не... Нет, он же определенно разумен! — восклицает Уодсворт.

— Господин мэр, Брендон — мой компаньон. Полноправный. Ему м-м-м... не очень нравится, когда к нему относятся как к неодушевленному предмету. Прошу понять его правильно.

Майкл Уодсворт отходит в сторону, потирая запястье. Брендон рывком надевает рубашку, быстро застегивает ее, затем поправляет жилет, возвращает на место обе перчатки.

— Мистер Баллантайн, вы — великий ученый! — В голосе мэра восхищение смешано с тщательно скрываемым испугом. — Я не знаю, как вам это удалось, но я готов принять ваше предложение. Есть лишь два момента, заставляющие меня колебаться. Так как ваши создания имеют разум, они могут быть опасны...

— Степень свободы их разума полностью контролируется, господин мэр! — перебивает его Алистер. — Относитесь к ним с долей уважения — и они отплатят вам почтением и послушанием. Я гарантирую это. К тому же их можно изначально программировать, вкладывая определенные приказы и запреты.

— Каким образом?

— Немного оккультной магии, господин мэр. Все в вашем присутствии, дабы убедить вас в том, что я не замышляю ничего противозаконного.

— Хорошо. Тогда второй момент: вы понимаете, что церковь точно не одобрит такого новшества? Это... противоестественно, греховно!

Алистер смотрит на него с иронией.

— Мистер Уодсворт, мы с вами живем в светском государстве. Здесь и сейчас. Наука до сих пор не нашла фактов, подтверждающих существования Всевышнего. И, бесспорно, создание разумных кукол не входит в список тех грехов, что невозможно отмолить.

Мэр долго молчит и меряет шагами кабинет. Брендон напряженно смотрит на Алистера. На губах Баллантайна играет тень победной улыбки. Солнце сверкает на осколках фарфоровой чашки на паркете.

Наконец мэр нарушает молчание:

— Хорошо, Алистер. Давайте обсудим финансовую часть соглашения. Сколько вы хотите за пробную партию в полсотни кукол и что вам для этого нужно?

— Слушай, ну хватит уже! — вскипает Алистер. — Решил уморить себя тоской и голодом? Ну давай! Истерик!

Брендон лежит на мраморном столе в лаборатории, закрыв глаза, и никак не реагирует на его вопли. С тех пор как они получили грант и вернулись с деньгами из банка, прошла неделя. Все это время Брендон не покидает лабораторию, отказывается потреблять топливо и ни с кем не общается. Два дня назад эйфория Алистера несколько поутихла, и он полностью переключился на компаньона.

— Не заставляй меня приказывать, Брендон, — ярится Алистер. — Я же и по-другому могу. Тебе хочется по-другому? Нравится, когда тебя принуждают?

Брендон не реагирует. «Приказал один раз — прикажешь и другой», — думает он холодно. Ему приятно видеть Алистера не самодовольным и напыщенным, а разозленным его протестом. Даже если это окажется бунт до первого приказа, Брендон даст понять Алистеру, что не будет соглашаться с каждым его действием.

— Компаньон, ну прекращай. Давай, открывай глаза, поговорим и заключим мир. Брендон, а?

Алистер осторожно касается рубашки на груди Брендона, но тот в очередной раз не дает ему добраться до дверцы топки, перехватывая руку.

— Значит, все же слышишь. — В голосе Алистера отчетливо звучит облегчение.

Брендон открывает глаза и садится. Не отпуская руки Алистера, он ищет по его карманам блокнот и карандаш. Не находит. Тогда он отталкивает Алистера, встает,

покачиваясь, подходит к столу, заваленному чертежами и книгами, ворошит их, безжалостно спихивая на пол. Находит кусок мела и криво карябает прямо на стене: «Я не вещь!» Ноги перестают его держать, он оседает на пол.

— Не вещь, не вещь, — миролюбиво ворчит Алистер, торопливо вкладывая в топку Брендона пару маленьких брикетов. — Ты меня прости. Я не должен был так с тобой, перед мэром. Не знаю, что на меня нашло. Эта сделка очень важна для меня, Брендон. И я... Я виноват. Я прошу прощения. Такого больше не повторится.

Брендон смотрит ему в лицо. «Баллантайн, ты понятия не имеешь, что собираешься сделать», — говорит его взгляд. Алистер не понимает, каково это — быть живым и мертвым одновременно. Существовать без смысла, подчиняясь чужой воле и не имея права на свою. Алистер не понимает, потому ни за что не отступится от своих планов.

— Парень, я не такой тупой кретин, каким тебе кажусь. Я же вижу, что ты от меня ничего хорошего не ждешь. Ты ошибаешься. И раз уж мы с тобой теперь повязаны, давай искать компромисс. И увидишь: даже такая жизнь, как твоя, может быть вполне приемлемой. Давай руку, вставай, Брендон. Пошли домой. У меня есть для тебя небольшой подарок.

В вестибюле их встречает Абби. Брендон видит ее осторожную улыбку и теплый взгляд, и ему становится легче. Он улыбается ей уголками рта и спешит за Алистером.

— Компаньон, на втором этаже есть несколько пустующих комнат, — говорит Алистер, не оборачиваясь и не сбавляя шага. — Занимай любую на твой выбор. Только давай заглянем на минуту в мой кабинет.

В кабинете в руки Брендона ложится объемистая книга и какой-то прямоугольный, почти плоский предмет, завернутый в папиросную бумагу. Брендон долго шелестит упаковкой и наконец извлекает тонкую доску для письма и стило. «Спасибо», — пишет он на планшете, двигает сверху вниз металлическую планку, и она стирает написанное. Он поворачивается к Алистеру и вопросительно кивает на книгу.

— Это труды французского учителя Лорана Клерка, — поясняет Алистер. — Язык жестов. Тебе будет что поизучать долгими зимними вечерами, компаньон. И возьми еще вот это.

Он протягивает Брендону толстую кожаную папку с бумагами.

— Документация по нашему делу. Договора об аренде помещения, о найме людей. Расценки, сроки, поставщики материалов. Я хочу, чтобы ты был в курсе всех наших дел. Мне очень нужна твоя помощь, Брендон. Ты — связующее звено между людьми и совершенно новыми существами.

«Меньше пафоса», — пишет Брендон и ухмыляется. Алистер довольно хлопает его по плечу.

— Пошли заселяться, парень. В кровати ночевать все ж удобнее, чем на мраморном столе.

— Брендон, проснись. Ты мне нужен. Просыпайся же.

Он открывает глаза, щурится от света. Алистер в мятых брюках, старой куртке и видавшей виды шляпе стоит у его кровати с фонарем в руке.

— Одевайся попроще. Едем в порт.

Брендон дотягивается до блокнота на прикроватном столике, быстро пишет

карандашом: «Что случилось?»»

— В одном из доков Солта рухнули строительные леса. Дальше расскажу по дороге. Жду в машине, торопись.

Несколько минут спустя Брендон выходит из дома и садится на сиденье рядом с Алистером. Автомобиль вздрагивает, чихает и, ускоряясь, катится по ночной улице. Алистер нервничает, хмурится.

— Лучше было бы нанять кэб, но лишние свидетели ни к чему, — говорит он. — Брендон, я весь вечер провел на фабрике, распорядился, проверял... не важно. Леса рухнули у наших соседей через улицу. Погиб один из рабочих. За его телом мы и едем. Я завез в лабораторию все, что мне понадобится.

Он на секунду отрывается от ночной дороги и бросает на Брендона быстрый взгляд.

— В чем дело, компаньон? Что за гримаса, черт возьми? Не нравится то, что я собираюсь сделать?

Брендон качает головой, жестами просит повернуть назад, смотрит на Алистера с ужасом.

— Слушай, уймись! — раздраженно отмахивается Алистер. — Поможешь мне погрузить тело, доедем до дома — и спи хоть неделю напролет.

«Нет!» — беззвучно кричит Брендон, в отчаянии хлопает себя по карманам куртки, надеясь найти блокнот и карандаш. «Нельзя, — хочется сказать ему. — Не делай этого!»

Алистер резко останавливает машину у обочины. Делает глубокий вдох, медленно выдыхает.

— Если ты сейчас же не уймешься, компаньон, — с нажимом на последнее слово цедит он, — я верну тебя в состояние хлама, которым ты пробыл последние двадцать пять лет. Брендон! Мне нужен этот чертов труп или черта с два я чего добьюсь в жизни! Я должен сделать все сам! Не восстанавливать готовое по записям матери, а сделать сам свою куклу! Уясни и либо помогай мне, как и положено компаньону, либо заткнись! Заткнись и сиди смиренно!

Алистер выходит из машины, раздраженно хлопает дверцей.

— Я докажу, что могу! Себе! Тебе! Ей! Всем! — орет он в темноту улиц.

Где-то лает разбуженная собака, в окнах дома напротив мелькает огонек свечи. Алистер стоит, задрав голову к зимнему небу и сунув руки в карманы куртки, и что-то тихо шепчет. Брендон подходит к нему, касается плеча.

— Иду, — глухо отвечает Алистер Баллантайн.

Весь оставшийся до Солта путь он молчит и смотрит на дорогу. В мелькающих отсветах фонарей видно, как играют на его скулах желваки. Брендон смотрит на щетку-дворник, сметающую со стекла снег, и старается ни о чем не думать.

У въезда в док их встречают трое мужчин. Алистер отдает одному из них пачку купюр, обменивается несколькими фразами и машет рукой Брендону: «Иди за мной». Они проходят за коренастым угрюмым сторожем в пристройку между ангарами. Там на сваленных в углу досках лежит накрытое тело. Алистер приподнимает край брезента, и Брендон видит лицо разбившегося рабочего.

Лицо мальчишки лет четырнадцати. Чумазое от угля и машинного масла, с дорожками от слез на щеках.

— Может, и выжил бы, — задумчиво басит сторож. — Иногда те, кто ломает спину, выживают. Не сvezло Кевину.

— Иди сюда, компаньон, — зовет Алистер. — Завернем паренька в брезент и донесем до машины.

Вдвоем они разворачивают полотнище на полу, поднимают тело мальчишки, перекалывают. Алистер наклоняется над трупом, задирает темную от крови штормовку, кивает Брендону на зияющие раны.

— Упал на штыри. Прошло здесь и здесь. Видишь? Мучился долго, бедняга.

Брендон отводит глаза, мягко отстраняет Алистера и бережно заворачивает парнишку в брезент. Тело легкое, Брендон несет его до машины один. Баллантайн открывает перед ним дверь и помогает уложить ношу на заднее сиденье.

— Спасибо, компаньон, — сухо благодарит Алистер, усаживаясь за руль.

Брендон садится рядом, и машина отъезжает. Снова мелькают отсветы фонарей, темные окна домов, одинаковых в ночи. Щетка-дворник смахивает со стекла снег. Алистер Баллантайн молчит. Брендон широко раскрытыми глазами смотрит в одну точку. Сквозь хаотичную пляску снежных хлопьев ему видится лазурное летнее небо за окном комнаты Кэрол, проплывающий дирижабль и облако дыма над фабричной трубой вдалеке.

«Она меня — так же, в брезенте? — мелькают обрывки мыслей. — Кто позволил ей, кто помогал? Три с половиной года... Господи, как же это...»

— Компаньон, ты что? — негромко окликает Алистер.

Брендон не отвечает, и Алистер оставляет его в покое.

Дома они выгружают тело мальчишки из машины, Брендон относит его в лабораторию, пока Баллантайн ставит автомобиль в гараж. Снег тихо падает, замечая следы на дорожках. Мороз крепчает, затягивая оконные стекла узором. В лаборатории мягко светятся газовые лампы. Брендон сидит на мраморном столе рядом с завернутым в брезент парнишкой, обхватив себя за плечи. Взгляд его рассеяно блуждает по сваленным на полу горой металлическим деталям и разложенному на соседнем столе хирургическому инструментарию. Входит переодетый в черную шелковую рубаху и брюки босой Алистер, и Брендон протягивает ему планшет с исписанной панелью.

— «Как она сделала это со мной?» — читает вслух Алистер Баллантайн и умолкает надолго. Смотрит на Брендона устало и с сожалением. — Компаньон, мне сейчас очень и очень нехорошо. И не окажись тебя сегодня рядом, было бы гораздо хуже. Брендон, я тебе честно признаюсь: мне страшно. Видишь все это? — Он обводит лабораторию жестом. — Мать создавала тебя три с половиной года. Она была больна, потому что лишь безумец мог решиться на такое. Безумец или гений.

Алистер подходит к столу, осторожно разворачивает брезент.

— Я тебя очень прошу, Брендон: иди в свою комнату и ложись спать. Я не хочу, чтобы ты видел то, что я буду делать. Не лезь в это. Мне придется повторить ее путь, и мне заранее тяжело. И я не знаю, хватит ли мне сил, умения и того, что она отдала ради... Я не знаю, какую цену придется за это платить мне.

Он смотрит Брендону в лицо, и в глазах Алистера мечется страх.

— Уходи, прошу. Я должен остаться с этим один на один.

Алистер возвращается в дом лишь к обеду. Проходит в библиотеку, зовет дворецкого и распоряжается принести крепкого кофе и бренди.

— И попроси компаньона зайти, — добавляет он, когда дворецкий уже собирается

уходить.

Брендон волнуется, с самого утра ходит по дому, прислушивается, не пришел ли Алистер. Его тревожность передается Абби.

— Что-то случилось? — тихо спрашивает она, заглядывая Брендону в глаза.

Он качает головой, отмахивается, но Абби не так просто обмануть.

— Я же вижу — вас что-то мучает. Вы не спали ночью — постель не тронута. Чем я могу вам помочь, сэр?

Брендон садится на софу, пишет на планшете: «Обращайся ко мне на "ты"» и отдает его Абби. Она кивает, подбирает подол пышной юбки и усаживается рядом.

— Мистер Баллантайн велел помогать тебе во всем. Если только что-то нужно — напиши.

«Все хорошо», — отвечает он на амслене.

— О, ты делаешь успехи! — оживляется Абби. — Скажи еще что-нибудь!

Брендон думает несколько секунд, потом плавно жестикулирует: «Как-то ночью, утомленный, я забылся, полусонный, над таинственным значением фолианта одного...» Карие глаза Абби в изумлении округляются.

— Подожди-подожди, я не все понимаю... Что это?

«Стихотворение Эдгара Алана По», — пишет Брендон. И добавляет на амслене: «Выучил за ночь. Практикуюсь».

— А можно дальше? — просит Абби и смущенно краснеет.

В этот момент раздается негромкий стук.

— Мистер Алистер хочет видеть вас в библиотеке, — сообщает из-за двери дворецкий и, помедлив, добавляет: — Сэр.

Брендон обменивается с Абби коротким взглядом и спешит в библиотеку.

Алистер дремлет, откинувшись на спинку массивного резного кресла. Лицо бледное и осунувшееся, под глазами залегли глубокие тени. Брендон проходит в библиотеку, деликатно постукивает по книжному стеллажу.

— Я тебя слышу, — отзывается Алистер, не открывая глаз. — Проходи и садись.

Брендон повинуется, присаживается за письменный стол из мореного дуба. Теперь он готов слушать.

— Вчера ты спросил, как происходило твое перерождение. — Голос Алистера звучит глухо и устало. — Я не знал, что тебе сказать, потому что починить было проще, чем создать самому. Я нашел тебя в лаборатории, когда вернулся из-за границы и стал хозяином в доме. До сих пор гадаю, почему мать не избавилась от тебя. Знаешь, — он открывает глаза, усаживается поудобнее, — мне кажется, она до самой своей смерти чего-то ждала. Какого-то чуда, которого не произошло.

Он берет со стола кофейную чашку, делает глоток, морщится.

— Горькая, дрянь! Я отклонился от темы, прости. Так вот. Теперь я могу сказать тебе, что такое перерождение.

Алистер встает, подходит к Брендону и склоняется так, чтобы смотреть ему в глаза.

— Попробуй представить себе колодец. Темный. Без дна. Это ты. Это весь ты — от и до. Ты смотришь сам в себя и слышишь вопрос: «Отдашь?» Ты не знаешь сколько и чего, но отдаешь. И дьявол ли, бездна ли, вечность — тот, кто вопрошает, — черпает из твоего колодца. Столько, сколько надо. Оно предопределено. Это та цена, которую ты готов отдать за возвращение. Тот кусок твоего времени, жизни, души, которым ты готов поделиться.

«Сколько?» — спрашивает Брендон на амслене, не отводя взгляда.

— Я не смог дать много. Я не люблю этого мальчишку так, как моя мать любила тебя.

Но теперь я знаю, почему она умерла так рано.

Алистер выпрямляется, трет виски ладонями.

— Я не стал давить парню волю. Хочу посмотреть, что произойдет. И впредь буду работать исключительно с помощниками. Я хочу дожить до внуков, компаньон. Пусть своим колодцем делятся те, кому дороги их близкие. Мальчишка скоро проснется. Процесс заживления занимает куда меньше времени, чем я думал. Компаньон, мне надо вернуться в лабораторию. И мне бы не хотелось быть там одному. Я так устал, что боюсь уснуть и пропустить все на свете. — Он смотрит на Брендона умоляюще и добавляет: — Я убрал все в лаборатории. Чтобы тебе не... ну, ты понимаешь.

Брендон кивает и направляется к выходу из библиотеки.

В лаборатории отчетливо пахнет кровью. Алистер начисто вымыл столы и пол, но запах остался. Мертвый мальчишка, по горло укрытый старым пледом, лежит там, куда его уложил Брендон. Только ресницы у него едва заметно вздрагивают.

Алистер кладет ладонь мальчишке на лоб, ерошит густые темные волосы.

— Подойди, Брендон. Смотри, как спокойно он спит.

Брендон замечает за ухом мальчика металлический отблеск, приподнимает край пледа и отшатывается прочь, в ужасе глядя на Алистера.

— Ты что, компаньон? — удивленно спрашивает Баллантайн.

«Зачем ты?» — с трудом вспоминая слова, жестикулирует Брендон.

— Что «зачем»? — не понимает Алистер.

Вместо ответа Брендон указывает на свою шею, потом на мальчишку.

— А-а-а, — тянет Алистер. — Всего-то... Я его делал по твоему образу, компаньон. Оставил максимально сохранным сознание, но с телом особо не мудрил. Сделал все так же, как мать. По ее записям. Черт возьми! — взрывается он внезапно. — Да не смотри ты на меня так! Кэрол несколько лет все выверяла! Я что — должен был за эту ночь придумать, что куда воткнуть, чтобы работали голосовые связки? Потроха ему оставить?

Мальчишка шевелится, сонно моргает. Алистер тут же прекращает крик и склоняется над перерожденным.

— С возвращением, Кевин. Ты меня слышишь?

Парнишка судорожно хватая ртом воздух, давится, пытаюсь вдохнуть, мечется на столе. Алистер старается удержать его, бормочет что-то успокаивающее. Мальчишка замирает под его руками, лишь шарит по сторонам бессмысленным взглядом. Брендон стоит поодаль, сжимая и разжимая механические кулаки.

— Кевин, тихо. Смотри на меня. Не надо бояться. Тише. Вот так, да. Садись, я тебе помогу. Потихоньку.

Бряцает об мрамор металл. Мальчишка с ужасом рассматривает свои руки, ощупывает тело. Его лицо искажает такая гримаса, что Брендона накрывает тоской и безысходностью. «Алистер, что ты наделал...»

— Кевин, послушай. Меня зовут Алистер, а это Брендон. Мы тебе поможем. Ты привыкнешь...

«Успокойся. Ты привыкнешь», — шепчет память голосом Кэрол. И как наяву Брендон видит большое румяное яблоко в ладонях, покрытых пятнами от химикалий.

Перерожденный Кевин с силой отталкивается от края стола, вырывается из рук

Алистера и бежит со всех ног прочь из лаборатории. Брендон и Баллантайн бросаются за ним. Мальчишка ядром врывается в дверь, почти срывая ее с петель. Поскальзываясь на механических ногах, несется к ограде, с неожиданной ловкостью перелезает ее и стремглав летит прочь по Лайон-стрит.

Алистер выдыхается примерно через триста ярдов, Брендон бежит за мальчишкой, уклоняясь от машин и экипажей, сбивая с ног прохожих. Кричат женщины, испуганно ржут кони. Кевин несется напрямик, потом сворачивает к набережной. На мосту Брендон почти нагоняет его, но мальчишка шарахается в сторону и в мгновение взлетает на широкое каменное ограждение.

Секунды оборачиваются вечностью. Взгляды двух перерожденных встречаются. «Нет, — умоляет Брендон. — Не надо!» Мальчишка застывает, раскинув руки, и в его глазах Брендон видит только одно — желание покоя. Миг — и Кевин уже летит вниз. Лед Фармингтона с треском проламывается, и река принимает в себя соединенные плоть и металл.

Брендон с трудом пробирается назад сквозь толпу и видит Алистера. Тот неподвижно стоит посреди улицы и взгляд его темнее и холоднее вод Фармингтона.

— Никакой свободы воли, — ровно говорит Баллантайн, когда Брендон подходит ближе. — Кукла должна быть куклой.

Проходит три месяца, срок сдачи муниципального заказа все ближе. В городе бушует весна, в парках цветут магнолии и ранние розы, улицы заполняют хорошенькие цветочницы с корзинами хрупких ирисов, ярких тюльпанов, ароматных нарциссов. Зазывалы на Сансет-авеню и Лайон-стрит не умолкают, приглашая совершить облет весеннего Нью-Кройдона на прогулочных дирижаблях. Солнце, преломляясь в гранях массивной хрустальной вазы на окне, осыпает комнату Брендона фейерверками радужных бликов.

Брендон сидит у открытого окна и учит амслен — язык жестов, разработанный Лораном Клерком более полувека назад. День Брендона полностью расписан. Два часа с утра он тратит на самообразование, после приходит Абби, и они на пару практикуются в амслене. Девушке нравится общаться с Брендонем, она с удовольствием помогает ему. У нее милая улыбка, а прикосновения ее рук весьма приятны. Она следит за чистотой в комнате Брендона, содержит в идеальном порядке его одежду, помогает с умыванием. С ней изучение языка жестов продвигается гораздо быстрее.

К полудню Брендон и Абби садятся в экипаж и едут в Солт. Там Алистер Баллантайн арендует громадный гулкий ангар. Раньше в нем кипело производство механизмов для дирижаблей, но год назад прежние владельцы переехали в другой район, и муниципалитет предоставил здание Баллантайну. Здесь идет работа над куклами: днем собирают механические конечности и маленькие паровые двигатели, а ночью сюда приезжает Алистер в сопровождении нескольких человек, и начинается совершенно иной процесс. Алистер Баллантайн соединяет механизмы с мертвыми телами и возвращает их к жизни. Брендон не участвует в работе оккультистов и анатомов. Их с Абби обязанность — обучать механических кукол амслену.

Это тяжелая работа. Первое поколение кукол Алистера Баллантайна не похоже на Брендона. Они покорны, погружены в себя и с трудом поддаются обучению. В них максимально подавлена воля. Их вид угнетает Брендона — равнодушные, одетые в дешевые

робы. На изготовление их пошли тела людей из городских низов — нищих, бродяг, портовых рабочих. Это только мужчины, они предназначены для обслуживания линий грузоперевозок. Широкие плечи, мощные механические конечности, ничего не выражающие лица, полное отсутствие желаний. Амслен для них слишком сложен, они с трудом усваивают простейшие слова-жесты. Брендон и Абби бьются с ними по шесть часов в день, повторяя одно и то же сотни раз, но обучение движется слишком медленно.

Однако Алистер достижениями удовлетворен.

— Компаньон, не принимай все так близко к своему чугунному сердцу! Они — не ты, ты элита, ты оригинал, они лишь жалкие подобия, стадо для выполнения грязной работы. Достаточно того, что они владеют парой десятков жестов.

Брендон печально качает головой. Абби старается его утешить, шепчет что-то ласковое. Брендону она напоминает кошку, которая приходит, когда хозяину грустно, залезает на колени и мурлычет. Но кошкам не решить человеческих проблем.

«Я становлюсь похож на них, — жестами говорит он Абби, когда экипаж вечером везет их домой. — В них нет жизни. Они — бездна, которая поглощает наши силы».

Экипаж останавливается у моста через Северн. Здесь, за углом Обливион-стрит, живет Абби. Она всегда выходит именно у моста и дальше идет пешком. Брендон несколько раз порывался подвезти ее до самого дома, но она отказывалась. «Меня не поймут», — сказала она однажды. Она оставляет букеты весенних ирисов, что иногда дарит ей Брендон, у него в комнате. Он не обижается. Для него это просто дань вежливости, не более того.

Алистер этим вечером дома. За последние несколько месяцев те ночи, которые он провел не в ангаре на другом конце города, можно сосчитать по пальцам одной руки. Он возвращается на рассвете, усталый и раздражительный, вышвыривает за дверь своей комнаты пропитанную дымом и какими-то резкими запахами одежду и спит до полудня. С Брендонем они общаются мало и в основном по деловым вопросам. Сегодня же Алистер свеж, чисто выбрит, волосы его аккуратно уложены, на дорогом черном костюме — ни пылинки.

— Прекрасный вечер, компаньон! — восклицает он радостно. — У тебя полчаса, чтобы переодеться в чистое и подкинуть топлива. Как раз подадут экипаж.

«Я устал. Сильно. Не обижайся», — жестикулирует Брендон и улыбается виновато уголками губ.

— Твой амслен ужасен, я тебя не понимаю! — машет руками Алистер. — А если серьезно, то никаких отказов. Мы едем к Крейтонам.

Он извлекает из кармана маленькую бархатную коробочку и на ладони демонстрирует ее Брендону:

— Догадываешься, что это? Потому никаких «устал». Собирайся быстрее.

Брендон поднимается на второй этаж и, проходя мимо, ненадолго останавливается у двери спальни Кэрол. Касается потемневшей бронзовой ручки и прислушивается. В комнате тикают часы на комод. Брендон стоит и ждет еще чего-то. Звука ли, воспоминания... И не дождавшись, идет к себе в кабинет.

Спустя полчаса экипаж отъезжает от дома Баллантайнов. Брендон откидывается на обитую бархатом спинку сиденья и закрывает глаза. Он действительно устал. Опустошен. И единственное, чего он хотел бы сейчас, — оказаться в своей постели. Алистер же наоборот — возбужден и разговорчив.

— Ты слышал, какой слух гуляет по Нью-Кройдону? Будто я — пособник дьявола! Будто

в ритуалах я использую кровь детей. Глупцы! Никто в городе не знает столько, сколько знаю я! — При этих словах Брендон вздрагивает. Он уже слышал их раньше. — Вот она — слава, парень! Они боятся меня, они признают мою силу!

«Это просто сказки напуганных рабочих. Никто пока не видел твоих кукол в действии. Рано радуешься. Помни о Кевине», — жестикулирует Брендон.

— Ты прав. То ли еще будет, когда они увидят, на что я способен! Такие сказки мне только на руку. Отец Виктории сам пригласил меня на встречу. Этот напыщенный денежный мешок заинтересовался мной, понимаешь?

«Я рад за тебя».

Брендон отвечает ему, не открывая глаз. Лишь порхают в темноте экипажа кисти рук, обтянутые белыми перчатками.

— Да. Я забыл. — Тон Алистера становится серьезным. — Я навел справки о твоей семье. Утром пришел ответ из городского архива. Родители умерли. Отец скончался пятнадцать лет назад, мать пережила его на семь лет. Твоя жена Кимберли осталась без содержания после того, как ты умер. Какое-то время она работала гувернанткой, но три года спустя была уволена из-за скандала. Ее имя далее всплывало в реестрах работного дома, но в итоге след затерялся. О судьбе твоего ребенка ничего не известно. Такие дела, парень. Как думаешь, пойдет ли моей синеглазой невесте кольцо с семью сапфирами?

Тело наливается свинцом. Бездна заботливо заглядывает Брендону в глаза, щерится рваными краями хищной пасти. Вечность склоняется над ним и целует в лоб.

«Ты теперь навсегда со мной», — слышит он голос Кэрол Баллантайн.

Из вечера, проведенного в доме Крейтонов, Брендон запоминает только обращенный на него взгляд красавицы Виктории — взгляд опытного, расчетливого оценщика.

Пять лет спустя куклы Алистера Баллантайна на улицах Нью-Кройдона становятся привычными, как бороздящие небо дирижабли, дребезжащие по мостовой автомобили и постепенно вытесняющие конку трамваи. Тихие, послушные, неутомимые, не требующие за свою работу ни еды, ни денег — достаточно, чтобы им периодически подбрасывали топливные брикеты в чугунное нутро. Куклы входят в моду, лучшие рестораны и отели города заказывают швейцаров, официантов и портье на фабрике Баллантайна.

Алистер не только занимается типовыми куклами, но и берет частные заказы. Он возвращает умерших родных в богатые семьи — и получает за это баснословные деньги. Число желающих вернуть близких с того света увеличивается. Бизнес Баллантайна вырастает в империю.

Алистер часто выезжает за границу. Говорит, что подправить здоровье и посмотреть достопримечательности, но причина куда проще. В Нью-Кройдоне он больше не ощущает себя в безопасности. Церковь объявила его пособником дьявола, на улице перед его домом то и дело собираются группки пикетчиков с лозунгами «Верни нам наши рабочие места!» и «Дай жить живым!». У ворот постоянно дежурит вооруженная охрана.

Нью-кройдонская элита души не чает в Алистере. Когда он в городе, в его доме не прекращаются светские рауты, или же наоборот — чета Баллантайнов посещает то один прием, то другой. Алистер, дарящий бессмертие, становится живым символом города.

Брендон работает. Обучать растущее поголовье кукол все труднее. Каждый день один и тот же маршрут, одна и та же информация, которую он старается вложить в головы «второго

поколения». Никакого удовлетворения, только усталость. Дома неуютно. То шумные полчища гостей, то Алистер привозит на частные уроки амслена кукол знакомых аристократов.

— Ты лучший учитель города, Брендон, — подбадривает его Алистер. — Только представь себе, скольких механических детей ты обучил языку жестов за прошедшие годы!

Брендон не хочет об этом думать. О чем угодно, только не об этом. Мысли о растущем поголовье возвращенных мертвых вызывают у него оторопь.

«Они не такие, как я, — говорит он Абби. — Баллантайн плодит безвольных, пустых существ. Я говорю с ними, а они ничего не чувствуют. У них нет желаний, они не видят снов. Зачем Алистер возвращает их к такой жизни?»

«А богатые? — спрашивает Абби жестами. Они полностью переходят на амслен, когда не хотят быть услышанными. — Те куклы, что мистер Баллантайн делает для частных клиентов, они такие же, как фабричные?»

«Нет. Но большинство из них несчастны».

«Почему?»

«У нас нет будущего. Бессмертие отбирает у нас способность к деторождению. Нормальную речь. Даже возможность наслаждаться едой и напитками. Мы не меняемся, мы застыли во времени».

«Но разве вечная жизнь — не предел мечтаний?»

«Нет. Когда вечность выбирает тебя — это ад. А о нашем выборе никто не спрашивает».

«Тебе нужно найти смысл. Только тогда жизнь — это жизнь. Определись, для чего Господь вернул тебя обратно».

Брендон качает головой. Не Господь его вернул, а прихоть эгоистичной гениальной женщины. Но он не хочет спорить с Абби и потому прекращает разговор на неприятную тему. Однако вода точит камень, и Брендон все чаще возвращается к заданному однажды вопросу: для чего он здесь?

«Скажи, зачем ты держишь меня рядом с собой?» — спрашивает он Алистера.

— Глупый вопрос, компаньон, — пожимает плечами Алистер, тасуя колоду карт. — И я не понимаю, чем он вызван. У тебя слишком много свободного времени или ты чувствуешь недостаток внимания? Ты член семьи, ты мой партнер по бизнесу. У тебя свой счет в банке. Что не так?

«Зачем? — повторяет Брендон. — Какой во мне смысл?»

— А это — определять тебе.

Колода летит на стол, карты рассыпаются по мореному дубу столешницы веером.

— У тебя огромное число вариантов, парень. Наука, искусство, магия, путешествия. Но я бы не хотел, чтобы ты покидал Нью-Кройдон и вообще дом. Непокойно становится.

«Ты запираешь меня тут?» — спрашивает Брендон, иронично улыбаясь.

— Ни в коем случае. — Алистер наливает в бокал немного коньяка и отходит к окну. — Ты вообще газеты читаешь? Радио слушаешь?

Брендон отрицательно качает головой. Весь его день уходит на обучение фабричных кукол, вечера он просиживает в домашней библиотеке, читая книги, принадлежавшие Кэрол. Его не покидает странная надежда, что в этих книгах он найдет что-то, что развеет его тоску.

— Парень, так ты совсем одичаешь. Хорошо, давай обратимся к очевидному. Пикеты у дома видишь? Мирные голодранцы трясут плакатиками, ничего опасного. Но это лишь потому, что дом охраняется. Отойди на квартал — там уже можно и перо в бок словить.

Брендон, не все одобряют наше дело. Мне завидуют, меня ненавидят. А пострадать может моя семья и ты. Виктория и та старается лишней раз не выходить из дома. Понимаешь?

«Виктория на сносях, куда ей в город. А для себя я опасности не вижу. Каждый день мы с Абби ездим через весь город на фабрику и обратно. Все спокойно. У тебя мания преследования, компаньон».

— Да-да, я забыл, что ты бессмертен! — В голосе Алистера звучит тщательно скрываемое раздражение. — Черт с тобой. Лучше сыграем партию в экартэ. Ставлю десять тысяч серебром! Раздавай.

За спиной Брендона закрывается дверь учебного зала. Занятие по амслену на сегодня закончено. Сейчас он дождетя, пока Абби в кабинете управляющего быстро попьет чаю и поест, затем они сядут в экипаж, и можно будет считать день завершённым. Тогда он наконец-то расскажет ей новость.

За окном — серая морось. Осень в Нью-Кройдоне всегда тосклива. Дожди словно слизывают краски с городских улиц, и все становится серым и безжизненным. Сырой ветер с океана пронизывает насквозь. Механические суставы плохо гнутся, Брендон чувствует себя старым ревматиком. Он даже ходит, прихрамывая и опираясь на дорогую трость — подарок Алистера.

Скорее бы домой. Там сейчас тихо и спокойно. Никаких посторонних. Только попискивает в колыбели крохотный Байрон — первенец Алистера. С его появлением многое изменилось. Алистер чаще стал бывать дома, чопорная и надменная Виктория смягчилась и еще больше похорошела. Брендон — один из немногих, кого молодые родители подпускают к сыну. Он часто подменяет Викторию, когда той надо отдохнуть, качает младенца в колыбели, носит его на руках по комнате.

«Брендон, случиться может всякое, — сказал ему на днях Алистер. — Кому мне доверять, как не тебе. Я хочу, чтобы ты был его гувернером, а если понадобится — то и отцом».

Вот и Абби. Брендон улыбается ей, подает плащ. Она смущается — больше по привычке — и укоряет его в том, что господину не пристало помогать служанке.

«Мы с тобой равны, — возражает Брендон. — Ты мой единственный друг. Могу я помочь другу одеться?»

Она улыбается, и они вдвоем спешат через двор к ожидающему у ворот экипажу. Алистер давно пересел в автомобиль, но Брендон по старинке пользуется двуколкой с лошадьми. Кучер открывает дверь перед Абби, девушка ловко запрыгивает внутрь. Брендон возится дольше, кляня сырость и свою неповоротливость. Наконец все усаживаются, повозка трогается с места.

«Я хотел рассказать тебе, — начинает Брендон. — Этой ночью я закончил собирать радио. Сам, Абби! Оно работает! Оно транслирует музыку! Представляешь, у меня получилось! Еще я предложил Алистеру проект передатчика на радиоволнах. Через него можно отдавать приказы сразу целой группе кукол. Абби, я наконец-то нашел себе дело!»

Он сияет, как ребенок, получивший новую игрушку. Никогда еще Абби не видела его таким бодрым и возбужденным. Она бережно стирает платком дождевые капли со лба Брендона, улыбается.

— Видишь, все оказалось возможным. Когда ты нашел время?

«Маленький спал, я принес в его комнату детали и стал работать. Первым, что я поймал на этом приемнике, была колыбельная. Божественное пение...»

— Возможно, тебе стоит подумать, как вернуть себе голос? — тихо предлагает Абби.

Брендон с жаром кивает.

«Я найду способ! Я очень хочу говорить с тобой не только руками. Твое имя так прекрасно звучит: Абби».

— Я тебя и без слов понимаю, Брендон. Но да, я очень хотела бы услышать однажды твой голос.

Экипаж вздрагивает, слегка кренится влево и спустя несколько секунд останавливается. Мост через Северн.

Брендон спускается на мостовую, подает Абби руку.

«Разреши проводить тебя сегодня».

Она смотрит на него, качает головой. В тусклом свете газовых фонарей очень трудно разобрать выражение ее лица.

— Дома муж, он не поймет. Прости.

«Хотя бы до угла. Позволь, прошу».

— Но только до угла. Я очень боюсь, что соседи заметят.

«Муж ревнивый?»

— Нет. Просто он знает, кто ты. И ему это не нравится. Пойдем.

Брендон жестами объясняет вознице, чтобы дождался его, и спешит вслед за Абби. Они идут вдоль улицы, держась друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Лицо Абби скрыто капюшоном плаща, но Брендон точно знает: она улыбается.

Позади них звучат шаги, и мужской голос восклицает:

— Куда спешишь, механическое отродье?

Брендон слышит отчетливый щелчок взводимого курка и оборачивается. Крик Абби и два выстрела сливаются воедино, громом отдаются в ушах. Брендону кажется, что он двигается очень медленно. Он падает, увлекая девушку за собой, и краем глаза успевает заметить несколько силуэтов, исчезающих в подворотне. Где-то рядом свистит полисмен.

«Абби! Абби! — Брендон забывает, что не может говорить, лишь шевелит губами. — Ты не ранена? Как ты?»

— Все хорошо. Все в порядке. — Она садится, опираясь на руку, улыбка на лице — жалобная, перепуганная. — Я цела. Брендон, как ты?

Он кивает, морщится от боли над правой лопаткой.

«Все в порядке. Просто упал неудачно. Абби, как хорошо, что ты цела. Вставай, мы с тобой в самую грязь... Как хорошо, что ты цела».

Брендон поднимается сам, подхватывает девушку и помогает ей встать. Подбегает полисмен, спрашивает, что случилось и кто стрелял.

— Они убежали туда, — еле слышно шепчет Абби. — Трое. Брендон, проводи господина полицейского. Я тебя дождусь. Я тут посижу. Мне надо прийти в себя.

Брендон кутает девушку в плащ, помогает взойти по ступенькам под козырек подъезда.

«Я мигом, Абби. Я покажу, куда они скрылись».

— Да, да, мой хороший.

Минута туда, минута обратно. Даже если бежать, опираясь на трость. Когда он возвращается, Абби уже не дышит. Лежит на ступеньках, свернувшись, как эмбрион, и дождь барабанит по ее приоткрытым глазам.

Алистер Баллантайн и двое полицейских входят без стука в дверь тесной комнатухи. Ее хозяин — плечистый смуглый креол — сидит на заправленной кровати, спрятав лицо в ладонях, и жутко, монотонно воет. На столе, отодвинутом от стены, лежит Абигайль Томсон, обернутая в чистые белые простыни. Ее плащ и мокрое платье бесформенной грудой свалены у ног Брендона. Он стоит рядом с девушкой и гладит ее по голове. За стеной в соседней комнате тихо поет колыбельную мать Абби. Алистер видел ее, когда заходил в дом: страшная, почерневшая от горя старуха.

— Брендон, идем, — негромко окликает Алистер. — Поедем домой.

Брендон его не слышит. Он гладит черные кудри Абигайль и не замечает Алистера. Баллантайн выжидает минуту, другую.

— Брендон, я за тобой приехал. Пойдем же, — повторяет он громче.

Быстрый, еле уловимый жест одной рукой: «Нет». Алистер теряет терпение.

— Хорошо. — Он поворачивается к полисменам: — Господа, будьте добры, перенесите тело в машину.

Мужчина, сидящий на кровати, смолкает и медленно поднимается. Он подходит к Алистеру и произносит:

— Нет.

На стол ложится пачка купюр. Вторая. Третья.

— Мы ее забираем, — твердо говорит Алистер Баллантайн вдовцу и обращается уже к Брендону: — Для тебя.

И получает кулаком в лицо.

— Убийца! — ревет креол. — Это ты должен в землю лечь, не она! Свою жену на чучело выпотроши, ублюдок!

Алистер промокает платком разбитую губу, полицейские протискиваются мимо него к креолу. Брендон делает шаг и встает между ними.

«Уезжай. И не трогай ее. Не смей».

— Прошу прощения, — цедит Баллантайн сквозь зубы, обращаясь больше к полисменам. — Инцидент исчерпан.

Он кладет на пачки купюр горсть топливных брикетов и уходит. Полицейские следуют за ним.

— Сам вернется, — уверенно говорит Алистер, садясь в машину. — Здесь у него больше ничего не осталось.

Часть III

Байрон

Зыбкое пламя свечей отражается в зеркалах. В комнате стоит удушающий запах парфюма и курящихся благовоний. Окна открыты, но тяжелые шторы задернуты так плотно, что воздух с улицы почти не проникает. На высоком ложе среди разметанных подушек сплетается в объятьях обнаженная пара. Темноволосая пышногрудая женщина жалобно стонет и время от времени коротко вскрикивает. Мужчина хрипло дышит сквозь стиснутые зубы. Он причиняет женщине боль, но это лишь возбуждает обоих.

На полу у ложа извивается девушка. Ее тело стянуто шелковыми шнурами, впивающимися в кожу, рот заткнут ее же собственным чулком. Вывернутые за спину кисти рук побелели, голова притянута за волосы к связанным щиколоткам. Искаженное гримасой боли лицо залито слезами. Девушка с мольбой смотрит в темный угол комнаты. Там в кресле неподвижно сидит светловолосый парень лет двадцати в строгом сером костюме. Его руки в белых перчатках покоятся на резных подлокотниках кресла. В глазах отражаются огоньки свечей. Он смотрит в образованную зеркалами анфиладу арок, и его лицо ничего не выражает.

Пара на ложе выгибается в экстазе, ногти женщины оставляют алые полосы на спине мужчины. Мгновенье — и он сбрасывает ее с себя, тяжело дыша. Затем спускается с ложа, подбирает с пола шелковый черный халат и пристально смотрит на связанную девушку.

— Больно, голубка? — Его голос вкрадчив и обманчиво мягок. — Это тебе первый урок. Не усвоишь — будут и другие.

Мужчина склоняется над захлебывающейся слезами жертвой и резко дергает один из шелковых узлов. Шнур врезается девушке между ног, она приглушенно кричит. Мужчина берет со столика нож с тонким лезвием, крутит его в длинных пальцах.

— Порченный товар — неприятности, — с опаской замечает с ложа темноволосая женщина.

— Заткнись, — обрывает ее мужчина. — Я купил ее время у сутенера и могу делать с нею, что хочу. Как, впрочем, и с тобой.

Лезвие ножа оставляет вдоль ребра девушки длинную кровоточащую линию. Несколькими резкими движениями мужчина рассекает шелковые путы. Девушка обессилено вытягивается на полу, вздрагивая от рыданий.

— Вставай, — командует мужчина. — Одевайтесь, обе, и вон отсюда. Через три дня желаю видеть вас здесь же. Проверю, как эта юная строптивица усваивает уроки.

Он возвращается на ложе, отвешивает темноволосой звонкий шлепок по ягодице и наблюдает, как проститутки поспешно одеваются. Перехватывает взгляд заплаканной девушки и морщится:

— Как тебя... Хлоя! Зря ты ждешь от него помощи. Брендон служит только мне. Это мой ангел. — В последних словах звучит странная нежность.

Полуодетые девушки поспешно исчезают за дверь. Когда в коридоре стихает топот

бегущих ног, Брендон откидывается в кресле и закрывает глаза.

Мужчина облачается в халат, приглаживает длинные темные волосы, потягивается и раздвигает тяжелые шторы. В душную комнату льется ночная прохлада.

— Женщины, — с презрением цедит он. — Они чересчур мягкие и бесформенные. Как тряпье. И стремятся превратить в тряпки всех, с кем имеют дело. Отец тоже размяк из-за матери, за что и поплатился. Женщины... Они вызывают желание мять, скручивать, придавать форму, твердость. Жаль, у некоторых слишком хрупкие кости.

Он обходит кресло, в котором сидит Брендон, кладет руки ему на плечи, склоняется, почти касаясь виска губами, и шепчет:

— С тобой я так никогда не поступлю, ангел мой.

Брендон поднимает руку и гладит Байрона Баллантайна по щеке. Его глаза все так же закрыты, на лице — тень равнодушия.

Иногда днем, когда Байрон заседает в сенате, Брендон уходит бродить по городскому парку. Нынешний Нью-Кройдон — самый безопасный и чистый город в мире. Здесь нет ни одного бродяги или попрошайки, а шанс наткнуться на грабителя среди ночи стремится к нулю. Порядок в городе обеспечивается громадной армией полицейских. Большая часть из них — механические.

Городом правят закон и порядок, говорит Байрон. Это не так. Нью-Кройдоном вот уже восемь лет правит страх. С тех самых пор, как сменивший во главе кукольной империи Алистера сын жестоко подавил бунт против механических работников. Кукол из зачинщиков беспорядков он создавал собственноручно. И далеко не все эти люди были мертвы к моменту переделки.

Теперь, отчаявшись выбить кукол со своих рабочих мест, люди хватаются за любую вакансию, требующую большего, чем могут механизмы. Нью-Кройдон расцветает обновленными фасадами, фонтанами, новыми зданиями трех вокзалов, линиями монорельса-надземки. Становятся популярными изделия ручной работы, ремесленникам нет отбоя от учеников. В Нью-Кройдон охотно едут туристы и любители приморского отдыха. И никто из приезжих не задумывается, что стоит за всем этим лоском.

Фабрика Баллантайна получает заказ за заказом. Встает проблема: неоткуда взять столько мертвых тел. По просьбе Байрона собирается совет Нью-Кройдона, результат долгих дискуссий — ужесточение меры наказания преступникам. Число приговоренных к смерти или к «принудительной механизации» растет. Но и это не решает проблему, и Байрон переходит на создание полностью механических кукол. Брендон работает над усовершенствованием «аппарата восприятия»: программирует кукольные души, проводит месяцы над созданием перфокарт. С преподавания амслена его снял еще Алистер, направив деятельность Брендона в иное русло.

«Работай, компаньон. Это единственный способ сохранить видимость того, что ты нужен», — сказал Алистер. Он надеялся, что в делах Брендон забудет Абби.

Брендон помнит. Вот уже тридцать первый год помнит все, как будто это случилось вчера. Ему проще забыть собственное имя.

Он опускается в траву на берегу Фармингтона и смотрит на детей, играющих в бадминтон с гувернантками. Волан легко порхает от ракетки к ракетке — быстрый и светлый, как электрическая искра. Рядом носится рыжий спаниель, лает весело. Брендон

срывает травинку, пробует стебелек на вкус. И замечает заинтересованный взгляд юной девушки, сидящей на скамье с книгой. Брендон отвечает ей легким наклоном головы и вежливой улыбкой. Пока на нем перчатки и шейный платок, никто не видит в нем куклу. В такие моменты можно позволить себе побыть просто молодым человеком лет двадцати, среднего роста, подтянутым, с серыми глазами и светло-русыми волосами.

Девушка мгновенно краснеет и смущенно утыкается в книгу. Брендон тоже отворачивается, пряча улыбку. Он научился ценить такие мгновения. Их в его жизни очень мало.

Брендону нравится быть просто прохожим. Человеком из толпы. Человеком. Нравится ходить на вокзал, изучать расписание поездов, вдыхать запах креозота. Смотреть на провожающих и встречающих. Сидеть в зале ожидания и читать утреннюю газету. Ему нравится бродить по центральным улицам, слушать веселую болтовню городских кумушек, наблюдать за тем, как меняется мода, растут дети. Для Брендона теперь время течет по-другому. Он живет от прогулки к прогулке. Раз в неделю, иногда раз в месяц он позволяет себе насладиться иллюзией самостоятельности.

Когда Байрон дома, Брендон вынужден находиться рядом с ним постоянно. Сыну Алистера Баллантайна опасно перечить. Металлические суставы Брендона отлично проводят электрический ток, а плоть по-прежнему чувствительна к боли.

— Ангел мой, у меня прекрасные новости!

Брендон подходит к Байрону и поправляет выбившиеся из-под хирургической шапочки длинные темные пряди. Байрон откладывает ранорасширитель в сторону, берет пилу для ампутаций и снова склоняется над распростертым на мраморном столе телом. Кажется, это была женщина.

— Ты слушаешь меня, конечно? Так вот. Император заказал мне механическую армию. Десять тысяч солдат, Брендон!

В цинковый таз на полу падают ошметки плоти. Брендон старается смотреть в стену перед собой. Сколько лет уже он присутствует при работе Байрона, а привыкнуть никак не может.

— Душа моя, что-то ты неважно выглядишь, — хмурится Байрон. — Ты же так сладко спал ночью, что с тобой?

Он кладет пилу на стол, снимает резиновую перчатку и гладит Брендона по щеке. От трупного запаха Брендона мутит, он судорожно сглатывает.

«Байрон, мне тяжело здесь», — жестикулирует он.

— Бедняга. Напоминает о том, каким ты был, да?

Брендон молчит, смотрит в стену. Байрон отступает в сторону, делает приглашающий жест:

— Иди сюда, ангел мой. Я расскажу тебе, что именно делала моя бабка с твоим телом. Встань рядом, я сказал! Смотри сюда! — Его тон резко меняется на спокойный и повествовательный: — Начнем с брюшной полости...

Три часа спустя Брендону разрешено покинуть лабораторию. Он медленно поднимается на второй этаж и не может отделаться от ощущения, что он сам только что поднялся с залитого кровью мраморного стола. Выпотрошенный, пустой, мертвее мертвого.

Раньше он говорил Байрону, что ему не нравится, что тот творит. Байрон улыбался,

обнимал его и произносил покаянно, как в детстве: «Прости меня, мой ангел. Я больше так не буду». Баллантайну эти спектакли доставляли удовольствие. Прошло несколько лет, и вместо лживых извинений Брендон начал получать язвительные упреки в трусости. «Ангел мой, а не из бабской ли плоти тебя собрала Кэрол?»

Брендон запирает дверь в своей комнате, сдирает с себя одежду. Трупный запах мерещится ему всюду, от него хочется пятиться, бить себя по лицу, стараясь избавиться, как от морока. Брендон распахивает окно, задевает кипу листов, лежащую на подоконнике. Ветер врывается в комнату, швыряет в лицо исчерканные страницы с формулами и схемами. В воздухе наконец-то появляется другой запах: будет дождь.

Собрав листы, Брендон надевает резиновые перчатки, берет кувшин и осторожно умывается. Алистер заменил его железные суставы нержавеющей сталью еще д

вадцать лет назад, но привычку беречь себя от влаги Брендон так и не поборол. Он набирает немного воды в рот — просто для того, чтобы помнить ее вкус; сплевывает. Набросив домашний халат, он ложится на жесткий диван. Сон не идет, но хочется забыться хоть ненадолго.

Он думает о Байроне. Пытается понять, как случилось, что из баловня и любимца родителей выросло чудовище. Хочет вспомнить тот момент, когда в характере любознательного и способного к естественным наукам мальчишки прорезались первые ростки жестокости.

Вспоминается иное.

Букет желтых ирисов в высоком стакане на столе. Теплые руки Абби, касающиеся его лица. Ее неторопливые движения, танец пальцев: «Б-р-е-н-д-о-н. Вот так твое имя будет на амслене. Назови теперь ты меня». Капли воды, сверкающие на плаще в свете фонарей. Абби — вот она, совсем близко — только протянуть руку и коснуться, ну не спеши же... «Не надо. Меня не поймут».

Брендон качает головой, отгоняя воспоминания. Сегодня они не успокаивают, а наоборот — будоражат, поднимают внутри волну холодного протеста. Нельзя. Байрон обязательно почувствует.

«Ты же любишь меня, мой ангел? А любящий не измышляет зла любимому. Это предательство. За такое наказывают».

Брендон со вздохом встает, закрывает окно и садится за массивный письменный стол. Поздно вечером, в прохладе работать немного легче. Брендон кладет перед собой стопку перфокарт и тетрадь со своими записями. Работа над программами для механических солдат империи возобновляется.

Ночью в дверном замке тихо щелкает ключ, в комнату входит Байрон. Смотрит на уснувшего прямо за столом Брендона, и тень улыбки трогает его узкие губы. Байрон укутывает Брендона снятым с кресла пледом, приоткрывает окно и уходит, погасив в комнате свет.

Раут в честь восьмидесятилетия мэра. Фонтан, бьющий дорогим вином. Механические певчие птицы, неотличимые от настоящих. Шелест бальных платьев, блеск драгоценностей. Мужчины в смокингах, обсуждающие дела у огромного макета Нью-Кройдона. Невзрачные механические официанты с одинаково приветливыми лицами, снующие среди гостей.

Брендон играет в покер с внучкой мэра, Эрикой, племянником лорда Крейтона

Саймоном и виконтессой Амалией Дальгрэн. Брендону везет вот уже по третьему разу, и он чуть заметно улыбается. Юная Эрика кокетничает с полноватым Саймоном. Виконтесса смотрит на Брендона с неприкрытым обожанием. Ходят слухи, что Амалия проглотила толченый изумруд для того, чтобы сенатор Баллантайн сохранил ее тело в расцвете красоты. Поговаривают также о невероятном сексуальном аппетите виконтессы. Как бы оно ни было на самом деле, Брендон равнодушен к ее красноречивым взглядам. К себе подобным он не испытывает ни малейшего влечения.

Саймон сморкается в батистовый носовой платок и небрежно бросает его на пол. Механический слуга тут же убирает за ним.

— А скажи нам, любезный Брендон, — начинает Саймон, слегка гундося. — Не собирается ли жениться наш многоуважаемый сенатор?

Брендон вспоминает игрища в спальне Байрона и отрицательно качает головой.

— Пора бы ему подумать о наследнике, — продолжает Саймон. — Обидно будет, если империя Баллантайнов не достанется никому. Вот я как раз озабочен поиском второй половины.

Услышав эти слова, внучка мэра нежно рдеет щеками.

— Пока ты азартно шарить под юбками, дорогой Саймон, сенатор Баллантайн трудится на благо империи, — отпускает ехидное замечание подошедший Байрон. Он заглядывает Брендону через плечо и громко объявляет: — Фул-хаус, господа!

Брендон кладет карты на стол, вежливо улыбается игрокам, отвешивает легкий поклон Амалии и уходит с Байроном. Они идут через танцевальный зал, через сиреневую гостиную, через холл третьего этажа. Байрон слегка касается левой рукой спины Брендона и рассказывает вполголоса:

— Ангел мой, тебя пожелал видеть наш заказчик. Сэр Уильям Раттлер, верховный главнокомандующий. Правая рука императора. Поторопись, ну!

Сэру Уильяму за пятьдесят. У него аккуратно подстриженные седые волосы, военная выправка, тяжелая поступь и взгляд сытого хищника. Он дожидается возвращения Байрона Баллантайна, рассматривая неторопливых тропических рыб в огромном аквариуме.

— Господин верховный главнокомандующий, — окликает его Байрон.

— Быстро вы, мистер Баллантайн. — Голос главнокомандующего спокоен и размерен, как рокот прибора. — Это и есть тот самый ваш помощник?

— Да, сэр. Это и есть мой Брендон.

Главнокомандующий долго и пристально смотрит Брендону в лицо. Под таким взглядом становится неудобно. Брендон чувствует себя подопытным в психологическом эксперименте.

— М-да, — разочарованно выдыхает сэр Уильям. — Ожидаешь талантливого программиста, а тебе являют сопливого юнца.

Брендон замечает, как напрягается Байрон. Похоже, слова главнокомандующего задевают его куда сильнее, чем Брендона.

«Мне восемьдесят девять лет, сэр», — говорит он на амслене. Лицо главнокомандующего вытягивается.

— Это что — розыгрыш? Ты кукла, парень?

Брендон сдержанно кивает.

— Быть такого не может. Самой старой кукле... — Он смотрит в потолок, припоминая, щелкает пальцами.

«Не больше сорока семи», — уточняет Брендон.

— Около сорока семи лет, сэр, — с улыбкой переводит Байрон. И добавляет: — Брендон был и остается первым среди них.

Главнокомандующий удивлен. Он приглашает Брендона присесть в кресло напротив, потом долго подбирает слова.

— Я не ожидал. Я и подумать не мог, что ваш программист, Байрон, окажется куклой. Да и с виду он м-м-м... не похож. Совершенно. Но какой талант! Все твои программы работают идеально. Где ты учился, парень?

«Я самоучка. Программирование осваивал, когда мы работали вместе с Алистером Баллантайном, покойным отцом мистера Байрона».

Байрон открывает рот, чтобы перевести, но главнокомандующий машет на него рукой.

— Не надо, мистер Баллантайн. Я знаю амслен не хуже вас. — Он снова поворачивается к Брендону: — Значит, восемьдесят девять... Расскажи-ка мне о себе поподробнее, парень.

Брендон растерянно пожимает плечами. Он уже и не помнит, когда его просили о подобном.

«Я не знаю, что может заинтересовать вас в моей биографии. Родился в Нью-Кройдоне, жил тут же, здесь же учился на юриста, женился. С перерождения постоянно нахожусь в доме семьи Баллантайн».

Сэр Уильям долго ждет, когда Брендон продолжит, но тот молчит. Главнокомандующий поглаживает чисто выбритый подбородок, смотрит в сторону.

— Вот что... Сенатор Баллантайн, вы не оставите нас на пару минут? Или нет. Скорее, мы вас покинем. С вашего позволения. Пойдем, Брендон.

Он выходит в холл, Брендон следует за ним. В дверях Брендон оборачивается и встречается взглядом с Байроном. Сенатор Баллантайн в этот момент похож на ребенка, у которого выманили игрушку.

Они стоят у входа в танцевальный зал, отступив в тень, и Уильям Раттлер негромко рассказывает Брендону:

— Она моя младшая. Поздний ребенок, слабый, любимый. Я был против ее брака, как чувствовал. Надо было оставить ее при нас, но начались «я его люблю», истерики, протесты. И через год ей рожать. Пытались справиться втроем с мужем и акушеркой, долго не посылали за врачом. Она истекла кровью. Если бы мне сказали раньше... На пару часов! Был бы шанс.

Брендон долго смотрит в одну точку, потом спрашивает:

«Кто ее возвращал? Когда?»

— Сенатор Баллантайн, два года назад.

«Она проходила программу адаптации? Училась общению?»

— Нет. Амсленом с ней занималась мать, но дочь очень неохотно общается.

Со своего места Брендон видит только спинку кресла, уложенные в высокую прическу темные волосы и наброшенный на плечи сиреневый шифоновый шарф. Шею скрывает глухое кольцо, больше похожее на ошейник.

— Попробуй. Вдруг ты знаешь о ней что-то, чего не знаем мы. — Верховный главнокомандующий поворачивается к Брендону, смотрит на него с надеждой. — Я не поверил в то, что ты кукла, потому что ни в одном из перерожденных нет того, что есть в тебе. Нет искры жизни.

Брендон пожимает плечами. «Искра жизни, — думает он. — Она есть в каждом. Но не всем дано желание противостоять».

«Что она любила раньше?»

— Она божественно танцевала.

Секунда на раздумье.

«Сэр, попросите музыкантов сыграть либертанго».

Легкий поклон — и Брендон переступает порог танцевального зала. Подходит к сидящей в кресле девушке. Чуть касается руки в длинных черных перчатках. Девушка поднимает голову и смотрит на него без малейшего интереса.

«Долорес, позвольте пригласить вас на танец».

Короткий жест: «Нет». Брендон не собирается отступать.

«Я прошу только один танец. И клянусь, я вас более не побеспокою».

«Нет».

«Мне надо показать вам нечто очень важное. Для вас, Долорес».

Она колеблется. Брендон осторожно тянет ее из кресла. И она идет с ним — не из любопытства, а покоровшись чужой воле.

— Танго, — говорит Брендон одними губами.

Долорес Раттлер едва заметно кивает.

Танго подхватывает их мгновенно, окутывает жаркой волной. «Читай по губам, — просит Брендон. — Смотри на меня. Слушай музыку».

Шаг — и, подчиняясь движению партнера, девушка идет следом. Шаг, еще шаг, поворот. Руки вторят губам: иди, доверяй, отрешись. Есть только музыка и цепочка шагов до следующего поворота, от которого могла бы закружиться голова, но руки держат, а музыка ведет.

Двоих. Вместе.

Дышать в унисон, поддерживать, направляя, подчиняя своим рукам. Почти касаясь губами щеки, плавно вести по залу, кружа в водовороте настоящей страсти, то отпуская, то резко привлекая к себе. Замри, Долорес, видишь — тело помнит все твои желания. Стань ближе. Доверься. Смотри, Долорес, — кружится потолок, сияют огни. Вспомни, Долорес. Что было дорого тебе — по-прежнему с тобой. Проснись, Долорес! Ты можешь танцевать. Ты чувствуешь ритм, ты помнишь этот танец, ты можешь... Танцуй. Улыбайся. Отталкивай меня. Борись. Живи.

— Мы. Не. Мертвые.

Кружится в центре зала юная пара. Бледная тоненькая девушка в летящем сиреневом платье и светловолосый юноша в строгом костюме с воротником-стойкой. Движения их потрясающе синхронны, сочетанию ленивой грации и жара страсти удивляются даже хорошие танцоры. Глаза юноши сияют, на губах девушки расцветает улыбка. Затаив дыхание, элита Нью-Кройдона наблюдает, как танцуют танго две механические куклы. Танцуют на зависть живым. Танцуют в свое удовольствие.

Байрон Баллантайн тоже смотрит. И с каждой секундой мрачнеет все сильнее. Как только смолкает музыка, он поворачивается и уходит. Весь оставшийся вечер он играет в преферанс с аристократией и изо всех сил гонит прочь из памяти взгляд Брендона, обращенный к дочери верховного главнокомандующего.

«Виктория, уезжайте...»

Она не смотрит на Брендона. Сидит на корточках, подобрав к коленям подол траурного платья, и поправляет цветы, посаженные на могиле. К пальцам прилипла грязь, тонкие стебли неразлучника льнут к теплым ладоням. Густые, остриженные до середины щек каштановые волосы перебирает слабый ветерок. Жарко.

Виктория может сидеть на солнцепеке часами. Молча, поглаживая мраморное надгробие или перебирая комочки земли. Брендону кажется, что под ее руками земля на могиле Алистера становится пуховым одеялом.

Он склоняется над женщиной, вежливо касается ладонью плеча.

— Да-да, — поспешно, словно оправдываясь, выдыхает Виктория. — Иду, Брендон.

Шелестит черная тафта юбки, играет на солнце отблесками. Миссис Баллантайн встает, поправляет платье, и Брендон снова жестикулирует, глядя ей в глаза:

«Уезжайте, Виктория».

— Ну куда я отсюда уеду? — у нее тон матери, разговаривающей с ребенком. — Тут мой дом, семья...

«Виктория, уезжайте на материк. Вы погибнете здесь».

Она не знает, что с того дня Брендон готовит еду для нее сам. Или пробует все, что приготовлено не им. Он боится. Он точно знает, от чего умер Алистер, но не может ничего доказать. И знает, что Байрон не станет делить свой трон ни с кем.

«Уезжайте. Он убьет вас, Виктория».

Она качает головой, опускает темную вуаль.

— Он мой сын, Брендон. И немного твой тоже. Кто растил его, пока Алистер был в разъездах? Но ты же его не боишься?

Брендон не отвечает. Чего бояться за себя, когда ты уже мертв?

Они медленно возвращаются к автомобилю, водитель открывает дверцу перед Викторией. Она садится, зовет к себе Брендона.

— Будь рядом. Мне так спокойнее. Ничего не случится.

Через неделю Брендон находит в ее завтраке ртуть.

«Виктория, уезжайте!!!»

Она напугана, но быстро берет себя в руки.

— Нет-нет, я поговорю с сыном, я заставлю его объясниться... Это же мой сын, мой мальчик.

Байрон поднимает ее на смех и доводит до слез. А вечером вызывает на разговор тет-а-тет Брендона.

— Ангел мой, зачем тебе матушкины лакомства? — Голос мягок, глаза смеются. — Если хочешь сладкого — просто скажи мне. Я когда-нибудь отказывал тебе в удовольствиях?

Неделю Брендона никто не видит в доме Баллантайнов. Потом он возвращается — сильно хромающий на левую ногу, еще более бледный, чем обычно. Виктория в ужасе. За обедом она гневно требует от сына объяснений. Байрон спокойно доедает бифштекс и отвечает:

— Куклы на то и куклы, чтобы в них играли. И если ими долго не пользуются, они забывают, для чего предназначены. Пусть знает свое место.

Она забирает Брендона на автомобильную прогулку, пытается разговорить его, узнать, что произошло. В ответ получает только одно:

«Виктория, уезжайте...»

— Я не поеду без тебя. Я тебя здесь не оставлю! — плачет она, уткнувшись ему в грудь. От маленькой, замаскированной под шрам дверцы топки исходит почти живое тепло.

«Уезжайте. Он отравит вас. Или подстроит несчастный случай. Со мной он не сделает ничего плохого», — убеждает ее Брендон.

— Я тебя увезу. Вчера я заказала документы на твое имя. Ты единственный в своем роде, у кого будут все бумаги, необходимые гражданину.

Брендон грустно качает головой.

«Я не смогу уехать. Есть три вещи, которые я никогда не сделаю. И не потому, что не захочу. Вы же знаете, что нас создают не только с помощью механики, Виктория. Вуду никогда не даст мне уйти от Баллантайнов, причинить им вред или убить себя. Я свободен в своих действиях ровно до того момента, пока кто-то из рода Баллантайн не отдаст мне приказ».

Виктория растеряна. Она вытирает слезы и быстро-быстро хлопает ресницами. Брендон улыбается одними губами и пытается ее ободрить:

«Не бойтесь за меня. Я крепкий. Я почти железный. Пожалуйста, уезжайте. С Байроном я все улажу. И я почувствую себя гораздо спокойнее, если буду знать, что вы в безопасности».

— Он же тебя доломает, Брендон...

Он беззвучно смеется.

«Нет, он этого не сделает. Но если вы останетесь, он будет ломать нас обоих. С двойным удовольствием. Лишите Байрона зрителей — и спектакль, который он разыгрывает, потеряет смысл».

Виктория провожает взглядом проплывающий над парком дирижабль и молчит. Брендон осторожно приподнимает ее вуаль, смотрит ей прямо в глаза и уверенно артикулирует:

«Уезжайте. Так вы спасете нас обоих».

— Чему ты улыбаешься? — в бешенстве орет Байрон. — Чему ты радуешься, тварь лживая?

Брендон сгибает колени, подается вперед, опираясь на носки и обвисая в цепях. Не касаться спиной стены — и можно снова улыбаться. Пройден тот порог, когда тело прекращает реагировать на боль, когда перестаешь с ужасом ждать следующего действия человека, чьей воле подчиняется целый город. Человека, у которого есть над тобой власть, но нет сил убить в тебе желание улыбаться.

Байрон мечется по лаборатории, как раненый хищник. Летят на пол фолианты в ветхих переплетах, с жалобным хрустом гибнет под сапогами тонкое стекло.

— Как ты смеешь так поступать со мной? Ты, мертвяк, существующий лишь благодаря мне!

Губы Брендона бесшумно двигаются, тщательно артикулируя: «Не тебе». Он думает о Кэрол, эгоистичной и так страшно любившей, что отняла его у смерти. Он думает об Алистере, подарившем ему третье рождение. Об Абби, что вдохнула в него жизнь. О Виктории, от которой каждый месяц приходит по письму из разных уголков мира вот уже одиннадцатый год подряд. О дочери верховного главнокомандующего, которая на глазах у всех перестала быть бездушным предметом. Брендон думает о них и медленно соскальзывает

в водоворот беспамятства. Тяжелеют веки, гаснут звуки, отдаляется лаборатория с ее атмосферой боли и безысходности. Отпускает...

Байрон оборачивается на лязг натянувшихся цепей и смолкает на полуслове. Он смотрит на Брендона и вдруг отчетливо понимает, что ни пытки, ни тайные знания и ритуалы, ни угрозы не смогут его подчинить. И нет у Байрона в руках той нити, за которую стоит дернуть — и кукла твоя.

Потому что этой нити вообще не существует.

За сенатором Баллантайном с грохотом захлопывается дверь. В каменных коридорах, соединяющих дом и лабораторию, долго не смолкает эхо его тяжелой поступи.

Среди ночи за Бренденом приходят двое телохранителей Байрона, снимают его с цепей и переносят в кабинет на втором этаже особняка Баллантайнов. Брендон спит тяжелым, глубоким сном и не слышит, как до рассвета в покоях Байрона исходит криком молодая женщина. Ей некому помочь: слуги в этом доме давно привыкли к подобным вещам.

Утром Байрон Баллантайн приходит в комнату Брендона. Он садится рядом со спящим на жесткий, неудобный диван и касается кончиками пальцев бледного лба перерожденного. От Байрона отчетливо пахнет потом и кровью, под глазами лежат темные тени, лицо печально.

— Прости меня, — шепчет он хрипло. — Прости меня, мой ангел.

Брендон отодвигается ближе к стене, не открывая глаз. Байрон ложится рядом с ним, обнимает одной рукой, с силой прижимает к себе, целует в висок, в сомкнутые губы.

— Прости, — шепчет он покаянно. — Это ревность. Слепая, больная ревность. Я все исправлю, мой ангел. Только не покидай меня, не отворачивайся от меня...

Солнце лениво играет бликами на гранях хрустальной вазы на столе. Брендон думает о танго и каплях дождя на плаще Абби. Это его спасение, его сокровища, отнять которые не в силах никто на свете.

Газетные заголовки пестрят сводками с фронтов. Материк раздирает очередная война. Письма от Виктории идут дольше, но содержание их по-прежнему спокойно. Брендон надеется, что маленькую страну, в которой Алистер Баллантайн купил старый замок в горах, война обойдет стороной.

Империя поддерживает войска союзника, поставляя на фронт механических солдат. По приказу императора каждая кукла Нью-Кройдона, имеющая мужской пол, — военнообязанная. Брендон не исключение. Под рубахой на цепочке висит стальная пластина с номером семь-два-восемь-пять. В любой момент в доме Баллантайнов может раздаться телефонный звонок, после которого...

— Ты никуда не пойдешь, мой ангел. — Байрон говорит настолько уверенно, будто он — верховный главнокомандующий. — Если императору угодно, пусть делает пушечное мясо из членов своей семьи. Ты останешься в Нью-Кройдоне. Со мной.

Байрон Баллантайн — самый влиятельный человек Нью-Кройдона. Неофициально. Не грядут выборы мэра, и Байрон уверен в своем успехе.

— Я могу купить этот город с потрохами. Брендон, неужели у меня не хватит денег, чтобы не отдавать тебя на фронт?

Брендон слегка кивает, не отрываясь от чтения газеты. С одной стороны, кому хочется на войну? А с другой — ему все равно, погибать ли под траками танков или оставаться

любимой забавой Байрона. И то и другое одинаково тошнотворно.

— Через неделю открывается новая фабрика в Нортонхилле. Надеюсь, ее производительности хватит, чтобы выкупить тебя у государства.

Байрон самодовольно улыбается и кидает в Брендона виноградиной. Ягода не долетает, катится по полу маленьким лиловым мышонком.

— Отвлекись ты от этой белиберды, ангел мой! Все, о чем они пишут, далеко и несущественно. Мы вне их игр. Мы над ними.

Брендон складывает газету, встает из кресла и прохаживается по кабинету. Байрон сидит за его столом, закинув ноги в дорогих ботинках на разбросанные по столешнице записки, схемы и перфокарты.

«Ты меня удивляешь, — обращается к нему Брендон. — Тебе сорок пять, ты нажил громадное состояние, делаешь успехи в политике. Но черт тебя возьми, Байрон, когда ты научишься ценить хоть что-то кроме денег? Там люди гибнут, горят города, а ты думаешь лишь о том, сколько будет стоить вольная для твоей куклы».

— Я мыслю масштабнее. Я спасаю лучшего программиста императорской армии, — иронично отвечает Байрон. — Служу отечеству, так сказать.

Заходит дворецкий с чашкой чая и плиткой горького шоколада на подносе. Ставит их на стол рядом с Баллантайном, кланяется и удаляется. Брендон смотрит ему вслед и морщится: обилие в доме смазливых юнцов с кроткими глазами его раздражает. Но что ж поделать, Байрону не нравится женское общество.

«Скажи, кому ты оставишь свою империю? Не пора ли подумать о наследнике?»

— Как вы мне все надоели с этим наследником! — раздраженно отмахивается Байрон. — Надо будет — ты займешь мое место. Или я стану жить вечно. Только отстаньте от меня со своей моралью!

Вечером — очередной банкет в честь крестин чьего-то внука, и снова Байрон — в центре внимания. Одетый с иголочки, холеный, подтянутый, он не знает отбоя от молодых хорошеньких женщин. Каждая знатная семья Нью-Кройдона мечтает породниться с Баллантайнами. Только Байрону этого не нужно.

— Ах, мистер Баллантайн, расскажите нам о вашем новом проекте! — щебечет блондиночка лет восемнадцати, кокетливо поправляя медальон на груди.

— Сэр, это правда, что ваши новые куклы смогут управлять паровым самолетом? — вопрошает ее подруга — темноволосая пышногрудая красавица, утянутая в кожаный корсет.

— Сенатор Баллантайн, а на вашей фабрике можно заказать для себя механическую лошадь? — улыбается третья претендентка на руку и сердце.

Байрон зевает, прикрывая рот платком. Ему откровенно скучно.

— Дамы, отвечу всем и сразу. Масштаб и подробности нового проекта юным леди не по уму. Куклы не настолько тупы, чтобы не справиться с управлением самолетом. И механическая лошадь плохо приспособлена для любовных утех. Найдите себе кавалеров, они растолкуют вам подробнее. Прошу меня извинить.

Легкий поклон — и Байрон удаляется от стайки девушек в сторону бильярдной. Юные прелестницы густо краснеют и хихикают. Они настолько глупы, что неприкрытое хамство воспринимают как тонкий юмор.

— Брендон, а вы потанцуете со мной? — Блондинка взирает на Брендона как на последнюю надежду.

Он разводит руками. Конечно, мисс, с превеликим удовольствием. Брендон подает

девушке руку, увлекает ее в зал и кружит под звуки вальса. Блондиночка нежно рдеет, глаза ее сияют. Для нее Брендон — легенда: вечно юный, молчаливый, окутанный флером таинственности. Она же для него — очередная девушка, попросившая о танце на очередном светском рауте.

Смолкает музыка, Брендон коротко кланяется блондинке, провожает ее к подругам и идет искать Байрона в бильярдную. Там вовсю обсуждается возможность продажи технологии изготовления перерожденных за границу. Байрон привычно отшучивается, что мозги иностранцев невосприимчивы к оккультным знаниям, а толковых механиков кругом хватает.

— Зачем нам утечка прибыльных технологий из страны? — белозубо улыбается Байрон. — Кто не в состоянии выращивать виноград, покупает вино у винодела. Хороший винодел всегда востребован. А при попытке воровать чужое можно получить дробью в задницу и судебный иск. Не так ли, господа?

Конечно же, с ним соглашаются. И вдруг кто-то спрашивает:

— Сенатор Баллантайн, а вы поддерживаете отношения с вашей дочерью?

Лицо Байрона каменеет.

— Простите?.. — переспрашивает он, чеканя слоги.

— Ну... Поговаривают, что у вас есть внебрачный ребенок.

Богема Нью-Кройдона расступается, пропуская вперед долговязого хлыща с неприятным цепким взглядом. Байрон ставит на бильярдный стол бокал с недопитым коньяком и цедит сквозь зубы:

— Кто вы такой?

— Я Ричард Сомс, эсквайр и независимый журналист, — бодро рапортует долговязый, обрадованный вниманием.

— Кто дал вам право приносить в приличное общество грязные слухи? — Слова Байрона звучат как приговор судьи.

Молодчик нагло пожимает плечами.

— Я привык говорить то, что думаю.

— Плохое качество для человека, желающего произвести впечатление умного.

— Все лучше, чем компрометировать себя подобным образом, сенатор.

— Мой вам совет, эсквайр: катитесь отсюда к чертовой матери прямо сейчас. Хотите делать карьеру журналиста на грязных сенсациях? Тренируйтесь подглядывать за женой мясника, живущего через дорогу. Возможно, она согласится лишиться вас девственности за ваш компромат.

Слова Байрона вызывают взрыв хохота у собравшихся, и ответ Сомса слышат только сам Баллантайн и стоящий за его левым плечом Брендон:

— Шлюхи в этом городе доступны не только вам, сенатор. И не всех женщин, которых вы истязаете в своем доме, потом собирают по кускам, выловленным из Северна. Некоторые, к вашему сожалению, выживают.

Байрон мечется по дому, как одержимый, оставляя за собой груды осколков старинных ваз и круша о стены стулья. Слуги в ужасе попрятались, мажордом лелеет выбитую челюсть. Один Брендон относительно спокоен среди этого хаоса. Он сидит в своем кабинете и делает вид, что поглощен расчетами для очередного проекта. На самом деле он просто ждет.

Когда стихает грохот, Байрон сам появляется на пороге кабинета. Раскрасневшийся, всклокоченный, но уже не опасный.

— Я засужу эту скотину! — восклицает он.

Брендон одобрительно кивает.

«Успокойся. Ты отлично держался на людях. Не давай им повода усомниться в том, что этот жалкий идиот все выдумал».

Байрон устраивается на диване, выдерживает долгую паузу, потом нарушает молчание:

— Похоже, не выдумал. Была у меня любимица, которую я заказывал несколько раз, прежде чем она сбежала. Нельзя исключать, что речь о ее отпрыске. Я уже распорядился с утра привезти ко мне ее сутенера. — Байрон перехватывает настороженный взгляд Брендона и добавляет: — Никакого насилия. Я лишь наведу о ней справки.

«В моем присутствии», — настаивает Брендон.

Байрон думает о чем-то своем и не отвечает.

Утром в вестибюле дома Баллантайнов объявляется сутенер. Он испуган, помят, с мольбой в глазах смотрит на телохранителя сенатора. Байрон встречает его как родного:

— О! Генри, дорогой! Что-то ты постарел. Поистрепался по своим девочкам?

— Время, мистер Баллантайн. Оно только к вам благосклонно, — лебезит сутенер. — Прекрасно выглядите.

— Веду здоровый образ жизни, — улыбается Байрон и делает приглашающий жест в сторону парадной лестницы: — Прошу. Поговорить надо.

— Мистер Баллантайн, я очень тороплюсь, сэр...

Байрон разочарованно качает головой.

— Я не думал, что ты такой трус, Генри. Хорошо, раз ты предпочитаешь говорить на пороге, пусть будет по-твоему. Разговор недолгий.

Баллантайн отсылает телохранителя и присаживается на широкий подоконник. Брендон садится на ступеньки лестницы. Сутенер смотрит на них попеременно и теребит белое кашне.

— Скажи мне, дорогой Генри, — неторопливо начинает Байрон. — Здоровы ли мои прежние любимицы? Роксана? Шарлотта?

— Роксана здравствует и ныне, а Шарлотту пять лет как зарезали в подворотне.

— А Джеральдина?

— Ей повезло. Вышла замуж, сэр. У нее три рыжих мальчонки. Все в отца.

— Это хорошо, — Байрон подается вперед. — А как дела у Хлои?

— Она отошла от дел, устроилась...

Байрон хлопает в ладоши. Сутенер вздрагивает и смолкает.

— Bravo, Генри! Какие подробности! А не ты ли говорил мне, что она сбежала?

Сутенер молчит, горбится и комкает шарф.

— А я так переживал, дорогой Генри! Ну как же, моя любимая шлюха — и сбежала! — Байрон театрально воздевает руки. И тут же продолжает спокойно и серьезно: — Адрес, Генри. Если хочешь жить и иметь свой бизнес в этом городе — адрес. Немедленно.

— Фарбиан-стрит... Тридцать шесть... Третий этаж, комната справа, — лепечет сутенер, стремительно бледнея.

Лицо Байрона озаряет счастливая улыбка. Он подходит к Генри, похлопывает его по плечу, сует ему в карман несколько крупных купюр.

— Дорогой Генри, у тебя прекрасная память! Ты уж ее береги и пользуйся ею

аккуратно. Лишнего запоминать не нужно. Ты меня понял?

— Да-да, мистер Баллантайн! — кивает сутенер, пятясь к выходу. — Я вас очень хорошо понял! Я вас всегда прекрасно понимал, правда же?

— Правда, — глухо отвечает Байрон, захлопывая за ним дверь.

С минуту он стоит, опершись ладонями на дверной косяк. Потом поворачивается к Брендону.

— Ангел мой. Могу ли я доверять кому-то больше, чем тебе?

Байрон смотрит ему прямо в глаза, и по выражению его лица Брендон понимает все.

«Нет. Я этого не сделаю», — говорит он.

Сенатор Баллантайн поднимается по ступенькам. Останавливается у балюстрады и небрежно бросает через плечо:

— Сделаешь. Просить тебя я не собираюсь. Это приказ. Иди за мной.

Элизабет

— Дамы и господа, монорельс следует до станции Канви-парк, — объявляет приятный женский голос из динамиков, и вагон, дрогнув, плывет дальше мимо домов.

Пятый час пути с одного края города на другой. Два часа между пересадками с поезда на поезд. Усталый Брендон исподтишка рассматривает попутчиков. Двое молодых мужчин в высоких цилиндрах читают свежие газеты. Полная дама в старомодном чепце комкает в руках черную шаль. Группа из пяти студентов — что-то бурно обсуждают, смеются. Девушка лет семнадцати с этюдником через плечо. Пожилой джентльмен в сопровождении девочки-подростка; они говорят между собой на амслене, и Брендон думает, что девочка — перерожденная. Но подходит кондуктор, спрашивает у них билет, и девочка что-то отвечает, протягивая два маленьких картонных прямоугольника.

Монорельс, покачиваясь, скользит над улицами на уровне третьих этажей, и Брендон успевает увидеть фрагменты чьих-то жизней. Старушку, поливающую цветы на подоконнике. Усамого мужчину, бреющего у окна перед зеркалом. Седого музыканта со скрипкой в длинных тонких руках, играющего на балконе. Кошек и голубей на крышах. Дважды среди облаков мелькает громада дирижабля.

«Выполнишь приказ — немедленно возвращайся, — велел Байрон. И добавил: — Только попробуй не подчиниться. Пытка электричеством покажется тебе лаской, мой ангел».

Поезд останавливается, голос в динамиках объявляет конечную станцию. Юноша в форме рядового императорских войск с ранцем за спиной и винтовкой через плечо покидает вагон последним. Пересекает посадочную платформу, слегка прихрамывая, и исчезает в людском водовороте на Брикс-авеню.

Размеренные шаги гулко отдаются по мостовой, и Брендону кажется, что внутри него стучит сердце города. Гигантское сердце Нью-Кройдона, часть которого — он сам. Город живет. Зеленщик на перекрестке громко хвалит лучший салат и свежайшие яблоки. Куклашвейцар приветливо улыбается, распахивая дверь ресторана перед костлявой дамой в платье с открытой спиной. Мальчишка-сапожник натирает ваксой туфли джентльмена в строгом костюме и насвистывает. Его клиент смотрит на часы и чему-то улыбается.

«Ты это сделаешь, Брендон. Ты же любишь меня. Я в тебе не сомневаюсь».

Стайка детишек на углу Брикс-авеню и Авер-Кросс приманивает голубей хлебными крошками. Сизари опасливо хлопают крыльями, вытягивают шеи, торопливо хватая корм. Мальчуган лет пяти в заношенной кепке то ли отца, то ли старшего брата с воплем прыгает и пытается поймать птицу. Голуби взмывают в небо, дети хохочут. Когда Брендон проходит мимо них, мальчик лет десяти вытягивается в струнку и отдает ему честь.

У Брендона нет сил даже на улыбку. И видеть играющих на улице детей ему больно. Ему безумно хочется повернуть назад, добраться до дома, а там пусть хоть что творит чертов Байрон, лишь бы...

Приказ отдан Баллантайном. И нет возможности уклониться, не выполнить. Такие приказы не обсуждаются.

«Ты сможешь, мой ангел. Моя воля сделает это за тебя. Ты — лишь орудие».

Он проходит вдоль длинного промышленного здания на Уинсор-стрит, видит указатель на Фарбиан-стрит. «Тридцать шестой дом, — услужливо шепчет память. — Третий этаж, комната справа». Грохочет над головой монорельс. «Видно ли ее окно из вагона?» — думает Брендон и отгоняет эту мысль.

Дом номер тридцать шесть похож на сотни других домов Нью-Кройдона. Трехэтажное строение, втиснутое между заводской оградой и лавкой сапожника. Стены, покрашенные грязно-желтым. Горшки с геранью в подвесных ящиках на окнах. На ступеньках подъезда умывается пестрая кошка. Намывает гостей.

Брендон останавливается. Сердце города гремит в висках, голова раскалывается от боли. Ребенок. Там ребенок. Девочка. Уходи, Брендон. Возвращайся к Байрону, и пусть лучше он тебя убьет.

«Ты не можешь меня послушаться, мой ангел. Иди».

Он поднимается по ступенькам, открывает дверь подъезда.

«Пожалуйста, пусть их не будет дома! Господи, если ты есть — пожалуйста!» — шепчет Брендон одними губами.

Он медленно идет по лестнице на третий этаж, и деревянные ступени едва слышно поскрипывают, пружиня под его ногами. Перед дверью Брендон останавливается. В круглом оконце под крышей сияет солнце, заливая лестничную площадку янтарным закатным светом. Ладонь, обтянутая белой перчаткой, несколько раз бьет по двери.

— Открыто! — откликается звонкий женский голос, и Брендон слышит топот бегущих детских ножек.

Дверь открывается, и сердце города замирает. Брендон делает шаг через порог.

Он помнит женщину, что стоит перед ним. Помнит обращенный к нему умоляющий взгляд. Шелковые шнуры, впившиеся в побелевшую плоть. Лезвие ножа, пляшущее вдоль ребра.

— Кто вы? — удивленно спрашивает Хлоя.

«Бегите...» — беззвучно шепчут губы Брендона.

Она узнаёт его. Отливает от щек краска, зрачки от ужаса становятся огромными, женщина давится собственным криком, отшатывается назад. Туда, где выглядывает из комнаты любопытная кроха, недавно научившаяся ходить. Брендон смотрит на ребенка и видит свою маленькую Фэй. Белое кружевное платьишко; темные кудри выбились из-под легкой летней шапочки. Девочка мусолит кулачок и изучает Брендона синими, как у матери, глазами.

Шаг. Еще шаг. «Бегите же, гос-с-споди!..» Рука тянет с плеча «Ли-Энфильд», Брендон изо всех сил пытается сжать пальцы в кулак. Отчетливо щелкает затвор.

За плечом Брендона мелькает тень, и тут же на затылок обрушивается удар. Короткая вспышка перед глазами — и темнота. Милосердная и глубокая, как омут.

Орет ребенок. Орет обиженно, оглушительно, выводя невыносимые для маленьких легких рулады. Каждый вопль кажется гвоздем, забиваемым в черепную коробку. Брендон морщится и открывает глаза.

Он лежит на полу лицом вниз, руки стянуты в локтях и запястьях за спиной. Щиколотки и колени тоже связаны, потому перевернуться на бок не удастся. Получается только повернуть голову.

Дитя смолкает, привлеченное его возней. Со своего места Брендону видно угол стоящего на полу манежа, в котором возится девочка, и выход в прихожую.

— Раз Бри затихла, значит, чем-то заинтересовалась, — слышит Брендон женский голос, и кто-то заходит в комнату.

Он не видит, кто это, в поле его зрения попадают только стройные голые ноги в разбитых пыльных ботинках. Ботинки останавливаются в нескольких дюймах от лица Брендона.

— Ну что, рядовой номер семь тысяч двести восемьдесят пять, очухался?

Обладательница антикварной обуви переворачивает Брендона на спину, толкая ногой в плечо. Его взгляд автоматически скользит по ее голеньям, коленкам, бедрам. Юбка у дамы настолько пышна и коротка, что Брендон поспешно поднимает глаза к лицу.

И понимает, что перед ним — дочь Байрона Баллантайна.

Ей не больше семнадцати. Русые волосы острижены чуть выше плеч, тонкие руки, украшенные металлическими браслетами, крепко сжимают здоровенную чугунную сковородку. Нос у девчонки чуть вздернутый, мамин, а серые, как сталь, глаза и упрямая линия губ — Байрона. И ухмыляется она как отец — правым углом рта.

— Ма-а-ам! — зовет она, повернувшись к двери. — Иди сюда! Очнулся!

В комнату заходит Хлоя, настороженно смотрит в сторону Брендона и садится на низкий диван рядом с манежем. Дочь Баллантайна присаживается на корточки, откладывает сковородку в сторону и рассматривает Брендона с любопытством.

— А он хорошенький! — хмыкает она и тут же напускает на себя серьезный вид. — Ну что, я говорю, а ты слушаешь и киваешь, соглашаясь?

Брендон соглашается и кивает. Что толку требовать диалога, когда у тебя связаны руки?

— Мама говорит, что ты — отцовский любимчик, да? — Получив утвердительный кивок, она продолжает — нараспев, как отец: — Значит, рядовой, звать тебя Брендон? Так что, сероглазый, будешь разыгрывать дурака и скажешь, что к нам случайно зашел?

Он качает головой. Девушка устраивается рядом с ним по-турецки и продолжает допрос дальше:

— Значит, неслучайно. Что — папаша прислал тебя справиться о мамином здоровье? Я не угадала? Попробую еще раз. — Ее голос звенит от сдерживаемых эмоций, глаза становятся узкими и злыми, как бойницы. — Зачем ты пришел в наш дом с оружием, рядовой? За маленькой Бри? Нет? За мамой? Так значит, я тебе нужна, да?

«Да», — кивает Брендон и тут же получает крепкую, злую пощечину.

— Ну, возьми! На!

Девчонка лупит наотмашь, еще и еще. Вскрикивает, с размаху бьет ногой в бок.

— Элизабет, хватит! — не выдерживает Хлоя. — Достаточно! Прекрати!

Дочь не слышит, и Хлоя срывается с места, хватая ее за руки и тащит от Брендона прочь. Девушка плачет, брыкается, потом обнимает мать и тихо хлопает ей в плечо.

— Он же тебя... и Бри... чуть-чуть бы... Мам...

— Успокойся. Ты успела. Ты пришла вовремя. — Хлоя гладит дочь по голове и смотрит на Брендона с опаской. — Все хорошо, все живы.

Брендон кое-как садится, приваливается к стене. Страшно болит голова, ломит плечи. Он сидит и ждет, пока выплachtet свой страх Элизабет Баллантайн.

— Что будем с ним делать? — спрашивает девчонка у матери, успокоившись.

Хлоя вынимает из манежа малышку, приглаживает ей волосы гребнем.

— Отпускать его нельзя, — отвечает она и умолкает.

Элизабет меряет комнату шагами, потом выходит в прихожую и возвращается с винтовкой.

— Ты что! — испуганно ахает Хлоя. — Если кто услышит выстрелы...

— Мам, — голос девушки звучит укоризненно. — Я ж не дура.

Она подходит к Брендону, перехватывает винтовку поудобнее и заносит руку, метя прикладом в висок. Брендон смотрит ей прямо в глаза.

«Давай. Ну, давай же. Бей», — спокойно говорит он про себя.

Элизабет медлит. Опускает руки. Плюет ему в лицо и выбегает из комнаты.

— Сам сдохнет, когда топливо кончится, — слышит Брендон из прихожей.

Ночь Брендон проводит все в том же углу под окном. Хлоя и Элизабет спят вместе на разобранном диване, малютка Бри сладко сопит между ними. Брендон долго возится, пытаюсь принять более-менее удобную позу, и засыпает лишь к утру. Ему снится, что вагон монорельса везет его по бесконечному коридору и пункт прибытия все не объявляют и не объявляют...

Просыпается он от холода: Элизабет открыла окно. Она ходит по комнате в длинной ночной сорочке и убирает в шкаф постельное белье с дивана. Хлои с малюткой дома нет. Брендон пытается подняться, но тело онемело настолько, что он его совсем не чувствует. Заметив, что он проснулся, Элизабет выходит в соседнюю комнату и возвращается уже в юбке, тонкой белой блузе и кожаном корсете, зашнурованном под грудью.

— Что рыпаешься? — сердито бурчит Элизабет. — Поговорить хочешь? А не о чем нам с тобой разговаривать.

Брендон мотает головой, морщится, показывая, что ему не разговор нужен. Девчонка смотрит на него, что-то прикидывая, затем приносит из прихожей винтовку и нож. Быстро перерезает веревки, стягивающие запястья Брендона, и, отпрыгнув на безопасное расстояние, хватается за винтовку. Брендон беззвучно охает, переживает приступ боли в плечах и, помогая себе руками, садится в углу.

— Отдохнешь, и я тебя опять свяжу.

«Где мать?» — спрашивает Брендон. Плечи ломит, руки плохо слушаются, говорить тяжело.

— Пошла на рынок с Бри. Тебе-то что?

«Когда?» — игнорирует презрительный тон Брендон.

— Вернуться уже должны.

«Элизабет, меня обязательно хватятся. И придут сюда. Скоро. Собери вещи, дождись мать. Бегите отсюда».

— Без тебя догадались, — фыркает она и смотрит в сторону окна: — Вон, идут. Все в порядке.

Внезапно Элизабет меняется в лице. Одновременно с улицы доносится отчаянный детский плач, возбужденные голоса и крик Хлои:

— Пустите-е-е! Люди, помогите же!

— Мамочка... — шепчет Элизабет и, передернув затвор винтовки, бросается к окну.

Брендон понимает, что времени у него нет. Что сейчас девчонка откроет стрельбу по людям Байрона и шансов у нее не останется. Он подкатывается к ней под ноги и резко

дергает на себя. Элизабет падает, роняет оружие, визжит и принимается вырываться. Брендон подминает ее под себя, зажимает рот ладонью. «Нет, нет, нет, — повторяет он, надеясь, что девушка умеет читать по губам. — Молчи. Нет. Не сможешь».

Наконец ему удается прижать ее и отшвырнуть винтовку подальше. Девчонка пускает в ход острые коленки и зубы, дерется, как разъяренная тигрица. Брендон дотягивается до ножа, режет веревку на ногах, и в этот момент Элизабет выворачивается из-под него. Она бежит к входной двери... и останавливается в прихожей, словно налетев на невидимую стену. С лестничной площадки доносятся тяжелые шаги и голоса, в дверь что-то глухо ударяет. Элизабет несется обратно, хватая винтовку, закидывает ее на плечо, одним прыжком взмывает на подоконник. Брендон, не раздумывая, следует за ней. Держась одной рукой за раму, девушка резко отталкивается от подоконника и перелетает на пожарную лестницу в двух футах от окна.

Входная дверь трещит под ударами. Не давая себе времени передумать, Брендон прыгает за Элизабет. Единственное, чего он боится сейчас, — что перепуганная девушка доберется до крыши и столкнет его вниз. Но нет: они оба уже на крыше, несутся к противоположному краю. Жесть гремит под ботинками. На краю Элизабет перекидывает ремень винтовки через припаянный к ограждению металлический трос, уходящий косо вниз, оборачивает ремень вокруг запястий, отталкивается от парапета и прыгает. Брендону приходится надеяться только на свои руки. Секунды скольжения, краткое ощущение полета — и ноги снова стоят на земле. И опять Брендон бежит за улепетывающей девицей.

Она ныряет в один закоулок, другой, перескакивает через горы мусора, перелезает через одно ограждение, другое, третье... Еще один поворот — и Элизабет Баллантайн, с грохотом опрокинув мусорный бак, вылетает на улицу. И натывается на патруль. Полисменам очень интересна растрепанная девушка с «Ли-Энфильдом» через плечо.

— Эй, мисс! — окликает ее один из полицейских.

Элизабет стоит и тяжело дышит. Эта гонка ее вымотала. И, похоже, она ее проиграла.

Брендон, прихрамывая, появляется из переулка, подходит к девушке, бесцеремонно обнимает ее за талию, задирая и без того короткую юбку, и по-хозяйски привлекает к себе. Мягко забирает винтовку, машет полицейским: все в порядке, молодежь развлекается.

— Солдат, шлюхам оружие не доверяй — без яиц оставят! — добродушно гогочет патруль.

Элизабет обмякает, утыкается лбом в его плечо. Брендон ведет ее вниз по улице до ближайшей подворотни. Здесь девушка садится у стены на корточки и с трудом переводит дыхание.

— Что теперь? — безжизненно спрашивает она.

Брендон пожимает плечами.

— Куда забрали маму и Бри?

«Я не знаю».

Элизабет трет глаза тылом кисти, прячет лицо в ладонях.

— Как ты меня убьешь? Задушишь? Сломаешь шею?

Он отступает от нее на шаг, ждет, когда она перестанет прятаться и посмотрит на него.

«Я тебя не трону. Поверь», — говорит он, прекрасно понимая, как глупо выглядят его слова.

— Не тронешь? — переспрашивает она ядовито. — У тебя, рядовой, программу переклинило?

«Я объясню тебе после. Если захочешь. Сейчас нет времени, надо уходить отсюда. И я пойду с тобой».

— С чего это?

Элизабет поднимается, отряхивает юбочку. Страх ушел, теперь с ней можно говорить.

«Если я вернусь, Байрон найдет способ развязать мне язык. Так или иначе, он узнает, где мы с тобой расстались. Это первое. И второе: девушка с винтовкой вызовет куда больше подозрений, чем девушка с винтовкой и молодым человеком. Ты только что видела сама. — Он медлит, думая, стоит ли это говорить, и все же добавляет: — Я не хочу возвращаться».

— Ты мне не нужен, — отрезает Элизабет и решительно направляется на улицу. Брендон следует за ней.

Больше двух часов они пробираются по трущобам и переулкам Нью-Кройдона. Проходные, задние дворы, закоулки, бастионы промзоны мешаются в голове Брендона, как в калейдоскопе. Он понимает, что выбраться из этого лабиринта ему уже не под силу. Элизабет шагает, не оборачиваясь, ее пышная юбка мелькает впереди, как кроличий хвост. Брендон не сомневается в том, что девчонка прекрасно знает, что он идет за ней, но ничего сделать не может. Или не хочет.

Очередной заваленный мусором проулок выводит их на маленькую замусоренную площадь. Она застроена домами так тесно, что кажется, будто ветхие многоэтажные лачуги держатся друг за друга и лишь потому не рассыпаются. Элизабет заходит в один из домов, на пороге все-таки оборачивается. Похоже, пришли.

Дверь им открывает миловидная пампушка лет сорока со смеющимися глазами и плохо покрашенной рыжей копной волос.

— Фанни! — жалобно восклицает Элизабет и бросается даме на шею.

— Что такое, девочка моя? — У дамы приятный, чуть хрипловатый голос. — У тебя неприятности? И кто этот парень?

— Люди сенатора забрали маму и Бри, — всхлипывает девушка. — А должны были меня... А этот... Он со мной.

Фанни смеряет Брендона оценивающим взглядом и вздыхает:

— Заходите. Передохнёте у меня, а я пока подумаю, где вас спрятать.

Выплакавшись, Элизабет Баллантайн засыпает прямо за столом в кухне рыжей Фанни. Хозяйка квартиры смотрит на нее с умилением, потом командует Брендону с нарочитой строгостью:

— Ну, чего ждешь? Или мне ее до кровати нести? Да не бойся, не проснется! С двух рюмок граппы эта девочка будет в отрубе до утра.

Брендон аккуратно подхватывает спящую девушку и переносит в хозяйкину спальню. Там он укладывает ее в постель, разувает, укрывает лоскутным одеялом и тихо возвращается на кухню.

— Давай теперь ты рассказывай, — жуя вот уже четвертый бутерброд, просит Фанни.

Брендон пожимает плечами, показывает Фанни разорванные на ладонях перчатки и жестами просит нитку с иглой.

— Давай сюда, сама зашью, — усмехается хозяйка. — А ты не увиливай, рассказывай. Я и сама поговорить люблю, но сейчас хочу слушать.

Он долго молчит, наблюдая, как снует туда-сюда стальная игла в умелых руках. Потом

все же решается.

«Я не смог ее убить».

Фанни смотрит на него искоса, не отрываясь от штопки.

— Под приказом? — уточняет она.

«Да».

— Мальчик, ты дуришь мне голову, — с укоризной говорит Фанни. — Насколько мне известно, приказа послушаться невозможно. Вы запрограммированы.

«Все так, но к куклам, которые сделаны для семьи, это меньше относится. У фабричных кукол воля подчинена полностью, у частных присутствует. Но вы правы. Противиться приказу крайне сложно».

— Какие тонкости!

«Я сам это программировал по приказу императора».

— Хитер! А для себя оставил лазейку, да?

«Нет. Просто отданный мне приказ пошел вразрез с... Я не могу убить принадлежащего к роду Баллантайн. Так повелось изначально. Судя по всему, Байрон об этом не знал».

Фанни делает грустное лицо и гладит металлическую руку Брендона.

— Сильно тебя корежило, бедняга?

Брендон усмехается одними губами.

«Нет. Элизабет меня сковородой приложила. Пока лежал без сознания, переключение произошло, видимо».

От хохота Фанни дребезжит стакан в подстаканнике.

— Ну, вы и парочка! Ой, не могу!

«Мы не парочка», — отрезает Брендон и отворачивается.

После заката Фанни будит Элизабет:

— Встаем, спящая красавица, приводим себя в порядок — и со мной на выход!

— Куда? — сонно моргает девчонка. — Зачем?

— Камни лучше всего прятать в мостовой, деревья — в лесу! Рядовой, к тебе это тоже относится.

Фанни долго прихорашивается перед старым мутным зеркалом, напевает что-то веселое. Брендон наблюдает за хозяйкой вполглаза и думает, что он катастрофически отвык от женского общества. Элизабет грызет яблоко и мрачно созерцает дыру в носке башмака. Дождавшись Фанни, они втроем выходят из дома, долго петляют по трущобам и наконец оказываются на хорошо освещенной людной улице, где Фанни ловит такси.

— Обливион-стрит, — говорит она, и Брендон вздрагивает, услышав название улицы.

«Абби», — горько усмехается память. Все возвращается.

Элизабет садится рядом с водителем, Фанни и Брендон располагаются сзади. Между ними завязывается диалог на амслене.

«Один из моих хороших друзей — помощник капитана на трансатлантическом лайнере. Можно попробовать устроить девочку туда».

«У меня есть деньги. Скажите, сколько нужно».

«Мальчик, нужно очень много. Слишком много».

«Столько, сколько помещается в ранце, хватит?»

Брендон коротко кивает на перекинутую через плечо сумку и радуется про себя, что успел пошарить на банковском счету, уходя. У Фанни округляются глаза.

«На это можно корабль купить!»

«Не надо корабль. Нужно сделать так, чтобы Элизабет добралась до Гельвеции. Там ее встретят. Я передам письмо».

Автомобиль едет вдоль берега Северна. Начинается знакомый Брендону район. Вот дом, в котором жила Абби. В окне на первом этаже горит свет. Там давным-давно другая семья. И, скорее всего, уже далеко не первая, сменившая тех, кого помнит Брендон. Мелькают огни. В свете электрических фонарей прогуливаются парочки.

— За поворотом останови, — командует Фанни таксисту.

Они выходят возле четырехэтажного особняка с большими окнами. Здание ярко освещено, из раскрытого окна слышен задорный женский смех. У входа стоит высокий перерожденный в ливрее. Швейцар? Вышибала?

— Фанни, ты гений! — оживляется Элизабет.

Она птицей взлетает по ступенькам и исчезает за дверью. Через мгновение Брендон слышит радостные возгласы. Он вопросительно смотрит на Фанни.

— Бордель, — коротко поясняет она и обворожительно улыбается. — Лучший в городе!

Хозяйка борделя — Роксана, статная высокая брюнетка лет пятидесяти, размещает Элизабет и Брендона на четвертом этаже в одной из самых отдаленных комнат.

— Чтобы девочки не мешали вам, а вы — им, — подмигивает Роксана. — И в комнате есть люк, ведущий на чердак. Если у моего старого друга Байрона возникнет желание поискать вас здесь, вам будет где укрыться.

Она придерживает Брендона за локоть и тихо добавляет:

— Если хоть что-то плохое случится в этом заведении, я тебя, ангел мой, собственноручно развинчу на детали. Понял, красавчик?

Брендон резко дергает руку, смотрит на Роксану прямо и зло. «Попробуй», — читается в его взгляде.

Оказавшись в комнате, Элизабет первым делом лезет на чердак.

— Ой, тут здорово! Пыль, все загажено голубями, полно всяких сундуков и сломанных кроватей!

Брендон слышит, как стучат по чердачным доскам разбитые ботинки девчонки, потом она сама свешивается из люка вверх тормашками:

— Значит, так. Я сплю на кровати, а ты — где угодно подальше от меня. Можешь тут, если залезешь.

Брендон не достаивает ее ответом. Он думает о Байроне.

Чего ждать теперь? Люди Баллантайна их с Элизабет не видели. Только слышали, как они удирают. Байрон не знает девушку в лицо — это хорошо. Значит, если их не увидят вдвоем, велика вероятность, что ее не найдут. «Посадить ее на корабль и отправить к Виктории», — думает Брендон. Эта мысль, вернее, возможность ее осуществления, его успокаивает. Фанни обещала договориться на неделе. Значит, надо запастись терпением и ждать.

Могут ли их здесь найти? Вряд ли, если не найдется осведомителя среди здешних завсегдатаев. Судя по всему, Элизабет тут знают, и это немного беспокоит Брендона. Чем она занимается? Сомнительно, что Роксана будет рисковать репутацией заведения из-за смазливой несовершеннолетней девахи. Сутенер Генри говорил, что Хлоя отошла от дел. Но когда? Неужели таскала дочь с собой на «работу»?

«Сама все расскажет, — подумал Брендон. — Торчать тут придется долго, не будет же она все время молчать».

Он ошибается. Элизабет игнорирует его ровно настолько, насколько это возможно. Они почти не разговаривают. Днем девушка отсыпается, зарывшись в подушки, а вечером надевает туфли на высоченном каблуке, укладывает волосы перед зеркалом, облачается в шелковое длинное платье и уходит на первый этаж. Возвращается к утру, пропахшая сигаретным дымом и коньяком, переодевается за ширмой и снова ныряет в кровать. Сны ее беспокойны. Девушка что-то бормочет, иногда плачет. В такие дни Брендон тихо сидит рядом с ней в кресле, обитом дешевым бархатом. Ему кажется, что обязательно произойдет что-то плохое. Будто монстры из снов Элизабет могут выбраться в реальность.

«Элизабет, я волнуюсь, — говорит он ей вечерами. — Нам нельзя показываться чужим. Тебе лучше сидеть здесь, зачем ты уходишь? Куда?»

— Я, в отличие от тебя, работаю, — высокомерно фыркает девушка. — Роксана — не благотворительный фонд, за ее услуги надо платить. Я отрабатываю свою еду и теплую постель.

«Ты... спишь с мужчинами за деньги?» — пытается смягчить вопрос Брендон.

От ее взгляда покраснел бы даже камень.

— Рядовой, мне месяц, как шестнадцать! В таком возрасте если с кем и спят, то по любви. И не все сюда ходят, чтобы... — Она изображает пальцами нечто неприличное и продолжает: — Некоторые тут общаются, слушают музыку. Здесь работает прекрасная виолончелистка Камилла. Кстати, перерожденная. Очень тобой интересовалась.

«Я тут не для того, чтобы амуры крутить», — обиженно отвечает Брендон.

Элизабет смеется, утыкается лицом в подушку, потом выныривает и спрашивает:

— А для чего, рядовой? Что тебя здесь держит?

Он долго молчит. Собраться с силами и сказать правду оказывается нелегко.

«Я переправлю тебя за границу и вернусь к Баллантайну. Если возвращусь раньше, Байрон вытянет из меня всю информацию о том, где ты находишься. А когда ты покинешь Нью-Кройдон, он не сможет тебя достать».

— Он тебя убьет? — спрашивает Элизабет серьезно.

«Думаю, да. Но не сразу».

Она хмурится. Садится в постели, обнимает подушку руками и ногами.

— Никогда не подумала бы, что я это скажу, но... Мне будет тебя жаль.

Брендон делает вид, что пропускает ее слова мимо ушей, и утыкается в газеты, которые Элизабет приносит ему по утрам. На этот раз новости с фронта щедро разбавлены материалами, посвященными предстоящим выборам мэра. Газеты в один голос предрекают сенатору Баллантайну победу. Брендон хмурится.

«Эти люди хоть немного представляют себе, что их ожидает, если Байрон официально займет пост главы города? Ненормальные», — думает он раздраженно. Нью-Кройдон, гигантский город-порт, вторая столица империи, промышленное сердце государства, неужели ты добровольно сдашься тирану? За что, за какие заслуги Байрону такая роскошная игрушка?

Брендон переворачивает страницу — и холодеет. В Солте найден труп маленького ребенка. Девочка с перерезанным горлом, опознать не удалось. Подброшена в мусорный контейнер. Где-то в глубине души тлеет надежда, что это не Бри, но Брендон слишком хорошо знает Байрона. Он складывает газету и, пользуясь тем, что Элизабет ушла

позавтракать, прячет ее под матрас на кровати.

Когда девушка возвращается, они одновременно начинают:

«Я тут решил...»

— Послушай, я тут подумала...

И умолкают. Элизабет прыскает в кулачок, Брендон прячет улыбку.

— Что ты решил?

«Сперва ты скажи».

Она подает ему небольшой сверток.

— Вот. Роксана нашла где-то. Посмотри.

Брендон разворачивает пеструю тряпицу. В ладони ему ложится шкатулка, на пол падает маленький ключ. Шкатулка музыкальная, вся состоит из затейливо переплетенных механических деталей, шестеренок, зубчатых колесиков, пружин и рычажков. Гладкая лишь ее крышка, на которой грубо выгравировано имя мастера и штрихами намечен четырехлистник клевера.

— Это мое детство, — с неожиданным теплом говорит Элизабет. — Раньше она пела. Теперь не заводится. Я почему-то решила тебе показать. А то мне кажется, что тебе тут скучно в четырех стенах.

«Спасибо. Я посмотрю. Вряд ли я сумею ее починить, но попробую».

— А что ты собирался мне сказать?

«Я хотел бы сопровождать тебя сегодня вечером. Если твоя работа терпит мое присутствие».

На лице девушки снова появляется отцовская усмешка.

— Так и быть, рядовой. Подержишь свечку!

В салоне накурено и душно от пряного запаха парфюма, и даже легкий ветерок, гуляющий между распахнутыми окнами, не освежает воздуха. Кокетливо смеются девушки Роксаны, разодетые в вызывающие наряды. Посетители играют в карты, из соседнего зала слышится костяной стук бильярдных шаров, пожилой господин в длиннополном пиджаке обсуждает с Роксаной городские новости. Брендон напряженно вслушивается в их беседу, надеясь, что никто не вспомнит о найденном в Солте теле малышки.

— А я вам говорю, дорогая, что Баллантайну не взять мэрское кресло. Он слишком дорог нашему императору в качестве сенатора.

— Я думаю, сэр, что через каких-то пять дней мы увидим, кто из нас был прав, — уклончиво отвечает Роксана и подливает собеседнику коньяка в бокал. — Скажите, а что вы думаете о строительстве автомобильного завода к северу от города?

— Это хорошее дело, дорогая. Новые рабочие места для людей, а не для проклятых кукол, — с жаром откликается собеседник.

Брендона по щеке слегка похлопывает маленькая, словно у ребенка, ладошка.

— Дружочек, ты как будто не здесь, — капризно восклицает сидящая у него на коленях девушка.

«Прости, Джун, — поспешно отвечает Брендон. — Никак не могу расслабиться с непривычки».

Нежные губы оставляют на его щеке ярко-розовый оттиск помады.

— Не волнуйся, — мурлычет Джун. — Наш диван гостям практически не видно, да и я

тебя неплохо прикрываю. Это правда, что перерожденные не умеют целоваться?

Она хитро улыбается и прикусывает нижнюю губу острыми зубками. Брендон вместо ответа кивает и напряженно всматривается в зал. Он не видит Элизабет, и это беспокоит его куда серьезнее, чем собственная безопасность.

Джун осторожно начинает расстегивать на Брендоне рубашку. Он мягко отводит ее руку в сторону.

— Ты меня совсем не хочешь? — шепчет она.

«Совсем», — отрезает Брендон. Он уже мечтает, чтобы девица оставила его в покое и нашла себе кого-нибудь поговорчивей.

— Дружок, я с тебя денег не возьму, — обиженно говорит девушка. — Ты же гость Роксаны, так что...

«Лучше займись одним из тех, кто приходит сюда целенаправленно за сексом».

Девушка поджимает губы и, шурша платьем, сползает с колен Брендона. Он провожает ее холодной улыбкой и равнодушным взглядом. «Научился», — сказал бы Байрон. Джун уходит, но ее место тут же занимают две другие штатные красотки.

— Скучаешь, милый? — жарко шепчет на ухо блондинка лет двадцати пяти.

Брюнетка-перерожденная просто молча улыбается, садится рядом с Брендоном и жмется к его плечу.

— Ты так нас стесняешься? — хихикает блондинка. — Какой скромный молодой человек!

«Дамы, я очень рад вашему вниманию. Но вынужден вас огорчить: мне не до развлечений», — без улыбки объясняет Брендон.

«У тебя грустные глаза и усталый вид, — жестикулирует брюнетка. — Мы всего лишь хотим помочь».

«Где Элизабет?»

— Ах, вот оно что! — нараспев произносит блондинка. — Мы ждем другую... Жаль, жаль.

«Она придет, не волнуйся. Скорее всего, с кем-то общается. Вон Камилла вышла с виолончелью, Лиззи садится за пианолу. Значит, сейчас и Элси появится», — плавно говорит на амслене брюнетка. Брендон впервые видит куклу, настолько красиво жестикулирующую. Ее руки словно танцуют.

Наконец откидывается край тяжелой бордовой портьеры в углу зала, и появляется Элизабет. На ней длинное бирюзовое платье, бархатные черные перчатки и крохотный сверкающий кулон на цепочке. Обычно растрепанные волосы уложены в аккуратную прическу. Девушка кажется куда старше, чем есть на самом деле.

Лицо Элизабет сосредоточенно и очень серьезно. Она проходит, становится между Лиззи и Камиллой и скользит взглядом по залу, словно ищет кого-то. Лиззи начинает тихонечко наигрывать на пианоле, но Элизабет качает головой, и музыка стихает. Смолкают и разговоры в зале, из соседних комнат подтягиваются люди. Мужчины смотрят на Элизабет с обожанием, девушки улыбаются. Все ждут.

— Так получилось, что сегодня я буду петь не то, что обычно, — негромко говорит Элизабет. — Прошу простить меня за лирическое настроение. Маленькая предыстория. Жила-была девочка, которой когда-то давно мама подарила музыкальную шкатулку. Шкатулка замолчала. Мамы, возможно, у девочки уже нет. Но песня из этой шкатулки живет.

Она оборачивается на виолончелистку, и Камилла берется за смычок. Плавная мелодия постепенно набирает силу, и, словно бутон цветка, распускается нежнейший голос Элизабет:

Os iusti meditabitur sapientiam
Et lingua eius loquetur iudicium

Beatus vir qui suffert tentationem

Quoniam cum probatus fuerit accipiet coronam vitae

Quam repromisit Deus diligentibus se

Kyrie, Ingis Divine, Eleison

O quam sancta, quam serena, quam benigna

Quam amoena esse virgo creditur

Quam amoena O castitatis lilium..[1]

Брендон ошеломлен. Он замороженн слушает голос невероятной, кристальной чистоты и безмолвно шепчет: «Уста праведника измышляют мудрость, и язык его произносит суд... Блажен человек, переносящий испытания... Испытанный, получит он венец жизни...»

Откуда она знает эту молитву? Кто учил ее латыни? Голос, пробуждающий внутри самое живое, давно забытое, потаенное... Брендон слушает ее и понимает, что ее голос, ее песня его никогда не отпустит. Не покинет. Она станет его сердцем — живым сердцем в давно мертвой груди.

Элизабет поет, и само время замедляет свой ход, чтобы послушать. Чтобы взглянуть из глаз застывших в изумлении людей и кукол на то, как поет в кругу света худенькая девушка в бирюзовом платье. И смолкает за окнами ветер. Стихают все звуки. Лишь едва слышно посвистывает пар в горле перерожденного столетнего мальчишки, впервые увидевшего чудо.

— Слушай, ты меня пугаешь. Ну, брось уже эту рухлядь, отдохни!

Брендон упрямо качает головой. В сотый раз он перебирает механизм музыкальной шкатулки и все никак не может понять, почему она молчит. Все детали исправны, шестеренки, зубчатые колеса и крошечные штифты подходят друг к другу идеально, но вещь мертва.

— Поспи, а? — почти жалобно просит Элизабет. — Ну нельзя же так...

Стиснуть зубы и в сто первый раз снять крышку. Вынуть сердце шкатулки — цилиндр, потом — стальную гребенку. Прочистить, аккуратно отполировать ветошью. Осмотреть, все ли штифты цилиндра на месте. Брендон уже помнит наизусть, где какой и сколько их всего. Снять одну за другой четыре пружины. Прочистить шкатулку изнутри, еще раз посмотреть, не засорились ли какие детали, нет ли где царапин, сколов. Убедиться, что все в порядке. Прикрыть на несколько секунд глаза. Расслабиться, чтобы не дрожали руки. Плечи устали, пальцы плохо слушаются. Зрение плывет. Хочется швырнуть шкатулку об пол, но Брендон

сосредотачивается и бережно-бережно пристраивает все детали обратно. Одну за другой, внимательно проверяя, хорошо ли они подогнаны друг к другу.

Защелкнуть крышку. Вставить в отверстие маленький резной ключ. Повернуть.

Шкатулка мертва.

В сто второй раз снять крышку...

На его запястье ложится ладонь Элизабет. Она берет его руку со шкатулки и отодвигает злосчастный предмет в сторону. Брендон поднимает голову и смотрит девушке в лицо. Элизабет выглядит взволнованной.

— Ну ты что? Третий день с ней возишься, с ума сойти можно... Рядовой, у тебя глаза дурные совсем. Ты что это, а?

«Я хочу, чтобы она звучала. Чтобы жила», — отчаянно жестикулирует Брендон.

— Слушай, ну... Ну это же вещь! Просто вещь.

«Она тебе дорога».

— Дорога, угу. Но я переживу без нее. Или... или ты просто хочешь, чтобы была эта песня?

Он чуть заметно кивает и закрывает глаза. Элизабет с облегчением выдыхает и слегка касается его плеча.

— Я сама тебе спою. Не ломай себя. Ты-то не шкатулка...

«В ней пользы больше».

— Хорош прибедняться! С тобой хоть в карты сыграть можно. Слушай! А давай в карты? — оживляется Элизабет и тут же радостно добавляет: — На раздевание! Давай-давай, не маши на меня руками! Надо встряхнуться.

Она сбрасывает с ног ботинки, запрыгивает на кровать. Раскладывает по сторонам алые и белые подушки, усаживается по-турецки. Шлепает ладонью по шелковому покрывалу:

— Иди сюда! Играем!

Брендон присаживается на край. Элизабет раскидывает по шесть карт и принимается объяснять:

— Так, все просто. Старшая карта бьет младшую, но шестерка бьет туза. Кто в конце игры остается с картами на руках, снимает одну вещь. Обрато отыгрывать тряпки запрещается. Ага?

Брендон пожимает плечами, бросает на центр покрывала трефовую семерку. Элизабет улыбается, приподнимая правый уголок рта, и кидает десятку трэф. Бьет.

— И чтобы честно! — со всей серьезностью говорит девушка.

Клонит в сон. Усталость убаюкивает, рассеивает внимание. Первую игру Брендон проигрывает. Элизабет довольно улыбается:

— Рядовой, не спи на посту! И вообще снимай что-нибудь.

На ворох подушек летит левая белая перчатка. Вторую игру проигрывает Элизабет, и вслед за перчаткой отправляется пояс с тяжелой латунной пряжкой. Девчонка надменно фыркает:

— И не думай радоваться! Я сейчас тебя сделаю!

Она откровенно жульничает, подглядывает в карты и бурно радуется, оставив Брендона без второй перчатки и куртки.

— Э-эй! А еще говорят, что новичкам везет! — весело хохочет она.

«Лиз, не наглей, — предупреждает Брендон. — Сама сказала, что играем честно».

— Не называй меня «Лиз», — фыркает Элизабет. — Бесит.

На следующем кругу девчонка расстается с корсетом и притихает. Бьется азартно, стараясь отыграться, но снова проигрывает.

— Отвернись, рядовой, — командует она.

Шелестит, скользя по бедрам, ткань, и юбка Элизабет пополняет копилку проигранного. Девушка натягивает тонкую сорочку чуть ли не до колен.

— Раздавай! И пощады не жди!

Брендон снова раскидывает по шесть карт. Игра начинает захватывать, и двигает им не стремление выиграть, а желание не проиграть. Уступать насмешливым серым глазам совсем не хочется.

— Ха-ха-ха! Я вышла! — бесится девчонка, прыгая на подушках. — Сколько у тебя там осталось? У-у-у, рядовой, это прямо-таки фатальный проигрыш! Мне даже жаль, слушай!

Он пожимает плечами и развязывает шейный платок. Элизабет следит за каждым его движением, как уличная кошка за птахами. В глазах скачут шальные искорки. Пляшут в пальцах карты, тасуется колода. Брендон смотрит на нее и понимает, что пора остановиться.

«Хватит», — говорит он девушке.

Она хохочет:

— Командовать будет тот, кто выиграет! Что, страшно?

Брендон молчит. Потому что она права: ему страшно. Он сам не понимает, чего боится. Уже два дня его не покидает ощущение, что он идет по льду. Лед тонкий, трещит под ногами. И невозможно предсказать, когда он проломится.

Падает на алое покрывало карта.

— Бей, не спи!

Он бросает одну из своих карт — не глядя.

— Рядовой, ну кто так козырями разбрасывается? Тебе крыть больше нечем? Э-эй! — хихикает Элизабет.

«Извини».

Она выигрывает у него рубашку. Пока Брендон выпутывается из рукавов, девушка смотрит на него с напряженным любопытством. И больше не смеется.

— О-ой... — выдает она изумленно. — Как оно... Кто ж тебя так изрезал?

«А чего ты ожидала? — Брендон смотрит на девчонку прямо и зло. — Ящика с проводами? Музыкальной шкатулки?»

— Это не болит? — Элизабет тянется к неровному шву, идущему через весь живот.

Металлическая ладонь, раскрытая, как щит, останавливает ее руку.

«Нет. Играть хотела? Играй».

— А ты не злись! На, сам раздавай!

Она обиженно швыряет ему колоду и садится на свое место среди подушек. Брендон раскидывает по шесть карт, начинается очередной круг игры. Бьются молча и зло, кроя карты, словно парируя удары. Элизабет кусает губу, Брендон смотрит только на ее руки.

Последний ход ее. У нее козырной король, у Брендона — червовая семерка.

— Вот и все, — глухо произносит девушка, глядя в сторону. — Ты проиграл. Раздевайся.

«Зачем тебе это?» — спрашивает он, перехватив наконец ее взгляд. Печальный взгляд победителя.

— Умей проигрывать, — отвечает она со вздохом. — Давай.

Брендон отходит вглубь комнаты, отворачивается от Элизабет. Расстегивает брюки.

Легкие шаги за спиной. Прикосновения горячих ладоней. Пальцы — бесстыжие,

нетерпеливые — скользят по бедрам, избегая касаться грани между плотью и металлом. И нет сил противостоять. Это сильнее, чем приказ. Хватит уже, Элси. Пожалуйста, хватит...

— Брендон, — тихо зовет она. — Посмотри же на меня.

Девушка выныривает из-за его плеча и обнимает за шею. Такая теплая сквозь тонкую ткань рубашки... Брендон склоняет голову и прижимается лбом к ее щеке. Элизабет ловит губами его губы. Левый чулок цепляется за механическое колено, рвется так легко. Пуговицы проскальзывают между непослушными пальцами, живая плоть льнет к стальным ладоням.

Страшно. Сладко. И невозможно уже остановиться.

Custodi et serva, Domine...

Теплое августовское солнце рассеяно бродит по комнате, заглядывая в зеркала, трогая блестящие пуговицы, пряжки на одежде, касаясь стеклянных подвесок в светильниках. Полоска света лежит на щеке Брендона, едва касаясь ресниц. Притворяясь спящим, он уже полчаса наблюдает, как Элизабет греется у открытого окна.

Она сидит на стуле, положив на подоконник ноги и подставив теплым лучам босые пятки. Тихо напевает что-то и красит ногти на руках перламутровым лаком. Солнечная искра сияет в маленьком кулоне на шее Элизабет, отражаясь в латунных пуговицах куртки Брендона. Кроме этой расстегнутой куртки на девушке больше ничего нет, и Брендон с иронией вспоминает кем-то метко сказанное: «Мужская рубашка на женщине — словно флаг победителя над поверженной крепостью». Даже если это куртка, а не рубашка.

С улицы доносятся голоса мальчишек-газетчиков, дребезжание автомобилей по мостовой, нестройное пение гуляк. С реки тянет прохладой. И не хочется ни о чем думать.

— Я чувствую, что ты не спишь, — не оборачиваясь, говорит Элизабет. — Знаешь, чего народ на улице так оживился? Мой папаша выборы проиграл.

Брендон приподнимается на локтях, тая в глазах удивление. Неожиданно. Элизабет оборачивается, услышав скрип кровати.

— Ага, угадала. Не спишь.

«Кто у нас теперь мэр?» — спрашивает Брендон, щурясь от солнечного света.

— Погоди.

Элизабет встает, вывешивается в окно, в чем была, и вопит:

— Э-эй! Кто нами теперь крутит?

Ей отвечают восторженным свистом, кто-то кричит:

— Саймон Крейтон! Спускайся к нам, куколка! Отпразднуем!

Девушка отходит от окна, садится на кровать рядом с Брендоном.

— Слышал? Ты его знаешь?

Он кивает.

— И чего от него ожидать?

Брендон садится, опираясь спиной на подушку, и отвечает:

«Ничего. Скорее всего, кто-то будет через него руководить городом. Как политик он абсолютно никто».

— А с Баллантайном он в каких отношениях?

«Родня по линии матери».

Элизабет молчит, глядя в пол. Брендон надевает перчатки и осторожно проводит

пальцами по спине девушки.

— Не трогай, — со вздохом говорит она. — Я думаю. И то, о чем думается, мне не нравится. Оденься пока, не отвлекайся.

Брендон пожимает плечами и оставляет девушку в покое. Она хмурится, трет виски ладонями. Встает, сбрасывает куртку, собирает свои раскиданные по полу вещи.

— Чулки в мусор, — с сожалением говорит Элизабет. — А вообще было здорово. И не так страшно, как я думала.

«Погоди. Так ты...» — Брендон замирает, подбирая слова.

— Ну, интересно же было. Мне тут все уши прожужжали, как это необычно — с перерожденными, — улыбается Элизабет, заливаясь краской. — Эй, ты чего?

Брендон одевается, не глядя на нее. И ответить ему нечего. Все и так понятно.

— Брендон? — окликает девушка.

Она подходит к нему, пытается обнять, заглянуть в лицо. Он смотрит поверх ее головы и все сильнее стискивает зубы.

— Ты что, рядовой? Влюбился, что ли? — испуганно спрашивает Элизабет. — Ой, дурра-ак...

Она отходит в дальний угол комнаты, быстро надевает рубашку, юбку, застегивает под грудью корсет. Пока ищет ботинок, Брендон перехватывает ее руку.

— Ну что? — нервно вскрикивает Элизабет.

Металлические пальцы разжимаются.

«Спросить хотел. Когда отходит твой корабль?»

— Через три недели. Выдержишь?

В ее голосе ему мерещится издевка. Брендон усмехается и отвечает:

«Конечно. В этом заведении мне скучать не дадут».

Элизабет садится в кресло, шнурует ботинки. Бросает на Брендона взгляд, в котором скользит непонятное ему выражение, и быстрым шагом идет к двери. На пороге она останавливается, гордо вскидывает подбородок и заявляет:

— Местные шлюхи обойдутся. Делиться хорошим любовником с другими будет только последняя дура.

Проходят две недели, кажущиеся Брендону бесконечными.

Газеты смакуют публичное выступление Байрона Баллантайна, в котором он рвет, мечет и обвиняет всех подряд в подтасовке результатов. Новый мэр отвечает ему в весьма ехидной манере. Байрон публикует в газете открытое письмо, где предрекает городскому главе и его соратникам множество неприятностей. Пресса азартно науськивает сенатора и мэра друг на друга. Напряжение в Нью-Кройдоне нарастает. Все ждут вмешательства императора, но тот в длительном отъезде.

Элизабет днем где-то разгуливает, возвращается усталая, затемно. И даже когда работает по ночам, утром уходит снова. Брендон пытается говорить с ней, но всякий раз тщетно.

«Элизабет, зачем? Где ты бываешь? Ты понимаешь, чем все может кончиться?»

Она молчит. День, другой, третий, десятый. Потом не выдерживает и срывается в истерику:

— Ну что ты от меня хочешь? Чтобы я сидела с тобой круглосуточно, как мышь в норе?

Это тебе идти некуда, а я мать ищу! И сестру! И я переверну весь Нью-Кройдон, но я их найду, понял, ты! И не смей останавливать меня, не смотри на меня так! Я не могу тут! Не могу!

Он обнимает ее, прижимает к себе, гладит растрепанные грязные волосы, пропахшие угольной пылью и помоями. Она утыкается ему в грудь и ревет так громко и отчаянно, что в комнату заглядывает обеспокоенная Роксана. Она обменивается взглядами с Бренденом, тот сокрушенно качает головой, и Роксана уходит. Ну что они могут сделать...

Постепенно девушка успокаивается и льнет к Брендону то ли в отчаянии, то ли просто в попытке забыться. Исчезает ядовитая и независимая дочь Баллантайна, остается просто Элси — нежная, теплая, уязвимая.

Каждую ночь они занимаются любовью, и Элизабет засыпает в объятьях Брендона, умиротворенная и разомлевшая от ласк. Брендон кладет себе под руку край одеяла, чтобы холодный металл не тревожил спящую девушку. Даже сквозь ткань прикосновение к ней переполняет Брендона нежностью и желанием.

Утром она одевается, и уходит, не сказав ни слова. И так две недели подряд. Потом все меняется в одночасье.

Ночью Элизабет долго не может заснуть. Тихонечко дремлет, уткнувшись в плечо Брендона, и ей кажется сквозь сон, что она слышит, как стучат два сердца. «Это не часы, — думает она рассеяно. — Это он и я...» Элизабет потягивается, как кошка, прижимается к Брендону животом. Луна выходит из-за облака и заливает комнату молочным рассеянным светом. Девушка приподнимается на локте и долго смотрит перерожденному в лицо.

Он просыпается внезапно, резко садится в постели и сжимает виски ладонями. Страшно болит голова. Хочется кричать. Проходит минута, другая. Испуганная Элизабет обнимает его за плечи, успокаивает, гладит.

— Тихе-тише, это сон. Это просто сон тебе приснился, — шепчет она.

Боль накрывает новой волной. Брендон откидывается на подушку, утыкается в нее лицом. Постепенно боль трансформируется в приказ, звучащий в голове голосом Байрона Баллантайна:

«УБИВАЙ. ГОРОД ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ».

— Брендон, ты что?

Элизабет осторожно трясет его за плечо. Он отмахивается от нее, и она отлетает так легко, ударившись о пол обоими коленями. Капают слезы... Металлическая рука хватается ее за волосы, девушка в ужасе визжит, как подстреленный заяц.

Боль бьет в виски молотом, крушит волю, ломает сопротивление.

— Брендон, не-е-е-ет!!!

Он разжимает пальцы, девчонка падает, поднимается и бросается к нему с перекошенным от страха лицом.

— Не надо! Это же я! Брендон, не надо!

Элизабет обнимает его за плечи, плачет, он отталкивает ее руки. Больно. Приказы не обсуждают. Как объяснить ей...

— Я прошу тебя, не пугай меня так! — умоляет она, виснет на его локте.

Он качает головой, пытается стряхнуть Элизабет, но девчонка цепкая, как клещ.

— Брендон, смотри на меня! — орет она, размазывая слезы по лицу. — Не смей! Мне

больно, прекрати!!!

Она Баллантайн. И это ее приказ.

«Говори, — просит он ее одними губами. — Говори со мной».

Девушка обхватывает его за плечи так, что он не может поднять рук. Смыкает пальцы в замок. Оба падают на пол. Элизабет срывает с кресла покрывало, набрасывает его на себя и Брендона, пеленает обоих алым шелком. Боль становится тише, отступает, скалясь и огрызаясь.

— Ты же не убьешь меня... Ты же меня слышишь... — всхлипывает Элизабет, дрожа.

Он кивает и пытается улыбнуться.

«Говори...»

Девушка понемногу разжимает руки, не сводя с Брендона перепуганных глаз.

— Я сейчас отойду, мы с тобой оденемся, и ты расскажешь, что слу...

Она замирает, не окончив фразу. Этажом ниже слышатся дикий визг, крики, мольбы о помощи. Девушка выпутывается из покрывала, быстро набрасывает на себя сорочку, помогает Брендону подняться.

Снова накатывает боль. В этот раз слабее, ей можно противостоять, если думать об Элизабет.

— Брендон, что происходит? Быстрее одевайся!

На улице кто-то кричит, слышен быстрый топот ног, один из бегущих спотыкается. Визжит женщина.

Брендон быстро натягивает брюки, набрасывает куртку.

«Ранец, — просит он. — Найди скорее!»

Пока девушка в темноте ищет сумку, Брендон быстро придвигает кровать к входной двери. Не запереться, в комнатах борделя замки — нонсенс.

— Что происходит? — спрашивает Элизабет севшим от страха голосом.

«Приказ. Байрон велел убивать».

— Почему люди кричат? Кого убивать?

«Куклы будут убивать всех. Я тоже, Элизабет».

— Нет-нет! — она снова готова плакать. — Ты же не... Почему?

«Есть прибор, который разработал я сам. Он подчиняет нас всех. Байрон его активировал. Я пока держусь, но долго не смогу. Тебе надо бежать».

Девушка стоит посреди комнаты с ранцем за спиной. Растеряна, напугана. Смотрит на Брендона, беспомощно моргает. Он швыряет на кровать одно кресло, второе. Хватает девушку, вскидывает на плечо, поднимает к люку в потолке. Снаружи по двери барабанят чьи-то кулаки. Элизабет толкает крышку вверх, Брендон подсаживает ее на чердак. Мгновение — и она уже там. Свесившись вниз, тянется к нему.

— Руку! Давай, я тебя втащу!

Он подает ей винтовку, отходит к двери. Поднимает с пола массивный медный подсвечник. Кладет на кровать рядом с собой и только после этого говорит на амслене, глядя на девушку:

«Беги, Элси. Будет резня. Прячься».

На минуту возня в коридоре утихает, потом возобновляется. Снаружи по двери долбят чем-то тяжелым, дерево трещит и понемногу начинает поддаваться. На чердаке Элизабет

двигает вещи, баррикадируя люк.

Брендон отходит от окна и рывком отодвигает кровать от двери. Перехватывает поудобнее подсвечник. Дверь распахивается, на пороге Камилла. Светлые волосы растрепаны, в глазах пустота. На рваном подоле платья подсыхают багровые брызги. Механические руки сжимают горлышко разбитой бутылки.

«Уходи», — просит Брендон, загораживая кукле вход в комнату.

Камилла улыбается и качает головой.

«У людей есть лекарство. От боли. Ты же знаешь...»

«Уходи».

Она делает шаг вперед, медленно заносит руку для удара. Брендон разворачивается всем корпусом, пропуская Камиллу вперед, и резко бьет ее тяжелым подсвечником в затылок. Перерожденная падает, Брендон бьет еще раз. И еще. И лишь спустя минуту понимает, что хватило бы одного удара.

Дурнота подкатывает к горлу, кружится голова. «Убей, — навязчиво пульсирует в висках. — Только так тебе станет легче». Брендон смотрит на то, что было Камиллой, медленно пятится. В коридоре спотыкается о тело. Немолодой грузный мужчина в одних кальсонах, его живот распорот. На щеке — алый след пятерни, рот распахнут в немом крике.

Перед глазами встает белое лицо Алистера. Сведенные судорогой пальцы, беспомощный, непонимающий взгляд. Виктория мечется, падает на пол стакан с водой. «Пей, компаньон, — умоляет Брендон. — Пей!» Удушье. Закаченные под лоб глаза. Медленно разжимается рука, стискивающая запястье Брендона. Байрон прикрывает рот ладонью и отворачивается.

Брендон помнит улыбку, которую он прятал.

Коридор качается, как вагон монорельса. «Куда мы едем? Машинист, почему пассажиры лежат на полу?» Болит голова. Страшно болит голова... Под ногами скользкое и липкое. Лучше не думать об этом. Не смотреть.

«Сколько нас здесь? — силится вспомнить Брендон. — Я, Камилла, швейцар... Еще шесть или семь. Где искать?»

В воздухе — запах дыма. Слабый пока, но...

Брендон выходит на лестницу. Навстречу ему поднимаются две куклы. Обе полуодеты, атласные корсеты и руки заляпаны алым. Обе вооружены: у одной каминная кочерга с заостренным концом, вторая держит массивный канделябр. Девушки видят Брендона, их лица на мгновение теряют выражение оглушенной покорности.

Тоненькая невысокая брюнетка, уже знакомая Брендону, отдает канделябр подруге и говорит на амслене:

«Наверху есть люди? Надо еще лекарство».

Ее руки порхают, как бабочки. С пальцев летят темные брызги. Брендон поднимает с пола оброненную кем-то трость со стальным набалдашником и качает головой.

«Идем на улицу, — зовет брюнетка. — Здесь все быстро сгорит».

Из коридора этажом ниже выходит третья кукла. В ее руках — пылающая рубашка, намотанная на ножку от стула. Девушка подносит импровизированный факел к штормам на окне, затем к закрывающим стены гобеленам. Огонь с радостью принимает новую пищу. Кукла улыбается и проходит дальше.

За спиной Брендона слышится топот. Он оборачивается и видит Элизабет. Она кашляет от дыма, закрывает рот и нос оторванным от сорочки рукавом.

«УБЕЙ!» — с новой силой вспыхивает в сознании. Брендон замирает, оглушенный почти парализованный приказом Байрона. Куклы на лестнице переглядываются и идут к Элизабет. Единственное, что успевает сделать Брендон, — шагнуть им навстречу.

«Не трогать!»

Занесенные для удара подсвечник и кочерга со звоном сталкиваются с тростью. Брюнетку Брендон сбивает на пол ударом ноги в колено, вторая девица отпрыгивает в сторону и швыряет подсвечник, метя в голову. Брендон уворачивается, канделябр лишь немного задевает плечо. Элизабет бросается к балюстраде, прячется за массивными мраморными вазами. Брендон перехватывает трость, изо всех сил бьет куклу по рукам. Удар ломает механические сочленения, перерожденная беззвучно кричит, отступает. Брендон вцепляется в упавший канделябр, замахивается... и ему в живот упирается острый конец кочерги. Одновременно он подается назад, а брюнетка с импровизированной пикой всем телом наваливается на него. Острие рвет куртку и проходит по телу вскользь. Брюнетка падает на Брендона, он обхватывает ее руками, и оба катятся вниз по мраморным ступенькам.

Проходит несколько мгновений, Брендон с трудом приподнимается, опираясь на руки. Садится. Смотрит на распростертое тело рядом. Глаза куклы широко раскрыты, на виске вмятина.

«Все», — облегченно думает перерожденный и оборачивается на движение за правым плечом. Сухо рывкает выстрел, и в лицо Брендону летят темные брызги. Тело швейцара мешком валится на мраморный пол. Элизабет Баллантайн опускает руку с револьвером, садится на ступеньки и заходится кашлем. Брендон поднимается, бредет к ней, присаживается рядом.

«Ты цела?»

Девушка кивает и утыкается Брендону в плечо. Всклипывает. Он касается ладонью ее волос.

— Мне страшно, — шепчет Элизабет. — Я винтовку бросила. Там патроны кончились...

«Вставай. Надо бежать отсюда».

Она сует ему в руку револьвер.

— Возьми. У меня есть еще один. Только не смей стрелять в меня.

«Тогда лучше держись за мной».

Они спускаются, осторожно ступая между телами. Элизабет останавливается лишь однажды и закрывает глаза лежащей в багровой луже Роксане. Целует ее руку и тихо шепчет: «Прощай...»

«Скорее», — подгоняет ее Брендон.

В дыму почти ничего не видно, Элизабет бредет, закрыв глаза и держась за Брендона, кашляет. Воздуха слишком мало. У девушки подкашиваются ноги, она падает, пытается вдохнуть, хрипит. Брендон взваливает ее на плечо, волочет до ближайшего светлого проема — окна. Выбивает стекло и переваливается через подоконник, бережно прижимая девушку к себе. Падение смягчает подстриженный самшитовый куст. Брендон оттаскивает Элизабет на несколько шагов и укладывает на истоптанную траву.

«Дыши», — шепчет он беззвучно и бьет девушку по бледным щекам.

Она делает судорожный вдох, заходится кашлем, хватается за Брендона. Тот переживает очередной приступ дурноты, слабо улыбается.

«Я с тобой. Я тебя не брошу. Дыши. Мы выберемся».

— Выберемся, — еле слышно отвечает она. — Со мной ты не пропадешь. Я тебя защищу...

Небо над Нью-Кройдоном цветет пожарами. По всему городу гремят выстрелы, плачут дети. Испуганные люди мечутся в темноте в поисках убежища или спешно укрепляют свои дома. В богатых кварталах куклы повсюду. Вооруженные чем придется, смертоносные, молчаливые.

Элизабет и Брендон не останавливаются ни на миг. Перебегают из подворотни в подворотню, поднимаются по лестницам, спускаются с крыш, пробираются закоулками. Натыкаются то на перерожденных, то на вооруженных людей, ныряют назад во тьму. Здесь и сейчас у них не может быть союзников. Весь Нью-Кройдон превратился в гигантскую ловушку.

Брендон начинает уставать, заметно хромает.

— Потерпи, — просит Элизабет. — Иди за мной. Мы выберемся.

«Куда мы идем?»

Она молчит, потому что боится ответить ему правду. Она не знает места, где было бы безопасно. Просто бежит, гонимая страхом.

Всюду на улицах мертвецы. Припозднившиеся прохожие, выброшенные из окон жители окрестных домов. Старики. Дети. Задушены. Забиты до смерти. Зарезаны. Расстреляны. Мостовые скользкие от крови, воды Северна несут прочь мертвые тела.

Девушкой овладевает отчаяние. Она мечется от дома к дому, стучит в закрытые двери и запертые ставни, плачет.

— Люди, помогите! Кто-нибудь! Помогите, прошу!

Брендон догоняет ее, хватая за руку и с сожалением качает головой. Никто не выйдет, девочка. Не зови.

«Идем. Веди же».

— Я не знаю, куда идти, Брендон! — всхлипывает она.

Он садится на ступеньку, тянет девушку за собой.

«Тогда слушай меня. Надо найти место, в которое не проходит радиосигнал. Лучше всего под землей. Возможно, там ты будешь в безопасности».

Элизабет думает недолго.

— Я знаю такое место. Пошли.

Они поворачивают обратно. Пробираются через промзону, через трущобы. В этом районе тихо. Беднота не в состоянии оплатить воскрешение родного человека, потому и кукол здесь почти не попадает. А те трое или четверо, что встретились по пути, — обычные угольщики и грузчики. Одного из них Элизабет убивает из револьвера, от остальных удается ускользнуть.

К рассвету они выходят к месту слияния Северна и Фармингтона, бредут по бесконечному пустырю к железнодорожному мосту, виднеющемуся далеко впереди. Брендон передвигается с трудом и реагирует только на приказной тон. Ноги вязнут в песке, голова гудит и кружится, звуки доносятся, словно сквозь толстый слой ваты. Элизабет из последних сил тянет его за руку.

Вот и мост. Люди на фоне гигантской конструкции малы и ничтожны, как блохи. Под опорами шумит поток, волны пенятся на перекатах. Элизабет заходит в реку по щиколотку,

падает на колени, умывается и долго-долго пьет, набирая воду в пригоршни. Вернувшись на берег, она шагает к железнодорожной насыпи. Оборачивается, зовет Брендона:

— Скорее же! Мы пришли!

У самого подножья моста в насыпи виднеется неприметная серая дверь. Элизабет тянет за ржавую скобу, скрипят несмазанные петли. Девушка открывает дверь и скачет вниз по каменным щербатым ступеням. Брендон, пошатываясь, следует за ней. Крутая лестница ведет в узкий коридор, выложенный обтесанными каменными плитами. В противоположном конце его — еще одна дверь. Элизабет шарит ладонью по стене, щелкает выключателем, и под потолком загорается тусклая лампа. За второй дверью — бетонный куб с высоким потолком и электрическим освещением. Вдоль одной стены — деревянный настил с ворохом полуистлевшего тряпья, в углу — отгороженное под туалет место. На полу обрывки проводов, под ногами хрустит бутылочное стекло.

Элизабет закрывает дверь, кладет ранец на нары.

— Все, Брендон. Здесь мы и останемся.

Он садится на настил, ищет в карманах ранца топливный брикет. Вынимает последний, усмежается. Элизабет садится рядом, протягивает ладонь.

— Можно я сама?

«Можно», — отвечает Брендон и снова улыбается уголками рта. Раньше его «кормила» Кэрол, потом Алистер усовершенствовал двигатель, стало удобнее питаться самостоятельно. Теперь вон и Элизабет со своим любопытством...

Девушка скользит по его груди кончиками пальцев, находит маленькую выемку, подцепляет ногтем за край.

— Теперь потянуть, да? — спрашивает она неуверенно.

Он кивает. Элизабет осторожно тянет дверцу топки, вкладывает брикет. Прежде чем закрыть, задерживает ладонь над отверстием.

— Пульсирует, как сердце... Надолго тебе этого хватит?

«На пару дней».

— Брендон, тебе здесь легче?

Он прислушивается к себе и с удивлением понимает, что боль притихла. Теперь он ощущает лишь крошечную усталость и легкий туман в голове.

«Все хорошо. Видимо, сюда радиоволны не добивают».

— Давай отдохнем? У меня ощущение, что я умру прямо сейчас. Все болит, — неловко признаётся девушка.

Брендон расстилает тряпье на нарах, сворачивает свою куртку подобием подушки, подкладывает под нее ранец. Они с Элизабет ложатся, прижимаются друг к другу и засыпают мгновенно.

Неизвестно, сколько времени проходит, когда Брендон снова открывает глаза. Плечо затекло, хочется повернуться на другой бок, но для этого придется тревожить спящую Элизабет. Он бережно касается губами ее щеки. Девушка кажется ему обжигающе горячей. Брендон хмурится, трогает ее еще раз, приподнимается на локте, заглядывает в лицо. Скулы Элизабет пылают нездоровым румянцем, дыхание слабое, сердце частит, как от бега. Жар.

Он пытается разбудить ее, но девушка не просыпается. Жалобно стонет, сворачивается в зыбкий комочек. Вспоминается Абби на ступенях чужой парадной. Брендона охватывает ужас. Он понимает, что не способен ничем ей помочь.

Брендон берет с нар тряпку, смачивает водой, бегущей из проржавелой трубы. Обтирает

лоб Элизабет, щеки, затем все тело. Девушка от каждого прикосновения вздрагивает, как от боли.

Время меняет ход. Колотится, как бабочка между оконных рам, не в силах лететь дальше. Ничего не происходит. Стонет в тяжелом то ли сне, то ли бреде Элизабет. Журчит в трубе вода.

«Пить. Ей надо обязательно пить», — вспоминает Брендон. В бункере нет ничего, куда можно было бы налить воду. Поить девушку, выжимая грязную тряпку, опасно. Механические ладони пропускают жидкость, как сито. Брендон набирает воду в рот и понемногу поит Элизабет, прильнув к ее губам. Она жадно глотает, утихает ненадолго лихорадочная дрожь. Потом все начинается заново.

Мокрую ткань на лоб. Обтереть холодной тряпкой. Набрать в рот воды, напоить. Вынуть из-под Элизабет мокрое тряпье. Дойти до реки, выполоскать. Сушить на себе. Сидеть рядом с девушкой, трогать губами горячий лоб. Снова обтирать, поить...

И лишь когда Брендон начинает двигаться с трудом, он понимает, что пошел третий день и топлива больше нет. Он поит Элизабет, надевает на нее ранец, ложится рядом, обнимает ее и, прижавшись лицом к мокрым от пота волосам, закрывает глаза.

«Я останусь с тобой. Ты проснешься, Элси. Все будет хорошо...»

[1] Текст песни «Lilium» (лат. лилия) основан на отрывках из Библии и григорианских песнопений «Ave mundi spes Maria» и «Kyrie».

Брендон

По коридору госпиталя Святой Инесс неторопливо шествуют две женщины. Одна — высокая, с красивым бесстрастным лицом, тщательно хранящим тайну ее возраста, — одета в форму сестры милосердия. Второй даме около сорока, она небольшого роста, полновата, рыжие волосы собраны в высокую прическу.

— Ее нашли гвардейцы пять дней назад, — рассказывает высокая дама. — Вошли в бункер у железнодорожного моста и обомлели. Рассказывают, что девочка лежала в объятьях куклы. Солдаты говорят, что это было похоже на чудо.

— Сестра Кимли, когда я смогу забрать ее отсюда? — спрашивает рыжая.

Высокая женщина пожимает плечами.

— Лихорадка миновала, — отвечает она размеренно. — Но девочка очень слаба, и врача волнует ее душевное здоровье.

— Я думаю, со мной она быстро пойдет на поправку. Хоть и не родной дом, но все же лучше, когда рядом близкие люди. Разрешите мне побыть с ней?

— Конечно, мисс Фанни. Через час освободится наш доктор, и вы с ним сможете поговорить. Вас проводить?

— Спасибо, сестра Кимли, я помню дорогу.

Женщины вежливо прощаются, и Фанни почти бегом направляется на второй этаж госпиталя. Лестница, анфилада коридоров, чередка залов, в которых на кроватях, на скамьях, на полу лежат люди. Им повезло. Они пережили Нью-Кройдонский апокалипсис. Они будут жить.

Еще один зал — и Фанни у цели. На цыпочках она проходит между наспех сооруженными лежаками к кровати у окна. Девушка сидит к ней спиной, сутулая и неподвижная. Фанни осторожно подкрадывается и закрывает ей глаза ладонями.

— Брендон, — тихо шепчет Элизабет Баллантайн.

— Не угадала! — смеется Фанни. — Это твоя ворчливая тетушка!

Она обнимает Элизабет, целует в русоволосую макушку и садится на койку рядом.

— Ну, дорогая, чем ты меня сегодня порадуешь?

Элизабет обращает к ней бледное, осунувшееся лицо.

— Приходили солдаты. С ними какой-то мистер в дорогом пальто. Хотели говорить со мной. Принесли фруктов, но я отдала их раненым.

— А о чем хотели говорить?

— Они не понимают, как мы выжили вместе. Дорогое Пальто сказал, что куклы не могут послушаться приказа.

— Ну а ты ему что? — округляет глаза Фанни.

— Я сказала, что Брендон — не кукла, — шепчет Элизабет и поникает.

Фанни обнимает ее за плечи и прижимает к себе. «Бедная моя девочка! Кожа да кости», — думает она с волнением.

— Все позади, милая. Твой корабль отправляется через несколько дней.

— Я не поплыву, Фанни.

— Вот уж глупости! Придется тебя связать, завернуть в ковер и вручить моему дружку

на корабле!

— Не смешно. Я должна вернуть Брендона.

Фанни вздыхает. Опять она за свое...

— Послушай, милая. Я вчера тебе это говорила, скажу и сегодня. Мальчик сделал все, чтобы ты выжила. И ему бы сейчас очень не понравился твой настрой. Успокойся же. Тут ничем не поможешь.

Элизабет встает, поправляет на себе длинную мешковатую рубаху. Смотрит на Фанни сверху вниз.

— Теперь послушай ты. Если за кем и спускаться в ад, так только за тем, кто однажды тебя оттуда вытащил.

— Какие громкие речи! — перебивает Фанни. — Девочка, тебя ветром снесет, куда ты собралась?

Элизабет медленно идет к окну. Долго смотрит в небо, возвращается обратно. Садится на койку, тяжело дыша, тянется к чашке с водой.

— Тошнит, — морщится она. — Ничего. Я себя пересилю. Фанни, я прошу у тебя помощи. Но если ты откажешь, я сделаю все сама. Я знаю, где Брендон, но он жив. Пока еще жив. И я без него не уеду.

Девушка вытаскивает из-под подушки ранец. Гладит его, будто живое существо, протягивает Фанни.

— Здесь деньги. Возьми столько, сколько нужно отдать на корабле за меня и... и еще столько же. Остальное пока спрячь. Оно мне понадобится очень скоро. Теперь слушай. Мне нужна одежда и обувь. Пышная, очень пышная длинная юбка. Как у леди. Блуза. Красивый короткий жакет. Мужские бриджи. И подвязки для чулок. Три пары.

— Дорогуша, а ты не лопнешь? — возмущается пампушка.

Элизабет бросает на нее испепеляющий взгляд и молчит.

— Юная леди, вам бы воспитание, соизмеримое с вашей наглостью! — нарочито кипятится Фанни, а потом не выдерживает и улыбается: — Сделаю, милая. Только ты обещаешь, что начнешь нормально есть.

— Обещаю, — вздыхает Элизабет.

— Вот и умничка! — Фанни нежно щиплет ее за щеку. — Пойду отвоевывать тебя у эскулапов.

Фанни кладет на одеяло бумажный пакет, из которого вкусно пахнет сдобой, и уходит, гордо лавируя между больными. Элизабет раскрывает пакет, отщипывает кусок булки и отправляет в рот. Морщится, борясь с тошнотой, но ест.

«Я должна набраться сил. Если я не буду сильна, я не дойду к тебе. Я обязана дойти», — думает она.

Правая рука ныряет под подушку и вынимает музыкальную шкатулку с корявой гравировкой на крышке. Элизабет доедает булку, прижимает шкатулку к груди двумя руками и бредет к выходу в общий коридор.

— Мисс, куда вы? — окликает ее сестра милосердия.

— Я посижу в саду. Если меня будут искать, я вон туда, на скамейку.

Босая, она идет через двор, устраивается на лавочке под раскидистой ивой. Вытягивает ноги так, чтобы на них падал солнечный свет. Ставит шкатулку на колени, обводит пальцем рисунок четырехлистного клевера и замирает. Снова и снова она возвращается к вчерашнему разговору с господином в дорогом пальто.

«Мисс Баллантайн, мне бы хотелось надеяться на наше сотрудничество».

«Отпустите Брендона. Он не такой, как все. Вы же видели, он меня спас».

«Его и сенатора Баллантайна будет судить трибунал. Из-за прибора, разработанного Бренденом, погибли тысячи людей. Элизабет, вы понимаете, что такое не прощают? — Выдержав паузу, Дорогое Пальто продолжает: — Вы нам нужны. Если я правильно понимаю, он вам полностью подчиняется. Я специально не тороплюсь отправлять его в столицу. Я хочу, чтоб вы с ним поговорили и убедили давать показания перед судом».

«Мистер, вы достаточно образованы, чтобы понимать латынь? — цедит Элизабет, криво ухмыляясь. — Так вот. *Vibe semen meum et futue te ipsum[1]*».

Дорогое Пальто ласково улыбается, склоняется к уху девушки и негромко говорит:

«Моя милая *petite salope[2]*, история знает множество примеров, когда хорошенькие женщины страдали из-за своего острословия. Очень жаль, что вы отказываете нам в такой резкой форме. Но не беда. Наши мастера допроса заставят говорить даже камень. До встречи, мисс Баллантайн. Я уверен: мы еще увидимся».

Обняв себя за плечи и уткнувшись лбом в колени, Элизабет Баллантайн тихо плачет на скамейке.

«Я обязана быть сильной. Я должна стать скалой. Иначе я не сумею. Я не боюсь. Господи, я не прошу у тебя помощи. Только не мешай, умоляю. Я смогу».

На следующий день Фанни забирает Элизабет из госпиталя. Пока девушка одевается за ширмой, рыжеволосая пампушка голосит, театрально заламывая руки:

— Детка моя, ты ж прозрачная совсем! Ох, люди, ну что ж творится такое? Что за времена настали? Страшно на улицу выйти, конец времен близок, не иначе! Ах, отошала-то как!

Элизабет выглядывает из-за ширмы.

— Ну хватит уже, а? Помоги зашнуровать корсет.

Фанни умолкает и спешит к ней. Полные руки начинают порхать, сноровисто вдевая узкую шелковую ленту в отверстия.

— Милая, ты безумно хороша, — тихонько воркует Фанни. — Дома тебя ждет Эван. Он сказал, что готов помочь.

— А Майк? — шепотом спрашивает Элизабет, поправляя лиф платья.

— Майки погиб во вторую ночь резни. Убит в своем любимом баре.

— Ноа? Джейк? Тайлер? Сэмюель?

Фанни грустно качает головой.

— Никаких вестей. Милая... Слишком многих не стало. Город как после войны. Обувайся. Сейчас поедem, и ты все увидишь своими глазами.

В темно-сиреневом шанжановом платье Элизабет, поддерживаемая под руку Фанни, выходит из ворот госпиталя Святой Инесс. Женщины садятся в ожидающий автомобиль.

— Теодор, душа моя, — с жаром обращается Фанни к шоферу. — Ну, трогай же!

Водитель радостно гогочет и хватается пампушку за колено. Фанни ругается, шлепает его по руке. Машина отъезжает от госпиталя.

Элизабет берет газету, лежащую на сиденье. «Сенатор Баллантайн предстанет перед судом пятого сентября». «Дьявольская машина отключена. Чего ждать от кукол дальше?» «Фабрика Баллантайна полностью уничтожена пожаром». «Нью-Кройдон хоронит своих

мертвых. Более семнадцать тысяч погибших». «Мэр обещает восстановить вторую линию монорельса через две недели». Девушка читает статьи, и слезы наворачиваются на ее глаза.

Семнадцать тысяч жизней. Дети. Старики. Женщины. Влюбленные пары. Ни в чем не повинные люди. Шестая часть городских перерожденных жила в семьях. Чистые, благополучные, любимые живыми. И вот в один момент...

«Брендон, вину за случившееся хотят повесить на тебя, — понимает Элизабет. — Никто, кроме меня, не думает о том, что куклы — это жертвы. Машины, запущенные Баллантайном. Никто не знает, что тебе пришлось преодолеть. Никто не хочет знать. Людям нужны виноватые. И чем больше, тем лучше...»

Она откладывает газету и смотрит в окно.

Дома скалятся разбитыми стеклами, стены закопчены, выщерблены выбоинами от пуль. Прохожих не видно, на улицах сплошные военные патрули. Витрины магазинов разгромлены, товар валяется на тротуарах. Из булочной вылетает серая птица, таща в клюве кусок хлеба. Сорванными вывесками наспех забиты окна. Вдалеке с монорельса свисают покореженные вагоны. Тела с улиц убрали, но кровь с мостовой и стен зданий никто не смыл.

На перекрестке Скайлайн-авеню и Харли-стрит машину останавливает полисмен.

— В объезд, — говорит он шоферу. — Главная площадь закрыта, туда сгоняют чертовых кукол.

— Зачем? — удивленно спрашивает Элизабет.

Полисмен смотрит на нее, как на сумасшедшую.

— Мисс, вы откуда? Завтра наша доблестная армия раскатает их всех танками.

Девушка откидывается на сиденье, обмахивается газетой. Ей хочется кричать от отчаяния.

— Спасибо, сэр, — улыбается Фанни. — Юная леди нездорова, прошу нас простить.

— Хорошего дня! — машет рукой полисмен, и автомобиль продолжает свой путь.

Фанни смотрит на Элизабет через зеркало заднего вида.

— Дорогуша, — говорит она строго. — Держи себя в руках. Я понимаю, что тебе тяжело, но в этом городе сейчас никто не сочувствует убийцам. Еще не хватало, чтобы в тебе заподозрили сообщницу сенатора.

Теодор высаживает их недалеко от дома и уезжает. Рыжая Фанни не смолкает ни на минуту:

— Ах, милая, как я боялась! В нашем бедняцком квартале была тишина, конечно, но когда в стороне, на фабрике, что-то взорвалось, я чуть богу душу не отдала! Ох, как громыхнуло! Я думала, стекла повынесет, а нет! Три дня мы с Давидом молились, чтобы нас спасли. Ой, а сколько граппы с перепугу выпили! Милая, я никогда бы не подумала, что со страху одолею полбутылки — и ни в одном глазу! А потом войска пришли. Арестовали сенатора, выключили прибор, с которого он кукам в головы залезал. С дирижаблей и по радио объявили, мол, военное положение, сохраняйте спокойствие, граждане. Мы с Давидом дожали мои запасы граппы и через день пошли на улицу. Ах, дорогая, что тут творилось! Трупы, трупы, кругом одни трупы!

— Знаю, — тихо роняет Элизабет, прибавляя шаг.

Фанни скачет рядом и продолжает:

— Я первым делом тебя искать помчалась. Была у Роксаны. Потом пошла по моргам и госпиталям. У Святой Инесс тебя и нашла. Сестры рассказали, что ты едва не умерла, горела

вся. Что тебя нашли в каком-то бункере на краю города. Девочка моя, как такое случилось? Где ты была все это время?

Элизабет заходит в грязный подъезд и поднимается по лестнице в квартиру Фанни. Молчит.

— Милая, я сейчас покушать приготовлю, — суется женщина и стучит кулаком по двери: — Эван! Открывай! Свои!

Щелкает в замке ключ, на пороге детина лет двадцати пяти. Если бы не интеллигентские очки, Эван с легкостью сошел бы за вышибалу в баре.

— Бетси! — радостно басит он и тискает девушку в медвежьих объятьях.

— Ну-ну, — ворчит Фанни, протискиваясь мимо них в квартиру. — Не раздави. И ее тоже! Оставь малышку в покое, ей нездоровится.

Эван бережно опускает Элизабет на пол. Улыбается щербатым ртом.

— Я нашел продукты и приготовил рагу, — сообщает он хозяйке квартиры и спрашивает у девушки: — Она сказала, что тебе срочно нужна помощь. Чем я могу быть полезен?

Элизабет разувается, проходит в спальню и присаживается на край кровати. Вытягивает ноги, шевелит пальцами. Эван устраивается напротив на табурете.

— Я расскажу тебе, что произошло. С самого начала. Ты внимательно выслушаешь и ответишь честно, станешь ли помогать мне.

Она говорит — долго и монотонно. Эван слушает, не перебивая. Фанни на кухоньке гремит посудой, негромко напевает. По квартире разливается аппетитный аромат рагу. За окном сидит на ветке ворона, поглядывает на людей в комнате круглым маленьким глазом. В доме хлопают двери, на улице затевают склоку соседки.

Наконец Элизабет умолкает. Эван скребет пятерней в затылке и задумчиво выдает:

— Ну-у... Я понимаю, времени у нас меньше чем немного?

— Да. Завтра.

— Бетси, отмычки я тебе дам, конечно. Порох к утру достану. Что нужно еще?

— Чемодан. Здоровенный. Лучше сундук. Машина. Умелый водитель.

— Теодор согласен, я с ним уже договорилась! — кричит Фанни из кухни.

— Мужская одежда. Он на голову и пол-ладони выше меня, худощавого телосложения, — продолжает Элизабет. — Топливные брикеты. Чем больше, тем лучше.

— Уголь, торф, смесь?

— На чем перерожденные дольше тянут?

— Понял. Что еще?

— Заточка. Патроны к револьверам.

Эван закатывает глаза.

— Бетси, деточка, тебя заносит. Тормози.

— Не в куклы играем, — мрачно отвечает девушка. — Последнее: убежище. На сутки-двое. Сюда нельзя, опасно.

Эван долго думает, почесывая подбородок. Фанни заглядывает в комнату:

— К столу, ребятки.

Здоровяк радостно хлопает себя по коленям, вскакивает.

— Еда — это хорошо! Пошли набивать пузо, юная налетчица. На сытый желудок лучше думается!

Эхо шагов мечется, бьется между высоких стен. Город молчит. Город затаился, зализывая раны. Город спрятался за спины гвардейцев империи, оцетинился ружьями. Взглядами редких прохожих город провожает невысокую девушку в сиреновом платье, идущую сквозь каменный лабиринт.

Шляпка с вуалью надежно скрывает ее глаза от любопытных взглядов. Никто не должен видеть, как ей страшно. Никто не должен знать, каких сил стоит прямая спина и ровный, уверенный шаг.

«Я не боюсь, — убеждает себя Элизабет Баллантайн. — Я все делаю правильно. Все получится».

С Брикс-авеню она сворачивает к Канви-парку. Так будет ближе. Пересечь парк, затем напрямую через Иллюжн-стрит до набережной Фармингтона, перейти Коппер-бридж и площадь перед зданием мэрии. Там три минуты ровным шагом до полицейского участка. Все получится.

Канви-парк, обычно шумный и полный отдыхающих горожан, встречает ее запустением. Элизабет идет мимо перевернутых скамеек, истоптанных цветников, пересекает ажурный мостик через канал. Грустно смотрит на лужайку близ озера. Раньше туда каждый день приходил художник в неизменном бежевом берете, немолодой такой мужчина с веселыми искрами в глазах, а на озере катались на лодках влюбленные парочки. Теперь лишь стайка уток жмется к берегу, раздраженно крикает, досадуя, что люди не бросают им хлеба.

«Выживут ли утки, если мы все исчезнем?» — рассеянно думает Элизабет, проходя мимо. Шуршит под ногами опавшая листва. Никто не убирает ее с дорожек.

На пустынной аллее девушку догоняет мужчина лет тридцати в кепке набекрень.

— Юная леди, прекрасный день! Вы не боитесь гулять одна в такое время?

— Нет, — отрезает Элизабет, не сбавляя шага.

— Красная Шапочка, тут могут водиться волки. — На лице мужчины появляется скользкая улыбочка. — Позвольте, я вас провожу, мисс?

— Нет.

— Мисс, ну что вы! Я не волк, я охотник. Меня не стоит бояться.

Он преграждает девушке дорогу, вынуждая остановиться. Элизабет равнодушно смотрит на него из-под вуали.

— Рассказывают, что Красная Шапочка щедро отблагодарила охотника, — ухмыляется мужчина. — Что у вас в корзинке, мисс?

Правый уголок ее рта ползет вверх. Девушка медленно присаживается на корточки, ставит корзину на землю. Смотрит на типа снизу вверх.

— Там волчья шкура, мистер.

Момент — и она резко выпрямляется. Мужчине между ног упирается маленький дамский револьвер.

— Вы ошиблись с ролями. Охотник здесь я, — спокойно объясняет Элизабет Баллантайн. — Выворачивай карманы, Красная Шапочка. Быстрее. Я тороплюсь.

Вместе они идут через весь парк. Мужчина ведет девушку под руку, вымученно улыбаясь. Ему в бок уютно уткнулось дуло револьвера. На Иллюжн-стрит Элизабет сдает попутчика первому же патрулю.

— Господа, примите, пожалуйста, подарок. Напал на честную девушку в безлюдном парке, хотел ограбить, — ангельским голосом щебечет она, испуганно глядя на солдат.

— У нее револьвер! — орет мужчина.

— Да, и что? Времена беспокойные, мародеры кругом. Хороший папа дочку без оружия на улицу не выпустит, — невинно хлопает глазами Элизабет, лезет в корзинку за револьвером. — Он не заряжен. Смотрите сами. Я даже не умею стрелять.

Солдаты гогочут, уводят незадачливого грабителя. Элизабет Баллантайн следует дальше, стараясь выровнять дыхание и унять бешено колотящееся сердце. Ей хочется есть. На Иллюжн-стрит закрыты все магазины, не работает ни одно кафе. Лишь ветер гонит по мостовой обрывки газет.

Удача улыбается ей в лице одинокого булочника с почти пустой корзиной. Элизабет забирает два оставшихся кренделя, продавец называет цену.

— Мистер, это грабеж! — возмущается девушка.

— Увы, мисс, — печально разводит руками булочник. — Сами видите, что сейчас творится. Моя семья пострадала, работаю я один, закупочная цена продуктов на складах выросла.

Элизабет вздыхает, расплачивается и торопится своей дорогой, уминая вкусную сдобу. Время, отстукивают каблучки, вре-мя...

На набережной неожиданно оживленно. Народ переговаривается, что-то обсуждает, лица у всех хмурые. Элизабет непроизвольно прислушивается к разговорам.

— Отвратительное зрелище. Не понимаю тех, кто брал с собой детей.

— Почитаем в утренних газетах! Жажду фотоснимков с близкого расстояния!

— Бесчеловечно... Лучше бы их вывезли на полигон и там...

— Молчи, женщина! Это было лучшее зрелище в моей жизни!

— Мерзавец! Чудовище! — Женщина в черном бархатном платье бьется в руках седого мужчины. — Ты отдал им Эмми! Ненави-и-ижу!!!

Взгляд цепляется за плачущую девочку на руках у сурового отца.

— Бабуля... Там бабуля! Давай вернемся, папочка!

Через Коппер-бридж медленно ползут танки и бульдозеры с громадными щитами вместо ковшей.

— Зачем это? — растерянно спрашивает Элизабет, остановив какого-то прохожего.

— Чтобы не разбегались, — равнодушно отвечают ей. — Хотя зря. Они сами шли. Как стадо овец. И стояли, не рыпаясь, пока их давили.

— Как сигнал пропал, так они и утихли, твари, — ухмыляется краснолицый толстяк со свежим шрамом через щеку.

Элизабет отшатывается прочь, ей не хватает воздуха. Осознание того, что произошло там, на площади, обрушивается на нее.

— Брендон... О господи, Брендон!!!

Гремит под каблуками сердце города. Подобрав юбку, Элизабет бежит через мост к зданию мэрии.

— Куда ты, красавица? — кричат ей. — Там все уже кончилось!

От грохота ползущих танков мутится рассудок. Кто-то хватает Элизабет за руки, она отбивается, уворачивается, расталкивает людей, несется дальше.

— Мисс, нельзя туда! Эй, мисс!

Только налетев грудью на скрещенные перед ней винтовки, Элизабет останавливается. Не устояв на ногах, оседает на землю. Смотрит вперед, не в силах отвести взгляда.

Площадь перед зданием мэрии завалена телами. Раздавленными, искореженными, изорванными тяжелыми танковыми гусеницами. Горы тел. Поблескивают металлические

разломы. Смотрят в небо тысячи открытых мертвых глаз. Тишина. Лишь ветер играет прядями волос. Вздрагивает цветок шиповника, приколотый к рваному платью перерожденной, лежащей в нескольких шагах от Элизабет Баллантайн. Руки маленькие, детские. Вместо головы — месиво костных обломков и светлых волос.

Элизабет тихо воет, впившись зубами в кулак. Ее поднимают, отводят в сторону, за угол.

— Мисс, тише, тише. Хлебните-ка из фляги. — Пожилой гвардеец усаживает девушку у стены. — Я вас понимаю. Это страшно. Это несправедливо по отношению к тем, чьи родные сейчас лежат там. Но был приказ императора. Пейте. Во-от, умница. Куда вы шли? Давайте я вас провожу.

Проходит минута, другая, пятая. Элизабет медленно выдыхает. Глоток бренди немного приводит ее в чувство. Она вспоминает, куда и зачем идет. И понимает, что ее Брендон не может быть здесь, на площади. Девушка возвращает гвардейцу флягу, встает. Давит приступ тошноты, пытается улыбнуться.

— Благодарю, капрал. Я дойду. Тут недалеко. Меня ждут. Я шла и просто... просто увидела и...

— Понимаю, милая. Так куда тебе?

— Куин-Мэри-авеню, — отвечает она и уходит, стараясь держать спину прямо.

Врет. Ей всего лишь обойти площадь и спуститься на одну улицу ниже к Фармингтону.

— Берегите себя, мисс! — кричат ей вслед.

Полицейский участок встречает ее тишиной. Три полисмена коротают сумерки за карточными играми и немного оживляются, увидев на пороге девушку.

— Добрый вечер, мисс! Что привело вас к нам?

Элизабет ставит корзинку на шаткий табурет. Приподнимает вуаль, улыбается, стараясь выглядеть дружелюбно.

— Прошу прощения, что нарушаю ваш покой, джентльмены. Мне надо повидать одного из ваших арестантов.

Голос девушки звучит равнодушно. Полисмены с интересом переглядываются.

— Какого именно, мисс? У нас тут камеры ломаются от всякого рода хулиганья.

— Одного, — повторяет Элизабет. — Особого.

— А-а-а! Ну надо же! А разрешение на свидание у вас имеется?

Элизабет называет фамилию человека в дорогом пальто и добавляет так же равнодушно:

— Я обещала свое содействие.

— Хорошо, мисс. Покажите, что у вас в корзине.

Элизабет выкладывает на стол револьвер с пустой обоймой, бутылку красного вина и сверток с ботинками. Полицейские забирают револьвер, остальное отдают обратно.

— Вино вам, джентльмены, — улыбается девушка.

— Благодарю, мисс, — отвечает, видимо, старший по званию. — Нам запрещено на службе. Пойдемте. Я вас провожу.

Он открывает перед Элизабет тяжелую дверь, ключ цепляет к поясу. Девушка берет корзинку, следует за ним. В голове мерно отщелкивает метроном. Две минуты. У нее всего две минуты.

Они идут вдоль камер, переполненных людьми. Свист, улюлюканье, к девушке отовсюду тянутся руки.

— Мародеры, — бросает полисмен через плечо. — Мелкое хулиганье. Скоро уже места под них не останется.

Поворот. Взять корзину поудобнее. Не бояться. Спокойнее. Дрожащие руки тебя выдадут, Элизабет. Глаза в пол. Не смей плакать. Иди.

— Пришли, мисс. Будете говорить с ним?

Она кивает, прикусив щеку. Подходит к решетке, берется за нее обеими руками. Боится взглянуть, смотрит под ноги. На каменный пол шлепается капля, за ней другая.

— Брендон, — зовет она. Голос дрожит, как заячий хвост.

Минута, напоминает внутренний метроном. У тебя минута, девочка.

Он подходит, накрывает механическими ладонями ее стиснутые кулаки. Она поднимает глаза.

«Не плачь», — шевелит он губами. Глаза счастливые, лицо грязное, от одежды остались одни лохмотья.

— Говори, — просит Элизабет. — Говори со мной.

«Я в порядке, — отвечает он на амслене. — Мне сказали, что ты жива. Это главное. Пожалуйста, не плачь».

«Читай по губам, — беззвучно просит Элизабет, почти прижавшись лицом к решетке. — Продолжай говорить. Я тебя отсюда заберу. Сейчас».

«Я понесу наказание. Заслуженно. И я рад, что ты пришла. Посмотрю на тебя напоследок. Не плачь, Элси. Ты мое счастье. Теперь я могу это сказать. Я больше не боюсь».

— Говори со мной. Пожалуйста, говори еще.

С улицы доносится глухой хлопок, потом грохот взрыва, звон разбитого стекла и крик:

— Да здравствует демократия!

Элизабет делает глубокий вдох, считает до трех, выхватывает из корзины бутылку вина и изо всех сил бьет полисмена по голове. Звук удара совпадает со вторым взрывом. Полисмен мешком валится на пол.

— Сейчас, Брендон...

Девушка торопливо вытряхивает из рукава заточку, режет на себе юбку, вытаскивает из широкой резинки чулка отмычки. Вываливает из корзины сверток с ботинками, срывает второе дно, сует Брендону через решетку два револьвера:

— Если кто появится — стреляй.

Минута на возню с отмычками. Сбросить ненужную юбку, подхватить ботинки. Элизабет распахивает дверь в камеру, хватает Брендона за руку, неловко тычется губами в щеку. Нет времени на поцелуй, прости, все потом...

— Уходим. У нас единственный шанс.

Они бегут обратно через коридор, Элизабет тянет Брендона за собой. Девушка влетает в комнату охраны, захлопывает дверь, задвигает тяжелый засов.

— Их отвлекли, но ненадолго, — быстро поясняет она Брендону. — Нам в уборную. Где она здесь?

Ей кажется, что она тратит на поиски слишком много времени. Слишком долго они с Бренденом сдвигают тяжелый люк в полу.

— Прыгай, — умоляет она. — Скорее же! Прыгай и встречай меня.

Брендон неуклюже хлюпаются в темноту канализации, секундой позже Элизабет приземляется к нему на руки. Быстро срывает с ног туфли на каблуках и несется по узкому тоннелю босая, увлекая Брендона за собой и слегка касаясь рукой щербатой стены.

— Скорее, — подгоняет она. — Здесь направо... Оружие не урони. Быстрее, милый! Доверься мне, я помню дорогу.

Хлюпает под ногами жидкая, зловонная грязь, над головой в переплетении труб попискивают крысы. Брендон и Элизабет в крошечной тьме перелезают через завалы мусора, бредут по колено в городских нечистотах, карабкаются по стальным лестницам, переходят по подвесным платформам. Не останавливаться. Только вперед. Не разжимать сцепленных пальцев, не оглядываться назад. Погоня слышна в отдалении, не видно даже отсветов полицейских фонариков.

— Скорее, скорее же! — шепчет девушка. — Еще немножко, давай же! Здесь наверх, забирайся скорее. На самый верх, Брендон, вылезает!

Он подсаживает ее на лестницу, подтягивается сам. Роняет револьвер, но возвращаться уже нельзя. Подниматься тяжело, девушка с трудом переползает с одной перекладины на другую, у Брендона силы давно на исходе. Вот и крышка люка. Элизабет из последних сил долбит по ней кулаком.

— Эва-а-ан! Помоги-и-и!

Брендон добирается до самого верха, толкает люк наружу. Раз, другой — и тяжелый железный диск начинает двигаться, поднимаемый с другой стороны. Крепкие руки вытаскивают Элизабет, затем помогают выбраться Брендону.

— Привет! Ну и воняете же вы, ребята! — возбужденно орет Эван.

Вечерняя улица сияет фонарями. Безлюдно. Лишь вдалеке виднеется одинокий прохожий. Элизабет жмурится от электрического света, тяжело дышит. Брендон обалдело моргает, обтирает руки об грязные штаны.

Люк быстро прилаживают обратно, Эван подмигивает девушке:

— Быстро в машину. Тед знает, куда ехать. А я пока немного придержу полицию.

Он стаскивает с плеч ремни, удерживающие за спиной сварочный аппарат и, насвистывая, принимается заваривать канализационный люк. Захлопывая дверцу авто, Элизабет видит в темноте белесый огонек ацетиленовой горелки. Миг — и машина отъезжает.

— Ни слова про вонь! — командует девушка Теодору и ныряет в объятия Брендона.

Они замирают на заднем сиденье, вжавшись друг в друга, переплетаясь руками. Элизабет наконец-то разражается счастливыми слезами, Брендон баюкает ее, уткнувшись лицом в русые волосы. Машина мчится через пустынный город, Теодор изредка поглядывает в зеркальце заднего вида и улыбается.

— Люблю... — сквозь слезы шепчет Элси Баллантайн, сглатывает подступивший к горлу комок и повторяет торопливо и уверенно: — Брендон, я тебя люблю!

У въезда в старый док, давно пустующий и облюбованный одной из городских банд, их встречает Фанни. Ахает, долго причитает, брезгливо морщится, почувствовав аромат канализации, затем чмокает Элизабет в щеку и тепло улыбается Брендону. Теодор загоняет автомобиль на территорию дока, и местные обитатели запирают за ним тяжелые ворота.

В вечерней тишине долго не смолкает фальцет Фанни:

— От мужчин одни беды! Куда ни сунься — вляпаешься в дерьмо! Голубка моя, немедленно мыться! Мальчик, тебя это тоже касается! Что значит «потеряла ботинок»? Штаны целы? Ну, слава тебе господи! Элизабет, что у тебя в волосах? Отмычка? Что ты хохочешь, маленькое чудовище?..

Третью неделю лайнер идет через Атлантику. Серая океанская рябь сливается с небом. Светает. Горизонт слегка обозначен бледно-розовым.

Русоволосая девушка, шатаясь, выходит из каюты, добегают до борта, перевешивается через ограждение. Освободив желудок, она садится на палубу, приваливается спиной к фальшборту и тяжело дышит, подставив лицо ветру. Услышав деликатное покашливание, открывает глаза.

В нескольких шагах от нее стоит молодая женщина в черном кружевном платье старинного покроя. Улыбается, приподняв правый угол рта.

— Доброе утро, мисс, — с трудом выговаривает девушка.

Молодая леди сочувственно качает головой.

— Ты хоть что-то ешь?

— Да. Понемногу.

— Держись. Когда скажешь ему?

Девушка каменеет лицом, глаза округляются. Молодая женщина смеется.

— Не бойся. Это девочка. И все будет хорошо.

— Но такого не может...

— С вами — может, Элизабет.

— Откуда вы... — начинает девушка и умолкает. Она на палубе одна.

Элизабет Баллантайн возвращается в свою каюту. Запирает за собой дверь, жадно пьет воду из оловянной кружки, ложится на узкую койку. Брендон спит, на его щеке отпечатался уголок подушки. Элизабет прижимается к нему, зарывается носом в светлые кудри и шепчет:

— Я тебя люблю, слышишь? Мы с тобой все преодолеем. Мы вместе. Свободны. Все будет хорошо. Я узнавала.

[1] Грязное латинское ругательство.

[2] Маленькая шлюха (фр.).

Часть I

Спаси и сохрани

Часы в глубине дома бьют трижды. Сэр Уильям Раттлер, генерал, верховный главнокомандующий Его Императорского Величества, встает из глубокого кресла в рабочем кабинете и поднимается на третий этаж в покои своей супруги Элеонор. В доме закрыты ставни на окнах, у входа удвоена охрана. Все со страхом ожидают утра.

Снаружи бушует ад. Кричат люди, хлопают выстрелы, воняет гарью. С рассветом сэр Уильям обязан выйти на улицу и ехать в штаб на окраину города. Но пока у него есть три с половиной часа, чтобы побыть дома, с семьей.

Он подходит к двери спальни Элеонор, стучится.

— Входи, — откликается усталый голос жены.

Комната залита светом. Элеонор сидит в кресле, раскрыв книгу на коленях. Уильям знает: она читает сто двенадцатую страницу вот уже три часа. Раз за разом начиная с начала и не запоминая смысла прочитанного.

— Ложись поспи, — просит генерал, едва касаясь ладонью седых волос жены, собранных в неаккуратный пучок на затылке.

Элеонор поднимает на него заплаканные глаза.

— Уилл, ей не лучше.

— Я знаю, — сухо отвечает он. — Пойди приляг в моей комнате. У тебя три с половиной часа, чтобы немного восстановить силы. Ровно в шесть тридцать мы отсюда уедем.

Он подает ей руку, помогает подняться. Элеонор вытирает уголком шали слезы с морщинистых щек и, бросив усталый взгляд в сторону кровати, медленно уходит из спальни. Генерал, подавив вздох, присаживается на край постели и поднимает одеяло.

Лежащей в кровати девушке на вид не больше восемнадцати. Спутанные темные волосы разметались по подушке. Между зубами — шейный платок, крепко завязанный на затылке. Девушка яростно грызет кляп, извивается. Ноги ее обернуты одеялом и связаны шнуром от шторы. Второй такой же шнур, пропущенный под кроватью, с двух сторон обвивает запястья, не давая лежащей поднять рук. Обе они ниже трети плеча — механические, а шею заменяет система гибких трубок и штырей, уходящих в плоть. Уильям Раттлер гладит бледный лоб девушки и просит:

— Держись, малышка. Помощь придет.

Спеленатое тело расслабляется. Исчезают из темных, словно спелая черешня, глаз злоба и ненависть. Девушка обмякает и плачет — без слез, беззвучно. Главнокомандующий убирает со лба дочери спутанные пряди и продолжает говорить — спокойно и четко:

— Мы выдержим. Мы с матушкой очень тебя любим, Долорес. Я уверен, что ты меня слышишь. Я тебя не брошу, малышка. Как только рассветет, я сделаю все, чтобы взять этого дьявола. Только держись. Я тебя отвоюю.

Мгновение — и она снова бьется в путах. О том, что будет, если девушка сможет

вырваться, генерал запрещает себе думать. Счастье, что ночью он оказался дома. Счастье, что, когда все куклы Нью-Кройдона сошли с ума, у Долорес под рукой не оказалось ничего, что сгодилось бы в качестве оружия. Счастье, что Элеонор не растерялась и помогла мужу связать обезумевшую дочь. Счастье, что телефонная линия работала и Уильям Раттлер быстро доложил императору о ситуации.

— Ваше Императорское Величество, я уверен — это Баллантайн. В городе слишком много перерожденных, и сил полиции не хватит, чтобы установить контроль над ними. Мой император, в Нью-Кройдон необходимо срочно ввести войска. Я распорядился направить к нам полк из округа. Как только появится возможность, я прибуду в штаб. Нет, сэр, с моей семьей все в порядке, дом хорошо укреплен. Да, мой император. Спасибо. Так точно.

Генерал поправляет подушку под головой дочери и думает о куклах Нью-Кройдона. Он знает, что за безумие одновременно овладело всеми городскими перерожденными. И понимает, что быстро этот кошмар не закончится.

«Перед отъездом распорядюсь похоронить погибших», — думает Раттлер. Алиса, перерожденная-компаньонка Долорес, успела сломать шею мисс Нортон, экономке, и серьезно ранить садовника, прежде чем генерал застрелил ее. Раттлер понимает, что до утра садовник не доживет, несмотря на оказанную помощь. О том, как дому Раттлеров повезло, что кроме Алисы и Долорес у них нет других перерожденных, сэр Уильям старается не думать.

«Пережить ночь. Добраться до штаба. Вызвать подкрепление из соседнего округа. Связаться с командующим флотом... Черт! Время! Теряем время!»

Главнокомандующий в отчаянии смотрит на дочь.

«Сколько таких, как она, не смогли удержать? Как много погибло — людей, кукол?»

— Держись, малышка, — шепчет генерал. — Я тебя не брошу.

Ровно в шесть утра Уильям Раттлер распорядается подать машину. Будит жену, просит не брать с собой ничего, кроме документов и топлива для дочери. Запирает деньги и драгоценности семьи в сейф, переодевается в штатское.

— Сэр, машина у парадного, — докладывает дворецкий.

Генерал сухо благодарит, возвращается в спальню. Отвязывает Долорес и защелкивает наручники на ее запястьях. С завернутой в одеяло девушкой на руках сэр Уильям выходит и садится в машину. Бронированное стекло делает рассветное солнце зловеще-пурпурным.

Раттлер устраивает дочь у себя на коленях, обнимает ее обеими руками. Поворачивается к жене:

— Элеонор, прошу: держи эмоции в себе. А лучше не смотри в окно.

Первая бронемашина трогается с места, за ней вторая. Автомобиль генерала следует за ними. Путь лежит через весь город в Даствуд — северное предместье Нью-Кройдона, в штаб командования имперской армии.

— Адъютант, доложите обстановку. Хватит уже трястись, не баба.

Голос главнокомандующего звучит устало. Раттлер не отрывает взгляда от настольных часов. Секундная стрелка описывает круг за кругом, молоденький адъютант за правым плечом мямлит, запинаясь, теряя нить повествования.

— Сэр, очень много жертв. Хуже всего дела в промзоне — там пожары. Горит фабрика Баллантайна, склады в Солте, — перечисляет парнишка. — Полицейские не справляются, их

начальник убит. Мэр с семьей эвакуированы в столицу...

— Джефферсон, кто учил тебя рапортовать? — взрывается генерал, громыхая кулаком по столешнице. — Мне нужны цифры и факты! И доклад по районам: число погибших, потери противника, расстановка сил. А ты мне про мэра, идиот!

Адъютант бледнеет, вытягивается по стойке «смирно». Раттлер не сводит с него тяжелого взгляда, ждет. Секундная стрелка продолжает бег по кругу.

— Сэр, простите, эмоции... — бормочет Джефферсон.

— К черту эмоции! — рычит генерал. — Как я могу по твоему бляению понять, что происходит?

— Все плохо, сэр. Уличные бои. Горят богатые кварталы. Старшие курсы кадетского корпуса получили оружие и вышли...

— Кто разрешил гробить детей?

— Господин главноко...

Раттлер с грохотом отшвыривает тяжелый стул и быстро выходит из зала. Ему навстречу спешит молодой капрал в сером от пыли мундире. Рапортует о прибытии драгунского полка в город, докладывает обстановку. Главнокомандующий слушает, не перебивая. Адъютант молча маячит за его спиной. Капрал заканчивает доклад, Раттлер хмурит густые брови, сдержанно благодарит.

— Джефферсон, который час? — спрашивает он через плечо.

— Десять пятьдесят одна, сэр!

— К десяти минутам двенадцатого подготовьте бронемашину. С полным боезапасом. Поедете со мной.

— К-куда, сэр?

— Туда, куда бросили детей, — отвечает Раттлер и возвращается в штаб.

Он спускается в бункер под зданием, открывает бронированную дверь, идет коридорами туда, где слышны голоса и раскатистый мужской смех. Входит в комнату для совещаний, смотрит на собравшееся командование.

— Хорошо сидите, господа. Картишки, вино. — Слова падают каплями расплавленного свинца. — Полковник Хиггс, а почему вы, собственно, здесь?

Пожилой обрюзгший начальник кадетского корпуса встает из-за стола. Падают на пол игральные карты, задетые рукавом.

— Господин главнокомандующий, я на своем месте. — В голосе полковника звучит искреннее удивление.

Раттлер медленно выдыхает. Не орать. Спокойно.

— Хиггс, почему вы здесь? — повторяет он.

— Сэр, по предписанию в случае возникновения военной угрозы я обязан прибыть в штаб как можно скорее, — чеканя каждое слово, отвечает полковник. — Что я и сделал.

— Кто позволил вам раздать оружие вашим кадетам и выкинуть их на улицы?

Молчание тянется слишком долго, и Раттлер не выдерживает:

— Черт возьми, вы понимаете, что это дети?

— Я посчитал ситуацию достаточно серьезной, чтобы...

— В одиннадцать десять отъезжает машина, — перебивает главнокомандующий. — Собирайтесь, Хиггс. И молитесь, чтобы хоть кто-то из ваших мальчишек выжил. Господин заместитель начальника окружной полиции, вы также едете с нами. Карты подождут.

— Сэр, это беспредел! — восклицает кто-то.

Раттлер оборачивается на пороге.

— Беспредел — это дуться в карты, зная, что твоя задница прикрыта детьми. Я доложу Его Императорскому Величеству. Во всех подробностях.

Он уходит, ощущая прямой спиной взгляды. «Когда-нибудь они меня сожрут. Но не сегодня, — думает генерал. — Вернем в Нью-Кройдон порядок — и будь что будет». Освещение в бункере мигает. Раттлер сворачивает в неприметный боковой коридор, открывает дверь.

— Элеонор, это я, — говорит он негромко. — Как она?

Седая женщина привстает с жесткой койки. В полумраке сложно разглядеть выражение лица, но сэр Уильям точно знает, как устала его жена.

— Она спит, Уилл. Ей уже легче.

Генерал склоняется над Долорес, лежащей рядом с матерью. В тусклом свете девушка выглядит мертвой. Раттлер гонит прочь дурные мысли и слегка касается щеки дочери. Густые ресницы чуть вздрагивают, и генерал прячет улыбку. Спит. Действительно спит.

— Сюда радиосигнал не проходит. Не буди ее, дорогая. Когда проснется — наблюдай внимательно. Наручники пока не снимай. Попроси кого-нибудь перестегнуть, если Ло покажет, что руки устали. Но только в присутствии вооруженного человека, запомни! Возьми ключ.

— Куда ты сейчас? — бесцветным голосом спрашивает Элеонор, укладываясь на плоскую подушку.

— В центр, с патрулем. Я не могу здесь сидеть, прости.

— Уилл, там опасно!

— Прекрати. Пока на карте жизнь моей семьи и судьба моего родного города, я не собираюсь отдавать команды по телефону. Я нужен там. Береги Ло. Ни в коем случае не выходите на поверхность.

Он целует жену в висок и почти бегом спешит к ожидающему бронемобилю. Джефферсон и Хиггс уже в машине, оба в кирасах и касках. Полковник сжимает карабин, адъютант монотонно бубнит молитву. Раттлер облачается в бронежилет, принимает у лейтенанта оружие и садится на переднее сиденье рядом с шофером.

— Хиггс, где ваши кадеты? — спрашивает он, обернувшись. — Едем туда.

Город горит. Над домами стелется едкий жирный дым, видимость из кабины бронемшины сильно ограничена.

— Следующий поворот направо, — напоминает полковник Хиггс.

Автомобиль проезжает еще сто ярдов и останавливается. Раттлер видит разбитый вагон монорельса, лежащий поперек дороги.

— Почему стоим? — подает голос полковник.

— Сэр, дальше мы не проедем, — отвечает водитель. — Дорога завалена.

— Хиггс, далеко до места? — не оборачиваясь, спрашивает главнокомандующий.

— Двадцать человек я отослал в городской архив, семьдесят — в доки. Еще человек десять-пятнадцать на вокзале.

— Вокзал в нескольких минутах ходьбы. До архива — минут сорок. До доков — в лучшем случае два часа пешком, — вслух прикидывает адъютант.

Раттлер открывает дверь, выпрыгивает из машины на мостовую.

— Пошли, — бросает он коротко.

— Сэр, это слишком опасно! Нас всего четверо! — протестующе кричит Хиггс.

— Не орите. У перерожденных прекрасный слух, — язвительно отвечает генерал. — И поторопитесь, полковник. Или останетесь здесь один.

«Наши преимущества: мы вооружены карабинами. Их преимущество — возможность нападения из засады, — думает Раттлер, осматриваясь и прислушиваясь. — Хотя вряд ли они будут устраивать засаду. Они пойдут туда, где люди. Цель сенатора — максимальное число жертв среди населения. Большая часть полицейских — перерожденные. Значит, все же и они вооружены хорошо».

Вчетвером они идут посередине улицы, прислушиваясь к малейшему шороху. Раттлер останавливается возле распростертых на мостовой тел, осматривает повреждения.

— Задушена. Убит ударом в затылок. Сломана шея, — комментирует он негромко. — Выброшена из окна. Здесь снова тупая травма. Смерть их наступила больше двенадцати часов назад, господа. И перерожденных, которые это сделали, здесь нет. Мертвецы им не нужны. Они там, где живые.

Куклы обнаруживаются за следующим поворотом. Двое мужчин-грузчиков и женщина в платье с рваным подолом пытаются тяжелым сундуком выбить дверь в подвал. Раттлер и Джефферсон стреляют, тщательно прицелившись из-за угла дома, женщина и один из мужчин падают, второй пытается убежать, но его догоняет пуля полковника.

— Наверняка их больше, — шепчет адъютант.

— Вряд ли, — возражает Хиггс.

Раттлер подходит к перерожденным. Одному из мужчин пуля разнесла череп, у женщины разворочена грудная клетка. Подстреленная полковником кукла едва заметно вздрагивает, и генерал добивает ее выстрелом в упор. Джефферсон стучит в дверь подвала:

— Есть кто живой?

— Оставьте их, адъютант. Мы не за ними пришли, — говорит Раттлер.

До вокзала они добиваются спокойно. Выжившие попрыгали, мертвецы лежат, обратив к небу остекленевшие глаза. На перекрестке Раттлеру со товарищи встречается патруль.

— Почему так тихо? — спрашивает полковник. — Где чертовы куклы?

— Сэр, чертовы куклы смещаются в сторону Лайон-стрит, — отвечает сержант лет сорока. — На периферии попадаются одиночки или маленькие группы. Основная масса сосредотачивается...

— Возле особняка Баллантайна, — мрачно завершает за него Раттлер.

— Да, господин главнокомандующий, — кивает сержант.

— Сколько их там уже?

— Около четырех тысяч, сэр. Хорошо вооружены. На приказы разойтись не реагируют, но и не нападают.

— Естественно. Наши основные силы сейчас там?

— Так точно, господин главнокомандующий. Наш полк старается перекрыть противнику подступы к Лайон-стрит, но...

— Ясно, сержант, — подавляет вздох главнокомандующий. — К вечеру ждем прибытия воздушного флота и поддержки с моря. Сержант, мы направляемся к Вест-стейшн, какая ситуация сейчас там?

Сержант медлит с ответом. Качает головой.

— Доложите по форме, — ледяным тоном требует Раттлер.

— Господин главнокомандующий, вокзал Вест-стейшн занят войсками час назад. Наши потери — шестнадцать драгун, четырнадцать учащихся кадетского корпуса Нью-Кройдона, девяносто гражданских. Потери противника — сто сорок семь перерожденных. Сэр, когда мы вошли в здание вокзала, живыми были только куклы. Если можно считать их живыми.

Раттлер медленно поворачивается к полковнику Хиггсу.

— Вы это слышите? — говорить тяжело, воздуха не хватает. — Ваши дети, Хиггс. Вы. Мальчишек. Бросили. На одержимую толпу.

Генерал опирается спиной на стену, расстегивает верхние пуговицы мундира. Полковник багровеет, трясет жирными щеками, пытается выдать какие-то оправдания.

— Господин главнокомандующий, — подает голос Джефферсон. — Не принимайте близко к сердцу. На войне потери неизбежны.

Генерал молчит. И думает не об убитых кадетах. Мертвым уже все равно.

— Возвращаемся в штаб, — наконец говорит он. Кивает на прощание сержанту и идет в направлении бронемашин.

— И какого черта мы неслись сюда и рисковали? — слышит он обращенное в спину.

«Мы опоздали», — отвечает Раттлер про себя. Он прекрасно понимает, что его поступок был нерациональным, но... Его не оставляет мысль о том, что всего пару часов назад они могли многое изменить. И спасти мальчишек.

Тринадцать лет назад Долорес Раттлер умерла, не сумев разродиться первенцем. И когда генералу позвонил перепуганный зять, было уже поздно. Сэр Уильям приехал через двадцать минут после звонка, среди ночи, полуодетый.

«Мистер Раттлер, мы послали за врачом...»

Лицо и руки Долорес были белыми. Простыни, одеяло, даже подушки — алыми. Акушерка бессильно скулила в углу. Генерал, видевший сотни смертей и прошедший две войны, никак не мог понять, откуда столько крови в его маленькой хрупкой дочери. Тяжелые багровые капли срывались с угла простыни на паркет. Долорес еще дышала, слабо и прерывисто, и пыталась тужиться.

«Не надо, — просил Раттлер. — Родная, не надо. Потерпи, малышка, доктор едет».

Прибывший через полчаса врач констатировал смерть. Генерал словно окаменел. До рассвета он сидел рядом с дочерью, а едва солнце тронуло шпили городских крыш, Уильям Раттлер завернул тело Долорес в сорванную с окна штору и понес на заднее сиденье личного автомобиля.

Тринадцать лет назад он точно знал, кто ему нужен. И сейчас верховный главнокомандующий армией Его Императорского Величества собирается вновь нанести личный визит этому человеку. Только теперь он не станет просить Байрона ни о чем.

Элеонор нездоровится. Она не жалуется, но серый цвет лица и медленные движения говорят сами за себя.

— Сердце? — спрашивает сэр Уильям негромко.

Леди Раттлер отрицательно качает головой, кутается в шаль.

— Что там на улицах, Уилл? Что происходит?

Он жадно пьет воду из алюминиевой кружки, морщится.

— Там плохо. Мы опоздали. Действовать надо было в первые часы. Баллантайн все

рассчитал. Удар нанесен внезапно. Ночь, люди в своих постелях...

— Много жертв?

— Тысячи.

— Господи...

— Сейчас в городе тихо и пусто. Кто смог отбиться, спрятались. Хиггс загубил мальчишек из корпуса. Бросил на улицы всех, кто старше четырнадцати. Из сотни живы семнадцать. Как Ло?

Элеонор пожимает плечами.

— Она проснулась. Я пыталась говорить с ней, но наручники мешают. И со мной она не хочет разговаривать.

— Я пойду к ней. Через два часа мне надо быть на Лайон-стрит. Император велел взять Баллантайна живым. Перерожденные стягиваются к дому сенатора. Кажется, он решил ими закрыться, как щитом. — Генерал умолкает, пристально смотрит на жену и спрашивает: — Позвать к тебе полкового врача?

— Не нужно, дорогой. Я уверена: у него множество дел посерьезнее. А я просто устала.

Раттлер понимающе кивает и идет в маленькую каморку, отведенную его семье под спальню. Долорес лежит на боку, съезжившись под одеялом.

— Ло, это я.

Она вздрагивает, пытается подняться. Генерал помогает ей сесть, смотрит в лицо. Дочь глядит на него глазами побитой собаки. Раттлера от ее взгляда окатывает стыдом.

— погоди минуту, малышка. Я тебя освобожу. Только запру дверь, — виновато говорит он.

Повернуть ключ в дверном замке, затем отомкнуть наручники. Долорес расправляет плечи, морщится от секундной боли и бросается отцу на шею.

— Тише, родная, задушишь, — невесело шутит генерал. — Я тебя люблю, малышка. Все будет хорошо. Самое страшное уже позади.

Девушка усаживается напротив него, плачет без слез, жестикулирует быстро и отчаянно: «Папа, я все помню. Мне страшно. Я хотела вас убить, папа! Я не владела собой! Папа, мне так плохо...»

— Ло, не плачь. В том, что случилось, нет твоей вины. Ни капли, милая. Тот, кто сделал это с тобой, за все ответит.

«Мама меня боится...»

Ладонь Уильяма Раттлера гладит спутанные волосы дочери. Девушка хватая отца за руку, порывисто целует пальцы.

«Папа, прости меня! Убей меня, пожалуйста! Я боюсь, что это снова случится», — умоляет она.

— Долорес, ни слова больше, — хмурится генерал. — Не смей себя винить. Послушай внимательно. Без меня — ни шагу за эту дверь. Ни с кем, кроме меня и мамы, не заговаривай.

«Что там происходит?»

— Я потом все тебе объясню, малышка. И запомни: что бы ни случилось — я тебя не брошу. Сейчас я уйду и оставлю тебя с мамой. А когда вернусь, все будет хорошо.

«Куда ты уходишь, папа?»

Генерал видит в ее глазах свое отражение — белый, как лунь, небритый, взлохмаченный. Улыбается, привлекает дочь к себе, прячет в объятьях.

— Ты — мое сердце. Сердце Нью-Кройдона, сердце империи. И за тебя, малышка сегодня будут стоять четыре полка, морской и воздушный флот.

Долорес мягко отстраняется, смотрит на него с ужасом.

«Папа, там что — война?»

— Скорее, попытка революции, милая.

«Я в тебя верю. Ты всегда меня спасал. И спасешь на этот раз нас всех».

Генерал встает, одергивает мундир.

— Я уйду, Ло. Жди меня и не покидай этой комнаты. Мать запрет тебя снаружи, если что-то нужно — стучи.

«Возвращайся с победой, папа», — просит девушка и целует его в щеку, привстав на цыпочки.

Ровно к девяти вечера генерал приезжает на Лайон-стрит. Джефферсон докладывает обстановку — по-прежнему эмоционально и бессвязно. Раттлер слушает и старается извлечь из его рапорта максимум полезной информации.

— Перерожденные стоят плотным заслоном, сэр. На передовой — женщины. Как показала воздушная разведка, огнестрельное оружие есть только у тех, кто находится ближе всех к особняку Баллантайнов. В доме занавешены все окна, со вчерашнего дня никакого движения. Наши лучшие стрелки заняли позиции здесь, здесь и вот здесь, — указывает адъютант на ближайšie к особняку дома на плане. — Один драгунский полк подошел со стороны Северна, второй...

— Будем пробиваться к воротам, — распоряжается главнокомандующий, не дослушав адъютанта. — Танк и три бронемшины. Полкам не атаковать без приказа. Держать сцепление, по возможности отеснять перерожденных с дороги. Еще раз напоминаю: сенатор Баллантайн нужен Его Императорскому Величеству живым. По местам, господа. Приступаем.

На Лайон-стрит медленно выползает танк. Под траками тяжелой машины дробятся камни мостовой. Солдаты сцепления расступаются, пропуская технику. Главнокомандующий едет во втором бронемобиле, ему не видно, что делается впереди. Но он уверен в одном: нью-койдонские куклы не сойдут с места.

— Перерожденные Нью-Кройдона! — несется из громкоговорителя с висящего над толпой дирижабля. — Немедленно расступитесь, дайте дорогу технике! Не вынуждайте нас применять силу! Разойдитесь!

Колонна останавливается, Раттлер напряженно ждет.

— Сэр, — обращается к нему сидящий рядом карабинер. — Почему они не расходятся? Неужели ни один из них не боится? Там же женщины, и дети тоже есть...

— Они под действием приказа, лейтенант. Это сильнее страха.

Утекают в никуда минуты. Ничего не меняется. Раттлер ждет, когда полковник Стивенс, командующий операцией, отдаст распоряжение.

— Перерожденные Нью-Кройдона! Расступитесь! Дайте дорогу технике!..

Машина трогается с места и медленно ползет вперед. И Раттлер с ужасом понимает, что под колесами — тела. словно против своей воли, генерал смотрит в узкие окна-бойницы. Он видит лица перерожденных и понимает, насколько чудовищна сила, что удерживает этих мужчин и женщин на месте. «Стивенс, почему ты не приказал просто отеснить их с

дороги?» — думает генерал.

Техника останавливается у ворот особняка. Водитель бронемшины с тревогой наблюдает за происходящим.

— Господин Раттлер, можно высаживаться, — неуверенно говорит он. — Экипаж первой машины пошел.

Они высаживаются. Под ноги Раттлер старается не смотреть. Рядом молодой лейтенант сквозь зубы сыплет проклятьями. Генерал проталкивается через плотную неподвижную толпу кукол. Танк двигается вперед, выдавливает ворота. Со своего места Раттлер видит одинокую фигуру в темных одеждах, стоящую на ступенях парадного крыльца.

— Взять живым, — напоминает генерал. — И будьте начеку.

«Что-то не так», — хочется сказать ему, но он не имеет права сомневаться.

Солдаты входят на территорию особняка, несколько человек бросается к входу в дом. Байрон Баллантайн улыбается, снимает с шеи маленький свисток, дует в него. Звук не слышит никто. Секунды спустя из-за особняка с обеих сторон с лязгом выскакивает свора полумеханических датских догов. Твари со стальными мордами и защищенной сверкающими пластинами грудью несутся к людям. Пучки травы и комья земли летят из-под мощных механических лап.

— Огонь! — кричит Раттлер.

Поздно. Первые псы сбивают солдат с ног, катятся по земле, сомкнув челюсти, вцепившись в людей. Пули карабинеров, похоже, не причиняют им особого вреда. Но нет — сперва один пес падает, словно подкошенный, за ним второй и третий... Раттлер стреляет в несущуюся на него тварь почти в упор, чудовищная собака спотыкается, переворачивается через голову и неподвижно валится к ногам генерала.

— Господин главнокомандующий, мы прикроем! — слышит Раттлер, и тут же рядом с ним как из-под земли вырастает несколько солдат.

Зверей Баллантайна встречают в штыки, добивают прикладами, экономя патроны. Минуты — и на площадке перед домом остается последний пес. Байрон подзывает его тем же свистком. Перерожденный дог скалится, пятится к ступеням крыльца и послушно садится у ног хозяина. Сенатор треплет его по холке, одобрительно кивает и обращается к солдатам:

— Прекрасный вечер, господа. Здравствуйте, сэр Уильям.

Раттлер подходит к крыльцу. Его солдаты держат сенатора и полумеханического пса под прицелом.

— Здравствуйте, мистер Баллантайн, — спокойно говорит генерал. — Надеюсь, больше сюрпризов не будет?

Байрон снисходительно улыбается, цепляет поводок к шипастому ошейнику дога. Заправляет за ухо длинную прядь волос.

— Я своего добился, сэр Уильям. Вам понравился спектакль?

— Вы мразь и убийца, Баллантайн.

— А ваши руки чисты, не так ли, господин главнокомандующий? Кстати, как здоровье Долорес?

Генерал молчит. Смотрит в насмешливые серые глаза сенатора и считает про себя до тридцати.

— Мистер Байрон Баллантайн, вы арестованы по приказу Его Императорского Величества, — чеканя каждое слово, произносит наконец он.

— Я думал, вы скажете это более торжественно, — с неподдельным сожалением качает

головой Байрон.

Он смотрит на неподвижную толпу за воротами, словно ищет кого-то. Гладит собаку.

— Хотите кофе, главнокомандующий?

— Благодарю, нет. Есть дело поважнее. Отключите транслятор, Байрон.

Сенатор качает головой.

— Вы пренебрегаете моим гостеприимством, а я в свою очередь не хочу выполнять вашу просьбу.

— Это не просьба. Это приказ.

— Не вам мне приказывать, господин Крысобой, — ядовито цедит Баллантайн и швыряет под ноги генералу связку ключей. — Хотите отключить транслятор — ищите его сами.

С псом на поводке он идет к солдатам.

— Господа, прошу препроводить меня туда, где надлежит находиться арестанту. Мой дог будет со мной, простите мне эту маленькую слабость.

Раттлер подбирает ключи, оборачивается.

— Сенатор, а где Брендон?

Байрон останавливается, самодовольное выражение на мгновение исчезает с его лица.

— Мой ангел меня покинул. И хочется верить, что он нашел свою смерть под траками вашего танка.

Сэр Уильям стоит у окна в кабинете сенатора Баллантайна и смотрит на площадь перед воротами. Там — все та же застывшая толпа, оцепление. Словно фотографическая карточка.

— Господин главнокомандующий, — окликает его адъютант.

— Да, Джефферсон?

— Живых в доме нет. Слуги, похоже, растерзаны собаками. И еще... мой генерал, вам надо это видеть. В лаборатории.

Раттлер следует за адъютантом сперва коридорами, затем подземным переходом. Джефферсон открывает массивную окованную дверь, и на генерала обрушивается тяжелый запах гниющей человеческой плоти. Раттлер давит рвотный позыв, выхватывает из кармана платок, дышит через него.

На цепях в углу полуподвала распято нагое тело перерожденной. Ржавые звенья продернуты через разрезы в коже и мышцах, темнеет запекшаяся кровь. Голова женщины запрокинута, от трубок горла тянется к потолку еще одна цепь.

— Сэр Уильям, взгляните, — зовет Раттлера адъютант.

Взгляд генерала скользит по изувеченному телу, задерживается на животе женщины. Четыре грубых шва вместо одного вертикального. Раттлер подходит ближе и видит надпись химическим карандашом на бедре: «Пользуйтесь моим подарком осторожнее, сэр Уильям». Генерал присаживается на корточки и слегка касается швов. Женщина вздрагивает, открывает глаза.

— Господи Боже! — вскрикивает Джефферсон и отшатывается прочь.

— Спокойно, — осаживает его Раттлер. — Позовите сюда сапера и пару парней покрепче.

Джефферсон исчезает за дверью, генерал остается с последней куклой Баллантайна один на один.

— Потерпи, голубка, — просит он, стараясь, чтобы голос звучал помягче. — Ты меня слышишь? Понимаешь?

Женщина кривится от боли, синие глаза закатываются. Обморок. Генерал сметает с мраморного стола хирургический инструментарий, расстилает брезент, прежде укрывавший громоздкий прибор у стены. В коридоре слышится топот, и в лабораторию вбегают Джефферсон, немолодой сержант и двое плечистых солдат.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Снимите ее — и на стол, — распоряжается Раттлер. — Только осторожно: она жива.

— Господин главнокомандующий, я прошу вас удалиться на безопасное расстояние, сэр, — просит сержант. — Лучше всего выйти за дверь. Если внутри бомба... сами понимаете.

Раттлер, Джефферсон и один из солдат выходят в коридор, закрывают дверь. Проходит минут пять, и сапер зовет их обратно:

— Все в порядке, господин генерал. Ее можно снимать и переносить.

— Сбивайте цепи, — говорит генерал солдатам и спрашивает сапера: — Что у нее в животе?

— Не могу знать, сэр. Но точно не бомба, да и сама кукла это говорит. Там что-то прямоугольное, плотное, размером с портсигар.

Перерожденную укладывают на брезент, Раттлер берет скальпель.

— Подержите ее. Дорогая, тебе придется потерпеть. Не шевелись.

Шелковые стежки легко расходятся, подцепленные кончиком скальпеля. Один за другим главнокомандующий распускает все четыре шва. Женщина лежит неподвижно, лишь с ужасом смотрит на крепко держащих ее солдат.

— Джефферсон, дайте пинцет и ранорасширитель. На полу справа от меня. Идите сюда, вы мне нужны.

Генерал осторожно приподнимает кожный лоскут, близоруко щурится. В глубине брюшной полости куклы поблескивает металл.

— Держите вот этот край, аккуратно и медленно сдвигайте на себя. Джефферсон, возьмите себя в руки, черт побери! Не дергайте.

— Сэр, судя по всему, это и есть транслятор, — негромко говорит сапер, заглядывая в рану.

Генерал кивает, рассматривает прибор. Все довольно банально: верньеры, регулирующие силу сигнала, несколько рычажков-тумблеров, мигающий индикатор. «Я же видел бумаги по этой чертовой машинке, — думает Раттлер. — Я должен вспомнить, как ее отключить». Он бросает взгляд на лицо перерожденной. Глаза женщины закрыты, губа закушена.

«Если я это просто выключу, неизвестно, что станет с куклами, — понимает вдруг главнокомандующий. — И нет никакой гарантии, что оно не рванет у меня под руками. Саперы тоже иногда ошибаются».

Он медленно переводит регулятор силы сигнала в положение «минимум». Выравнивает дыхание. Осторожно запускает руку в рану и тянет транслятор на себя. Тело перерожденной выгибается от боли. Она беззвучно шевелит губами, смотрит на генерала с ужасом.

— Сэр, погодите, — качает головой сапер. — Не трогайте. Прибор встроен. И питается от нее, посмотрите.

Сапер оттесняет бледного, как простыня, адъютанта и лезет в глубь раны пинцетом.

— Видите это, сэр? Баллантайн поставил ей смешанный двигатель. Энергия пара преобразуется в электрическую и питает транслятор. Лучше не лезть наобум, господин главнокомандующий. Если просто вырвать из нее этот прибор, она гарантировано погибнет, и...

— И неизвестно, как среагируют перерожденные, — мрачно продолжает Раттлер. — Значит, так. Джефферсон, выйдите наружу и оцените ситуацию. Доложите мне. Отправьте курьера: мне нужен медицинский фургон, перевезем нашу даму в штаб. Там уже будем решать, что делать дальше. Рядовой, сбегайте за парой простыней.

Сержант роется на полке с инструментами, ищет, чем разомкнуть звенья цепей на женщине. Раттлер слегка касается лба перерожденной, убирает с лица русые спутанные пряди.

— Больше не будет больно, я тебе обещаю. Сейчас подойдет машина, и мы отсюда уедем.

Возвращаются солдат с простынями и Джефферсон с докладом.

— Господин верховный главнокомандующий, там... Если так можно выразиться, куклы пришли в себя. Общее состояние вполне характеризуется словом «шок».

— Приказ оцеплению: никого не выпускать. Передайте Стивенсу. Оттесните перерожденных от ворот, уберите тела. Обеспечьте доступ транспорту.

В штаб генерал возвращается уже глубокой ночью. Распоряжается разместить перерожденную в бункере, приставить к ней охранника и только потом спускается к жене и дочери.

— Все, мои хорошие, — говорит он, обнимая обеих. — Основная опасность миновала. Баллантайн арестован.

«Все закончилось? — спрашивает Долорес недоверчиво. — Нам всем можно вернуться домой?»

— Пока нет, малышка, — качает седой головой Раттлер.

В дверь деликатно стучат, слышится голос Джефферсона:

— Сэр, к аппарату срочно. Вас требует Его Императорское Величество.

Черная телефонная трубка ложится на рычажки. Генерал Раттлер стоит, глядя в точку перед собой.

— Джефферсон, — едва слышно зовет он.

— Слушаю, сэр.

— Утром прибудет императорский курьер с приказом. Совещание командования в десять ноль-ноль. Я отвезу жену и вернусь. Женщине здесь не место.

— Простите, сэр... а мисс Раттлер?

— Приказ — уничтожить, — глухо отвечает генерал.

Джефферсон смотрит на него, недоумевая.

— Какой приказ?

— Император велел в течение недели полностью очистить Нью-Кройдон от перерожденных. Исполнение возложил на меня.

— А та, что мы нашли у Баллантайна?

— Не трогать. С ней предстоит работать. Проследите, чтобы ее охраняли, Джефферсон.

— Будет исполнено, мой генерал.

Кивком дав понять, что разговор закончен, Раттлер уходит. Через полчаса его машина выезжает с территории штаба и растворяется в ночи. Возвращается он лишь к утру, спускается в бункер и выходит оттуда вместе с Долорес. Девушка идет за отцом, одетая лишь в ночную сорочку, щурится от солнечного света. Звенит на металлическом запястье золотой браслет с колокольчиками. Генерал выводит дочь за ворота, они поворачивают за угол, где припаркован личный автомобиль главнокомандующего. Проходит несколько минут, и воздух вспарывает одиночный выстрел. Раттлер возвращается, неся на руках обернутое простыней тело. Ветер играет прядями темных волос, выбившимися из-под белой ткани. Звенят золотые колокольчики.

В девять утра прибывает курьер. Раттлер зачитывает приказ Его Императорского Величества перед командным составом. Когда он заканчивает, в штабе надолго воцаряется тишина. Бьется в оконное стекло толстая муха. Отсчитывают секунды напольные часы с маятником.

— Господин главнокомандующий, — подает голос полковник Стивенс. — Я распоряжусь информировать горожан о приказе. Как быть с теми, кто окажет сопротивление?

— Чушь, — фыркает Хиггс. — После этой резни в городе нет ни одного человека, который сочувствовал бы куклам. Сопротивления не бу...

Он умолкает, напорвшись на взгляд главнокомандующего.

— Хиггс, ваша задача — борьба с мародерством в городе, — ледяным тоном произносит Раттлер. — Стивенс, император приказал уничтожить всех кукол. Сопротивление ломать. Подполковник Доэрти, ваша задача — доставить в столицу сенатора Баллантайна. Живым, целым и невредимым. И вместе с собакой.

— Собаку-то зачем? — жалобно басит Доэрти.

— Личная просьба Его Императорского Величества, — устало отвечает Раттлер. — Всем все понятно? Есть еще вопросы? Тогда все свободны.

Командование расходится, только полковник Стивенс никуда не торопится. Он подходит к генералу Раттлеру, выдерживает паузу, дожидаясь, пока тот сам обратит на него внимание. Главнокомандующий смотрит на часы и думает о чем-то своем. Стивенс деликатно покашливает, генерал вздрагивает.

— Прошу прощения, господин верховный главнокомандующий...

— Вы что-то хотели?

— Вас в приемной штаба дожидается рядовой... запомнил, как его зовут. Прибыл с окраины Нью-Кройдона с интересной новостью для вас. Привез вот это.

В ладонь генералу ложится цепочка с жетоном. Четыре цифры: семь, два, восемь, пять, порядковый номер перерожденного, призванного на государственную службу в войсках. Генерал смотрит на жетон, пожимает плечами.

— И что?

— Рассказанное рядовым меня настолько удивило, что я лично поднял списки наших механических солдат.

— Хватит интриговать, полковник, — устало просит Уильям Раттлер.

— Хорошо. Жетон принадлежит Брендону Фланнагану — кукле дома Баллантайн.

Генерал молча сжимает жетон в ладони и почти бегом спешит в приемную. Там на скамейке у окна мнется молодой солдатик с круглыми и синими, как у девчонки, глазами. Увидев главнокомандующего, паренек пугается и вскакивает по стойке смирно.

— Вольно, рядовой, — отмахивается генерал. — Как тебя зовут?

— Питер, сэр! — звонко отвечает он.

— Давай пройдем в мой кабинет, Питер, и ты мне расскажешь, откуда у тебя этот жетон. Ты голоден?

— Немного, сэр, — смущенно отвечает парнишка.

Раттлер кивает, жестом подзывает к себе проходящего мимо офицера.

— Распорядитесь подать в мой кабинет завтрак и две чашки хорошего чая. Питер, идем.

В кабинете рядовой усаживается на уголок дивана и, запинаясь, рассказывает:

— Господин верховный главнокомандующий, я глазам своим не поверил, чес-слово! Мы патрулировали окраину в районе железнодорожного моста. Ну, у места, где Северн в Фармингтон впадает, знаете наверняка.

— Знаю, — кивает генерал. Жетон греет ладонь, словно живой.

— Там бункер. Ну, я заглядываю — вдруг там враг? Страшно, сэр, но я же солдат! И вижу — свет горит в конце коридора. Непорядок, думаю. Зову — есть кто? Тишина. Мы с дружкой моим Фредом заходим, а там девчонка с куклой. Лежат и вроде как спят. Я аж рот открыл. Ну не может быть, чтобы перерожденный живую девку и не убил. Мы их будить — а они не просыпаются. Девчонка горячая, как уголь, а кукла ее обнимает. Ну, как подружку вроде. Фред сбегал за помощью, мы этих двоих вытащили. Девку в лазарет отправили при монастыре Святой Инесс, перерожденного в кандалы — и в полицейский участок, там уже топлива подкинули. Наш командир его не велел трогать и меня к вам послал с жетоном.

Питер умолкает, осторожно косится на главнокомандующего и спрашивает с затаенным восторгом:

— Это ж чудо, да, сэр?

Генерал кивает, пряча улыбку, благодарит рядового за новости.

— Ты поешь, передохни часок и возвращайся. Передай командиру мою благодарность, — говорит он. — Повтори номер участка, куда хозяина жетона отправили. А девушку?..

Раттлер быстро записывает что-то в блокноте, вырывает лист, сует его в карман и выходит из кабинета.

— Джефферсон! — разносится по коридорам его громкий бас.

— Слушаю, сэр!

Адъютант словно вырастает из-под земли.

— Мальчишку накормить и сопроводить до его части. Командиру выразить благодарность, рядового повысить в звании и наградить материально. Я уезжаю по делам в госпиталь Святой Инесс и в полицейский участок возле мэрии.

— Один, сэр?

— Да, — кивает Раттлер. — И еще... Распорядитесь, чтобы нашли хорошего гробовщика. Для моей дочери, Джефферсон.

Адъютант смотрит на него печально.

— Соболезную, мой генерал...

— Выполняйте.

Раттлер садится в машину, заводит мотор. Отъехав от штаба, он улыбается и спрашивает, глядя в зеркало заднего вида:

— Ты как там?

Заднее сиденье чуть приподнимается, и из ящика под ним выглядывает Долорес.

Протягивает руку и слегка касается механическими пальцами отцовского локтя.

— Сиди тихонько, малышка, — просит генерал. — Пока придется потерпеть, а ночью я вывезу тебя из города к матери. Спрячься. Нельзя, чтобы тебя обнаружили.

Автомобиль главнокомандующего останавливается у полицейского участка. Раттлер входит, приветствует офицеров.

— Мне доложили о том, что к вам доставили куклу дома Баллантайн, — говорит он начальнику участка. — Проводите меня к нему.

— Беспokoйный клиент, — морщится начальник участка, бряцая связкой ключей. — Как очухался, все мечется, руками машет. Спрашивает про девушку. Солдаты сказали, с ним девчонка какая-то была.

— И что вы ему ответили?

— Ничего, сэр. Мы эту девчонку в глаза не видели.

— Как узнаете, что с ней, — обязательно скажите ему. И поаккуратнее с парнем. Ценный свидетель.

— Слушаюсь, господин верховный главнокомандующий!

Увидев генерала Раттлера, Брендон сам бросается навстречу. В грязном оборванном мальчишке сэр Уильям с трудом узнает холеного аристократа, любимца сенатора Баллантайна.

— Здравствуй, лучший программист империи, — печально качает головой генерал.

«Здравствуйте, господин верховный главнокомандующий», — отвечает Брендон на амслене и улыбается.

— Плохие дела, парень, — говорит Раттлер и умолкает. Он не знает, что и как ему сказать.

«Транслятор, сэр. Вы отключили его?»

— Мы его нашли. Байрон арестован. Идет под трибунал. Ты, получается, тоже. Я сделаю все, чтобы ты прошел как свидетель, а не как обвиняемый.

«Сэр, я отвечу за то, в чем виновен», — поникает Брендон.

— Да ни в чем ты не виновен, дурак! Тобой просто воспользовались, как и другими перерожденными. Брендон, послушай. Всех кукол Нью-Кройдона уничтожат. Я постараюсь выбить для тебя хотя бы временное помилование. Но взамен мне нужна будет твоя помощь. Показания в суде.

«Мне ничего не нужно, сэр. Только скажите, жива ли моя Элизабет?»

— Это девушка, с которой тебя нашли?

«Да».

— Как получилось, что она выжила рядом с тобой, когда заработал транслятор?

Брендон отступает на шаг, смотрит генералу в глаза.

«Причины две, сэр. Первое — я люблю ее. И второе — я не могу убить никого из рода Баллантайн».

— Постой... Она — Баллантайн?!

«Да».

— Как такое возможно?

«Она дочь Байрона. Незаконнорожденная. Сэр Уильям, она жива?»

— Единственное, что я знаю, это то, что она в госпитале при монастыре Святой Инесс. Я обещаю: ее навестят мои люди и обязательно сообщат тебе о ней. Ну и дела, парень...

«Господин главнокомандующий, я вас умоляю: сберегите ее. Она — самое дорогое, что

есть у меня. Она ни в чем не виновата!»

Брендон выглядит таким отчаявшимся, что генерал не выдерживает:

— Я обязан тебе, Брендон. За то либертанго, что ты подарил моей Долорес. Я найду твою Элизабет. И о тебе не забуду. А теперь я должен идти. Крепись, парень.

На бледном, покрытом копотью лице расцветает счастливая улыбка.

«Благодарю, господин генерал!»

В этой маленькой квартире на окраине города Раттлер не был лет пять, не меньше. Закрутила жизнь, дела, война на материке. Подполковник Коппер как в воду глядел, говоря при расставании: «Это надолго, Уилл. Но помни: я тебе всегда рад. Если раз в десять лет заглянешь к старой консерве — осчастливишь».

Скрипучая лестница завалена хламом. Сломанные детские игрушки, винные бутылки, корзины с тряпьем. Генерал идет, и ему кажется, что каждый шаг переносит его на несколько лет назад. И что не было никакого взрыва цеппелина «Кинг Эдвард», и сейчас Коппер в мятой форме вывалится ему навстречу, веселый и пьяный, и они пойдут кутить, как умеют только военные летчики и прыгающие через звание отчаянные сорвиголовы...

Раттлер стучит в обшарпанную дверь, выжидает несколько секунд. Тишина. Генерал толкает дверь плечом, входит в квартиру.

— Коппер?..

Доски пола пружинят под сапогами. Танцуют пылинки в рассеянном солнечном свете. Тикают настенные часы. Подполковник Коппер, перерожденный, сидит под окном, прикованный наручниками к батарее. Генерал присаживается рядом на корточки, трясет его за плечо. Коппер не реагирует.

— Ну уж нет, — бормочет Раттлер. — Я тебя разбужу.

Он открывает тумбочку рядом с кроватью, шарит там, обыскивает ящики письменного стола, стеллаж, заваленный пухлыми тетрадами с записями и расчетами, шкаф в коридоре. Искомое — коробка с топливными брикетами — обнаруживается под столом в кухне. Генерал возвращается в комнату, расстегивает грязную рубаху на груди Коппера.

— Жену тебе надо хорошую, совсем распустился, — ворчит Раттлер.

Он чиркает спичкой, поджигает край брикета и вкладывает его в топку перерожденного. Берет валяющийся на полу ключ, отмыкает наручники. Выжидает минуту, пристально наблюдая за лицом Коппера, набирает в грудь воздуха и оглушительно басит:

— Подполковник Коппер! Смир-р-рно!

Перерожденный вздрагивает, открывает глаза, пытается вскочить. Раттлер хохочет, помогает ему подняться. Коппер беззвучно смеется, хлопает генерала по плечу.

— Я ж знал, что ты выживешь, хитрый лис, — радостно улыбается сэр Уильям.

«Когда ты вроде как не пьешь уже двадцать лет и тебе среди ночи является алкофея, первое, что приходит в голову, — пристегнуть себя покрепче, чтобы не наделать глупостей», — жестикулирует подполковник.

— Эта фея посетила всех перерожденных Нью-Кройдона. Коппер, послушай... Тебе необходимо ехать со мной.

Улыбка исчезает с лица Коппера.

«Собратья и сосестры что-то натворили?»

— Устроили резню. Тысячи жертв. Приказ императора — тотальное уничтожение

перерожденных. Потому я и приехал за тобой. Ты мне нужен, Коппер.

«Стоп. Если приехал убить — зачем кормил? — хмурится Коппер, оглаживая аккуратную русую бородку. — Если нет — это неподчинение приказу императора, Крысобой».

— Давай о последствиях потом, а? Дочь я им не отдам. Тебя тоже. Какой смысл уничтожать оружие, когда убивает человек? Собирайся. И рубаху надень почище, — морщится Раттлер. — Элеонор станет дурно от одного твоего запаха.

Коппер беззвучно смеется, в темно-карих глазах пляшут веселые искры.

«Леди Раттлер за столько лет не привыкла к славному запаху портянок?»

— Коппер! Да собирайся уже!

В штаб генерал возвращается к обеду. Его встречает хмурый Стивенс.

— Господин верховный главнокомандующий, ваш приказ выполнен. Лично навестил Элизабет Баллантайн в госпитале Святой Инесс. Разрешите далее не по форме?

— Разрешаю.

— Девка сотрудничать отказывается. Еле дышит, а наглости и высокомерия — что у титулованной особы. Дрянь редкостная, пристрелил бы с радостью, подвернись случай!

Раттлер с трудом удерживается от ехидной улыбки.

— Чем же юная леди так уязвила вас, полковник?

— Знанием табуированной латыни, — бурчит Стивенс. — В участке тоже был. Снова почувствовал себя идиотом.

— Учитесь общаться с гражданскими, полковник. Не все подчиняются командному тону. Некоторым нужно простое человеческое отношение. Я сам говорил с Бренденом и более чем уверен: парень даст показания против Баллантайна. Только давить не надо. Что вас так перекосило, Стивенс? Пытались запугать ребятишек?

Надменное худое лицо полковника расцветает красными пятнами.

— Стрелять таких ребятишек, — цедит он сквозь зубы. — Безжалостно.

Раттлер его не слушает. Он думает о том, что Долорес и Коппер в безопасности и что он сам не собирается останавливаться на достигнутом.

«Поддам прощение императору. Нельзя же всех под одну гребенку... Хотя бы негласно — сохранить тех, кому империя обязана своим расцветом. Сколько среди перерожденных таких, как Брендон и Коппер. Наверняка император понимает это ничуть не хуже, чем я».

— Да, господин главнокомандующий, а я оказался прав насчет сопротивления приказу. Те немногие, что сберегли своих кукол, не желают их отдавать. Недовольство горожан растет.

— Скажите об этом Его Императорскому Величеству, — сухо отрезает генерал.

Стивенс пристально смотрит на него.

— И сожалею по поводу вашей дочери, сэр. Как это пережила леди Элеонор?

Раттлер садится за письменный стол, открывает папку с рапортами и только потом отвечает:

— Как и положено жене верховного главнокомандующего. Стойко.

— Где похоронили Долорес?

— На городском кладбище, Стивенс.

— Если вы не против, сэр, я хотел бы возложить венок на ее могилу.

Раттлер хмуро кивает и углубляется в чтение бумаг.

Дождь стучит по стеклу автомобиля. Мир плывет, размытый и тусклый. Машину верховного главнокомандующего слегка ведет на раскисшей грунтовой дороге.

«Блестящая работа, сэр Уильям, — сказал император после утреннего рапорта. — Читайте свежие газеты. Фотографии впечатляют. Отдохните несколько дней, генерал. Побудьте с женой. Выражаю вам самые глубокие и искренние соболезнования по поводу гибели дочери».

Раттлер останавливает машину, смотрит вперед сквозь пелену дождя. К лобовому стеклу прилипает сорванный ветром желтый листок.

...Площадь перед мэрией забита от края до края. Тройное оцепление. По одну сторону — свист, улюлюканье, отчаянный плач, слова молитв. По другую — ни звука. Лишь тысячи воздетых к небу механических рук. Слова прощания на амслене.

Стивенс складывает подзорную трубу, уходит с балкона.

— Весьма драматично, господин главнокомандующий, — мрачно сообщает он. — Желаете взглянуть?

Раттлер качает головой. Он еще увидит. Ему отдавать приказ танкам, замершим на периферии.

— Который час, полковник? — спрашивает он едва слышно.

— Пора, сэр.

Верховный главнокомандующий выпрямляет спину и идет через зал. Каждый шаг отдается болью глубоко в груди. Он переступает через порог балкона, и августовское солнце слепит глаза.

— Граждане Нью-Кройдона! — несется с дрейфующего над площадью дирижабля. — Будьте благоразумны, разойдитесь по домам!

Толпа по ту сторону оцепления вскипает при виде Уильяма Раттлера. Взлетают в воздух шляпы и цилиндры, слышатся возгласы «Да здравствует империя!». «Будьте вы прокляты, убийцы!» — бьет по ушам надрывный женский крик.

— *Custodi et serva, Domine...* — шепчет генерал, прикрыв глаза. Вынимает из кармана белый батистовый платок и подбрасывает его вверх.

Девять танков одновременно приходят в движение. Солдаты отесняют людей с площади. Крики и рыдания тонут в грохоте техники.

Раттлер стоит на балконе здания мэрии и смотрит вниз.

Врезается в память сцена: светловолосая девушка в цилиндре, обвязанном алой и сиреновой лентами, подсаживающая на ползущий танк девочку лет десяти. Танкист, пробивающий грудь девчонки штыком и сбрасывающий ее под траки. И лицо девушки в цилиндре, обращенное к Уильяму Раттлеру: прежде чем исчезнуть в мешанине полумеханических тел, она улыбается и машет ему шляпой. И ее улыбка подобна выплеснутому в лицо кипятку.

«Блестящая работа, сэр Уильям. Читайте свежие газеты. Фотографии впечатляют...»

На загородную виллу в часе езды от Нью-Кройдона генерал прибывает постаревшим лет на десять. Целует жену бледными сухими губами. И долго-долго не выпускает из объятий дочь.

Ночью ему снится, что Долорес срывается с балкона и падает — медленно, как подхваченный ветром осенний листок. А он стоит и вертит в руках цилиндр, обвязанный яркими лентами. И механический дог сенатора Баллантайна улыбается, прежде чем рвануть

стальными клыками горло Уильяма Раттлера.

После завтрака генерал идет в комнаты для гостей. Подполковник Коппер с каменным лицом читает последние новости. Заметив Раттлера, он аккуратно складывает газету и глядит на сэра Уильяма выжидающе.

— Я сделал то, что приказано, — тихо говорит генерал.

Коппер смотрит в сторону, словно что-то прикидывает. Качает головой и спрашивает: «Ты думал, как быть дальше? Долорес, мне, Хлое?»

— Хлое? — переспрашивает Раттлер.

«Перерожденная с транслятором, с которой ты попросил меня повозиться. Ее имя Хлоя».

— Ты посмотрел? Сможешь это вытащить, не убив ее и не поломав прибор?

«Вполне вероятно. Только сперва ее бы в порядок привести. Дамочка в ужасном состоянии, животных в клетке лучше содержат. Ты знаешь, что у нее погибли дети? Младшую сенатор при ней разделал. Ей и двух лет не было».

— Не знал, — глухо отвечает Раттлер.

«Теперь знаешь. И так как я не врач, а механик, и возиться мне придется на живую, я не приступлю к делу, пока Хлоя не успокоится и сама меня к себе не подпустит. Пойми меня правильно».

— Я все понимаю, дружище. Время у нас есть. Вы все побудете здесь, пока я не уговорю императора.

Коппер беззвучно смеется и отмахивается от сэра Уильяма.

«Ты как был мечтателем и идеалистом, так и остался».

Генерал делает глубокий вдох, спокойно выдыхает.

— Друг мой, я выбил временное помилование Хлое и Брендону и...

«А! Тебе еще не доложили твои адъютанты?» — перебивает его Коппер.

— О чем?

Подполковник разворачивает газету, сгибает ее пополам, протягивает Раттлеру. Сэр Уильям близоруко щурится, пробегает глазами ровные строчки.

— Сбежал?.. С сообщницей?.. «По мнению начальника полицейского участка, содействие при побеге оказали демократы!» — Генерал кидает газету обратно Копперу и раскатисто хохочет. — Спасибо, дружище, это лучшая новость за последние пять дней! Просто потрясающе!

«Чему ты радуешься? — делает удивленное лицо Коппер. — Твой главный свидетель сделал ноги, а ты смеешься. Его Императорское за такой промах скормит тебе твои погонь».

— Я съем их с удовольствием! — восклицает Раттлер. — Мало того: я палец о палец не ударю, чтобы разыскать этого паренька. И если есть бог на свете, Брендону удастся затеряться так, что его никто не найдет.

«Ты идиот, Уилл?»

— Нет, дорогой Коппер. Я идеалист и мечтатель.

Часовщик

Долорес постукивает пальцами по ручке кресла, привлекая внимание отца. Генерал выныривает из собственных мыслей, оборачивается:

— Что такое, родная?

«Папа, я хочу поговорить с тобой».

— Всегда пожалуйста. О чем?

«У меня плохой вопрос, папа. Но он не дает мне покоя очень давно».

Генерал откладывает в сторону перо и бумагу, снимает очки.

— Значит, надо с ним разобраться.

Долорес кивает, не отрывая взгляда от пейзажа за окном. Затеяливо уложенные на затылке локоны вздрагивают. Раттлер ловит себя на мысли о том, что дочери давно не семнадцать, а Элеонор до сих пор одевает ее как девочку-подростка.

— Милая?..

«Я лучше потом, папа, — виновато жестикулирует Долорес, пряча глаза. — Тебе заварить чаю? Ты рано встал, не завтракал еще».

Уильям Раттлер встает из-за стола, убирает в ящик бумаги, подходит к девушке и бережно берет ее за подбородок.

— Вспомни: когда была маленькая, ты боялась ночных кошмаров. И мы с тобой вместе придумали способ бороться с ними. Ты помнишь?

«Да», — отвечает дочь одними губами.

— Страх исчезает, когда ты находишь в себе силы осознать его и рассказать. Откладывая неприятный разговор, ты мучаешь себя.

Долорес мягко убирает его руку и спрашивает, глядя в глаза:

«Папа, кем была та, что похоронена вместо меня?»

Раттлер выпрямляется, делает глубокий вдох. Он не знает, что ответить. Пожалуй, впервые за много-много лет не знает.

— Ло, мне нечего тебе сказать.

Долорес рассматривает свою правую руку на свет. Так, будто видит себя не такой, как прежде, в первый раз.

«У нее же наверняка было имя. И кто-то, кто любил ее настолько, что отдал огромные деньги за перерождение. Как ты за меня».

— Милая, когда я ее нашел, эта девушка уже была мертва.

«Просто она оказалась настолько похожей на тебя...» — хочется продолжить Раттлеру, но он умолкает.

«Я все думаю... Нас только трое теперь — я, Хлоя и Коппер? Или еще есть хоть кто-то...»

— Наверняка есть, — пытается ободрить ее генерал. — И их так же, как я вас, прячут родные.

Долорес смотрит на него виновато, пытается улыбнуться, но губы дрожат, кривятся... Раттлер видит, что дочь почти плачет, порывисто обнимает ее, целует в макушку.

— Ло, да что с тобой такое?

«Сколько человек я убила, папа?»

— Глупышка моя, ну откуда такие мысли? Никого ты не убивала. — Главнокомандующий говорит с ней таким тоном, которым обычно успокаивают маленьких детей. — Ни ты, ни Коппер, ни Хлоя.

«Газеты пишут, что перерожденные — убийцы. Все до одного. Требуют сдавать тех, кто уцелел. Папа, если это правда, то зачем ты покрываешь убийц? А если нет... Зачем люди с нами так? Почему мы должны скрываться, как крысы, если мы невиновны?»

Долорес торопится, нервничает, половину ее слов-жестов отец скорее угадывает, чем понимает.

— Сядь, Долорес. Сядь и успокойся. Пожалуйста, — тут же мягко добавляет он. — Послушай меня. Твой отец тебе хоть когда-нибудь лгал?

Она качает головой, прячет лицо в ладонях.

— Ло, пойми: в Нью-Кройдоне случилась катастрофа. Тысячи погибли по прихоти одного человека, превратившего любящих людей в убийц. Но большинство этого не понимает и видит в перерожденных угрозу. И прежде всего этого не понимает император. Я полагаю, надо выждать время, пока страсти поулягутся, и тогда я снова постараюсь объяснить ему истинное положение вещей.

Девушка опускает руки, медленно отступает к дверям.

«Раньше были любящие семьи и родные, папа. Теперь есть куклы и люди. Люди всегда разбрасывали свои игрушки или запирали в шкафах».

— Долорес, стой! — кричит генерал, но поздно. Шуршит пышное платье, ковровая дорожка заглушает удаляющиеся шаги.

И только тут Уильям Раттлер замечает сидящего на кушетке Коппера.

— Ну что? — рывкает он. — Что я должен был ей сказать?

Коппер отрешенно пожимает плечами.

— Я никогда ей не врал и не собираюсь впредь. Я всегда находил с ней общий язык. Почему сейчас она так... так...

Раттлер никак не может подобрать слова, смотрит на Коппера беспомощно.

«Ты любишь свою дочь, Уилл. Она привыкла видеть в родителях защиту. А сейчас твоя девочка поняла, что ты ничего не можешь сделать для того, чтобы она жила как прежде. И она напугана. Она не хочет верить в то, что для нас все кончено».

— Какое там «кончено», Коппер? Ты о чем? — вскипает генерал.

«Указом Его Императорского Величества все семьи, владеющие перерожденными, обязаны сдать оных добровольно, — цитирует Коппер приказ, который главнокомандующий знает наизусть. — В случае сокрытия кукол или оказания сопротивления при их изъятии к владельцам перерожденных будут применены санкции вплоть до расстрела на месте».

Подполковник закладывает руки за голову и насмешливо смотрит на Раттлера. «Возрази, ну!» — читается в его взгляде. Сэр Уильям долго молчит, потом спокойно произносит:

— Я не думал, что ты так быстро сдашься, Коппер. Даже не попробовав побарахтаться.

«Уилл, барахтаться будут те, кто сейчас занят выживанием в Нью-Кройдоне. Я здесь у тебя как на курорте: развлекаю дамочек, вожусь с механизмами. Но помяни мое слово: те, кто до сих пор в Нью-Кройдоне, кто уцелел, не станут сидеть и ждать, когда за ними придут».

— Я тебя не понимаю, старый лис. То ты говоришь, что все обречены на забой, то тут

же предрекаешь сопротивление.

«Мой генерал, может ли идти речь о помиловании для тех, кто станет сопротивляться? Мы сами себя добьем, Уилл. Мы были людьми. А человеческая натура такова, что, когда надо сидеть тихо, мы рвемся на баррикады».

Генерал хмурится и кивает. Хлопает Коппера по плечу и тихо говорит:

— Да, ты прав. И я тебя об одном попрошу: сохраняй разум холодным. Я слишком редко выбираюсь к вам сюда, а Элеонор не справится с Ло, если та вдруг запаникует.

Коппер беззвучно смеется, разводит руками.

«Я чувствую себя махараджей! Кругом сплошные женщины! И не волнуйся, Уилл. Я знаю твою дочь с пеленок. И случись что — буду рядом».

Двадцать третьего ноября сержант Фред Иванс сменяется на своем посту и отправляется ужинать в маленький ресторанчик в центре города. Допоздна они с друзьями отмечают успех очередной операции, вино льется рекой. Глубоко за полночь хмельная компания расходится. На утреннем построении сержант Иванс отсутствует. Через несколько часов выясняется, что домой он так и не дошел.

Спустя два дня тело Фреда Иванса находят в сточной канаве недалеко от мэрии. Выпотрошенное, с зашитым грубыми стежками ртом. Осмотрев тело, криминалисты единогласно приходят к выводу, что смерть сержанта наступила из-за тяжелых побоев.

— Его не иначе как доской с гвоздями били, сэр, — докладывает Уильяму Раттлеру. — Череп и мелкие кости кистей рук раздроблены. Тело изрезано то ли бритвой, то ли скальпелем — но эти повреждения нанесены уже после смерти. В рот набиты мелкие механические детали. Предположительно, смерть наступила от тридцати до тридцати пяти часов назад.

— То есть в ночь, когда он вышел из трактира? — мрачно спрашивает главнокомандующий, рассматривая принесенные криминалистами фотографии.

— Так точно, сэр.

— Каков предполагаемый портрет убийцы? Мотивы?

Невысокий пожилой следователь поджимает бледные губы.

— Мотивы неясны. Убийство совершено с особой жестокостью, можно предположить что-то личное.

— Или маньяк, — мрачно вставляет реплику его коллега помоложе.

— Или. В любом случае, мы имеем дело с человеком впечатляющей физической силы. Левшой, что немаловажно. И очевидно, с нездоровой психикой.

Раттлер снимает очки, откладывает фотографии в сторону, трет переносицу. Чтобы уложить высоченного крепкого сержанта, действительно требуется немалая сила. А если учесть, что Иванс служил в спецотряде и имел прекрасную боевую подготовку, становится совсем уж нехорошо.

— Иванс был одним из лучших ликвидаторов, господа, — медленно цедя слова, говорит генерал. — Всем вам известно, что зачистка Нью-Кройдона от перерожденных поручена мне. Я сам формировал отряд ликвидаторов, потому каждого из них знаю лично.

Пожилой криминалист черкает что-то в записной книжке. Следователь помоложе внимательно слушает главнокомандующего, кивает.

— Сэр, у вас будут какие-нибудь версии? — негромко спрашивает он.

Раттлер собирает фотографии со стола, пакует в серый конверт, передает криминалистам.

— У парней опасная работа. Вероятно, это была месть за кого-то из перерожденных. В маньяка я слабо верю, прошу меня извинить.

Криминалисты горячо благодарят господина верховного главнокомандующего за сотрудничество, обещают сообщать, как только появится новая информация, прощаются и уходят.

Раттлер вышагивает взад-вперед по кабинету, потом вызывает к себе адъютанта и требует собрать весь отряд ликвидаторов на совещание. Время тянется непростительно долго. Сэр Уильям с тревогой думает о внуке виконта Бэррингтона, который вот уже четвертый час ждет его в ящике под задним сиденьем машины.

«Он уже не малыш, у него хватит сил и терпения. Он не замерзнет, я его хорошо укутал пледом, — успокаивает себя Раттлер. — Я должен дождаться ликвидаторов. Я не имею права отлучаться сейчас. Проведу совещание и отвезу Стефана к своим».

Через два часа отряд в сборе. Раттлер ледяным тоном излагает ситуацию и требует соблюдать предельную осторожность.

— Господа, еще раз: маски не снимать. Ради вашей безопасности, изымая кукол, старайтесь как можно меньше конфликтовать с их владельцами. А лучше всего делайте свое дело молча, — завершает генерал.

Солдаты и офицеры кивают со всей серьезностью, но Раттлер по глазам видит — никто из них не собирается обременять себя тактичностью и вежливостью при исполнении. Грубая и грязная работа: обыскать дом, обнаружить куклу, отбиться от владельцев, конфисковать перерожденного. Раз в неделю кукол набивают в фургон, свозят в док в Солте и расстреливают.

Раттлер и сам бывает на заданиях. Забирать кукол у высокопоставленных особ поручают ему лично. Как и ликвидировать их. И отчета не требуют, потому как по всем проведенным ликвидациям сведения подаются самому Раттлеру. «Я вам полностью доверяю, сэр Уильям, — говорит император на аудиенции. — Никто лучше Крысобоя не очистит город от крыс».

Ему полностью доверяют — и генерал Раттлер помнит об этом. Потому никто не досматривает его личный автомобиль и не набивается в напарники во время выездов. Потому и спокойно дремлет в ящике под задним сиденьем голубоглазый Стефан Бэррингтон, который никогда не станет старше десяти лет. От отца мальчишка знает цену слову офицера, а уж когда такое слово дает легендарный генерал...

Автомобиль вздрагивает, захлопывается дверца. Стефан просыпается и, замерев, прислушивается.

— Поехали, парень, — слышит он усталый голос главнокомандующего. — Отвезу тебя в безопасное место. Прости, что задержался. Надеюсь, больше поводов не будет.

Сэр Уильям ошибается. Через три дня еще одного ликвидатора находят мертвым в центре города. Убитым ударом в сердце, с перерезанным горлом и зашитым ртом, набитым механическими деталями.

— И что ты об этом думаешь?

«Я не думаю, Уилл. Я делаю. Побольше внимания Хлое».

Раттлер перехватывает зажим поудобнее и обращается к лежащей на столе перерожденной:

— Хлоя, ты как? Если больно — жмуришься, помнишь?

Женщина слегка кивает и отвечает беззвучно: «Хорошо». Коппер отсоединяет последний провод, питающий транслятор, переключает прибор на массивный аккумулятор. Лицо сосредоточено, карие глаза превращаются в узкие щели. Крючки-манипуляторы на пальцах перчаток чуть позвякивают, соприкасаясь с металлом. Тыльной стороной руки Коппер утирает пот со лба.

«Уилл, надо зашивать, а меня зрение подводит. Долорес сможет?»

— Думаю, да. Элеонор точно не зашьет. Позвать Ло?

Коппер кивает и ободряюще подмигивает Хлое.

«Еще пара минуток — и можно идти танцевать!» — говорит он ей.

Хлоя робко улыбается и прикрывает глаза. Коппер и сэр Уильям возятся с ней пятый час, все устали.

Генерал уходит и спустя пару минут возвращается вместе с Долорес. Девушка боязливо косится на расprostертую на столе Хлою. Раттлер берет хирургическую иглу и шелковую нить, подает дочери.

— Ло, надо защитить рану. Иглу лучше брать зажимом вот так.

Девушка качает головой, отшатывается в сторону. Коппер смотрит на нее с укоризной.

«Принцесса, больше шить некому. У нас с отцом уже не такое хорошее зрение, руки дрожат. Вся надежда на тебя».

«Ей не будет больно?» — спрашивает Долорес, умоляюще глядя на Коппера.

«Будет, — мрачно кивает он. — Но она сильная, вытерпит. Давай. Помоги нам, пожалуйста».

Коппер становится рядом с Хлоей, поглаживает ее руку. Долорес смотрит то на него, то на отца, в глазах плещется паника.

— Давай, милая. И закончим с этим. Хлоя три месяца ждала, когда мы вытащим чертову машинку, — уговаривает девушку Раттлер.

Долорес поджимает губы, как готовый заплакать ребенок. Коппер неодобрительно косится на главнокомандующего, качает головой, решительно отстраняет Долорес от стола, забирает у нее иглу и нить.

— Коппер?..

«Валите к черту со своими нежностями. Если наша тонкая натура так боится, шить будет Стефан. Он не такой трус», — резко и зло жестикулирует подполковник.

Девушка тут же меняется в лице, выхватывает иглу и склоняется над Хлоей. «На каком расстоянии от края раны вкалывать?» — спрашивает Долорес.

— Четверть дюйма, — отвечает Раттлер. — Давай. Ты сможешь.

Коппер снимает с шеи белый шелковый платок, сворачивает его и бережно вкладывает Хлое в рот. Она смотрит на него со страхом и благодарностью, кивает. Долорес начинает шить.

Руки дрожат, игла протыкает кожу с трудом, шелковая нить, продергиваемая через проколы, причиняет Хлое боль. Долорес шьет, стараясь не смотреть ей в лицо. Отец стоит за спиной девушки, Ло чувствует его взгляд, но ей от этого не легче. Она ощущает себя беспомощным ребенком, которого только что строго отчитали и тут же погладили по головке. Раньше опека родителей ее согревала и защищала, но с недавних пор начала

раздражать.

«Это все потому, что тяжело находиться взаперти», — сказал на днях Коппер.

Стежок ложится неровно, Долорес нервно кусает губы. Хлоя снова вздрагивает, звенит натянутая цепь, удерживающая ее руки.

— Уилл, к аппарату! — доносится из недр дома голос Элеонор.

Раттлер коротко извиняется и поспешно уходит. Долорес улыбается, опустив голову. Вкалывает иглу, протягивает шелковую нить, скрепляет края раны. Завязывает узел, еще один. Обрезает нить, вдевает новую. Вкалывает иглу, протягивает нить...

Когда генерал возвращается, Долорес заканчивает последние стежки. Обрезает нить, откладывает в сторону иглу и иглодержатель, с торжествующим видом поворачивается к отцу.

— Молодец, — говорит Раттлер.

Он снимает цепь с Хлои, Коппер помогает женщине подняться.

«Я тебя отведу в комнату, тебе необходимо отдохнуть, — ободряюще улыбается Коппер и только тут замечает, как мрачен вернувшийся генерал. — Уилл, что-то случилось?»

— Третий ликвидатор убит, — глухо отвечает Раттлер. — Долорес, я попрошу тебя проводить Хлою. Коппер, надо поговорить. Предлагаю прогуляться по саду.

Пять минут спустя они выходят на улицу. Раттлер запахивает поплотнее шинель, Коппер даже в промозглый ноябрьский холод одет в легкую кожаную куртку. С ней — штопанной десятки раз, в трех местах прошитой пулями, он не растает последние двадцать лет. «Это моя память. Куртка напоминает мне о том, что среди военных летчиков нет "бывших"», — сказал подполковник в ответ на предложение Элеонор подарить ему одежду попроще. Сэр Уильям тогда еще пошутил, что с Копера проще кожу содрать, чем отобрать дорожную как память рубаху даже для стирки.

Шуршит под ногами мерзлый гравий. Ветер гонит над землей облака, похожие на серое рваное тряпье.

— Звонили из мэрии, — размеренно рассказывает главнокомандующий. — Третье тело. Интервал между убийствами — чуть больше недели. Дополнительные меры безопасности не помогли. Закрывающие лица маски, пластинчатые доспехи оказались бесполезны. Еще один из моих парней убит в подворотне. Заколот ударом в грудь. Криминалисты говорят, характер повреждения тот же, что и у предыдущего. Удар нанесен между пластинами кирасы снизу вверх.

«И полный рот железа?»

— Да. Защито грубой нитью.

Коппер останавливается, срывает у дорожки сухой цветок, крутит в руках.

«Сколько перерожденных за эту неделю угробил твой отряд, Уилл?»

— Пятерых, — нехотя отвечает генерал.

Стебель с хрустом ломается в механических пальцах, Коппер растирает в ладони горсть листьев, стряхивает бурую труху.

«Помнишь, что я тебе говорил?»

— Считаешь, что это дело рук перерожденных? Версия следствия — родственники. Сейчас активно изучаются списки тех, кого посещали ликвидаторы, ищут левшу крепкого телосложения среди тех, кто оказывал сопротивление. Эту тварь уже прозвали Часовщиком.

«Я читал в газетах. Пресса активно раздувает очередную истерику. Поганые падальщики».

Налетевший порыв ветра заставляет генерала поднять воротник шинели.

— Император лично приказал найти Часовщика за неделю. А еще на днях я имел весьма скверный разговор с мэром. Тот мне в лицо заявил, что ликвидаторы не порядок наводят в городе, а терроризируют население.

«Скажешь, он не прав? — прищуривается Коппер. — Уилл, вы ворошите палками осиное гнездо. Я тебя предупреждал. И прежде всего я беспокоюсь за тебя. Ваш Часовщик не остановится, пока не перережет весь отряд».

— Или пока мы его не остановим. Я снова ввел в городе комендантский час. У солдат приказ задерживать всех, кто появится на улице после десяти вечера.

Мужчины подходят к запертым воротам. Коппер долго смотрит на дорогу по ту сторону ограды, потом снова поворачивается к генералу.

«Когда ты повезешь транслятор Его Императорскому?»

— Завтра я встречаюсь с полковником Стивенсом. Слушаю рапорты о ситуации в городе. Если не стряется ничего экстренного, послезавтра еду с докладом к императору.

«Крысобой, объясни ему, что, пока ликвидаторы ходят по домам, покоя не будет никому».

— Это замкнутый круг, — кивает Раттлер. — Я сам понимаю. Но какой выход?

«Кто-то должен первым выйти из игры. Иначе жертв будет все больше и больше. Ситуация вам уже неподконтрольна, ты не находишь?»

— Слушай, я отвечаю за зачистку Нью-Кройдона от перерожденных. Параллельно, пользуясь служебным положением, вывожу и прячу по загородным резиденциям тех, кого возможно вывезти. Ловля маньяка — это работа криминалистов, ты не находишь? — начинает терять терпение генерал.

Коппер бьет кулаком по чугунной створке ворот, оборачивает к главнокомандующему злое и отчаянное лицо.

«Крысобой, да пойми: не ты ловишь Часовщика, а он тебя! И что — ты собираешься полагаться на работу полиции и криминалистов? Уйди с его дороги, Уилл. Меня редко подводит интуиция, а рисковать единственным другом я не желаю».

В окна аудиенц-зала стучит дождь. Сквозь щели в рамах проникает сырость и ветер. В зале холодно, новомодная система не справляется с отоплением помещения.

Император греет руки о чайную чашку. Полумеханический пес, лежащий у его ног, похлопывает по дороговому паркету хвостом. Молчание тянется слишком долго. Уильям Раттлер, сидящий в кресле напротив Его Императорского Величества, ждет.

— Ну что ж... — нарушает молчание император. — Ситуацию я понял и оценил. Ваши предложения, сэр Уильям?

Главнокомандующий медлит с ответом, потом все же говорит:

— Ваше Императорское Величество, я вижу лишь один выход. Прекратить преследование нью-койдонских перерожденных.

Император делает еще один глоток из чашки, отставляет ее в сторону. Склоняется и гладит пса. Дог обнюхивает рукав мундира из дорогой тонкой шерсти, и хвост молотит по полу с удвоенной частотой. «Признал хозяином?» — с удивлением думает главнокомандующий.

— Сэр Уильям, вы представляете себе последствия? — Баритон Его Величества

разносится по аудиенц-залу. — Дать куклам вольную — значит настроить народ против власти. Вы мне предлагаете отпустить убийц, генерал?

— Покорнейше прошу простить меня, мой император. Куклы — это то же самое оружие. Мы сейчас уничтожаем винтовки лишь потому, что из них убивают. Байрон Баллантайн — вот истинный убийца. Транслятор отключен, перерожденными никто не управляет. А мы продолжаем забирать из семей немногих уцелевших — испуганных, прячущихся. В итоге объявляется какой-то народный мститель и режет моих людей, как скот. Наши действия порождают противодействие, Ваше Императорское Величество. Если даже мы уничтожим всех перерожденных, моих солдат продолжают убивать. Мы забираем любимых детей, жен, братьев, матерей, мой император. Тех, кого сберегли их родные.

Он умолкает и снова ждет. Император задумчиво барабанит пальцами по резной ручке кресла.

— Эта проблема не решается отменой ликвидации перерожденных, сэр Уильям. Попробуйте убедить толпу, что те, кто резал плотки их соседям и топил членов своих семей в Северне, ныне безопасны и никому не причинят вреда. Толпе нужны аргументы.

Главкомандующий грустно качает головой. Да, император прав. Ничего не изменить, пока людям не гарантирована безопасность.

— Баллантайн... — бормочет Раттлер. — Я никак не могу понять причину его поступка.

Его Императорское Величество щелкает пальцами перед мордой дремлющего дога. Полумеханическая псина вздрагивает, настороженно поднимает голову.

— С Баллантайном беседовал мой личный дознаватель. Меня тоже интересовало, с какой стати самому влиятельному человеку Нью-Кройдона открыто выступить против законной власти. Он же прекрасно знал, что проиграет. Его ответ мне передали дословно. «Я не проиграл. Я продемонстрировал, что могу сделать с городом, который предназначался мне. Скажите Его Императорскому Величеству, что он ошибся в распределении ролей».

— Наглец, — сдержанно качает головой Раттлер.

— Он расчетлив и умен, сэр Уильям. Признаюсь, я задумался над его словами. И кстати! — восклицает император. — Забыл поделиться с вами любопытной новостью. Доверенные лица сообщили, что нашли разработчика транслятора, куклу дома Баллантайн.

Сердце генерала сжимается, дает сбой.

— Брендона?..

— Да, его. Он в Гельвеции, у вдовы Алистера Баллантайна. Я лично связался с нашим консулом, он нанесет Виктории Баллантайн визит. Я хочу, чтобы этого перерожденного вернули. Возможно, его экстрадиция — ключ к решению проблем Нью-Кройдона. Мне нужен тот, кто сумеет перенастроить транслятор. Тогда у нас появится аргумент.

Император встает, похлопыванием по колену подзывает пса. Громадный дог вскакивает, стальные когти скребут паркет. Его Величество отходит в дальний угол зала, пес неотступно следует за ним.

— А теперь, сэр Уильям, не делайте резких движений и не хватайтесь за оружие, — спокойно говорит император и командует собаке: — Ату!

Мощный, закованный в броню зверь бросается к окаменевшему в кресле человеку. Самодержец щелкает рычажком на маленькой серой коробке, выхваченной из кармана, и пес застывает в шаге от главнокомандующего.

— Понимаете, чего я хочу?

Раттлер не может вымолвить ни слова. Сердце заходится в бешеном ритме, грудь словно обручами сдавила боль.

— Вы побледнели, мой бесстрашный генерал, — с укоризной отмечает император. — Прошу прощения за выходку, не учел ваши годы. Мне нравится смотреть на этого дога в движении. Невероятная мощь и грация.

Главнокомандующий с трудом переводит дыхание.

— Мой император...

— Сэр Уильям, простите еще раз. Я хотел продемонстрировать вам наглядно, зачем мне транслятор. Нет нужды уничтожать то, что можешь контролировать лично.

Весь обратный путь до Нью-Кройдона Уильяма Раттлера не покидает ощущение, что Его Императорское Величество принял какое-то решение, в которое не посвятил никого. Или не посвятил конкретно его, верховного главнокомандующего.

Поезд покачивается, звенит серебряная ложка в стакане с подстаканником. Мелькают за окном безжизненные поля и голые деревья. Генерал опирается спиной о мягкую стену купе и тихо дремлет. Ему не хочется думать ни о делах, ни о судьбах. Но не получается не думать о том, что ему снова нечего сказать Долорес, Копперу, Хлое и Стефану.

Чувство вины разрастается, запускает щупальца в сны Раттлера. И снова горит город, и взрывается «Кинг Эдвард», и треплет ветер волосы мертвой перерожденной, так страшно похожей на Долорес. В груди генерала горячо и больно от маленького черного прибора, транслирующего единственный приказ: «Ату, Крысобой!» И громадными скачками полумеханический дог несется к замершим у ворот виллы Раттлера четырем фигуркам.

Звенят колокольчики на браслете, падает белый платок в шляпу с яркими лентами, заботливо подставленную механической рукой...

По первому снегу Элеонор вернулась в Нью-Кройдон. Она простудилась, плохо себя чувствовала, и сэр Уильям уговорил ее временно уехать туда, где врачи ближе и он, ее муж, бывает чаще.

«Ло уже взрослая, помнишь? — уговаривал генерал леди Элеонор. — Здесь у нее прекрасная компания, топлива я им завез столько, что хватит до весны. Тебе нужен доктор. Везти его сюда — большая опасность».

«Мама, уезжай. Мы справимся», — просила Долорес, пряча глаза.

Уговаривали впятером. Слишком долго. Слишком...

Нью-койдонский врач диагностировал воспаление легких. Через неделю Элеонор не стало.

На похоронах все силы сэра Уильяма уходят на то, чтобы держать спину прямо, как полагается офицеру. Он бросает машину у кладбищенской стены и до самого дома идет пешком. Телохранитель — один из ликвидаторов — следует за генералом на почтительном расстоянии.

Дома Раттлер запирается в кабинете и просит слуг не беспокоить его до утра. Он садится за стол и слушает часы. Считает шепотом до тысячи, потом обратно. Жжет на свече семейные фотографии. Оставляет лишь ту, где они с Элеонор, шестнадцатилетним Грегором и годовалой Ло. Долго-долго смотрит в лицо сына. Ему хочется помнить Грега именно таким.

Обгоревшее тело двадцатитрехлетнего Грегора Раттлера, старшего помощника капитана

флагманского дирижабля «Кинг Эдвард», отец опознавал по фамильному кольцу на правой руке.

В дверь вежливо стучат, слышен голос дворецкого:

— Сэр Уильям, прошу прощения, к вам посетитель.

— Бишоп, на часах девять. Я никого не принимаю и вообще просил меня не беспокоить, — глухо отвечает генерал.

— Это констебль, сэр. Говорит, неотложное дело...

Уильям Раттлер с грохотом распахивает дверь, едва не сбив с ног дворецкого, и спускается в холл. Внизу мнетса молодой полисмен.

— Что вам угодно, сэр? — ледяным тоном спрашивает Раттлер.

— Прошу прощения, господин верховный главнокомандующий. Мои соболезнования по поводу кончины леди Раттлер...

— Короче, — рычит генерал.

— Фелония[1], сэр. Не могли бы вы пройти со мной?

Генерал поворачивается и кричит вглубь коридора:

— Бишоп! Пальто и ботинки!

Застегиваясь на ходу, сэр Уильям следует за полисменом.

— Далеко ехать?

— Простите, сэр. Ехать никуда не надо.

За воротами дома главнокомандующего собралась небольшая толпа. Ярko вспыхивает магний, фотограф отходит в сторону, давая дорогу генералу и констеблю.

— Граждане, разойдитесь! — сердито кричит полисмен. — До комендантского часа — двадцать минут!

Раттлер смотрит на тело, лежащее у ворот.

— Капитан Маркус Огден...

Личный телохранитель генерала. Ликвидатор. Несколько часов назад они стояли рядом на похоронах Элеонор. Сэр Уильям присаживается на корточки, касается лица Огдена, закрывает остекленевшие глаза. Голова мертвеца падает на плечо, изо рта сыплются шестеренки, зубчатые колеса, пружины. Раттлер вскакивает так резко, что не удерживается на ногах, и лишь быстрая реакция полисмeна спасает его от падения.

— Часовщик! — кричит кто-то, люди ахают, шарахаются прочь.

— Расходитесь! Немедленно расходитесь! — басит напарник констебля.

Генерал рвет воротник пальто, ему душно. Он смотрит на темнеющее бесформенное пятно на серой шинели Огдена, и только одна мысль мечется, как закольцованная: «Маркус сопровождал меня. Я мог бы быть на его месте».

— Господин главнокомандующий, — касается его локтя полисмен, который привел его. — Вы слышали что-нибудь?

— Нет. Окна кабинета выходят на другую сторону, — отвечает Раттлер. — Констебль, мы с капитаном Огденом около полутора часов как вернулись с похорон.

— Его убили менее получаса назад, сэр. Нас вызвал вон тот джентльмен. Утверждает, что видел убегающего убийцу, но не смог разглядеть.

Генерал Раттлер молча смотрит вниз. На снегу возле тела капитана отчетливо заметны следы маленьких ног: пятка слита с подошвой, отпечатка каблука нет. Сэр Уильям указывает на них полисмену:

— Смотрите. Странная обувь...

— Снимай, не стой, — командует полицейский фотографу.

Сэр Уильям сует руки в карманы. Из низких туч сыпется снежная крупа. Генерал смотрит, как зарастают снежинками странные следы. Полицейские суетятся рядом. Подъезжает «труповозка», тело Огдена грузят в машину. У ног Раттлера — россыпь мелких механических деталей. Тускло поблескивает латунь в свете уличного фонаря.

— Господин верховный главнокомандующий, мы уезжаем, сэр, — виновато говорит констебль помоложе. — Вы можете вернуться...

— Благодарю, — еле слышно отвечает Раттлер и идет к дому.

Утром генерал собирает всех ликвидаторов и требует на задания брать с собой собак-телохранителей.

— Сэр, псы мешают, — возражают ему. — Они слишком агрессивны, поводки руки занимают.

Раттлер длинно выдыхает сквозь стиснутые зубы.

— Когда лично вас, сержант, будут разделять в канаве, умирая, вы пожалеете, что с вами не оказалось пса. Домой возвращаться со службы только с собаками. Это приказ. И пока кинологи не выделяют нам собак, никто на улицу в темное время суток не суется. Ясно?

— Да, сэр! — дружно отвечает полсотни голосов.

Генерал обводит своих солдат серьезным и усталым взглядом.

— Господа, четверо убиты. Огден — в центре города, у моего дома, до объявления комендантского часа. Мы столкнулись с быстрой и опасной тварью, которая не боится ничего. Часовщик действует наверняка и скрывается молниеносно. Если я хоть от кого из вас услышу бравое «Я не боюсь» — получите от меня лично месяц ареста с понижением в звании. И тот, кого следующим заколют, как свинью на бойне, заслужит этой участи.

Ликвидаторы молчат. Раттлер выжидает паузу и заканчивает:

— Пока подыскивают собак, отряду объявляется увольнение на три дня. Общий сбор здесь же, через три дня, в девять ноль-ноль до полудня. Всё. Все свободны.

— Сэр, — подает голос капрал Тиммонз. — Вам нужен новый телохранитель. А лучше два.

— Я позабочусь об этом сам, — уклончиво отвечает генерал.

Распустив отряд по домам, главнокомандующий едет на псарню и выбирает себе двух поджарых доберманов.

— Идеальные псы, сэр! — восторженно расхваливает служитель, надевая на собак мощные ошейники. — Вышколены до автоматизма. Команды голосом, жестом — повинуются мгновенно и беспрекословно. На задержание натасканы, нюхачи высшего класса. Хватка мертвая.

Раттлер сухо благодарит, щедро расплачивается, пристегивает к ошейникам поводки и уходит. Доберманы идут рядом — не обгоняя, не отставая. Послушные, словно машины.

Генерал сминает очередную анонимку и отправляет ее в корзину для бумаг. Аристократический почерк, обильно сдобренный грамматическими ошибками и приукрашенный завитушками и вензелями, будит в главнокомандующем волны раздражения. «Довожу до вашего сведения... взываю к справедливому наказанию... как можно покрывать убийц».

«Значит, Флетчер все же сберег свою Агнешку, — думает сэр Уильям. — И прятал ее

достаточно долго. Какая же мразь выследила беднягу? Надо бы обнародовать приказ о том, что анонимные доносы рассматриваться не будут. И срочно вывезти Агнесс».

Раттлер запирает бумаги в сейф, допивает чай, доедает нехитрый ужин — порцию говядины с овощным рагу, одевается, подзывает собак и выходит из дома. Снег под ногами морозно похрустывает и искрится в свете фонарей. Доберманы наперегонки несутся к припаркованному у ворот автомобилю. Раттлер открывает дверь, псы забираются в машину. Генерал смотрит на запачканный мощными лапами бархат и думает о том, что было бы неплохо, если б горничная выкроила кусок ткани — укрывать заднее сиденье.

— Ну, поехали, — бурчит генерал, и то ли Фир, то ли Прайд откликается коротким лаем.

Через десять минут главнокомандующий прибывает в штаб ликвидаторов. Спускается в подвал, оставляет в гардеробе дорогое пальто, надевает толстый стеганный жилет, кирасу, зеркальную маску, скрывающую лицо до носогубного треугольника. Сэр Уильям проверяет патроны в обоих револьверах — привычка, доведенная до автоматизма, надевает перчатки со стальными пластинами по тыльной стороне и возвращается в машину.

На выезде с Аддерли-авеню автомобиль генерала тормозит патруль.

— Нарушение комендантского... — начинает суровый лейтенант, подбегая к машине, но видит зеркальную маску, вытягивается по стойке «смирно» и спешит отдать честь.

Ликвидатор. Отряд специального назначения. Какой уж тут комендантский час. Пропустить и не препятствовать.

Машина тихо едет по набережной Фармингтона. Самый респектабельный и богатый квартал. Или был таковым еще полгода назад. В Судную Ночь перерожденные вырезали больше трех четвертей населения. Здесь почти каждая семья могла позволить себе вернуть родных и любимых. Но не многие сумели защитить себя от деяния Байрона Баллантайна. И единицы умудрились сберечь своих кукол. Месяц назад сэр Уильям забирал отсюда маленького Стефана, теперь предстояло вывезти Агнесс Флетчер.

Он хорошо ее помнит. Молодой барон Адам Флетчер привез красавицу-невесту из далекой Польши. Белокурая синеглазая Агнешка с косой толщиной в руку лет десять считалась самой красивой женщиной Нью-Кройдона. К счастью для семьи Флетчер, Адам слыл отчаянным дуэлянтом, и всерьез на их с Агнешкой супружеское счастье никто не рискнул покушаться. Умерла нью-койдонская королева от родильной горячки, успев подарить мужу трех сыновей и двух девочек-близняшек. После перерождения Агнешка перестала выходить в свет, за эти шесть лет нью-койдонская знать видела ее не более четырех раз.

«Уцелела, — думает Раттлер неожиданно тепло. — Увезти ее скорее, спрятать — и живи долго, королева Нью-Кройдона».

Генерал оставляет машину в переулке между двумя заброшенными особняками, берет собак на поводки и идет к дому Флетчеров пешком. Над улицей висит громадная луна, сияющая, как новая серебряная монета. Дыхание вырывается изо рта облачками пара, тает в морозном воздухе. Снег звонко повизгивает под лапами собак и тяжело скрипит под поступью верховного главнокомандующего. Раттлер идет, и темные окна опустевших зданий смотрят ему вслед.

Вот и нужный дом, тут окна светятся теплом. Генерал толкает калитку, проходит к крыльцу по тропинке, стучит в дверь.

— Рядом, — командует он псам вполголоса.

— Кто там? — спрашивает за дверью настороженный мужской голос.

— Доброго вечера. Мне нужен сэр Адам Флетчер, — спокойно и вежливо отвечает генерал.

Дверь чуть приоткрывается, на Раттлера с любопытством смотрит седой худощавый мужчина лет пятидесяти.

— Здравствуйте, сэр Адам. Позвольте мне войти. Важный разговор.

Флетчер поникает головой и отступает с дороги ликвидатора. Раттлер входит, закрывает за собой дверь. Оба пса тянут его назад, беспокойно ворчат.

— Тубо! — осаживает их генерал. — Сидеть!

Он снимает маску и обращается к хозяину дома:

— Сэр Адам, вы меня узнаёте?

Флетчер смотрит ему в лицо, хмурится и кивает.

— Да, господин главнокомандующий.

— Вы понимаете, почему я здесь?

— Нет, господин главнокомандующий.

Раттлер усмехается, качает головой.

— Сэр Адам, не будьте ребенком. Где леди Агнесс? Я не убивать ее пришел, поверьте.

— Уходите, господин Крысобой. Тут нет того, что вам нужно, — тихо шелестит Флетчер.

Генерал опирается спиной о стену и спокойно говорит:

— У вас есть выбор. Или я уйду вместе с миссис Флетчер, увожу ее туда, где никто не будет искать, и вы вскоре получаете подтверждение, что она в порядке. Или завтра по разнарядке к вам приходят другие люди из моего отряда, и все заканчивается плохо. Решайте.

— Уходите. Или я спущу на вас догов.

— Это будет ошибкой, сэр Адам. Позовите леди. Я гарантирую ее безопасность.

Флетчер загораживает собой проход в дом и упрямо качает головой.

— Сэр Адам. Как вы думаете, почему к вам приехал я, а не кто-то из моих солдат? Черт возьми, дай поймите же: я единственный, кто может сохранить жизнь перерожденным этого города.

В темноте коридора тихо шелестит ткань платья. Агнешка Флетчер выходит к ним сама.

«Адам, я еду с ним. Бэррингтоны говорили, что получают письма от внука раз в три недели», — плавно жестикулирует она.

— Эти письма им передаю лично я, — устало добавляет генерал. — Сэр Адам, вы доверяете мне вашу жену?

Флетчер смотрит на Агнешку, та кивает, улыбается и просит: «Не бойся. Я напишу тебе сразу, как прибуду на место».

— Леди Агнесс, у меня единственная просьба: переоденьтесь во что-нибудь менее пышное. Вам придется ехать в ящике под задним сиденьем, юбка занимает слишком много места. Наденьте брюки для гольфа или велосипедных прогулок, возьмите с собой плед, чтобы не замерзнуть. Поторопитесь.

Вскоре они выходят из особняка. Агнешка кутается в короткую шубку, спортивные брюки на ней выглядят нелепо. Флетчер стоит на пороге и смотрит ей вслед. Где-то в глубине дома лают псы. Раттлер опускает на лицо маску и негромко говорит перерожденной:

— Моя машина за углом. Идем спокойно, вы впереди.

За воротами Фир и Прайд настороженно ворчат, тянут поводки. Раттлер придерживает Ангешку за локоть:

— Подождите, стойте.

Краем глаза генерал улавливает движение у дома выше по улице. Псы рычат и нюхают морозный воздух, задрав морды. Сэр Уильям прищуривается, сияясь разглядеть что-то в слабо освещенном проулке. Потом опускает глаза и видит на снегу цепочку следов, уводящих к заброшенным домам. Маленькие следы, пятка сливается с подошвой, отпечатка каблука нет.

— Выходите на свет, проверка документов! — громко приказывает Раттлер.

Псы взрываются яростным лаем, генерал спускает их с поводка и кричит Агнешке:

— В дом! Немедленно! Спрячьтесь!

Женщина бросается к калитке, на мгновение задерживается и свистит, по-мальчишески сунув пальцы в рот. Едва не сбив хозяйку, через невысокий забор перелетают три черных немецких дога. Повинуясь жесту Агнесс, они уносятся в проулок, где слышится лай доберманов Раттлера.

— Я за вами вернусь, не доверяйте никому, — успевает сказать Раттлер и бросается за собаками.

Секунды темноты — и он выбегает на узкую улочку, стиснутую между стенами домов и высокими оградами. Лай слышится откуда-то слева, и Раттлер бежит туда. Ноги сами выносят его на Броктайм-сквер. На этой маленькой площади под странными искривленными часами, отсчитывающими время наоборот, летом любят встречаться романтические парочки. Зимой сюда змеями сползаются холодные ветра из подворотен и лабиринтов маленьких улочек, и на площади становится слишком мрачно и неуютно.

Раттлер спотыкается обо что-то, падает. Встает на четвереньки, обжигая ладони снегом, и видит немецкого дога, безжизненно лежащего на снегу. Из бока и морды пса торчат маленькие стальные ромбы с острыми краями. Еще один сюррикэн чиркает Раттлера по плечу. Генерал перекачивается в тень дома, на ходу выхватывая револьвер.

Посреди Броктайм-сквер, залитой ртутным светом луны, словно танцует невысокая фигура в теплой шинели с чужого плеча. Молниями вспыхивают холодные отблески разящего металла, собаки пытаются атаковать, но их враг опасен и ловок. Короткий визг, больше похожий на плач, — и один из доберманов катится по снегу, пятная его кровью. Второй пес тихо пятится, заходя человеку за спину, доги с лаем нападают спереди. Раттлер встает и выходит на площадь, держа фигуру в шинели на прицеле.

Псы атакуют одновременно, человек падает, сбитый бросившимся на спину доберманом, роняет клинок, правой рукой старается закрыть лицо и шею, левой резко бьет навалившегося сверху дога в живот. Пес визжит, пытается отпрыгнуть в сторону, но не может. Человек с силой толкает пса ногами, он отлетает в сторону и больше не поднимается. Доберман продолжает рвать одежду, уцелевший дог смыкает челюсти на правой руке поверженной жертвы.

— Держать! — хрипит Раттлер, пытаясь унять боль в груди и выровнять дыхание.

Человек перекачивается на бок, неуловимым движением выворачивается из шинели, набрасывает ее на дога, резко поднимает и опускает левую руку. Генерал стреляет, снова и снова. В незащищенную узкую спину, обтянутую атласным корсетом.

Человек вздрагивает и делает шаг вперед. Спотыкается, колени его подгибаются, он

разворачивается, приваливается плечом и оползает по стенке часов. Раттлеру кажется, что он слышит, как стонет внутри них сломанное время.

Падает на снег шляпа с яркими лентами — алой и сиреневой, и бродячие ветра тут же гонят ее прочь. Раттлер стоит и смотрит то на безжизненно откинутую правую руку с узкой маленькой ладонью, то на поджатые к животу стройные ноги в теплых чулках. Ледяной ветер треплет пышные светлые волосы и подол короткой юбки.

— Фир, тубо! — отгоняет Раттлер добермана.

Генерал упирается в плечо Часовщика носком сапога, переворачивает на спину. Левая рука бьется об оледеневшую мостовую с металлическим лязгом. Раттлер склоняется над телом, рвет с шеи кружевное жабо и видит стальные штыри, трубки и тонкие шланги. Маска мешает ему, он сдвигает ее на затылок. Снимает перчатку, осторожно приподнимает верхнее веко куклы.

— Ах ты тварь, — цедит он восхищенно.

Часовщик с трудом открывает глаза. Раттлеру от взгляда становится жарко.

— Ненавидишь меня, да? Правильно.

Генерал защелкивает на руках Часовщика браслеты, поднимает тело, изумляясь, насколько легкой оказывается перерожденная. С куклой на плече и в сопровождении помятого добермана он идет к машине, сваливает свою ношу в ящик под сиденьем. Стоит несколько минут, глядя в бездонный черный колодец над головой, потом садится за руль, и автомобиль резко срывается с места.

Через несколько часов отчаянно зевающий растрепанный Коппер спускается за сэром Уильямом в холл первого этажа. Видит распростертое на полу тело и удивленно спрашивает: «И что это?»

— Это Часовщик. И она нужна мне. Сможешь починить?

Коппер корчит гримасу, которая означает «Ну, не знаю», но по азартно блестящим карим глазам Раттлер понимает: помешанный на механике подполковник из кожи вон вылезет, чтобы кукла выжила.

Ненависть ей в этом поможет.

— Задувай свечи, Пенни! Загадывай желание!

Она делает глубокий вдох, жмурится... Слон Бимбо дует на торт вместо нее, разом гася двадцать две тоненькие свечи. Вся труппа хохочет, Пенни Лейн заливается смехом, вытирает салфеткой сахарную пудру с лица и украдкой смотрит на Джорджио.

Джорджио разливает по бокалам вино, поднимает тост:

— За нашу Пенни — изящную, словно цветок, ловкую, как...

— Мартышка! — пищит карлик Том.

Снова все хохочут, Пенни пьет до дна, протягивает бокал Джорджио:

— Еще!

— Хватит, — без улыбки отвечает фокусник. — Ты слишком пьяна.

Пенни Лейн встает из-за стола, роняет стул, подходит к Джорджио заплетающейся походкой, сует бокал ему в руки.

— Наливай! Слово именинницы!

От него все еще пахнет чужими духами. И хочется бить его кулаками в грудь, выкрикивая оскорбления. Но никто другой не знает так, как Пенни, что это бесполезно.

Потому она смотрит ему в лицо, знакомое до последней крошечной черты, и резко выдыхает:

— Наливай!

— Ты слишком пьяна, — повторяет Джорджио спокойно. — Вернись на место, Ма нарежет торт.

«Ты вернись», — хочет сказать Пенни, но не может. Поднимает пустой бокал на уровень лица фокусника и разжимает пальцы. Джорджио подхватывает его у самой земли, ставит на стол.

— Алле-оп.

У него морщинки в углах глаз и ранняя седина. Очки он не носит только во время представлений, но Пенни кажется, что без них он более собран и лучше видит. Как сейчас. Ей хочется сказать ему что-то дерзкое, но его равнодушный взгляд ломает ее агрессию, как сухой стебель. Она опускает голову и плетется в свой фургончик. Точнее, их с Джорджио.

Два дня назад она вышвырнула все его вещи. «Мерзавец, кобель, лгун! — орала Пенни, размазывая по щекам грим и слезы. — Она или я, выбирай!» Джорджио поправил очки, пожал плечами, собрал выпавшие из раскрытого чемодана пожитки и ушел. Пенни выла от отчаяния всю ночь, но сказанных слов обратно не вернуть.

— Ненормальная, — сказала Ма. — Он же гордый. Теперь даже захочет — не вернется.

Пенни знает. Но исправить уже ничего не может. Она никогда не извиняется. «Я ему не изменяла! Он виноват!» — плачет в подушку хрупкая гимнастка. Подушка пахнет Джорджио. А он — чужими духами, сладкими и тяжелыми, как дурман...

Наутро ей совсем плохо от выпитого вина и ночных переживаний. Она умывается под жестяным рукомойником, долго приводит себя в порядок перед зеркалом, укладывает золотисто-пшеничные локоны в затейливую прическу. В трико и короткой юбке Пенни выходит из фургончика, вешает торбу с овсом на Хоруса, обнимает его за теплую каурюю шею, гладит.

— Я не стану старше, чем ты, мой коник. Ни за что на свете, — шепчет она.

Гимнастка решительно пересекает пустой двор за балаганчиком, поворачивает в зверинец, берет с деревянной колоды связку ключей.

— Пенни! — слышит она голос Джорджио. — Погоди, Пенни!

Не давая себе передумать, Пенни Лейн бежит к самой дальней клетке, на ходу отыскивая нужный ключ, быстро отмыкает замок, переступает порог. Руки дрожат, когда она закрывает замок изнутри. Отцепляет ключ, швыряет связку с остальными наружу. Слышит за спиной шумное фырканье, закрывает глаза, чтобы не было страшно.

— Прости меня, зверик. И, пожалуйста, сделай это быстро.

Не открывая глаз, она поворачивается и с размаху втыкает в густой коричневый мех маленький нож. Медведь с ревом поднимается на задние лапы и подминает Пенни Лейн под себя.

Клетку смогли открыть, только когда Джорджио уложил зверя тремя выстрелами в голову.

Байрону Баллантайну отдают все деньги, что были у трупы. Джорджио продает все ценное, что у него есть: золотые часы, новенькие ботинки и сюртук, обручальное кольцо.

— Я сделаю так, чтобы ваша гимнастка продолжила выступать, — обещает Байрон, забирая растерзанное тело циркачки в лабораторию. — Заодно опробую на ней

принципиально новые материалы.

Он заменяет ей левую руку, шею и ноги от нижней трети бедра. Сплав новых конечностей легок, после перерождения Пенни Лейн выглядит так же изящно, как живая.

— Красавица! — восхищается сенатор Баллантайн, рассматривая робко сжавшуюся в углу перерожденную. — Не прячься, позволь разглядеть тебя. Ты — мое самое совершенное творение.

Пенни прикрывает грудь длинными волосами, стыдливо складывает руки внизу живота. Байрон смеется над ее робостью, набрасывает на плечи свой пиджак, осторожно берет за механическую руку.

— Ты больше не будешь слабой и беззащитной, Пенни. Сложи три пальца вот так. Смотри, какой прекрасный стилет теперь есть у тебя! Встань на цыпочки. Чувствуешь, какие легкие ноги и гибкие пальчики? Твоя конструкция, Пенни, позволит тебе расходовать топливо в несколько раз меньше, чем обычным куклам. Добро пожаловать в новую жизнь!

Гимнастка смотрит в сияющие серые глаза Байрона Баллантайна, и ее охватывает смутение. Кто она теперь? Чему так радуется этот странный человек?

— Ты будешь сильной, голубка, — продолжает Байрон, поглаживая щеку девушки рукой, обтянутой черной перчаткой. — Я дал тебе кое-что, чего нет ни у одного перерожденного Нью-Кройдона. Жизнь скучна без риска, верно, циркачка? Уж ты-то знаешь наверняка. Ты сможешь убивать, Пенни.

Она отшатывается, качает головой. Сенатор смотрит на нее с нежностью, заправляет длинную темную прядь за ухо.

— Ты привыкнешь. Совсем скоро почувствуешь, что ты больше не маленькая слабая девочка, которой можно вертеть, как тростинкой. Ты вырастешь очень быстро, Пенни. Вот увидишь.

Из дома сенатора ее забирает Ма. Низко кланяется Байрону Баллантайну, отвечает Пенни подзатыльник.

— Горе ты наше, — вздыхает Ма. — Возвращаемся скорее. Труппа с ума сходит. Что ж ты делаешь с нами, бестолочь?

Домой Пенни идет с гордо поднятой головой. И впервые бурчание Ма не будит в ней никаких чувств.

В балаганчике царит привычная будничная суэта. Кто-то репетирует, кто-то готовит обед, кто-то кормит животных. Клетку медведя Пенни обнаруживает пустой.

«Зачем?» — спрашивает она Тома.

— Джорджио убил. Он любит тебя, дура, — противным голоском отвечает карлик.

«А я его — нет», — думает Пенни и сама ужасается этой мысли.

Джорджио возвращается под вечер, приносит с собой курицу и две буханки хлеба. Ма грустно смотрит на скудный ужин, пожимает плечами.

— Не будет денег — умрем с голоду. Завтра придется давать представление без Пенни.

Девушка сидит в углу, закутавшись в лоскутное одеяло, и думает над словами сенатора Баллантайна. Скрипит сверчок, керосиновые лампы отбрасывают на стены длинные зыбкие тени.

Джорджио подходит к гимнастке и садится рядом на корточки, заглядывает ей в лицо снизу вверх. Свет керосиновых ламп отражается в стеклах очков, и девушка не видит выражения его глаз.

— Пенни, — тихо зовет он. — Пенни Лейн, прости меня.

Она протягивает ему правую руку ладонью вверх. На ладони обручальное кольцо. Джорджио медлит, забирает.

— Это ничего не значит, Пенни. Ты нужна мне. Кем бы мы теперь ни были.

Пенни Лейн встает и уходит в свой фургончик. Фокусник до утра сидит на ступеньках под дверью. Обручальное кольцо покачивается на стальной цепочке у него на шее.

Рано утром Пенни надевает трико, сверху — яркое короткое платьице, повязывает на шею кокетливый бант, седлает Хоруса и уезжает в город. В седельной сумке — вытертый гимнастический коврик, цветные деревянные шары, ленты и скакалка. Весь день девушка жонглирует на одной из нью-кroyдонских площадей и пляшет под скрипку бродячего музыканта, а к вечеру возвращается в балаганчик и кладет на стол Ма набитый медяками кошелек.

«Я не стану обузой, Ма. Я отработаю».

Суровое лицо хозяйки балаганчика расцветает улыбкой.

«Переоденусь к выступлению», — машет рукой Пенни и убегает.

Она чувствует себя странно. Весь день плясать, жонглировать, крутить сальто — и ни малейшей усталости. «Надо этим пользоваться! Я должна помогать труппе», — решает Пенни. Теперь она работает каждый день, с утра до позднего вечера. Джорджио смотрит на нее глазами побитого пса, Пенни посылает зрителям воздушные поцелуи и улыбается всем, кроме печального седого фокусника.

Каждую ночь Джорджио спит на ступеньках ее фургончика. Дважды Пенни вылезает в окно, поправляет на спящем плед. В третий раз Джорджио ловит ее за механическое запястье.

— Я тебя прошу, Пенни...

Она настолько резко выдергивает руку, что ее пальцы ранят ему ладонь.

«Я больше не твоя жена Пенни, Джорджио. Пойми и не трать время на мертвую куклу, — говорит она, равнодушно глядя ему в лицо. — Еще живой я стала тебе не нужна. Ты месяц проводил время с другой, помнишь?»

— Я ошибся. Я прошу прощения.

«Зато я не ошиблась. Ни разу. И мне жаль только медведя, которого ты убил».

С того разговора он больше не ищет встречи с ней. В выступлениях ему ассистирует младшая дочка Ма — темнокожая пятнадцатилетняя Чарлин. Пенни работает соло или в паре с атлетом Соломоном. Так продолжается почти год.

В Судную Ночь взбесившуюся Пенни Лейн запирают в пустующей медвежьей клетке. Джорджио не оставляет ее без присмотра ни на минуту. Когда сигнал транслятора перестает терзать сознание девушки, она сутки спит, зябко сжавшись на дощатом полу. Джорджио очень хочет укутать ее в одеяло, но боится открыть клетку.

Через несколько дней за перерожденной гимнасткой приходит военный патруль. Пенни слышит шум у балаганчика, брань, потом выстрелы. Подбегает бледный Джорджио, гремит связкой ключей.

— Пенни, милая, это за тобой. Я тебя выпущу, и бежим скорее.

Пенни пятится в дальний угол клетки, качает головой. Она помнит все, что творилось с ней последние дни, и ей страшно при одной мысли, что приступ безумия повторится и она убьет Джорджио. От страха она забывает все слова на амслене и лишь смотрит за спину Джорджио круглыми от ужаса глазами.

— Иди сюда, быстрее. Нельзя терять...

Он осекается на полуслове, наваливается всем телом на прутья решетки. Пенни смотрит на стальное жало штыка, прошившее грудь Джорджио насквозь, на кровь, капающую на землю, и беззвучно кричит.

— Куколка-куколка, — смеясь, манит ее капрал, лицо которого Пенни запомнит до конца своих дней. Первых всегда помнят.

Пальцы-стиллет бьют в горло капрала снизу вверх. Пенни Лейн ногой отталкивает еще хрипящее тело, вываливается из клетки и опускается на колени рядом с Джорджио. Целует открытые карие глаза, надевает на себя его шляпу и беззвучно отчаянно плачет.

Она не сопротивляется, когда солдаты поднимают ее и уводят с собой. Она безучастно смотрит на разгорающийся гигантским костром балаганчик, который поливает водой из хобота слон, на распростертые в пыли тела Ма, Соломона, карлика Тома. Она видит отражение неба в мертвых глазах Чарлин и укротителя Джеймса.

«Я больше не умру, — беззвучно шепчет Пенни Лейн. — Я вернусь. Моя ненависть мне поможет».

Сутки она стоит в молчаливой, ожидающей своей участи толпе. «Я больше не умру», — повторяет она снова и снова. «Я больше не умру», — говорит она, улыбаясь, когда на площадь выползают танки. Толпа теснит Пенни, она с трудом держится на ногах, передает из рук в руки детей, стараясь подсадить их повыше, забрасывает на танк перерожденную девочку в голубом шелковом платье. Спотыкается, падает. Механическая ладонь ложится на решетку канализационного стока.

«Совсем скоро почувствуешь, что ты больше не маленькая слабая девочка, которой можно вертеть, как тростинкой. Ты вырастешь очень быстро, Пенни. Вот увидишь», — звучит в памяти голос сенатора Баллантайна.

Пенни Лейн поднимается, тянет решетку вверх, и та поддается. Девушка выпрямляет спину, смотрит на балкон здания мэрии и машет шляпой высокому крепкому старику: «Я вернусь!»

Ее толкают в спину, она снова падает, толпа несет ее в сторону от спасительной решетки, но Пенни упрямо рвется обратно, расталкивая обезумевших от ужаса и безысходности кукол.

И когда до канализационной решетки остается меньше двух футов, Пенни Лейн поднимает голову и видит нависшую над ней серую громаду танка. С траков сыплются мелкие механические детали, трепещет на ветру обрывок голубого шелка. Девушка закрывает глаза и бросается вперед.

«Я больше не умру. Я вернусь. Моя ненависть мне поможет».

[1] Фелония — тяжкое уголовное преступление.

Возвращение

— Восхитительный чизкейк, леди Баллантайн! У вас умелый повар, надо отдать должное.

Пожилая женщина в темном старомодном платье улыбается одними губами, ставит на блюде прозрачную чашку с чаем. Танцуют чайники в темно-янтарной жидкости.

— Благодарю, консул. Сладкое я готовлю сама, но и мой повар также достоин похвалы. Приезжайте к нам в гости с супругой, я с удовольствием поделюсь рецептом чизкейка.

— Увы, я не женат, — разводит руками консул.

— Вы молоды, у вас все впереди, — уверенно говорит леди Баллантайн.

— К сожалению, я на государственной службе, и тут не до личной жизни.

— Мистер Солсбури, вы верите в судьбу? Она иногда преподносит нам совершенно неожиданные сюрпризы.

Консул промокает аккуратные усы салфеткой, пожимает плечами.

— Я материалист, госпожа Виктория.

В коридорах замка слышится приближающийся топот, тяжелая дверь в зал, где пьют чай леди Баллантайн и консул Солсбури, приоткрывается, на ковер плюхается мокрый снежок.

— Опять она бежит! — в сердцах восклицает госпожа Виктория. — Прошу прощения, мистер Солсбури, это моя внучка. Никак не научу ее вести себя, как подобает юной леди.

— Да-да, — кивает консул. — К сожалению, в прошлый раз нам не довелось познакомиться.

— Успеется. Давайте к делу, мистер Солсбури. Вы же не просто попить чаю заглянули, не так ли?

— Вы правы. Леди Баллантайн, я снова по поручению Его Императорского Величества.

Госпожа Виктория хмурится, морщины на высоком лбу прорисовываются глубже.

— Консул, в прошлый раз я подписала целую стопку бумаг о том, что не стану наследовать имущество своего сына. По состоянию здоровья и по личным причинам я отказываюсь присутствовать на суде и свидетельствовать против Байрона. Что от меня еще хочет бывшая родина?

Солсбури мнется, обдумывая ответ. Вертит в пальцах серебряную чайную ложку, прислушивается к завыванию ветра в печных трубах.

— Леди Баллантайн, я не зря просил вас хорошо подумать, прежде чем подписывать отказ вступить в права наследования, — неохотно говорит консул.

Леди Виктория встает, опираясь на ручку кресла. Шелестит по полу подол платья. Пожилая женщина идет через просторный зал к камину, подкидывает несколько поленьев.

— Я думал, камином такое большое помещение прогреть трудно, — замечает консул.

— Здесь печное отопление. Камин просто для уюта.

Голос хозяйки замка звучит глухо и официально. Будто только что она не говорила с Солсбури как со старым знакомым. Консул поднимает голову, смотрит на старинные штандарты под высокими сводами. Тяжелая ткань слегка покачивается от поднимающегося вверх тепла, и кажется, будто изображенные на штандартах львы, единороги и конные рыцари дышат.

— Леди Виктория, — осторожно продолжает консул. — Так как вы более не являетесь наследницей рода Баллантайн, собственность вашего сына переходит государству. Во время прошлого моего визита я предоставил вам всю необходимую информацию из свода законов империи.

— Да, я помню, — отвечает леди Баллантайн.

— Мэм, Его Императорское Величество требует немедленно вернуть куклу, принадлежавшую вашему сыну.

Виктория Баллантайн роняет каминную кочергу, дребезжание металла эхом разносится по залу. Пожилая леди резко поворачивается к Солсбури.

— Что?..

Консул чувствует себя неловко, поправляет узкий галстук.

— Леди Баллантайн, император требует...

— Я прекрасно слышу, мистер Солсбури, я не настолько стара. — Ее голос звенит от возмущения. — Вы знаете, кого только что назвали куклой?

— Нет, — смущенно отвечает консул.

В неплотно прикрытую дверь протискивается тощая пестрая кошка, проносится через зал и скрывается под краем висящего на стене гобелена. Стучат по коридору каблуки, дверь распахивается, влетает растрепанная русоволосая девушка в теплом шерстяном платье, едва прикрывающем колени.

— Кошка-кошка-кошка! — азартно кричит она, сверкая глазами. — Бабуль, куда она делась?

Лед в глазах Виктории Баллантайн тает, она тепло улыбается.

— Кошка юркнула за гобелен, милая. Вон туда. Сколько можно повторять, что тебе нельзя так носиться? Мистер Солсбури, разрешите представить вам мою внучку, мисс Элизабет Баллантайн.

— Здравсьте, — смущенно бросает Элизабет, шаря за гобеленом.

Консул встает, кланяется.

— Добрейшего дня, мисс. Очень рад знакомству с вами.

— Бетси, это консул Солсбури. Официальный представитель императора в Гельвеции, — чеканя каждое слово, говорит леди Виктория.

Печально мяучит пойманная кошка. Элизабет вытаскивает ее из убежища, устраивает на руках и подходит к консулу. Серые глаза смотрят насмешливо и недоверчиво.

— Здравствуйте еще раз, сэр. Надеюсь, вы просто заглянули к бабушке по старой дружбе?

— К сожалению, мисс Баллантайн, я с деловым визитом.

— Милая, мистер Солсбури привез возмутительные новости, — сухо говорит госпожа Виктория. — Империя требует возвращения Брендона.

Кошка шмякается об пол и уносится прочь. Элизабет шипит сквозь зубы, подносит к губам оцарапанное запястье и не сводит с консула злого, прямого взгляда.

— А никто не треснет от амбиций? — ядовито цедит девушка. — Бабуль, я надеюсь, ты сказала мистеру Солсбури, что император может засунуть свое требование меж собственных холеных ягодиц?

— Бетси! — укоризненно качает головой леди Виктория. — Ну что за выражения! Что подумает господин консул?

Девушка поправляет высокий пояс платья, садится в кресло рядом с консулом.

— У вас глаза честного человека, мистер Солсбури. И я думаю, вы поймете меня правильно. Я не могу подобрать более приличных слов, чтобы выразить свое отношение к требованию императора.

Консул делает понимающее лицо, вежливо улыбается и пытается вспомнить, слышал ли он прежде что-то об этой юной нахалке. «Кажется, сенатор Баллантайн не был женат, — думает Солсбури. — Мало того — по слухам, женщины его вообще не интересовали. Откуда же тогда она взялась? Или у Виктории Баллантайн были дети от второго брака?»

Виктория наливает внучке чай.

— Покрепче, — просит Элизабет.

— Тебе нельзя, — с укоризной качает головой пожилая леди.

— Это тебе нельзя, — обиженно отвечает девушка. — А мне врач сказал, можно все, что хочется.

Леди Баллантайн пододвигает третье кресло к низенькому столику, присаживается.

— Мистер Солсбури, давайте разберемся, — начинает она спокойно. — Вам прекрасно известно, что Гельвеция крайне неохотно выдает граждан, нашедших здесь убежище. Первое: я более пятнадцати лет являюсь гражданкой этой страны. Второе: я отказываюсь отдавать императору члена своей семьи. Я прекрасно понимаю, что по возвращению в родной Нью-Кройдон Брендона убьют за то, чего он не совершал. По законам империи, его даже судить не станут.

Элизабет мрачно выпивает чай, отодвигает опустевшую чашку.

— Схожу за Бренденом, — говорит девушка, вставая. — Заодно гляну, не привел ли господин консул с собой парочку наемных убийц.

— Бетси! — возмущенно восклицает леди Виктория.

— Он — подданный империи, бабуля. Не забывай.

Девушка быстро удаляется, стуча каблуками по каменному полу. Консул провожает ее пристальным взглядом, выжидает минуту, потом осторожно спрашивает:

— Госпожа Баллантайн, прошу меня простить за некорректный вопрос... Мисс Элизабет больна?

Виктория качает головой, отпивает из чашки остывший чай.

— Нет, консул. Девочка в интересном положении. И вы только что сообщили, что собираетесь забрать ее будущего мужа.

Солсбури изо всех сил делает вид, что не удивлен, но это у него плохо получается.

— Но... Мэм, этот брак невозможен! Отношения между людьми и перерожденными не регистрируются официально. Перерожденные не имеют права...

Леди Баллантайн прислушивается к шагам в коридоре, усмехается, глядя на консула.

— А вы это им скажите, мистер Солсбури. Особенно Элизабет. Только учтите, что моя внучка не станет стеснять себя приличиями и из-за своих слов вы можете пострадать.

Вскоре в зал возвращается Элизабет, а с ней — молодой человек с аккуратно подстриженными вьющимися светлыми волосами и в свитере с высоким горлом. Он смотрит на консула спокойно и доброжелательно, быстро жестикулирует. Солсбури следит за движениями рук в тонких шелковых перчатках, виновато пожимает плечами:

— Прощу меня простить, но я не владею языком жестов.

— Я побуду переводчиком, — предлагает Элизабет. — Доброго дня, консул. Меня зовут Брендон.

— Рад знакомству, мистер...

— Фланнаган, — подсказывает Элизабет.

— Мистер Фланнаган, я здесь по поручению Его Императорского Величества. Он требует вашего немедленного возвращения в Нью-Кройдон.

Брендон хмурится, качает головой.

— Вот видите, господин консул, — с сухим смешком замечает Виктория Баллантайн. — Мы все втроем категорически против.

Солсбури давит вздох, вынимает из кожаной папки лист бумаги, исписанный мелким почерком и отмеченный двумя печатями с гербом империи. Консул протягивает документ хозяйке замка. Леди Виктория читает про себя, хмурясь и шевеля губами. Элизабет волнуется, смотрит то на нее, то на Брендона. Брендон ободряюще подмигивает ей, слегка улыбается, но в его глазах Солсбури отчетливо видит затаившийся страх.

— Бабуль, что там? — не выдерживает Элизабет.

Леди Баллантайн откладывает бумагу, откидывается на спинку кресла и молчит.

— Что там написано? — повторяет Элизабет.

— Это ловушка, — шепчет Виктория.

Девушка хватается за лист, вчитывается.

— «Требуем вернуть прежде принадлежавшего дому Баллантайн, а ныне являющегося собственностью империи...» Это что вообще такое? Это кто тут «собственность империи»? — возмущенно спрашивает она. — «В случае неповиновения... по обвинению в промышленном шпионаже...» Да как они вообще смеют?

— Смеют, милая, — бесцветным голосом откликается Виктория Баллантайн. — Так как империя отказывается признавать перерожденных гражданами, Брендон приравнен к вещи. К собственности, которую мы обязаны вернуть. Так как я более не наследница Баллантайнов, а тебя официально не признали принадлежащей к роду, мы не имеем на Брендона никаких прав.

— Я очень прошу прощения... В случае вашего отказа император приказал забрать мистера Фланнагана силой.

Элизабет нервно смеется.

— Вы — и силой? Господин консул, убирайтесь отсюда, пока я вас не...

— Бетси!

— Бабуля, не надо, — упрямо качает головой девушка. — Я на агрессию отвечу агрессией. Уж лицо господину консулу точно раздеру.

Брендон касается ее руки, смотрит с укоризной и снова что-то говорит на языке жестов.

— Что хочет от меня император? — скучным голосом переводит Элизабет.

— Сотрудничества.

В зале ненадолго воцаряется молчание. Брендон поворачивается к Элизабет. «Родная, я должен это сделать. Ради того, чтобы вас с леди Викторией оставили в покое. К сожалению, мы тут бессильны, закон на стороне империи. Спроси консула, знает ли он какие-либо подробности».

Девушка озвучивает вопрос, и консул отвечает:

— Единственное, что мне известно, — это то, что Брендону по возвращении гарантирована безопасность. Больше Его Императорское Величество не сказал ничего.

— По возвращении?! То есть в дороге безопасность моему мужу никто не гарантирует? — снова взрывается Элизабет. — Ну уж нет! Один ты никуда не поедешь! Я еду с тобой!

— Бетси!!!

Она гордо расправляет плечи, смотрит на окружающих с вызовом.

— И только попробуйте мне запретить.

«Родная, я последний раз прошу тебя — останься. Зима, больше месяца в пути. Элси, это опасно для тебя и для ребенка».

Диспетчер объявляет прибытие очередного поезда. Элизабет стряхивает с зимних перчаток хлебные крошки, тут же из-под крыши вокзала слетаются голуби.

— Со мной и с ребенком точно что-нибудь случится, если я не буду знать, где ты. — Девушка берет Брендона за руку, переплетая механические и живые пальцы. — Я же почувствую. И... ты понимаешь, что тебя хотят забрать у меня навсегда?

Она привстает на цыпочки, тревожно смотрит ему в лицо. Брендон косится на двоих здоровенных парней, скучающих на скамейке рядом с их чемоданами. Элизабет тоже оглядывается на них и тихо шепчет:

— А мы убежим. Как только будет остановка, бьем их изо всех сил и... Что «нет»?

Вместо ответа Брендон привлекает ее к себе одной рукой, вторую осторожно кладет на ее округлившийся живот. Элизабет утыкается носом в теплый вязаный шарф Брендона и грустно говорит:

— Я боюсь. Опять через океан, опять будет качать... Помнишь, как я чуть за борт не упала во время шторма? А как во Франции мне плохо стало совсем и ты искал хоть кого-то, кто знает амслен?..

Он дует ей в пушистую меховую шапку и целует в нос.

— Наш поезд подходит, — безразличным тоном сообщает один из мордоворотов.

— Берите чемоданы — и вперед, — фыркает Элизабет.

Парень подходит к ней, смотрит сверху вниз, сплевывает через плечо.

— Слышь, коза, — цедит он сквозь зубы. — Еще вякнешь — отправлю с пинка обратно в Монтрё. Приказ был доставить куклу. Про наглую девку ни слова, сечешь?

— Еще раз услышу от тебя «кукла» в его адрес... — угрожающе начинает Элизабет.

Конвоир хватает ее за подбородок.

— И что, кукла? — смеется он.

«Вниз посмотри», — говорит Брендон на амслене.

Парень опускает взгляд, продолжая улыбаться. Разжимает пальцы. Делает шаг в сторону и берет чемодан. Элизабет убирает револьвер в сумочку.

— Ссать будешь сидя, как баба, — завершает она. И тут же добавляет: — Ведь в вашем приказе ни слова о наглой девке с револьвером, не так ли? Лицензия на оружие у меня есть, так что...

Брендон смотрит на нее с укоризной.

— Что? — возмущается Элизабет. — Ты — их пленник, а я — гарантия твоей безопасности. Все справедливо.

«Элси, не надо провоцировать конфликт. Нам предстоит провести рядом с этими типами целый месяц».

Она обиженно поджимает губы.

— Да, я помню, что надо держаться, как леди. Но пока себя так ведут те, что должны быть джентльменами...

Второй конвоир, до сего момента молчавший, тихо смеется, получает тычок в бок локтем от товарища и хохочет, уже не скрываясь. Элизабет сверяется с билетом и гордо шествует в направлении поезда «Монтрё — Росток».

В купе Элизабет долго ворчит, что ей жестко, дует, душно, тесно, холодно, жарко, и возмущается:

— Почему нас заперли? Теперь чтобы выйти пописать, я должна по десять минут долбить в стену!

Брендон спокойно взбивает для нее подушки, помогает расшнуровать теплые ботинки. Улыбается ободряюще, разводит руками. Девушка несколько минут молча смотрит в окно на заснеженный лес, потом решительно перебирается к Брендону на койку, обнимает его и тихонечко плачет. Он поглаживает ее по растрепанным волосам и не знает, как утешить. Оба понимают, что там, куда они возвращаются, их не ждет ничего хорошего. И оба не видят выхода из ситуации.

— Одно радует, — шепчет Элизабет, успокоившись. — Сейчас перемирие, ехать не так страшно. Хотя знаешь... Я тут думаю, что лучше было бы, если б мы не добрались до Ростoka живыми.

«Перестань говорить глупости, — сердится Брендон. — Я понимаю, что тебе страшно, но не теряй голову. Или можно попробовать договориться, чтобы тебя из Ростoka отправили обратно в Монтрё. Деньги у нас есть».

Элизабет прижимается к нему теснее, обхватывает обеими руками.

— И не мечтай от меня избавиться, Брендон Фланнаган. Нас или двое, или ни одного.

«Трое, — улыбается он. — Нас трое. Помни об этом, пожалуйста. Ты самая смелая и отчаянная женщина из всех, что я видел за целый век, но... Я прошу тебя быть спокойнее и осторожнее. Именно потому что нас трое».

— Может, император это учтет, и...

«Что "и"?»

— Ну... отпустит тебя?

Брендон пожимает плечами.

«Вряд ли. Мы с тобой пока не знаем, что у него на уме».

До Ростoka они добираются спокойно. В порту на таможне полицейские долго мнутя, не зная, пропускать ли Брендона на борт, но один из конвоиров показывает начальнику таможни бумагу с подписью императора, и дальнейшая посадка проходит без осложнений.

— Ведите себя тихо — и каюту запирайте не будем, — говорит конвоир, больше обращаясь к Элизабет.

Брендон бережно сжимает ее руку и послушно кивает. Элизабет молчит, полными слез глазами провожая удаляющийся берег. Ширится зыбкая серая полоса за бортом, студит руки в перчатках и мокрые щеки соленый злой ветер.

«Все повторяется, — думает девушка. — Замкнутый круг. Как я скучала по дому, когда мы приплыли на материк, как мечтала, что однажды сможем вернуться... И вот мы возвращаемся. Под конвоем».

На исходе января корабль прибывает в порт Нью-Кройдона. Брендона с Элизабет встречает лично полковник Стивенс с отрядом драгун. Увидев военных, Элизабет испуганно хватается Брендона за рукав.

— Здравствуйте, мисс Баллантайн, — вежливо улыбается Стивенс. — Добро пожаловать домой. Видите, я был прав, говоря, что мы еще встретимся.

— Здравствуйте, мистер Дорогое Пальто, — бурчит Элизабет.

— Меня зовут Майкл Стивенс, напомним. Вашего спутника представлять не надо, Брендон известен всему Нью-Кройдону. Как прошло путешествие?

Элизабет угрюмо молчит, за нее отвечает Брендон:

«Благодарим за заботу. Мисс Баллантайн немного простужена и нуждается в отдыхе».

— Мои люди проводят вас в апартаменты, где вы сможете привести себя в порядок. Вечером у нас важная встреча в одном из лучших ресторанов города. Список всего, что вам нужно, напишете на месте и передадите охране.

Стивенс натянуто улыбается, отвечает легкий поклон и уходит. Вокруг Элизабет и Брендона смыкается кольцо солдат.

— Мисс, не волнуйтесь, — перехватив взгляд девушки, говорит один из драгун. — Это исключительно для вашей безопасности. Теперь перерожденные в Нью-Кройдоне вне закона, потому отпустить вас вдвоем никак нельзя. Пройдемте к машинам.

Элизабет кашляет, поплотнее запахивает шубку. Брендон смотрит на нее с беспокойством, берет под руку.

На выходе из порта ожидают два бронемобиля. Пару пытаются развести по разным машинам, но оторвать девушку от Брендона оказывается не так просто.

— Да и черт с ними, — вздыхает командир маленького отряда. — В браслеты — и грузите обоих.

На запястьях девушки и перерожденного защелкиваются стальные наручники. Брендон садится в машину первым, помогает устроиться на жестком, неудобном сиденье Элизабет. Она прижимается к нему, и он даже через теплую одежду ощущает, как колотится ее сердце. Прежде чем автомобиль отъезжает, им завязывают глаза.

— Распоряжение полковника, — хмуро поясняет пожилой солдат.

Машина едет долго, Элизабет укачивает, и она засыпает на плече Брендона. Будит ее холод: сильно замерзли ноги. Бронемобиль стоит, снаружи слышны приглушенные ветром голоса. Брендон бережно щекочет девушке ладонь, она сжимает его пальцы.

— Повязки можно снять. Выходите, — приказывает раскатистый бас.

Брендону место, куда их привезли, незнакомо. Безлюдная улица, заваленный углем и мусором тротуар, одинаковые обшарпанные дома с заколоченными окнами. Он оглядывается на Элизабет: та тоже осматривается, пытаясь сориентироваться.

— Даствуд, кажется, — шепчет девушка едва слышно.

В сопровождении двух солдат их проводят к четырехэтажному зданию из дикого камня с узкими окнами. Над входом вывеска «Гостиница» с именем владельца, неразличимым из-за шелухи облупившейся краски. Изнутри здание выглядит не лучше. Брезгливо приподняв юбку, Элизабет идет за конвоирами по лестнице, рассматривая грязные шторы на окнах, мышиный помет на ступеньках лестницы и покачивающиеся под потолком тенета паутины. Брендон старается сохранять спокойствие и безразличный вид.

Идущая впереди хозяйка гостиницы останавливается, отпирает облезлую дверь и кивает:

— Входите. Располагайтесь.

Конвоир ставит чемоданы с вещами у стены, снимает с Элизабет и Брендона наручники и уходит. Щелкает в замке ключ. Девушка подбегает к двери, долбит кулаком.

— Эй! Мы что — пленники? По какому праву?

Брендон берет девушку за руку, отводит в сторону.

«Не надо. Охранники здесь не распоряжаются, от них объяснений не дождешься.

Успокойся, переоденься и отдохни, пока есть возможность».

Элизабет покорно кивает, снимает шубку и расшнуровывает ботинки, присев на скрипучую кровать.

— Белье сырое, — ворчит она, ощупывая пододеяльник. — Но хотя бы стираное. Из окна дует. Брендон, уборная тут есть?

Он кивком указывает на дверь в углу, отгороженную платяным шкафом. Подходит к окну, касается батареи парового отопления.

«Не горячая, но и не замерзнем. Набрать тебе ванну?»

— Нет, я ополоснусь над умывальником. Подумать страшно, в каком состоянии тут ванна.

Он хмурится, кивает. Достает из чемодана пару вязаных носков, теплую шаль и сверток с куриной грудкой и хлебом.

«Переоденься и поешь, пожалуйста. Я пока повешу нашу одежду».

Элизабет быстро справляется с едой, надевает носки и кутается в шаль.

— Чаю бы... — вздыхает девушка и кашляет.

Брендон садится за стол и быстро что-то пишет на бумаге. Механический кулак с лязганьем долбит по двери. Охранник появляется почти мгновенно, и Брендон отдает ему записку. Через полчаса хозяйка приносит кружку с чаем и еще одно одеяло. С ней приходит немолодой человек в мятой фетровой шляпе и с выдавшим виды саквояжем в руках.

— Добрый день, господа, — негромко здоровается он. — Я доктор. Хотел бы осмотреть мисс.

— Нет-нет! — протестующе кричит Элизабет, забиваясь в угол. — И даже не подходите!

«Элси, это я попросил, — пытается успокоить ее Брендон. — Позволь. Я буду стоять рядом, не бойся».

Она кутается в одеяло, испуганно твердит: «Нет-нет-нет!» Доктор и Брендон наперебой упрощают ее проявить благоразумие и уgomониться. Утихает она только после того, как Брендон приносит ей в кровать теплый чай. Девушка пьет, угрюмо сопя и грея об кружку руки, тянет время.

— Бедный ребенок, — качает головой доктор. — Сколько вам лет, мисс?

— Я совершеннолетняя, — бурчит Элизабет, возвращая Брендону пустую посудину.

Брендон ставит кружку на стол и отвечает врачу: «Ей шестнадцать. Простите ее недоброжелательность, сэр. Мы здесь не по своей воле».

Мужчина понимающе кивает, с сожалением смотрит на Элизабет. Та уже успокоилась и привычно корчит из себя злую и отчаянную. Пугается в завязках лифа, дергает шнуровку, сердито шипит и сквернословит. Брендон осторожно отстраняет ее руки, распутывает узлы. Элизабет стаскивает платье через голову, остается в теплых чулках и тонкой нательной рубашке. Ежится, поворачивается к эскулапу спиной, спускает бретельки рубашки. Врач внимательно слушает ее легкие, просит повернуться. Девушка прикрывает грудь ладонями, поворачивается, пылая ушами. Брендона не оставляет ощущение, что осмотр Элизабет страшно унижает.

— Мисс, не могли бы вы лечь? — мягко просит доктор.

— Зачем? — недружелюбно отзывается она, поправляя сорочку.

— Убедиться, что ваш будущий ребенок в порядке.

Элизабет оглядывается на Брендона, тот кивает: «Приляг. Я рядом, я не позволю причинить вам вред».

Она укладывается, поднимает рубашку. Доктор вытаскивает из чемоданчика мерную ленту и трубочку с воронкообразным расширением с обеих сторон. Садится на край кровати, приставляет трубку к животу и долго внимательно слушает. Потом вздыхает, обмеряет лентой талию Элизабет. Бережно трогает живот.

— Что там? — волнуется Элизабет.

— Шесть с половиной месяцев нормально протекающей беременности, мисс.

«А сердце слышно?» — спрашивает Брендон.

— Глухо, но слышно.

«Можно мне?..»

— Да, конечно.

Брендон меняется с доктором местами, врач показывает ему, где лучше поставить стетоскоп. Он слушает, и уходит из глаз тревога. Возвращая трубку доктору, Брендон с трудом сдерживает радость. Уголки губ сами ползут вверх.

— Ну что вам сказать... Мисс нужно тепло, хорошее питание, свежий воздух и уход, — подводит итог эскулап.

«Спасибо вам, сэр, — благодарит Брендон. — И еще раз прошу простить мою супругу за недоброжелательность».

За доктором закрывается тяжелая дверь, Брендон обнимает девушку и замирает.

— Я так боялась, что с ней что-нибудь не так... — севшим голосом говорит Элизабет. — Что врач послушает, и скажет, что наша девочка... что... Ф-фух... Отпусти. Мне надо успокоиться.

Брендон отпускает ее, наблюдает, как она одевается, и говорит, не сводя с Элизабет сияющих глаз:

«Я слышал, как бьется ее сердце. Элси, у меня не хватает слов, чтобы выразить, как я счастлив!»

Девушка невесело усмехается, поправляя пояс платья.

— Прости, милый, я сейчас не способна думать о счастье.

Несколько часов спустя скрипит в замке ключ, в комнате объявляется полковник Стивенс в парадном мундире.

— Надеюсь, вы оба отдохнули и готовы ехать?

— Куда?

— В ресторан, дорогуша. Знаете такое слово?

Элизабет бросает на него злой взгляд.

— У вас побрякушки с ливреи от высокомерия не осыплются, не?

Брендон отворачивается, пряча смешок, помогает девушке надеть шубку. Стивенс возмущенно сопит, придумывая ответ.

— Да, наручники на нас снова наденут? — не унимается Элизабет. — Вы боитесь, что вас разорвет пополам, пока будете выбирать, за кем из нас бежать, случись что?

— Вот дрянь! — взрывается Стивенс. — А ну, на выход!

В грязных коридорах дешевой гостиницы мячиком скачет эхо задорного хохота Элизабет Баллантайн. Сопровождающие маленькую процессию солдаты переглядываются, неодобрительно хмурятся. В войсках хорошо известно: полковник Стивенс не прощает

наглецов.

В роскошном ресторане в центре Нью-Кройдона непривычно пусто. На окнах опущены тяжелые шторы, тихо наигрывает легкую мелодию скрипач. У входа и в фойе стоят вооруженные имперские гвардейцы.

— Вы так нас боитесь, что согнали сюда целую роту? — язвительно спрашивает Элизабет полковника Стивенса.

Стивенс щелкает крышкой часов, убирает их в карман, поворачивается к девушке.

— Если ты, дрянь мелкая, еще раз откроешь свой хорошенький ротик...

Брендон делает шаг и встает между полковником и Элизабет. Звенит тонкая цепь, опоясывающая перерожденного и не дающая ему поднять руки выше груди. Тут же кто-то из солдат тянется к оружию, но Стивенс отмахивается: все в порядке, разберусь.

— Либо ты уймешь свою девку сам, либо гостиница с клопами и сырым бельем покажется вам раем, — вполголоса обращается полковник к Брендону.

«Не угрожайте несовершеннолетней, полковник, — плавно жестикулирует перерожденный. — Это не делает вам чести».

— Смир-р-рно! — раскатисто доносится от входа.

Гвардейцы тут же застывают, как игрушечные солдатики. Открываются двери, и в ресторан входит богато одетый худощавый мужчина лет сорока в сопровождении охраны и нескольких с виду очень важных персон. В одном из сопровождающих Брендон узнает верховного главнокомандующего Уильяма Раттлера.

— На колени перед императором, — шепчет Стивенс и резко дергает Элизабет за руку.

Девушка спотыкается, и Брендон едва успевает подхватить ее. Испуганный женский возглас привлекает внимание высокого гостя.

— А, полковник Стивенс с подопечными! — восклицает он и протягивает ладонь для рукопожатия.

— Доброго вечера, Ваше Императорское Величество!

Стивенс сама любезность, сияет и улыбается. Элизабет жметя к Брендону и украдкой рассматривает императора. Аккуратно подстриженные темные волосы, резко очерченный рот, широкие скулы. Прямой взгляд льдисто-голубых глаз выдает человека, не знающего слова «компромисс». Девушка давит вздох, тихонько сжимает руку Брендона. «Люблю», — шепчет он ей одними губами.

— Давайте уже сядем ужинать. Я голоден, как медведь. И обойдемся без официоза. Длинные речи отвлекают от еды, — говорит император без улыбки и проходит к накрытому столу.

Главнокомандующий Раттлер садится по правую руку от Его Императорского Величества, Стивенс — по левую. Элизабет и Брендона полковник сажает рядом с собой, наклоняется к уху девушки и шипит:

— Что бы ни спросил император — у вас все хорошо, вы всем довольны, сотрудничать готовы. Ясно?

Элизабет не достаивает его ответом. Она напряженно наблюдает, как с Брендона снимают цепь, пропускают под сиденьем стула и снова замыкают браслеты на запястьях перерожденного. Брендон рассматривает присутствующих, стараясь держаться спокойно. Его взгляд задерживается на верховном главнокомандующем. Раттлер слегка кивает ему в

знак приветствия.

— Полковник Стивенс, а что вы не ухаживаете за дамой? — мягким баритоном спрашивает император. — И почему бы вам не представить очаровательную мисс присутствующим?

Стивенс натянуто улыбается, встает.

— Господа, — обращается он к собравшимся. — С позволения Его Императорского Величества представляю вам мисс Элизабет Баллантайн. Дочь сенатора Байрона Баллантайна.

С десятков заинтересованных взглядов обращаются в сторону Элизабет. Девушка бледнеет, нервно тербит вышитую салфетку на коленях. Император смеется, заметив ее растерянность.

— Как вас встретили, мисс Баллантайн? Хорошо ли прошло путешествие?

Элизабет смотрит сперва на Брендона, потом на Стивенса и еле слышно отвечает:

— Я приехала сюда вместе с Бренденом. Как могут чувствовать себя те, кого заставили вернуться, прибегнув к шантажу и угрозам?

Стивенс фыркает, бросает на девушку насмешливый взгляд.

— Мой император, дорога была тяжелой, наша маленькая мисс немного утомлена и несет чушь. И норв унаследовала не иначе как от отца.

Император улыбается, кто-то из присутствующих смеется и отпускает реплику насчет дурной крови и соответствующего воспитания. Элизабет убирает с колен салфетку, оглядывается на Брендона. Тот хмуро качает головой: не надо.

«Я должна», — отвечает она на амслене и встает.

— Сир. Брендон добровольно согласился сотрудничать с вами. Но почему с нами обошлись как с каторжанами, когда мы приехали сюда? Почему нас перевозят в наручниках, запирают в четырех стенах, угрожают?

— А ну сядь, — цедит Стивенс так тихо, что слышит только девушка.

— Ваше Императорское Величество, — звонким от слез голосом чеканит Элизабет. — Нам не предъявили никаких обвинений, но по...

Удар по губам отбрасывает девушку на место. Брендон рвется к ней, звенят натянутые цепи.

— Покорнейше прошу простить меня, мой император. Но я все же скажу, — мрачно произносит Уильям Раттлер, ворочая слова, будто каменные глыбы. — Достойный офицера поступок — бить в лицо ребенка. Вы предусмотрительно обезопасили себя от ее спутника, Стивенс. Браво.

Генерал тяжело поднимается, подходит к Элизабет и промокает ее разбитую губу платком. Почувствовав в подтянутом пожилом мужчине поддержку, Элизабет смотрит на Раттлера полными слез глазами. Брендон, стиснув зубы, раз за разом дергает цепи.

Император театрально приподнимает брови и обращается к присутствующим:

— При всей жесткости методов надо отдать должное полковнику Стивенсу, господа. Его план сработал. Благодарю, полковник.

Стивенс широко улыбается, разводит руками:

— *Retirez la fille sa poupe, et la fille viendra elle-mme vous chercher. Et voil que vous aurez celle qui a hrit du don des Ballantyne*[1].

Элизабет бледнеет, смотрит на него с ненавистью. Усмехается, приподнимая уголок верхней губы, и цедит сквозь зубы:

— Je parle trs bien franais, mon colonel. Et vos actes parlent d'eux-mmes. Vous tes un vrai salaud, Stevens[2].

Император прячет улыбку, обменивается взглядами с верховным главнокомандующим, потом обращается к Элизабет:

— Вы забавны, мисс Баллантайн. Вина?

— Благодарю, Ваше Императорское Величество, — глухо отзывается Элизабет. — Я бы не отказалась от горячего чаю.

«Поешь, — с трудом жестикулирует Брендон. — Я прошу тебя — ешь».

Раттлер смотрит на него, потом на Элизабет, хмурится. Подзывает официанта, о чем-то распоряжается. Чисто выбритый юноша с гладко зачесанными волосами тут же подходит к Элизабет, кладет на ее тарелку аппетитные куски жаркого, овощное рагу, салаты. Девушка вяло ковыряет вилкой еду, оглядываясь на Брендона. Тот улыбается, кивает.

Император трапезничает, перебрасываясь репликами то с Раттлером, то со Стивенсом, поглядывает на дочь Баллантайна с усмешкой. Закончив с ужином, Его Императорское Величество встает из-за стола, кивает главнокомандующему и полковнику, подходит к Элизабет.

— Мисс Баллантайн, предлагаю вам отсесть вон за тот столик и поговорить. Обсудим наши дела.

— Я не пойду без Брендона, — упрямо качает головой девушка.

Император поворачивается к Стивенсу:

— Отдайте девочке куклу.

С Брендона снимают цепи, и он тут же встает рядом с Элизабет. Император смотрит на них удивленно.

— Надо же, — усмехается он. — Сенатор нам говорил, что посылал тебя убить ее. Соврал, выходит. Присядем вон за тот стол, господа. Мисс, прошу.

Впятером они уходят за отгороженной ширмой угол, садятся за стол. Брендон держит Элизабет за руку, холодно и с опаской поглядывает на Стивенса.

— Итак, — начинает император. — Не будем тянуть с любезностями. Вы догадываетесь, почему вас обоих сюда доставили?

«Транслятор», — отвечает коротко Брендон.

Император кивает.

— Да, верно. Ты нужен мне, чтобы доработать транслятор. Но это во вторую очередь. Прежде всего нам нужна девочка, а не кукла.

Элизабет испуганно сжимает пальцы Брендона, заглядывает ему в лицо.

— Мисс Баллантайн, вы знаете, что ваш отец все еще жив только благодаря вам? — вкрадчиво спрашивает император, подаваясь вперед.

— Нет, — качает головой девушка. — Я вообще его не знаю, сир.

— Немудрено, учитывая его отношение к вам. Люди полковника Стивенса поговорили с ним, и он поведал много интересного. Я полагаю, вас придется вводить в курс дела. Мисс Баллантайн, вы знали, каким даром владеет ваш отец?

— Нет.

— Не ври, — рычит Стивенс.

— Я не вру! — огрызается девушка.

— Ваш отец, как и его отец, и его бабка, умеет воскрешать мертвых в полумеханических телах. Брендон, я говорю правду?

Перерожденный кивает, и император продолжает:

— Ваш дар передается от поколения к поколению. Теперь вы понимаете, к чему я, Элизабет?

Девушка пожимает плечами.

«Пожалуйста, не впутывайте ее в это, — просит Брендон. — Сир, она ничего не умеет... и нельзя ей».

Его Величество брезгливо отмахивается:

— Пренебречь. Элизабет, я вам предлагаю добровольно помочь империи в создании армии перерожденных.

— Я не умею! — отчаянно кричит девушка.

— Вас научат, мисс. Именно для этого мы до сих пор сохраняем жизнь вашему отцу. Итак, вы согласны?

— Нет!

Император поджимает губы, кивает.

— Мисс Баллантайн, вы понимаете, что мы найдем способ вас переубедить?

Прежде молчавший главнокомандующий поднимает руку.

— Мой император, прошу слова.

— Говорите, сэр Уильям.

— Мисс Баллантайн, простите великодушно, вы же ждете ребенка? — осторожно спрашивает Раттлер.

Элизабет молча кивает, пряча глаза.

— Сир, пускать беременную женщину в темные науки опасно. Тем более такую юную. Я предлагаю подождать...

— Это мы обсудим тет-а-тет, сэр Уильям, — жестко отрезает император. — Так что, мисс Баллантайн? Мы с вами будем сотрудничать на благо империи?

— Я не хочу. Я не умею. Я не стану, — упрямо отвечает девушка.

— Хорошо, давайте иначе. Брендон! Ты понимаешь, что мы можем убеждать не только словами?

«Я готов работать, сир. Только не трогайте Элизабет», — отвечает он, глядя в точку перед собой.

Элизабет гладит руку Брендона, часто дышит, стараясь не заплакать.

— Да можно и не трогать, — улыбается Его Императорское Величество. — Пару дней не трогать совсем. Без воды и еды, в прохладном помещении. Мисс Баллантайн, хотите так?

Элизабет поникает, сутулится, плечи ее мелко дрожат. Император бросает на стол скомканную салфетку, встает.

— Подытожим, господа. Полковник Стивенс, поручаю вам перевод Байрона Баллантайна из столицы в Нью-Кройдон. Генерал Раттлер, вижу, вы нравитесь девочке. Позаботьтесь о ней и ее друге, пока мы подготовим все необходимое для обучения.

Он хлопает Брендона по плечу, щиплет Элизабет за бледную щеку.

— Прекрасный вечер, господа! Я полностью удовлетворен его итогами.

Рано утром генерал Раттлер приезжает за Элизабет и Брендон. Проходит по скрипучим половицам, охранник отпирает перед ним дверь. Сэр Уильям переступает порог, щурится от электрического света. Элизабет спит, завернутая в два одеяла, ноги укрыты

пальто. Брендон сидит рядом с ней на стуле, зябко обхватив себя за плечи. Увидев Раттлера, перерожденный тут же вскакивает, здоровается на амслене.

— Доброе утро, Брендон. Буди ее. Переезжаем.

«Куда?»

— Император разрешил временно забрать вас ко мне на загородную виллу. Под мою личную ответственность.

«Нас же не разлучат?» — спрашивает он, с тревогой вглядываясь в лицо генерала.

— Не волнуйся. Будете жить в нормальных условиях подальше от Стивенса.

Брендон склоняется над спящей девушкой, гладит по волосам, касается губами щеки. Элизабет ворчит, ежится, закапываясь в одеяла.

— Мисс Баллантайн, — зовет генерал. — Просыпайтесь.

Услышав чужой голос, она вздрагивает, резко открывает глаза.

«Элси, доброе утро. Вставай. За нами приехали, — торопливо объясняет Брендон. — Одевайся и идем».

Элизабет недоверчиво косится на Раттлера, но ничего не говорит. Садится, свесив с койки худые ноги в вязаных носках, трет сонные глаза. Брендон подает ей платье, и генерал деликатно отворачивается, не желая смущать девушку.

— Элизабет, если вам что-то нужно из одежды — просто скажите мне. Зима все же, а вы, смотрю, с одним чемоданом.

— Спасибо, сэр...

— Уильям.

— Сэр Уильям. Я привыкла обходиться малым. А Брендон точно тепло одет. Да, милый? Ой, не шнуруй так туго, больно!

— Давайте купим вам новое платье? Сейчас не стоит утягиваться в корсет, мисс, — предлагает Раттлер, все так же не оборачиваясь.

— Сэр Уильям, вы очень приятный человек. Но в сложившейся ситуации не стоит пытаться задобрить нас подарками, — неожиданно жестко отвечает девушка.

Раттлер качает головой, усмехается в кулак.

— Ох, девочка... Хотел бы вас купить — покупал бы подороже. Будьте вы проще. Если что-то нужно — говорите.

— Не надо, — гордо заявляет Элизабет.

Брендон касается плеча главнокомандующего, тот оборачивается. Перерожденный смотрит на него открыто и доверчиво.

«Сэр Уильям, деньги у нас есть. Ей нужно платье посвободнее. Сколько это будет стоить?»

— Приедем на место, снимешь с нее мерки. Я куплю нужное, а потом договоримся, — улыбается генерал.

В машине Элизабет с интересом обнюхивает доберман.

— Это Фир, — торопливо бросает сэр Уильям. — Мой телохранитель. Не тронет.

Она забивается в угол сиденья, со страхом косится на пса и зовет Брендона:

— Сядь со мной, пожалуйста.

«Милая, я никуда не денусь. Но будет лучше, если я поеду рядом с господином генералом. Так легче говорить».

Раттлер украдкой смотрит на них и с сожалением думает, насколько эта пара уязвима и незащищена. Расчет Стивенса оправдался: друг за другом они пойдут, куда прикажут, и в

итоге сделают, что велят. «Я люблю ее», — вспоминает генерал сказанное Брендоном и отчетливо понимает, что эта любовь с легкостью их погубит.

Он заводит машину, отряхивает перчатки о колени и садится за руль. Автомобиль глухо ворчит, отъезжает. Элизабет дышит на замерзшее стекло, трет его пальцами, оттаивает для себя «глазок» и рассматривает темный спящий Нью-Кройдон. Брендон выдерживает паузу, потом обращается к генералу:

«Господин главнокомандующий, как нам отблагодарить вас за то, что вы для нас сделали?»

— Я еще ничего не сделал, Брендон. Но постараюсь. Вы по-прежнему находитесь в ведении Стивенса. Я приложу все силы, чтобы убедить императора отказаться от своих планов.

«Главное, чтобы они оставили Элси в покое. Транслятор я им перепрограммирую».

— Парень, ты не понимаешь своей роли в этом действии, — мрачно басит генерал. — Ты — способ заставить ее подчиняться. Транслятор им не так важен.

Проплывают мимо спящие дома. В свете уличных фонарей на стенах видны надписи: «Нью-Кройдон — без военных», «Хватит террора!», «Выведите войска!» Элизабет зябко кутается в шубу и спрашивает:

— А почему военные в городе до сих пор? Прошло больше полугода.

Раттлер долго молчит, делая вид, что пристально следит за дорогой. Потом нехотя отвечает:

— Город приказано полностью очистить от перерожденных. И далеко не все жители согласны с этим приказом. В Нью-Кройдоне по сей день военное положение и комендантский час.

— Но... Сэр Уильям, вы же главнокомандующий, значит, вы...

— Значит, я лично отвечаю за то, чтобы приказ императора был выполнен, — отвечает он твердо.

До самого дома все хранят молчание. Элизабет хмурится и косится на добермана, усталый Брендон тихо дремлет, генерал думает о своем.

Автомобиль главнокомандующего тормозит у массивных чугунных ворот. Раттлер будит Брендона:

— Вылезай, парень. Дорогу порядочно занесло, один я ворота не открою.

Они выходят, Раттлер отпирает висячий замок, налегает плечом на тяжелую створку. Брендон толкает вторую. Ворота нехотя поддаются, открываются, сгребая снег. Брендон вдруг замирает, глядя на ведущую к дому дорогу. Фир украшает ее свежими следами.

— Ты чего? — настораживается генерал.

«Сэр, ворота были заперты снаружи. Вы говорили, что дом пуст. Вы в этом уверены?»

На дороге — две цепочки следов. Одни глубокие, их обладатель носит обувь большого размера. Другие наоборот — от маленьких ног, будто по дороге прошел ребенок. Босой ребенок.

— Черт побери, — ворчит себе под нос Раттлер. — Этот ненормальный ее что — погулять выпускает?

Он замечает напряженный взгляд Брендона и торопливо добавляет:

— Это друзья. Но о них никто не должен знать.

Втроем они поднимаются на крыльцо. Раттлер долго ищет ключ, зачем-то несколько раз звонит, прежде чем открыть самому. Элизабет удивленно смотрит на Брендона, он

кивает ей: все в порядке. Доберман проскальзывает в приоткрытую дверь и с лаем исчезает в коридоре.

— Добро пожаловать, будьте как дома, — басит генерал, переступая порог.

Элизабет и Брендон проходят за ним, и первое, что видят, — направленное на них дуло револьвера. Брендон тут же задвигает испуганно ахнувшую девушку себе за спину.

— Коппер, старый ты параноик, ты что, не видишь — они со мной? — взрывается Раттлер.

Высокий кареглазый мужчина в белой залатанной рубашке и кальсонах беззвучно смеется, опускает оружие. Раттлеру не до смеха.

— Совсем от скуки свихнулся? Какого дьявола ты по дому с револьвером шатаешься?

Коппер смотрит на него, прищурившись, и отвечает:

«Были на днях чужие. Ходили вокруг дома».

— Следы на дороге чьи? Их?

«Мои и Часовщика. Чужих было трое, пришли со стороны заднего двора... Черт, не подумал!»

— Ты что — ее выпускал гулять?

Раттлер рассержен не на шутку. Забыв про Элизабет и Брендона, он припирает Коппера к стене и осыпает отборной бранью. Перерожденный терпеливо ждет, когда словарный запас сэра Уильяма иссякнет, и спокойно говорит:

«Давай ты перестанешь орать, Уилл, если не хочешь всех перебудить. Я сожалею только об одном: не подмел дорожку после того, как мы прогулялись. Пенни надо расхаживаться, я не могу держать ее в клетке второй месяц».

— Она опасна, Коппер! Прежде всего для Ло.

Коппер с улыбкой разводит руками:

«Вот как раз с Ло она ладит прекрасно. Чаще надо бывать дома, Уилл. Кстати, кого ты привез?»

— А! — виновато восклицает генерал и отпускает Коппера. — Элизабет Баллантайн, Брендон Фланнаган. А этот шутник в кальсонах и с оружием — подполковник Роберт Коппер, мой старый друг.

Подполковник, прищурившись, разглядывает стоящих на пороге гостей. Печально качает головой.

«Значит, вас все же выловили. Ну, здравствуйте. Не могу сказать, что сильно рад знакомству. Надолго они к нам, Уилл? И почему ты приволок их сюда, а не в тюрьму?»

— Ты что городишь? Не проснулся до конца?

Коппер высокомерно вскидывает подбородок.

«Я обязан благоговеть перед мальчишкой, создавшим прибор, который превратил нас в убийц? Может, сказать ему спасибо за то, что нас сейчас отстреливают, как бродячих собак?»

Брендон молчит, стиснув зубы. Элизабет сверлит подполковника злым взглядом. Раттлер тяжело вздыхает.

— Значит, так. Мой дом — нейтральная территория. Это касается всех, Коппер. Держи себя в руках хотя бы из уважения к мисс.

«О! Покорнейше прошу меня извинить, мисс Баллантайн, — ухмыляется Коппер, отвешивает шутливый поклон. — У вас дивная семейка, я в восторге и...»

Элизабет расстегивает шубу, выскользывает из нее быстрым движением плеч. Коппер

замирает, так и не закончив реплику. Вид у него сконфуженный.

«Извинись», — глядя на Коппера в упор, требует Брендон.

Подполковник разводит руками:

«Из уважения к положению мисс... Прощу прощения».

— Дурак ты, Коппер, — сухо замечает генерал, принимая у Элизабет шубку.

В коридоре за спиной подполковника слышатся шаги, и в вестибюль выходит босая Хлоя, закутанная в белую шаль. Она зевает и трет заспанные глаза. Увидев ее, Элизабет стремительно бледнеет, тишину дома прорезает отчаянный крик:

— Мама!!! Мамочка, что с тобой стало?!

«Ну и дела, — размышляет Раттлер, поднимаясь по лестнице в мансарду. — Как все переплелось. Хлоя — мать Элизабет. Ну кто ж знал? И кто знал, что Коппер так среагирует на Брендона? Черт, черт...»

Он осторожно стучит в запертую дверь.

— Ло, это я. Открой, малышка.

По ту сторону — ни звука. Коппер говорил, что Долорес почти не выходит из комнаты после известия о смерти матери. Лишь иногда спускается в подвал за топливом.

«Пару раз я заставал ее у Часовщика. О чем они говорили — понятия не имею. Твоя дочь меня сторонится, а Пенни — не из общительных», — рассказывал подполковник.

— Долорес, открой отцу, — спокойно повторяет генерал.

Дверь распахивается. Перед Раттлером стоит дочь в старом платье Элеонор, лицо девушки — безжизненная маска. Волосы не прибраны, под глазами залегли тени. Сэр Уильям обнимает Долорес, прижимает к себе.

— Я дома, родная. Я так соскучился по тебе, Ло.

Она отстраняется, смотрит словно сквозь него.

«Твой дом в городе, папа».

Раттлер глядит на дочь с беспокойством. Проходит в комнату. Помещение производит впечатление нежилого. Гладко застеленная кровать, на столе и комодке никаких вещей, лишь слой пыли. Только небрежно брошен в кресле у окна теплый плед.

— У тебя холодно здесь. Почему ты не спускаешься к остальным, малышка? Что случилось?

Долорес прикрывает дверь, идет к окну. Накрахмаленное кружево подола шелестит по ковру, как палая листва.

«Я вам больше не нужна».

— Ло, ты ошибаешься. Да, мамы нет, но я-то жив. Я приезжаю, как только получается выбраться. Ты мой любимый ребенок, как ты можешь быть мне не нужной?

Она выдвигает ящик комода, достает гребень, расчесывает волосы, не глядя в зеркало. Собирает аккуратный пучок на макушке, подкалывает его шпильками. Раттлер смотрит на дочь и не узнает ее.

«Она была такой сразу после перерождения. Пустой», — думает он с тоской.

— Малышка, Коппер о тебе беспокоится. Почему ты его избегаешь?

«У Коппера насыщенная личная жизнь. То Пенни Лейн, то Хлоя. Зачем ему еще и я?»

— Ло, при чем тут его личная жизнь? Он наш друг, он тебя с пеленок знает!

«Я лишняя, папа. Больше нет тех, с кем я могу быть рядом, не мешая. Я сейчас всем

помеха. Даже тебе».

Пустой, ничего не выражающий взгляд. Прямая линия сомкнутых губ. Пыльное, пропахшее сердечными каплями материнское платье.

«Оставь меня одну, папа».

И он говорит, пытаясь схватиться за единственную соломинку:

— Я приехал с Бренденом. Помнишь его? Спустись хотя бы поздороваться. Ему сейчас очень нужна поддержка.

Под дугами опущенных ресниц мелькает что-то отличное от равнодушия. Долорес беззвучно шевелит губами, генералу приходится угадывать.

«Я приду».

Сэр Уильям целует дочь в бледную щеку, просит поторопиться и спешит в комнату Коппера. Не обнаружив подполковника там, Раттлер спускается в подвал, переоборудованный под мастерскую.

Коппер сидит на хромоногом табурете спиной к входной двери и увлеченно играет в шахматы с Часовщиком. Увидев вошедшего генерала, девушка поднимается на ноги и напряженно следит за ним сквозь прутья решетки.

— Здравствуй, Пенни, — кивает Раттлер. — Ну и кто кого?

Часовщик не достаивает его ответом. Отходит вглубь клетки, садится по-турецки на деревянный топчан, кладет на колени руки и закрывает глаза. Раттлер берет с доски черную фигуру: это вставший на дыбы медведь с оскаленной пастью.

— Откуда в шахматах медведь? — спрашивает генерал Коппера.

«Это ферзь. Пенни попросила вырезать его в виде медведя».

Сэр Уильям приглядывается к другим фигурам. Ладью изображают часы с Броктайм-сквер, коня — тонконогий цирковой скакун, украшенный плюмажем. Слон стоит на шаре, хоботом обвивая огромное яблоко. Пешки безлики, словно отряд ликвидаторов в зеркальных масках. У черного короля изысканный старомодный фрак и длинные гладкие волосы, а белый король — женщина с высокой прической и в юбке до пола, открывающей спереди ноги до середины бедер.

— Интересно. А почему короли разного пола?

«Борьба противоположностей. Инь и Ян», — поясняет Коппер и тянется к фляжке на столе.

Механические пальцы откручивают пробку, Коппер подносит флягу к губам, долго катает жидкость во рту, промокает губы тряпицей.

«Хороший коньяк. Угощайся, Уилл».

— Благодарю, не сейчас. Странные фантазии, Коппер. Я про Инь-Ян. — Прищурившись, Раттлер рассматривает фигурку белого короля.

«Это не моя история. Я только воплотил то, о чем попросили. Ты говорил с Долорес?»

— Говорил. Она закрылась. Полностью. И я ничем не могу ей помочь.

«В замкнутом пространстве люди быстро сходят с ума, Уилл. Твоей девочке нужны впечатления, отношения, общение. То, чем она жила. А тут этого нет».

— Общения нет?

Коппер аккуратно расставляет фигуры на доске, поглядывает в сторону Часовщика.

«С Хлоей они общего языка не нашли. Она возится со Стефаном, пытается даже меня опекать. Стефан, видя, что твоя Ло высокомерно игнорирует его нянюшку, обходит ее стороной. Моего общества она избегает по непонятной мне причине. А к Пенни иногда

спускается».

— Чего у них может быть общего? — удивляется Раттлер.

«Клетка», — просто отвечает Коппер.

— Да, собственно, зачем я тебя искал. Не вздумай выпустить Часовщика, пока в доме находится Элизабет Баллантайн.

Коппер качает головой, беззвучно смеется и крутит пальцем у виска.

«Кто из нас дурак, Уилл? Или нет: кто вбил тебе в голову, что Пенни способна причинить вред кому-то, кроме ее личных врагов?»

Генерал оборачивается к застывшей в позе лотоса кукле. Вспоминает ее жуткий танец на снегу, изуродованные трупы ликвидаторов. Мелкие механические детали в зашитых ртах.

— Я видел ее в действии. Этого достаточно.

Коппер поворачивается спиной к клетке — так, чтобы девушка не видела, что он говорит, и быстро жестикулирует:

«Четыре пули, Уилл. Ты всадил в нее четыре пули, одна из которых раздробила ей позвоночник. Я ставил ее на ноги месяц. На первую прогулку до ворот и обратно мы потратили два часа. То, как она сейчас сидит, причиняет ей сильнейшую боль. Это ее протест... или искупление, я не знаю. Стоит тебе выйти — она рухнет на топчан, как подрубленная. И то, какой она будет еще несколько часов после, — вот что тебе действительно стоит видеть. Да, это самое красивое оружие, которое я встречал за всю жизнь. Только оно сломано, Уилл».

— А вот черт ее знает... — недоверчиво тянет генерал.

«Ладно, стоп. Скажи лучше, Хлоя в порядке?»

Раттлер вертит в руках фигурку белого короля, ставит на место. Смотрит на стол, заваленный инструментами и механическим мусором, поднимает с каменного пола моток медной проволоки.

— Я оставил ее с дочерью и Бренденом. Думаю, им надо поговорить без меня. Хотел и мальчика к тебе увести, но он, похоже, им не мешает. Сидит с книжками, тихий, как мышь.

Подполковник забирает со стола ключ от клетки, крутит его на пальце, слушает, как звенит металл о металл. Хочет засунуть ключ в карман брюк, но вспоминает, что на нем до сих пор кальсоны, и возвращает его на стол.

«Да, надо бы переодеться и вернуться в общество. Мне чертовски интересно, как механический ангелок сенатора уцелел в нью-кرويدонской бойне. По рассказам Хлои, этот юнец должен был убить ее старшую дочь, не так ли? Тогда какого ж черта он у нее в телохранителях?»

Раттлер морщится, отмахивается от него:

— Слушай, параноик старый, разбирайся сам! Есть проблема посерьезнее. Его Императорское Величество намерен сделать из девчонки второго Байрона.

«Пусть делает, черт бы с ней! Его Императорскому армия нужна», — говорит Коппер и осекается, наткнувшись на взгляд сэра Уильяма.

— Я хочу, чтобы ты это повторил в присутствии Хлои, ее дочери и Брендона. И препятствовать их последующим действиям я не стану.

Ночью генерал не может уснуть. Ему мерещатся то отсветы автомобильных фар за окном, то шаги в коридоре. Он накидывает теплый домашний халат, берет со стола

керосиновую лампу и выходит из спальни. «Проверю, надежно ли заперты двери», — думает он. Видит свет за углом, направляется туда.

На пороге комнаты, в которой разместились Элизабет и Брендон, стоит Хлоя со светильником в руках. Услышав шаги, она оборачивается, и генерал понимает, что женщина плачет без слез.

— Что с тобой, Хлоя? — шепчет Раттлер.

Она ставит лампу на пол, делает шаг навстречу сэру Уильяму, утыкается лицом ему в плечо.

— Тихо, тихо! Вот не надо истерик. Пойдем поговорим.

Хлоя послушно кивает, прикусив губу. Забирает керосиновую лампу и бредет в сторону гостиной. Раттлер прикрывает дверь, краем глаза заглядывая в комнату. В мягком свете ночника Элизабет Баллантайн выглядит совсем ребенком. Брендон спит, обнимая ее одной рукой. Механическая ладонь в белой перчатке покоится на животе Элизабет.

«Она — самое дорогое, что есть у меня», — вспоминает сэр Уильям сказанное Брендонем полгода назад.

— Да, парень. И ничего не изменилось, — качает головой генерал и идет догонять Хлою.

Женщина уже немного успокоилась. Сидит за столом в гостиной, тасует колоду карт.

— Таро? — спрашивает генерал.

Хлоя кивает.

— Хочешь разложить на Элизабет?

«Да».

Раттлер подвигает стул, садится рядом.

— Не надо. Знакомая цыганка говорила, что родным гадать не стоит.

Хлоя кладет колоду рубашкой вверх. Поднимает на Раттлера тоскливый взгляд синих глаз.

— Я тебя понимаю. Моя дочь тоже решила свою судьбу, не посоветовавшись с нами. Но, Хлоя, если не можешь ничего изменить — смирись и прими случившееся как факт.

О том, чем обернулся для семьи Раттлеров пресловутый факт, генерал предпочитает умолчать.

«Сэр Уильям, дело даже не в том, что моя дочь беременна в шестнадцать лет».

Хлоя беспомощно скользит взглядом по лицу генерала; ее губы кривятся в отчаянии.

— Успокойся. Я сделаю все, чтобы она как можно дольше пробыла здесь. Надеюсь, я найду слова, чтобы убедить императора в том, что девочку ни в коем случае нельзя использовать. С ней Брендон, он хороший парень, уж поверь мне. Элизабет родит, он прекрасно заменит малышу отца. Ну что ты так смотришь на меня? Что не так?

«Сэр Уильям, Элси носит ребенка Брендона».

— Да быть такого не может! — изумленно басит генерал. — Ну подумай сама, а? Перерожденные бесплодны, Хлоя.

Женщина качает головой.

«У меня нет причин не верить дочери. У Элизабет же, в свою очередь, нет причин врать. Полгода назад она ни с кем не встречалась, сэр Уильям. А сейчас... посмотрите на них. Они неразлучны. Спят в одной постели, он вечером купал ее в ванне. Небесный покровитель, какой стыд, какой ужас...»

Раттлер откидывается на спинку стула и глубоко задумывается. Отсчитывают секунды

напольные часы, воет ветер в печных трубах. Главнокомандующий пытается представить себе, что будет, если император все же принудит Элизабет воскрешать мертвых.

«Если слова Хлои — правда, если невозможное возможно, — думает он, — тогда кого она носит? Что это за существо? И что станет с Элизабет и ребенком, если она полезет в темные знания?»

— Хлоя. Послушай меня внимательно. Никто более не должен знать то, о чем ты мне рассказала. Ни Коппер, ни Долорес, ни, тем более, Часовщик и Стефан. Никто, слышишь?

На следующий день генерал едет в Нью-Кройдон за продуктами и берет с собой Элизабет. Брендона же оставляет дома и отдает ему подшивку газет за последние месяцы.

— Почитай. Ознакомься с ситуацией. Вернись — отвечу на все возникшие вопросы.

Они уезжают, и на дом опускается тишина. Брендон внимательно изучает нью-койдонские газеты и увлекается настолько, что не замечает, как в кабинет Раттлера тихо входит Долорес. Девушка долго стоит в дверях, наблюдая за перерожденным, потом идет и садится в кресло рядом. Старое дерево скрипит, Брендон вздрагивает и отрывается от чтения. Он откладывает газету в сторону, приветствует Долорес улыбкой и легким полупоклоном.

«Здравствуй, Брендон. Прости, что отвлекла. Я всего лишь хотела побыть рядом».

«Все в порядке, мисс Раттлер. Вы ничуть не мешаете».

Она расправляет складки тяжелой кружевной юбки, облакачивается на лежащие в кресле подушки и смотрит на Брендона, как на близкого друга, которого не видела много лет. Его это смущает, и он пытается завязать разговор:

«Как вам удалось пережить Судную Ночь, мисс Раттлер?»

«Папа спас. Мне не хочется говорить об этом. Давай о тебе? Как ты смог выбраться из того ада?»

«Только благодаря Элизабет. Она меня в прямом смысле слова отвоевала. Мы бежали в Гельвецию, но, как видите, нас и там нашли и заставили вернуться».

Из-за туч за окном внезапно пробивается яркое зимнее солнце, лучи ложатся сияющей полосой между Брендонем и Долорес. Девушка смотрит на солнечную дорожку, тянется к ней носком туфли.

«Как заставили? Гельвеция же не выдает своих, тебя не могли арестовать там... Как такое получилось?»

«Шантаж».

Долорес встает, прохаживается по кабинету, поворачивает огромный отцовский глобус.

«Я не понимаю. Но ладно. Что ты теперь будешь делать?»

Брендон медлит, смотрит в сторону, потом коротко отвечает:

«Что прикажут».

Механические ладони крутят глобус. Солнце прячется, полоса света на полу тускнеет и растворяется, словно впитывается в пыльный ковер.

«Покажи мне, где плыл твой корабль», — просит Долорес.

Брендон отодвигает от стола тяжелый кованный стул, идет к девушке, слегка прихрамывая.

«Что с ногой? — хмурится Долорес. — Когда мы танцевали, такого не было».

«Мисс Раттлер, вы помните такие мелочи? — удивленно вскидывает брови Брендон. — С ногой ничего страшного. Немного повредил колено. Было хуже, но Элси повозилась с отверткой — и теперь я даже без трости обхожусь».

Он встает рядом с девушкой, находит на глобусе Монтрё и ведет пальцем долгую линию. Прерывается на пояснение:

«Сперва на поезде ехали в Росток. Это здесь. Дальше плыли вот так...»

Долорес кладет руку ему на запястье. Заглядывает в глаза. Ладонь в гладкой черной перчатке скользит вверх по рукаву рубашки, ложится на плечо. Девушка становится на цыпочки, почти касаясь щеки Брендона губами. Он пытается сделать шаг назад, но хватка у дочери главнокомандующего как у добермана.

«Читай по губам», — артикулирует Долорес.

Брендон смотрит на нее устало, качает головой.

«Я помню наш танец. Каждый шаг, каждый твой жест. Каждый взгляд, каждое слово, что прозвучало, не будучи сказанным вслух. Ты заставил меня вернуться, заставил жить. Все это время я вспоминала тебя. Ты снова здесь, я держу тебя за руку и не хочу отпускать. Ты второй раз приходишь, когда рушится мой мир, и спасаешь меня. Не уходи больше. Останься со мной».

Удивление в глазах Брендона сменяется жалостью. Он гладит Долорес по голове, как маленькую девочку. Она закрывает глаза, льнет к его ладони.

«Останься...»

Он медленно снимает ее руку с плеча. Шаг в сторону. Полоса света ложится между ними, словно отрезая друг от друга.

«Мисс Раттлер, я приехал сюда не один. И это именно та причина, по которой я не могу ответить вам взаимностью. Простите».

Долорес зло и упрямо качает головой:

«Оставь ее! Она человек, мы же — абсолютно другие! Брендон, людям плевать на нас, а ей — на тебя! Она никогда не поймет тебя, а ты никогда не сделаешь ее счастливой. Кукла может быть счастлива только с куклой! Подобное — к подобному!»

«Я не кукла! — отрывисто жестикулирует Брендон. — Людьми нас делает не биение сердца. И не способность говорить, мисс Раттлер. Человечность — это наши поступки. Перерождение не отнимает способности любить, беречь, быть рядом и иметь свое мнение. И мне жаль, что перерождение не лишило вас эгоизма».

Девушка смотрит на него с ужасом, прикрывает рот ладонью, топает ногой и стремглав выбегает прочь. В коридоре ее ловит проходящий мимо Коппер, хватая за талию, кружит. Долорес долбит его кулаками по плечам, пинает. Он беззвучно смеется, закидывает ее на плечо — как когда-то в детстве.

Брендон выходит из кабинета Раттлера, смотрит на подполковника неодобрительно.

«Отпустите. У мисс истерика, а вы с ней как... Как с куклой».

Коппер изображает на лице недоумение, ставит Долорес на пол. Она с яростью бьет его по щеке, толкает в грудь и убегает прочь. Подполковник морщится, прислушиваясь к тому, как грохочут вверх по деревянной лестнице каблуки туфель, пристально смотрит на Брендона:

«Ну и кто из вас кому не дал?»

Брендон отвечает ему непристойным жестом. Коппер ехидно ухмыляется, кивает.

«Ты начинаешь мне нравиться, малый. С твоим появлением все в этом доме пошло кувырком. В шахматы играешь? Отлично. Идем, отсидишься у меня в подвале, пока неудовлетворенная женщина бьет посуду в кухне. Заодно познакомимся поближе».

Элизабет подшивает край шторы для гостиной. Сопит, мусолит кончик нити, долго тычет им в ушко иглы. В комнату вбегает Стефан, топоча, как слоненок, и прячется под диваном. Почти сразу же в дверях появляется Брендон. Он заговорщически подмигивает Элизабет, неспешно проходитесь взад-вперед, затем резко бросается к дивану и за ноги вытягивает оттуда довольного Стефана. Мальчишка беззвучно хохочет, брыкается. Брендон хватая с кресла подшитую штору, сноровисто заворачивает в нее Стефана и таскает по комнате, как в мешке.

— А ну, оба, брысь! — возмущенно вопит Элизабет. — Я на эту чертову тряпку потратила час не для того, чтобы вы ее... Брендон! Порвете — я вас обоих запру вместе с Пенни!

Стефан выпутывается из шторы, сияют озорные синие глаза. Он прыгает Брендону на спину, оба валятся на ковер, завязывается веселая возня. Элизабет вздыхает, делает последний стежок, обкусывает нитку и убирает иглу в коробку для рукоделия. Встает, поправляет подол белой батистовой сорочки, завязывает под грудью поясok пеньюара, хмурит брови.

— Мистер Бэррингтон, мистер Фланнаган, я пошла за сковородкой!

Брендон и Стефан прекращают военные действия, обмениваются взглядами.

«Она серьезно?» — спрашивает Стефан, улыбаясь от уха до уха.

«Боюсь, что да», — кивает Брендон.

«Тогда надо ей помешать!»

— Нет-нет-нет! — угрожающе машет руками Элизабет, глядя на приближающихся к ней с двух сторон «вояк». — Не трогайте меня! Уйдите, негодники, я буду крича-а-ать!!!

Брендон заключает ее в объятия, Стефан набрасывает на них штору. Элизабет пытается протестовать, давась от смеха, но силы неравны. Привлеченный шумом, в комнату заглядывает Коппер.

«Что у вас происходит, Кид?» — интересуется он у Стефана.

«Брендон и я захватили в плен невероятно злоую ведьму, сэр!» — рапортует мальчишка.

«И что он с ней в плену делает?»

Стефан корчит хитрую рожицу, приподнимает край шторы.

«Целует, сэр!»

Коппер смеется, подмигивает мальчишке:

«Пойдем, я закончил чинить твой велосипед. Проведем испытания. А почему ты в одном носке?»

«Второй штопает добрая фея — матушка злой ведьмы!»

Коппер подхватывает Стефана на руки, сажает на шею и уносит из комнаты. Элизабет выглядывает из-под шторы — раскрасневшаяся, встрепанная.

— Они ушли! — хихикает она и шепчет: — Ой, Брендон!.. Перестань, перестань перестань! Завяжи теперь обратно, бессовестный! Хорошо, мама не видит... Брендон, дверь открыта, ну ты...

Внезапно она умолкает, замирает и прислушивается.

— Брендон. Кажется, едет кто-то. Я не шучу. Слышишь?

Штора сползает на пол. Брендон поднимается с колен, напряженно вслушивается.

«Я к Раттлеру, ты скажи всем, чтобы спрятались. Машина остановилась у ворот».

Элизабет спешит вверх в мансарду, на бегу поправляя алый, как лепесток мака,

пеньюар. Барабанит ладонью по двери:

— Долорес, чужие идут! Спрячься и не спускайся вниз, слышишь?

По ту сторону двери девушка в черном меланхолично улыбается и отходит от окна. Каблучки Элизабет стучат вниз по лестнице.

— Мама! Коппер! Кид! Прячьтесь!

В коридор выходит сэр Уильям. Он спокоен, суров и, судя по виду, точно знает, что делать.

— В подвал и в подпол, быстро. Часовщика в наручники — и тоже прятать. Брендон, проводи и возвращайся сюда. Элизабет, успокойся и приляг в своей комнате. Готовимся принимать посланников императора.

Все быстро расходятся, генерал надевает пальто и шляпу, переобувается и идет отпирать ворота. На улице нетерпеливо сигналил автомобильный клаксон.

В подвале Брендон и Коппер сдвигают в сторону тяжелый стол, поднимают крышку люка в полу. Сперва в темный сырой подпол бережно спускают Хлою, затем Коппер подает ей Стефана. Пенни Лейн поднимает голову, разбуженная возней, садится в своем углу.

«Где Долорес?» — волнуется Брендон.

«Спрячется наверху, — успокаивает его подполковник. — Если уж я слышал, как Элси ей кричала, то Ло точно знает, что надо сидеть тихо».

Коппер подходит к клетке, отпирывает ее, подхватывает с топчана Пенни.

«Я сама», — слабо протестует та.

«Сама еще успеешь, — качает головой Брендон. — Коппер, давай ее мне и полезай вниз».

Пенни переключивается на руки Брендона, и парень удивляется, насколько она легкая. Маленький Стефан — и тот тяжелее. Коппер спрыгивает в подпол, осторожно принимает Часовщика. Брендон подносит палец к губам, потом показывает Стефану кулак, подмигивает и захлопывает тяжелую крышку. Передвинуть стол на место — минутное дело. Теперь можно возвращаться и принимать незваных гостей.

Гости уже в вестибюле, стряхивают снег с ботинок и брюк. Шестеро: Стивенс и пять вооруженных карабинами солдат. Последним в дом входит Раттлер, закрывает дверь.

— Проходите, господа. Чаю, полковник?

— Покорнейше благодарю, главнокомандующий. Я исключительно по делу, потому ненадолго.

«Невежливо отказываться, — сурово замечает Брендон. — Хотя вам ли знать, что такое вежливость, мистер Стивенс».

Полковник снимает пальто, оглядывается по сторонам, делая вид, что не видел, что сказал Брендон.

— Где ваши слуги, господин Раттлер? Совсем распоясались: ни ворота открыть, ни пальто принять.

Сэр Уильям забирает у него верхнюю одежду, вешает на рогатую вешалку у двери.

— Мы справляемся втроем. Во-первых, лишние глаза ни к чему, во-вторых, я ценю свою прислугу и считаю, что в городе зимой им гораздо комфортнее.

Стивенс бросает быстрый взгляд на Брендона, делает не в меру серьезное лицо.

— Сэр Уильям, вы нашли ребятишкам применение? Девочка на кухне, мальчик в качестве горничной? Брендон, почему снег не чищен у ворот?

Перерожденный презрительно ухмыляется, скрещивает руки на груди.

— Давайте к делу, раз вы ненадолго, — напоминает генерал.

Стивенс кивает солдату, тот кладет на комод в прихожей сверток и пухлую папку.

— Раз мистер кукла не обременяет себя тем, что положено выполнять слуге, пусть займется тем, для чего император велел сохранить ему жизнь. Брендон, здесь перфоратор-пантограф, транслятор и все твои разработки по нему. Твоя задача — настроить прибор так, чтобы им мог пользоваться один-единственный человек. Срок — три недели.

«Слишком мало времени, полковник. Вы хотите, чтобы я создал замок, к которому подходит единственный ключ, почти мгновенно?»

— Будешь торговаться — сокращу срок исполнения, — ровно отвечает Стивенс. — Три недели. А чтобы у тебя появился стимул работать и ничто тебя не отвлекало, девку я забираю с собой.

— Полковник, я против, — вмешивается Раттлер. — Опека над Элизабет Баллантайн доверена мне Его Императорским Величеством, и...

— Простите, что перебиваю, господин верховный главнокомандующий, но вот приказ императора. Ознакомьтесь. Элизабет Баллантайн обвиняется в хищении промышленных технологий, содействии врагу Его Императорского Величества и подлежит заключению под стражу незамедлительно.

Стивенс протягивает генералу свернутый в трубку лист с гербовой печатью. Раттлер читает с каменным лицом, потом передает документ Брендону.

— *Trs bien.* Официально вы, господин главнокомандующий, остаетесь опекуном несовершеннолетней мисс Баллантайн, — комментирует Стивенс. — Это дает вам право на свидания с мисс Баллантайн в удобное для вас время. И для нас, конечно. Думаю, мы договоримся. Зовите девчонку, мистер Раттлер.

Солдаты переминаются с ноги на ногу, нетерпеливо поглядывают на хозяина дома. Сэр Уильям медлит, еще раз перечитывает приказ. Он пытается найти хоть какую-то лазейку, позволяющую ему не выдавать девушку солдатам. Ищет — и не находит.

— Брендон, помоги Элизабет собраться, — произносит он глухо.

«Сэр Уильям, не отдавайте ее! Она не выживет там! Подумайте о ребенке!» — умоляет Брендон.

— Помоги Элизабет собраться, — повторяет Раттлер. — Лучше будет, если последние минуты в этом доме она проведет с тобой.

Брендон уходит. Главнокомандующий выдерживает паузу, смотрит на Стивенса в упор.

— Вы отдаете себе отчет в том, что содержание в ненадлежащих условиях повлечет за собой болезнь девочки? Вы понимаете, какому риску подвергнется ее жизнь при общении с сенатором Баллантайном?

— Более чем, сэр, — кивает Стивенс. — Я лично объясню мисс Баллантайн, что ее самочувствие и условия содержания будут зависеть исключительно от ее поведения. И в ее интересах найти с отцом общий язык.

Через десять минут Элизабет Баллантайн спускается в вестибюль. Брендон надевает на нее шубку, сам шнурует высокие теплые ботинки. Элизабет стоит неподвижно и смотрит в пол. Дышит часто и прерывисто, сдерживая слезы. Потом обнимает Брендона и застывает так надолго.

— Люблю... Сбереги себя... — еле слышно шепчет она. — Я верю, что вернусь.

Брендон оборачивается к солдатам, в глазах плещется отчаяние.

«Я поеду с вами. Я должен оставаться с ней. Работать буду там».

— Насчет тебя приказа не поступало. Так что сидишь смиренно под присмотром господина главнокомандующего, — ядовито чеканит Стивенс.

Брендон упрямо качает головой.

«Арестуйте и меня, полковник. Я ее не отпущу».

— Отойди. Я уполномочен применить силу в случае неповиновения.

Раттлер качает головой.

— Брендон, это бесполезно. Мы с тобой ничего сделать не можем.

В коридоре звучат быстрые шаги, слегка приглушенные ковровой дорожкой, все оборачиваются. В вестибюль выходит Долорес Раттлер.

— Вот так сюрприз! — разводит руками Стивенс. — «Лазарь, Лазарь, выйди вон!» Господин верховный главнокомандующий, это как минимум неподчинение приказу Его Императорского Величества, вы не находите?

Раттлер молчит. От лица медленно отливает краска, и сэр Уильям в один миг становится лет на десять старше. Делает шаг назад, опирается спиной на стену.

«Что же ты делаешь...» — говорит он на амслене. Руки едва заметно дрожат.

«То, на что у тебя не хватило решимости, папа. Я очень тебя люблю, но я так не могу больше. Прощай. И если сумеешь, прости меня. Сэр Майкл, сделайте, что должны».

В платье и домашних туфлях она проходит на выход. На Брендона даже не смотрит. Элизабет окружают солдаты, она храбро улыбается, покусывая губу. Уходит, не сказав ни слова.

Брендон долго стоит на крыльце и смотрит, как превращается в маленькую точку на заснеженной дороге крытый автофургон. Свистит в горле пар. Под порывами ветра покачивается, скрипя, створка ворот.

Пусто.

[1] Заберите у девочки куклу — и девочка сама к вам прибежит. Получите наследницу дара Баллантайнов, господа (фр.).

[2] Я прекрасно знаю французский, полковник. А ваши поступки говорят сами за себя. Вы настоящий мерзавец, Стивенс (фр.).

Господин Крысобой. Глава 4. Рокировка

Часть IV

Рокировка

Фургон останавливается в центре города на мосту через Северн. Элизабет испуганно хватается за ледяные руки Долорес. Сердце колотится, накрывает безысходностью.

— Мисс Раттлер! — слышится снаружи голос полковника Стивенса. — Прошу сюда.

Долорес равнодушно отстраняет Элизабет, пробирается к выходу. Двое солдат подхватывают ее и спускают на мостовую. Стивенс поднимает воротник пальто, придерживает шляпу. Ветер треплет темные волосы Долорес, играет черными кружевами на платье. Прохожие оглядываются, кто-то показывает на девушку пальцем, раздаются удивленные возгласы.

— Снимите перчатки, мисс Раттлер, — будничным тоном просит Стивенс.

Она повинуется, стаскивает обтягивающий черный бархат, разминает стынущие на морозе механические пальцы. Полковник засовывает ее перчатки в карман пальто, оглядывается по сторонам.

— Trs bien, Долорес. Идите.

«Куда?» — спрашивает она, не изменившись в лице.

— Да куда хотите. Вы думали, я вас застрелю или прикажу это сделать солдатам? Боже упаси, мисс Раттлер, вы же дочь верховного главнокомандующего. Я вас отпускаю. Можете вернуться домой. Всего доброго.

Отвесив девушке учтивый поклон, полковник возвращается в кабину фургона. Машина трогается, оставив Долорес на мосту. Стивенс мнет в руках бархатную перчатку, хранящую слабый запах духов, и спрашивает шофера:

— Как думаете, сержант, насколько быстро толпа расправится с ней?

— Не знаю, сэр. Мне бы хотелось надеяться, что ее не тронут. Красивая же.

— Вы плохо знаете людей, — хмуро отвечает Стивенс и умолкает, погрузившись в свои мысли.

Фургон проезжает развилку на Нортонхилл и снова останавливается. Элизабет нервно сплетает пальцы, отодвигается в угол.

— Мисс, не бойтесь, все будет хорошо, — не выдерживает молоденький солдат.

Она поджимает губы, подавив вздох, благодарит за поддержку.

— Элизабет, на выход! — стучит по деревянному борту фургона Стивенс.

Девушку бережно спускают из машины, подают сумку с вещами. Элизабет озирается по сторонам, пытаясь понять, куда ее привезли и зачем. Нортонхилл она знает плохо, помнит лишь, что здесь промзона и одна из фабрик Баллантайна. «Которую сожгли полгода назад», — услужливо подсказывает память.

Стивенс галантно предлагает Элизабет руку, забирает у нее сумку.

— Давайте прогуляемся немного, мисс Баллантайн. Держитесь, здесь довольно скользко. Да не бойся меня так, глупая девчонка!

— А как именно вас бояться, полковник? — негромко спрашивает она и все же берет

его под руку.

— Будешь хорошей и послушной — мы прекрасно поладим. Так как я теперь — твоя защита и опора, со мной надо дружить, милочка. И бояться не придется.

Они сворачивают за угол, идут вдоль серой бетонной стены, местами выщербленной пулями. Под ногами лед, вмерзший мусор, Элизабет то и дело поскользывается.

— Куда вы меня ведете?

— Пока прямо. Потом повернем направо.

Злой холодный ветер пробирается под одежду, студит лицо и руки. Элизабет пытается запахнуть шубку понадежнее, ежится, прячет ладонь за пазуху. «Как же Долорес? — думает она с тоской. — Она же в домашнем платье, в туфлях... Может, кто-то сжалится и согреет ее? Не все же такие, как этот мерзавец в дорогом пальто». Девушка спотыкается об вмерзший в лед кирпич, и Стивенс едва удерживается на ногах, не давая ей упасть.

— Да смотри ты под ноги! — восклицает он в сердцах.

Элизабет с трудом переводит дыхание, заставляет себя улыбнуться:

— Вы же теперь моя защита и опора, мистер Стивенс. Так что держите крепче.

Полковник раздраженно сопит, выпуская из ноздрей облачка пара. Элизабет тут же приходит на ум сравнение с тощим разгневанным драконом, и ее улыбка становится шире.

— Ничего, — бурчит «дракон». — Зато ты никуда от меня не убежишь.

Они проходят через покосившиеся ворота на территорию бывшей фабрики. Элизабет смотрит на обугленные остовы двух больших зданий, на брошенные погрузчики, громоздящиеся тут и там ящики и заметенные снегом тюки, штабеля досок и кирпича. Ей становится страшно.

«Заведет меня туда, где никто не услышит выстрела, — и все. А Брендона принудят работать, угрожая, что он никогда меня больше не увидит... да он и не увидит», — думает девушка.

Стивенс берет ее за локоть, тащит за угол сгоревшего здания. Элизабет покорно бредет, осторожно ступая среди выглядывающих из-под снега металлических прутьев, куч мусора и битых стекол.

«Брендон, милый, ты только думай, что со мной все хорошо. Держи меня, мой ангел. Повторяй: все будет хорошо, ничего не случится, мы скоро окажемся вместе», — просит про себя Элизабет.

Навстречу им из уцелевшей пристройки выходят двое здоровенных парней в одежде чернорабочих. Видят Стивенса, мигом вытягиваются по стойке «смирно». Он, проходя, молча кивает им и волочет Элизабет дальше.

— Двигай ногами быстрее, — подгоняет девушку полковник.

За следующим поворотом Элизабет обнаруживает несколько уцелевших строений: водонапорную башню с узкими оконцами под крышей, трехэтажное кирпичное здание с облупившейся штукатуркой на фасаде и пару длинных одноэтажных барачков. Вместе со Стивенсом она поднимается по ступенькам крыльца кирпичного дома.

— Постой, — командует полковник, стучит в дверь.

Из-за двери злобно лают собаки. Приоткрывается глазок, псы тут же смолкают.

— Сейчас, сэр! Только убегу зверей, — слышится бодрый голос.

Две минуты спустя гремит тяжелый засов, дверь открывается. Полковник пропускает Элизабет вперед, заходит следом. Их встречают трое крепких парней в заношенных куртках и с карабинами. Выправка выдает в них военных, и девушку удивляет, что они одеты в

гражданское.

— Комната для мисс подготовлена? — сурово осведомляется полковник.

— Так точно, сэр! — отчитывается тот из парней, что постарше. — Врач подъедет к пяти часам, служанку нам отыщут в течение двух дней.

Стивенс передает сумку Элизабет охранникам, снимает пальто и шляпу. Девушка прислоняется к стене и тихо ждет, когда отпустит боль в пояснице.

— Примите у мисс верхнюю одежду и проводите в комнату, — распоряжается полковник и обращается к Элизабет: — Я зайду к тебе завтра утром. Если мне доложат, что ты вела себя как обычно, — еду будешь получать через день.

С вежливой улыбкой на лице он отвешивает девушке легкий поклон и удаляется вверх по лестнице. Элизабет сдает шубку и шапку, забирает сумку. Пока охранники возятся с ее одеждой, мелькает сумасшедшая мысль: толкнуть дверь — и бежать. Со всех ног, в чем есть.

Она делает маленький шагок и слышит за спиной грозное ворчание. Медленно оборачивается. На лестнице напротив выхода сидят два поджарых добермана и внимательно смотрят на девушку. У Элизабет подгибаются колени, и она садится прямо на грязный пол. Услышав ее испуганный вздох, мигом выбегает охранник.

— Мисс! Вам нехорошо? Вставайте, идем.

Он поднимает ее с пола, ведет к лестнице. Девушка смотрит на собак с ужасом.

— Нет, там... Я не пойду!

— Успокойтесь. Эти звери нападают только по команде, — убеждает ее парень. — Или если кто-то чужой пытается выйти. Тубо! Сидеть! Видите, они смирные.

Доберманы тянутся к Элизабет острыми мордами, обнюхивают. Она идет за охранником, обмирая от страха. Деревянные ступени протяжно скрипят под ногами. Навстречу проходят двое солидных мужчин в дорогих сюртуках, смотрят на девушку с интересом, один что-то негромко говорит другому, кивая на нее. Она останавливается между лестничными маршами второго и третьего этажа, отворачивается, кладет ладони на низ живота. Дышать. Ждать. Это пройдет...

— Мисс, не отставайте.

— Да, простите. Сейчас...

— Вам плохо?

— Немного. Это бывает.

Охранник стоит с ней рядом, терпеливо ждет, не подгоняет. Элизабет смотрит на него благодарно.

— Все, я могу идти дальше.

Темный коридор с маленьким запыленным оконцем в конце кажется Элизабет бесконечным. Парень отводит ее в самую дальнюю комнату на третьем этаже — маленькую, светлую, с большим окном почти во всю стену. На окне решетка из толстых ржавых прутьев.

Девушка проходит, садится на пружинную койку, гладит ладонью грубое шерстяное одеяло. Охранник опускает ее сумку на пол у стола, собирается уходить.

— Подождите, — останавливает его Элизабет. — А если мне нужно в туалет? Или если что-то случится?

— К вам будут заглядывать раз в час, мисс. Если уж совсем прижмет — ночная посуда под кроватью. Отдыхайте. Чуть позже я принесу вам чай.

Он уходит. Элизабет расшнуровывает лиф платья, путаясь в лентах. Стягивает его через голову, остается в одной батистовой сорочке. Садится на табурет у койки, с трудом

наклоняется, распутывает шнуровку ботинок. Снимает обувь, упираясь носком в пятку, вешает платье на спинку стула и залезает в кровать под одеяло. Долго возится, пытаюсь улечься на неудобной панцирной сетке, поглаживает поясницу костяшками пальцев. Тянет живот, бьется ребенок.

— Тише, звездочка моя, — шепотом просит Элизабет. — Пожалей меня, маленькая...

Постепенно боль отпускает, и утихает под теплыми ладонями дитя Брендона. Элизабет поджимает колени к животу, обнимает себя за плечи и засыпает под колючим серым одеялом.

На улице быстро темнеет, за дверью раздаются приглушенные голоса, поворачивается в замке ключ. В комнату входят охранник и доктор, тот, что осматривал Элизабет по прибытии в Нью-Кройдон. У охранника в руках поднос с чашкой чая и свежей булкой. Щелкает выключатель, комнату заливают электрический свет.

— Мисс Баллантайн, просыпайтесь, — вежливо трогает девушку за плечо врач.

Элизабет жмурится, трет глаза кулаками, садится на койке.

— Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, доктор. — Голос тихий, хриплый со сна. — У меня все хорошо, спасибо. Простуда прошла, я не кашляю больше.

— Вы не могли бы выйти? — просит врач охранника. — У нас дело деликатное...

Парень кивает, выходит за дверь, курит у окна в конце коридора. Керосиновая лампа на подоконнике чадит, длинные зыбкие тени пляшут на стене. В вестибюле первого этажа лает доберман. Охранник вспоминает, что не покормил собак вовремя, сокрушенно вздыхает. С псами ладить легче, чем с людьми, знай только установленный порядок да уделяй необходимое внимание.

Доктор осматривает девушку слишком долго, и парень начинает беспокоиться. И когда он уже собирается постучать и поторопить врача, дверь открывается и доктор выходит. Убирает в нагрудный карман пенсне, приглаживает рукой редкие седые волосы. Дождивается, пока охранник спросит у Элизабет, не нужно ли ей чего, и закроет дверь, затем тихо, убедительно говорит:

— Когда придет полковник Стивенс, незамедлительно передайте ему, что мисс Баллантайн необходимо лежать. Никаких нагрузок, никаких стрессов. Только постельный режим.

Журчит вода, текущая из раковины, сливается в жестяную раковину, а из нее — в подставленное ведро. Элизабет умывается, чистит зубы краем жесткого полотенца, полощет рот. Долго намыливает руки, скребет ногтями мыло, вычищая грязь и ржавчину. Ночью она тщательно обследовала оконную решетку и дверной замок, попыталась открыть его шпильками, но, когда ключ вставлен снаружи, сделать что-либо трудно. Ржавые прутья на окне приварены намертво, дергать и тянуть бесполезно. Элизабет от скуки даже повисела на них, забравшись, как по лестнице.

«А если разбить стекло? — думает она, насухо вытираясь полотенцем. — В комнате станет слишком холодно, держать меня здесь не смогут. Вдруг меня тогда переведут куда-то, откуда получится сбежать?»

Она кладет полотенце на раковину, подходит к окну. Смотрит на водонапорную башню напротив, заглядывает в сгоревший фабричный цех. Черные балки, рухнувшие

лестничные пролеты, закопченные стены. Элизабет думает о том, сколько здесь погибло в Судную Ночь, зябко ежится. Вспоминает о матери, о Брендоне и понимает, что она даже не станет пытаться убежать.

Зеркала в комнате нет, и Элизабет, чтобы не мудрить со шпильками и лентами вслепую, расчесывает волосы и оставляет их неприбранными. Девушка шарит в сумке, достает со дна стеклянный шар с макетом одного из замков Монтрё внутри. Садится с ним на койку, трясет шар и с улыбкой наблюдает, как на маленький замок падает снег. Брендон подарил ей эту игрушку на Рождество, которое они встретили посреди Атлантики.

«Я хотел приложить к подарку колечко, но не успел», — сказал он покаянно. «Не переживай, — ответила ему Элизабет. — Кольца мы с тобой купим у лучшего нью-кнойдонского ювелира. Выбирать буду, конечно, я».

Солнце медленно вылезает из-за водонапорной башни, заглядывает в зарешеченное окно, свет дробится квадратами на полу. Элизабет щурится, смотрит на свет сквозь стеклянный шар.

За стеной слышатся шаги, и Элизабет быстро прячет шар в сумку. Поправляет на животе сорочку и усаживается обратно на койку. Дверь открывается, входят охранник — другой, не тот, что вчера, — и Стивенс. Полковник гладко выбрит, волосы зачесаны назад и блестят, как у деревянной куклы.

— Как спалось, Лиз?

— А где ваше «здравствуйте», полковник? — холодно отвечает она.

— Твое здоровье интересует меня в последнюю очередь. Живая — значит, сможешь работать. Капрал, проводите девицу в туалет. И поживее, у нас полно дел сегодня.

— Каких дел? — настороженно спрашивает Элизабет сопровождающего, выйдя за дверь. Вместо ответа он тычет ей прикладом в спину. Приходится молчать и повиноваться.

Когда они возвращаются, Стивенс кидает под ноги девушке ботинки.

— Обувайся, нам идти в другое здание.

— Мне тяжело, — упрямится Элизабет.

— Да-да, мне доложили, что врач счел твое состояние неудовлетворительным. Но на рожаящую ты не похожа, дорогуша. Значит, все в порядке. Обувайся и пошли.

— Я не завтракала, — гнет свое она.

— Позавтракаешь после. Не испытывай мое терпение! — закипает Стивенс.

Элизабет обувается, берет со стула платье и понимает, что помощи в одевании тоже не предвидится. Со вздохом вешает одежду обратно, снимает с кровати шерстяное одеяло и сверлит полковника злым взглядом.

— На выход, — равнодушно командует он.

Они спускаются в вестибюль, охрана уводит доберманов, открывает дверь. Улица встречает Элизабет обжигающим морозом и ледяным ветром. Девушка с головой кутается в одеяло и почти бежит за Стивенсом, стараясь ступать след в след. Холод пробирается сквозь шерстяные чулки и под тонкую рубашку. Полковник оборачивается, пристально смотрит на девушку, фыркает:

— Вылитая Ослиная Шкура из сказки. Знаешь такую?

— Мама рассказывала, — стараясь не стучать зубами, отвечает Элизабет.

— Ты читать-то умеешь?

— А вы?

Стивенс сгребает ее за плечи, больно сжимает пальцы.

— Еще раз ты выкнешь что-то дерзкое, я тебя посажу задницей в сугроб. И ты не встанешь, пока не разрешу. Поняла?

— Хорошо, я буду молчать, — отвечает Элизабет.

Стивенс самодовольно улыбается, идет дальше. Спустя секунды в спину ему бьет снежок с закатанным в сердцевину куском щебня. Элизабет звонко хохочет, лепит еще один снежок, ветер играет растрепанными русыми прядями.

На входе в водонапорную башню их снова встречают рослые хмурые парни в гражданской одежде. Они приветствуют полковника Стивенса по уставу и с любопытством косятся на Элизабет. Девушка прикладывает к разбитым губам пригоршню снега, по пальцам течет розовая вода.

— Дайте этой гадине платок, — рычит полковник.

Элизабет благодарит охранника за клочок чистой ткани, сворачивает и кладет на стул одеяло. Стивенс толкает ее вперед, и она идет вверх по выщербленным ступеням. Лестница кажется бесконечной. Элизабет останавливается, прислоняется к стене, тяжело дышит.

— Пошла, — погоняет Стивенс. — Ну?

— Если сдохну... вам отвечать... Отдышусь — пойду, — старательно выговаривает девушка, прижимая платок к углу рта.

На самом верху охрана играет в карты. Увидев полковника, вскакивают, с грохотом опрокидывая стулья. Стивенс молча кивает на закрытую на засов дверь, караульный тут же отпирает.

— Господин полковник, вы осторожнее, — с опаской предупреждает мордоворот. — Пленник не в духе вроде.

— Завтрак на троих, — игнорируя предупреждение, распоряжается Стивенс. — Вина, фруктов. И быстро.

— Уже привезли, господин полковник! Я разогрею! — и парень уносится вниз по лестнице.

Стивенс хватая Элизабет за запястье, тащит через порог. Девушку на мгновение окатывает волной паники, она теряет всякую волю к сопротивлению. Покорно идет за полковником, с трудом переставляя ватные ноги.

В просторной комнате полутемно, из узких окон свет сочится еле-еле. Элизабет не сразу привыкает к освещению, стоит, растерянно озираясь.

— Привели овечку на закланье, Стивенс? — спрашивает бархатный мужской баритон.

— Доброе утро, Баллантайн. Это не совсем та овечка, что вы заказывали, но заказанная будет к вечеру, — усмехается Стивенс. — Если мне не изменяет память, с дочерью вы никогда не виделись, не так ли?

На плечо Элизабет ложится крепкая рука. Девушка испуганно вздрагивает, оборачивается и встречается взглядом с высоким мужчиной лет сорока пяти в темной атласной рубаше и брюках. Длинные волосы ниспадают на плечи, серые глаза надменно глядят на девушку. Байрон берет Элизабет за подбородок, бесцеремонно разворачивает лицом к тусклому источнику света.

— Кто ж так работает, Стивенс? — с укоризной качает головой он, рассматривая ее кровоточащие губы. — Тоньше надо, вы же не на скотобойне.

Стивенс молча кивает, садится в кресло у низенького стола напротив двери. Холеная ладонь опускается на затылок девушки, пальцы ласково поглаживают волосы. Байрон не сводит с Элизабет взгляда сытого хищника, поймавшего мышь. Забирает окровавленный

платок из безвольно повисшей руки.

— Странно, — нарушает затянувшееся молчание он. — Ты действительно Баллантайн. Значит, вот почему Брендон тебя не убил. Не вовремя я забыл об этом, не вовремя... Стивенс, за что вы ее так облагородствовали?

Полковник закидывает ногу на ногу, мрачно отвечает:

— Строптивая, дрянь.

Пальцы, перебирающие русые пряди, вмиг становятся стальными когтями, смыкаются в кулак. Элизабет выгибается назад, поднимаясь на цыпочки, слезы текут сами. Байрон с нежностью привлекает ее к себе, не убирая руки.

— Ну зачем вы так о девочке? Смотрите, какая она послушная и тихая. Гм... неожиданно. Голубка, это когда мне дедом быть?

Гремит дверной засов, входит охранник с заказанным завтраком, быстро расставляет на столе три прибора, выкладывает из корзины фрукты, пузатую винную бутылку, горшок с аппетитно пахнущим мясом и уходит. Стивенс делает приглашающий жест:

— Прошу, мистер Баллантайн.

Байрон ослабляет хватку, позволяя Элизабет отдышаться и вытереть мокрые щеки, улыбается открыто и по-доброму:

— Что ж, отложим пока обсуждение проблем отцовства и материнства. Голодный человек — страшная тварь. Предлагаю продолжить общение за столом. А мистер Стивенс нам расскажет что-нибудь забавное.

Он усаживает Элизабет в кресло, придвигает к столу. Садится рядом со Стивенсом, раскладывает по тарелкам мясо с кусочками ананаса.

— Налейте ей вина, полковник. Немного, просто чтобы разговорить. Ешь, Лиз. Тебе понадобится очень много сил. Иначе ты не переживешь и первого своего перерожденного.

— Я не стану этого делать, — еле слышно шепчет Элизабет.

— Станешь, голубка. Меня ты точно слушаешься. Майкл, у нас к мясу белое вино. Нельзя ли исправить это досадное упущение?

Стивенс понимающе кивает.

— Сенатор, мне придется отлучиться. Я могу оставить вас с девицей?

— Конечно, мистер Стивенс. Думаю, тех пяти-семи минут, что вы потратите, чтобы пойти за вином в свой кабинет, нам вполне хватит.

Когда за Стивенсом закрывается дверь, Элизабет охватывает невыносимый страх. Она съеживается в неудобном кресле, обнимает себя руками за плечи.

— Ну что такое? — мягко спрашивает Баллантайн, присаживаясь рядом с ней на корточки. — Лиз, голубка, ты словно дьявола увидела.

Он кончиками пальцев убирает волосы с ее лица, с укоризной качает головой.

— Глупая девочка. Я не стану тебя использовать. Ты никогда не была нужна мне. И сейчас только мешаешь.

— Мама... — едва слышно шепчет Элизабет, глотая слезы. — Вы... маму...

— От ненужного барахла избавляются, — брезгливо отмахивается Байрон. — Ну хватит уже трястись. Мне от тебя нужен четкий ответ на единственный вопрос.

Он склоняется к ней так близко, словно собирается поцеловать. Элизабет цепенеет под его взглядом.

— Все это время Брендон был с тобой? — тщательно выговаривая каждое слово, вопрошает сенатор. — Да или нет? Отвечай!

— Да! — кричит она так громко и отчаянно, что в комнату тут же влетает охрана.

Байрон отходит в сторону, разводит руками.

— Все в порядке, господа. Как видите, все в порядке.

Возвращается Стивенс с бутылью темного стекла, выгоняет солдат и разливает вино по бокалам.

— Пей и ешь, — обращается Байрон к всхлипывающей Элизабет. — Или я накормлю тебя силой. Мистер Стивенс, девочка в курсе нашего договора с императором?

— Вкратце — да. Повторюсь, ибо до нее плохо доходит. Элизабет, Его Императорское Величество сохраняет жизнь твоему отцу в обмен на твое обучение. Работать будете вместе. Что ж, господа, тост. За успех нашего дела!

Пенни Лейн лежит на диване лицом вниз в одних чулках и короткой юбке. Коппер бережно разминает ее худую, исчерченную шрамами спину, стараясь не касаться швов. Стефан возится на полу с фигурками солдатиков, вручную раскрашенными когда-то генералом Раттлером.

Хлоя вяжет кофту из темно-синей шерсти. Нитка путается, узор сбивается, женщина распускает готовое, принимается за дело снова. Руки плохо слушаются, тянет швырнуть вязание на пол, но... «Надо стараться. Сэр Уильям отвезет кофту дочке. И ей не будет холодно», — думает Хлоя. Эти мысли утешают ее, не дают снова сорваться в истерику. Она благодарно посматривает на Коппера. Тот ловит ее взгляд, подмигивает, не отрываясь от массажа, задевает шов у поясничных позвонков. Пенни вздрагивает и обеими руками стискивает диванную подушку.

В комнату заглядывает сэр Уильям в пальто и со свертком в руках. За несколько дней, что прошли в этом доме без Элизабет и Долорес, он постарел на годы. Осунулось лицо, глубже стали морщины на лбу и щеках. В спальне главнокомандующего — стойкий запах сердечных капель.

— Я уезжаю. Хлоя, отвезу Элизабет твои подарки.

Она откладывает вязание, идет к двери.

«Сэр Уильям... сделайте хоть что-нибудь!» — умоляет она.

— Хлоя. Я сделаю все, что в моих силах. Узнаю, как она, в каких условиях ее держат. Я уже подал письменное прошение Его Императорскому Величеству, но надо ехать лично. Только так можно чего-то добиться. Успокойся, дорогая. Элси им нужна живой и здоровой, я уверен — она в порядке.

Коппер оборачивается, смотрит на сэра Уильяма через плечо. «Врешь же, — говорит его взгляд. — Ты ни в чем не уверен. И вряд ли что сделаешь». Главнокомандующий слегка касается руки Хлои и выходит. Поднимается на второй этаж, вежливо стучит в дверь комнаты Брендона:

— Я спускаюсь и завожу машину. Поторопись.

Щелчки перфоратора-пантографа по ту сторону двери смолкают. Брендон появляется уже одетым, на ходу заматывая шею шарфом. Перчатки запачканы чернилами, под глазами — глубокие темные тени. Сэр Уильям точно знает: за последние семьдесят два часа парень ни на минуту не прилег. Даже сейчас в руках Брендона толстая тетрадь и карандаш.

— Зачем ты это взял?

«Время дорого, сэр. По дороге я напишу еще часть кода. Вернемся — пробью его на

перфокартах и буду думать дальше».

— Оставь. Поспишь в дороге. Ты ужасно выглядишь. Элизабет разволнуется, — пытается уговорить его Раттлер.

«Элизабет поймет».

В гараже Брендон помогает заправить машину, потом придерживает створку ворот, пока сэр Уильям выезжает. Все это время Раттлера не покидает ощущение, что Брендон полностью погружен в мир своих кодов и реальность воспринимает слабо. Губы перерожденного едва шевелятся, взгляд отсутствующий, он то хмурится, то улыбается и кивает, соглашаясь с собой.

— Дай-ка сюда свою тетрадку, парень, — не выдерживает генерал. — На заднем сиденье ее никто не тронет. И застегни страховочный ремень. Я настаиваю, чтобы ты поспал в дороге.

«Сэр Уильям, я занимаюсь сложнейшим процессом, в котором очень важна последовательность. Я бы не хотел прерываться, боюсь не успеть доработать в срок».

Раттлер плюхается на сиденье авто, смотрит на Брендона с еле сдерживаемым раздражением.

— Еще двенадцать часов без сна — и тебя можно будет везти к психиатрам. Давай сюда тетрадь, если хочешь ехать со мной.

Брендон покорно протягивает тетрадку генералу, застегивает поясной ремень.

«Вы знаете куда ехать, сэр Уильям?»

Машина мягко катится по утрамбованному снегу. На обочине сверкают крохотные искры в лучах зимнего солнца. На горизонте дымными трубами встает Нью-Кройдон.

— Знаю. В городской тюрьме ни девочку, ни Байрона содержать не станут, если хотят, чтобы они работали. Стивенс мельком обмолвился о фабрике на окраине Нортонхилла. Если не мозолить глаза граждан мундирами и обставить возню на пепелище как реконструкцию, там можно многое спрятать.

Раттлер на мгновение отрывается от дороги, оглядывается на Брендона. Парень спит, привалившись к холодному стеклу машины. Сэр Уильям удовлетворенно кивает.

Дорогу переходит юная девушка в дорогом собольем манто поверх пышного платья. Сердце главнокомандующего замирает, сбивается: она так похожа на Долорес... О дочери невозможно не думать. В ее страшном поступке Раттлер винит только себя. Не поддержал, не оказался рядом, не сберег. Не сберег. Ее — единственную, родную, ту, ради которой... Тлеет надежда, что Ло жива. Что Стивенс спрятал ее где-то, держит козырем в рукаве. Когда-то Уильяма Раттлера учили не верить в слухи о смерти человека до тех пор, пока не увидишь труп своими глазами. Наука со временем выросла в сознание, укоренилась в нем. И генерал держится за эту мысль изо всех сил.

Через полтора часа машина Раттлера въезжает в Нортонхилл. Дорога здесь настолько разбита, что генерал решает запарковать авто и идти дальше пешком. Он останавливается у заваленного мусором тротуара, трясет Брендона за плечо:

— Приехали. Брендон, проснись.

Парень с трудом выныривает из сна, растерянно озирается, трет глаза.

«Мы где, сэр Уильям?»

— Нортонхилл. Вылезай, тут недалеко.

Брендон кивает, поправляет перчатки и шарф, выходит из авто. Раттлер забирает с заднего сиденья его тетрадь и сверток с вещами для Элизабет и идет с Брендонем вдоль

длинной каменной стены к виднеющимся вдалеке воротам. Сразу за воротами их окружает компания бандитского вида молодчиков.

— Господа, не хотите ли поделиться мелочишкой с честными рабочими? — спрашивает один из них, поигрывая ножом-бабочкой.

Раттлер молча достает из кармана документы, разворачивает и показывает, не отдавая в руки. Вся компания тут же вытягивается по стойке «смирно».

— Виноват, господин верховный главнокомандующий! — чеканит верзила с «бабочкой». — Приказ есть приказ.

— Стивенс здесь? — холодно интересуется генерал.

— Сегодня не приезжал, сэр. Простите за вопрос, но кто с вами, сэр?

— Брендон Фланнаган, перерожденный. Бумага от Его Императорского Величества с разрешением на свидание — у полковника Стивенса.

— Я вас провожу, господин Раттлер. Еще раз прошу прощения за суровый прием.

Генерал одобрительно кивает, и они с Бренденом идут за парнем в глубь фабричной территории. Брендон озирается по сторонам, пытаясь почувствовать, угадать, где держат Элизабет. Он сильно взволнован, и пар в горле начинает тихо свистеть. Раттлер косится на него, хмурится. Брендон старается отвлечься, расслабиться, считает про себя шаги. Хрустит под ногами битое стекло, скрипит под тяжестью крупной птицы висящая на одной петле рама. Брендон вспоминает свою работу с перерожденными, уроки амслена, Абби.

«Все в прошлом. Больше этому не повториться никогда», — думает он, стиснув зубы.

Следы маленьких ног на снегу. Хочется встать на колени и накрыть след ладонью. Взгляд Брендона мечется по окнам унылого кирпичного здания, ищет — и не находит.

— Господа, прошу сюда. Только осторожно — у двери собаки привязаны, — зовет с крыльца охранник.

Лестницы. Скрипучие доски пола. Стены с облупленной штукатуркой. Гуляющий по коридорам сквозняк. Тусклый свет засиженных мухами лампочек под потолком. Обшарпанные двери. «Где же ты, родная?» — с тоской думает Брендон.

Пока охранник отпирает дверь, Брендон с трудом держит себя в руках. «Скорее. Пожалуйста, скорее. Сэр Уильям, поторопите же его...»

— Благодарю. Я прошу оставить нас с мисс наедине, — сдержанно просит Раттлер.

Охранник с пониманием кивает.

— Вам хватит двух часов, господин главнокомандующий?

— Мыждемся здесь полковника Стивенса. Можете запереть нас, ничего страшного. Мистер Фланнаган, проходите, не стойте.

В маленькой комнате тепло, пляшет на стене солнечный заяц, отраженный стеклянным шаром на столе. Брендон подходит к койке у стены, садится на корточки, обнимает спрятавшуюся под шерстяным одеялом фигурку. Край одеяла приподнимается, Элизабет робко выглядывает. Вскрикивает, обхватывает Брендона за шею, целует.

— Ты... ты...

Плачет. Тонкие пальцы скользят по лицу Брендона, разбитые губы целуют уголки серых глаз. Раттлер снимает пальто, подходит, смотрит на Элизабет с ужасом. Молчит.

— Брендон, родной... Как ты, хороший мой?

Она садится на койке, расстегивает на перерожденном пальто, разматывает шарф. И только тут замечает генерала.

— Здравствуйте, сэр Уильям! Извините, что я разревелась... Просто соскучилась.

Раттлер сглатывает ком в горле, присаживается у стола на тяжелый стул.

— Ничего, девочка. Видишь, мы здесь. Расскажи, что у тебя тут творится.

Элизабет обнимает Брендона, прячет лицо на его плече.

— Я так посижу немножко, можно?.. Говорить не хочется.

«Родная, как ребенок?» — беспокоится Брендон.

— Шевелится потихоньку. Мне кажется, она боится.

Бегут минуты, Брендон тихонько поглаживает девушку по щеке, баюкает. Раттлер заинтересованно пододвигает к себе стопку книг, лежащих на краю стола. В основном — труды по анатомии в рисунках и схемах.

— Элизабет, что это за книги?

— Анатомия, — нехотя отзывается она. — Сэр Уильям, я не могу это учить. Мне гадко. А Стивенс говорит, что если не выучу за две недели...

Девушка вздыхает и умолкает. Брендон осторожно отстраняется, садится перед ней на корточки.

«Элси. Расскажи, что здесь происходит. Пожалуйста», — просит он.

— Меня посмотрел доктор. Сказал, что все хорошо, но я попросила, чтобы он сказал, что все плохо. Стивенсу на слова доктора наплевать, — монотонно повествует Элизабет, не выпуская руки Брендона. — Ну... мы с ним деремся, видишь вот. А позавчера меня познакомили с сенатором Баллантайном. Брендон, можно я дальше не буду рассказывать, пожалуйста?

Он мрачно кивает, привлекает ее к себе. Элизабет шепчет:

— Я его боюсь. Он... чудовищный.

Брендон смотрит на генерала прямо и зло. «Вы слышите? — говорит его взгляд. — Чем вы, второй человек в империи, можете повлиять на ситуацию?» Раттлер молчит, думает.

— Родной, расскажи, как ты. У тебя очень усталый вид, — просит Элизабет.

«Элси, я работаю над транслятором. День и ночь, надеюсь... глупо, конечно, но я верю, что, если сделаю заказ в срок, император будет снисходителен к тебе. Во мне живет надежда, что наш самодержец откажется от планов на тебя. Поймет, что нельзя...»

— Брендон. Не обманывай себя и ее, — негромко говорит Раттлер. — Император — это государство. Это система. С ней не торгуются, она глуха к мольбам маленьких шестеренок.

— Но вы же... — начинает Элизабет и тут же умолкает.

— Я делаю все, что могу, девочка. Но я не всемогущ, — покаянно разводит руками сэр Уильям.

Девушка понимающе вздыхает, подтягивает шерстяной носок.

— Брендон... Мы играем в игру, в которой нам не выиграть, да?

Перерожденный грустно кивает.

— Есть только один способ это остановить. Игра прервется, если один из игроков выйдет из нее. Верно?

«Да», — отвечает он, помедлив.

— Любимый, дописывай свою программу спокойно. От меня покорности они не дождутся.

— Что за мысли, Элизабет?! Подумай о ребенке!

Элизабет Баллантайн улыбается разбитыми губами.

— Мы с малышкой все равно умрем. Если не от темного знания, так нас убьют по приказу императора. А я ада боюсь, сэр Уильям. Больше, чем виселицы.

«Нет никакого ада! — отчаянно жестикулирует Брендон. — Был бы — я бы знал!»

— Ад — это не место. Это последствие поступка, который я не хочу совершать. Простите. Я свой выбор сделала.

— Стивенс, я требую ответа. Кто дал вам право поднимать на девочку руку?

Раттлер в ярости. Эхо его зычного баса мечется в коридорах, заставляя всех присутствующих в здании озираться и тревожно прислушиваться.

— Какого дьявола вы позволяете себе распускать руки, позорите честь мундира? Это поступки мужчины?

Полковник расправляет плечи и невозмутимо отвечает:

— Я выполняю приказ. В приказе значилось: «заставить любой ценой».

— Если этой ценой окажется жизнь Элизабет или ее ребенка, я расстреляю вас собственноручно! Или вы настолько тупы, что не понимаете, что от ее состояния зависит конечный итог вашей работы? Угрозы, побои — какими методами еще вы готовы воспользоваться?

— Господин главнокомандующий, вы то бледнеете, то краснеете. Нервы вредят вашему здоровью, мой генерал. Позвольте предложить вам коньяку?

Стивенс подходит к окну, берет с подоконника бутылку дорогого коньяка и два бокала. Раттлер стоит, опершись ладонями на стол, старается выровнять дыхание.

— Сердце пошаливает? — участливо интересуется полковник. — Сэр, в вашем возрасте надо беречь себя от потрясений. На вас и так слишком много обрушилось за последнее время. Угощайтесь, сэр Уильям. Прекрасный коньяк, мне привезли из...

Он умолкает, щелкает пальцами, припоминая.

— А, не важно. Это действительно хороший коньяк. Хотите видеть мои методы работы? *Trs bien*. Я предлагаю вам через неделю подъехать и поприсутствовать при обучении вашей подопечной. Девушка отвратительно воспитана, глупа и постоянно закатывает истерики. Пришлось разок ударить ее, чтобы привести в чувство. Не рассчитал силы, виноват. Но такого больше не повторится, — примирительно добавляет он.

Раттлер брезгливо морщится.

— Идите к дьяволу со своим коньяком.

— Как изволите, сэр.

Взгляд генерала останавливается на листе бумаги, лежащем на столе Стивенса. Он берет его в руки, еще раз пробегает взглядом по строчкам.

— Живой ягненок, сорок черных свечей, стилет, мел... Что это за чертовщина, полковник?

— Заказ Баллантайна. Сказал, что необходимо для проведения ритуала перерождения.

Генерал возвращает бумагу на стол, идет к двери.

— Сэр Раттлер, — останавливает его Стивенс.

— Что вам еще от меня нужно?

— Хотел сказать, что ваша дочь, возможно, жива. — Он внимательно наблюдает за лицом главнокомандующего, ожидая реакции, и продолжает: — Я ее подвез до города и отпустил. Так что дайте ориентировку отряду ликвидаторов, господин генерал.

Раттлер смотрит в пол, его лицо остается строгим, не выражает ни удивления, ни радости. Он качает головой и коротко бросает:

— Спасибо. Распоряжусь. До встречи через неделю. Без меня никаких ритуалов с участием Элизабет! Даже в качестве зрителя, полковник.

— Слушаюсь, сэр. Еще один момент, господин главнокомандующий.

— Что еще?

— Сенатор Баллантайн просил о встрече с его куклой. Я сказал ему, что посодействую, и взял с него обещание сотрудничать с нами.

— Говорите об этом с Бренденом. Ему решать, хочет он встречи с Байроном или нет, — отмахивается сэр Уильям.

— Не думаю, что в этом вопросе стоит учитывать мнение куклы.

Генерал покидает рабочий кабинет Стивенса, поднимается на третий этаж. У двери в конце коридора скучает надзиратель. Увидев главнокомандующего, охранник тут же отпирает замок. Брендон все так же сидит на койке, девушка дремлет, лежа головой у него на коленях. Солнечный заяц из стеклянного шара на столе давно переполз в угол комнаты.

— Элизабет, — окликает генерал.

— Да, сэр Уильям?

— Нам пора уходить. Я приеду к тебе через неделю. Мне обещано, что за это время никаких твоих встреч с Байроном не будет и Стивенс к тебе не прикоснется. Я тебя очень прошу: продержись. За это время я придумаю что-нибудь.

Генерал дожидается Брендона за дверью, давая возможность им с Элизабет попрощаться без свидетелей. Они выходят на улицу, и Раттлер нехотя сообщает:

— Тебя хочет видеть Байрон. Стивенс настаивает на вашей встрече.

«Сейчас?»

Сэр Уильям разводит руками.

— Ты можешь отказаться.

В комнату под крышей водонапорной башни Брендон поднимается один. Двое охранников у двери рассматривают его с нескрываемым интересом, нарочно долго возятся с замком и засовом.

— Сенатор Баллантайн, к вам посетитель, сэр. У вас десять минут.

Байрон сидит в кресле и листает толстую тетрадь в темном кожаном переплете. Брендону достаточно одного взгляда, чтобы узнать единственный уцелевший дневник Кэрол.

«Здравствуй. Зачем звал?» — равнодушно спрашивает перерожденный.

Баллантайн бросает тетрадь на стол, потягивается.

— Здравствуй, мой ангел. Надо же, действительно цел и невредим.

«Зачем звал?» — повторяет Брендон.

— Подойди вон к тому окну. Посмотри.

Брендон послушно выглядывает. Байрон следит за ним, не вставая с места, удовлетворенно кивает. Услышав тихий смешок, Брендон оборачивается.

«Чему ты радуешься?»

— Я увидел именно то, что хотел. Выражение твоего лица. То, как ты смотрел на ее окно. Все, можешь уходить. Я нашел то, что мечтал заполучить столько лет.

Перерожденный медленно сжимает кулаки, и этот жест вызывает у сенатора презрительную усмешку.

— Что задергался, ангел мой? Иди, иди. Только помни, что я всегда добиваюсь своих целей.

«Ты ничего не сможешь ей...»

— Смогу.

Это слово, произнесенное с холодным спокойствием и уверенностью, ставит точку в их разговоре. Минуту спустя Брендон присоединяется к ожидающему у подножья башни генералу. До машины оба идут молча. Раттлер усаживается за руль, поворачивается к перерожденному.

— Что, Брендон? Не молчи!

Перерожденный с грохотом бьет раскрытой ладонью по дверце машины.

«Он убьет ее».

— Брендон, этого никто не допустит. Элизабет охраняют, да и невыгодна сенатору ее смерть, — пытается возразить Раттлер.

«Вы понимаете, что Байрону необходимо оставаться последним из рода, чтобы сохранить свою жизнь? И он сделает что угодно, стремясь продержаться в игре как можно дольше».

— Брендон...

«Я знаю, на что он способен, сэр Уильям!»

— Я буду рядом с Элизабет. Слово офицера. Ты мне доверяешь?

Брендон отводит взгляд, оставив вопрос без ответа.

Несколько дней Раттлер проводит в столице, добиваясь личной аудиенции императора. Его Императорское Величество уделяет главнокомандующему ровно пять минут. Раттлер говорит, его внимательно слушают, хмурясь и поглаживая полумеханического дога, сидящего у ног.

— Мой император, я прошу вас о милосердии и осмотрительности. Элизабет Баллантайн всего шестнадцать, подвергать ее воздействию потусторонних сил — более чем опасно. Любое вмешательство может спровоцировать ранние роды. Мой император, из-за подобного инцидента я в свое время потерял дочь. Подождите, пока Элизабет родит. К чему такая спешка, Ваше Императорское Величество?

Холеная рука, унизанная перстнями, замирает на холке пса.

— Раттлер, что с вами? Вас стала волновать судьба беременной малолетки, мой генерал?

— Сир, я четко понимаю, что, если девчонка погибнет, планы империи получить армию перерожденных пойдут прахом. Да, у вас есть Байрон, но он неуправляем.

— Верно, сэр Уильям. И народ требует его казни. С каждым днем недовольство растет. Потому я и тороплю с обучением девицы.

Главнокомандующий выдерживает паузу и осторожно говорит:

— Прошу простить мою дерзость, Ваше Императорское Величество, но мне не дает покоя одна мысль. Очень давно, сир. Могу я поделиться ею?

— Можете, — равнодушно кивает самодержец.

— Как отреагируют люди, когда узнают, что вы создаете армию тех, кто сейчас находится вне закона?

Император нервно дергает щекой, взгляд его становится острым и холодным.

— А вот это, Раттлер, уже не ваше дело.

— К сожалению, мое, сир. Я перестал понимать, кого защищает моя армия. Полгода подряд мои люди подавляют беспорядки, вызванные присутствием войск в Нью-Кройдоне и гонениями на перерожденных. Мой император, это замкнутый круг. Сперва мы защищали людей от кукол, теперь люди не хотят отдавать тех, кого им удалось сбечь. Это с одной

стороны. С другой стороны, большая часть населения поддерживает наши действия. И как они воспримут возвращение перерожденных в город?

— Раттлер. Вы начинаете меня раздражать. Сейчас вы откровенно пытаетесь сбить меня с избранного пути. И мне это не нравится.

Голос императора звучит размеренно, как метроном. Генерал слушает его и понимает, что ничем хорошим сегодняшней визит не закончится. Снова становится тяжело дышать, тянет расстегнуть верхние пуговицы мундира.

— На днях я получил преинтереснейшее письмо, господин главнокомандующий. Официальное, никаких анонимок. Так когда, вы говорите, умерла ваша дочь? Я имею в виду, когда она была расстреляна после перерождения?

— Тринадцатого августа, Ваше Императорское Величество.

— У меня другие сведения. Что вы на это скажете?

Раттлер старается держать спину прямо и сохранять спокойствие.

— Мой император, Долорес нет. Вы можете приказать обыскать дом. Там пусто.

Мягкий смешок. Император оборачивается на топот ног за дверями залы. Вбегают пятилетний наследник, несется, довольный, перепрыгивая через полосы ковровых дорожек, прыгает к отцу на руки. Пес у ног сидит смирно, как изваяние. Не сводит с Раттлера неподвижного взгляда.

— Аудиенция окончена, Раттлер, — сажая сына на плечи, говорит Его Императорское Величество. — По факту нарушения должностных инструкций будет проведено расследование. Вы пока остаетесь на своем месте. А дальше я подумаю.

Твердым шагом сэр Уильям покидает резиденцию императора. Личный шофер везет его на вокзал, откуда Раттлер поездом следует в Нью-Кройдон. На следующий день главнокомандующий собирает отряд ликвидаторов и отдает единственный приказ: прекратить облавы на перерожденных.

— Без комментариев, — добавляет он, видя удивления на лицах своих парней.

— Крысобою на старости лет совсем свихнулся, — слышит он за спиной.

Главнокомандующий распускает ликвидаторов, садится за стол и до глубокой ночи пишет письма. Несколько десятков писем тем, чьих родных он вывез в ящике под сиденьем своего автомобиля за последние полгода.

«Я верю в этот город, — думает он, глядя в темное окно. — И я верю в то, что разбудить Нью-Кройдон мне по силам».

В назначенный день к вечеру Раттлер приезжает к заброшенной фабрике и сразу же идет к Элизабет. За неделю девушка осунулась и похудела. Генерала она встречает, сидя за столом и нервно встряхивая стеклянный шар с макетом замка внутри. Белая прежде рубашка стала серой и намочила на плечах: с влажных волос натекла вода.

— Сэр Уильям, здравствуйте, — вежливо кивает Элизабет.

— Здравствуй, девочка. Как ты?

Она отставляет шар в сторону, сползает со стула, идет к Раттлеру. Встает на цыпочки, неловко обнимает и тычется губами в щеку.

— Я хорошо. Сегодня позволили вымыться. Только не дают ногти подстричь. Хоть грызи, — добавляет она с усмешкой. — Как мой Брендон?

— Я не стал брать его с собой, Элси. Он почти не спит, пишет, пробивает перфокарты.

Иногда поесть забывает. Приходится Копперу за ним приглядывать.

— Вы правильно сделали, сэр Уильям. А меня сегодня не кормили совсем, — жалуется она тихо. — Давали только воду. Меня к чему-то готовят, видимо.

— Я тебе чистую рубашку привез. Держи. И посмотри сразу.

Он протягивает девушке бумажный сверток, перехваченный лиловой лентой. Элизабет торопливо разворачивает его, и на пол с шелестом падает исписанный мелким неаккуратным почерком листок. Девушка откладывает сорочку в сторону, поднимает бумагу, вчитывается в неровные строчки. Генерал присаживается на край койки и смотрит, как расцветает на бледных губах нежнейшая из улыбок.

— Брендон! — смеется она негромко. — Брендон, мой Брендон...

Пока она читает письмо, является Стивенс. Входит, не стучась, бросает на койку темно-бордовое платье без пояса и командует девушке:

— Одевайся. Под ним чтобы ничего не было.

Элизабет смотрит на Стивенса, потом оглядывается на Раттлера. Прячет листок с письмом за спину.

— Полковник, вы соображаете? — качает головой сэр Уильям. — Она замерзнет в вашей тряпке!

— Мой генерал, эта одежда необходима для ритуала. Или вы предпочитаете, чтобы она переодевалась при всех на месте?

Девушка слегка касается рукава Раттлера.

— Сэр Уильям, я завернусь в одеяло и не замерзну. Вы можете оставить меня ненадолго? Я переоденусь.

Мужчины выходят. Стивенс нервничает, постоянно поправляет высокий воротник рубашки.

— Скажите, полковник, — начинает Раттлер. — Вы в курсе, что сейчас будет происходить?

— Немного. Баллантайн сказал, что объяснит девице азы. Связь человеческого тела с миром духов или что-то наподобие.

— Стивенс. Я же приказал: никаких ритуалов!

— Да-да, никаких ритуалов без вашего присутствия. Все честно, сэр. Император торопит, время идет. Вы довольны состоянием своей подопечной?

— Нет, — сухо отрезает генерал. — Почему ей не выделили служанку? Почему с утра не кормили?

Стивенс ничуть не смущен. Пожимает плечами, достает из кармана жилета часы, щелкает резной крышкой.

— Служанку на секретный объект было решено не допускать, вместо нее девице помогают надзиратели. А насчет еды... Это не моя инициатива. Видимо, охрана запомнила. — Он барабанит ладонью по двери и кричит: — На выход!

Девушка появляется, одетая в бордовый прямой балахон с открытыми плечами, шнуровкой на груди и широким капюшоном. В руках Элизабет держит шерстяное одеяло. Раттлер скользит взглядом по ее фигуре, подавляя вздох.

— Я похожа на актрисульку, изображающую жрицу на оргии, — нервно усмехается девушка, кутаясь в одеяло. — У сенатора большая фантазия.

Они проходят к водонапорной башне, поднимаются вверх. Элизабет часто останавливается передохнуть. Раттлер смотрит на нее с тревогой, она улыбается краешками

губ: ничего, я в порядке, просто ступеньки крутые.

Стивенс разгоняет охранников, открывает дверь сам, пристегивает ключ к поясу. Байрон встречает их на пороге, приветствует легким кивком. Шелестят по камням пола черные шелковые брюки.

— Здравствуйте, мистер Стивенс. Рад вас снова видеть, господин главнокомандующий. Проходи, голубка моя, не стесняйся. Господа, присаживайтесь в кресла.

«А ты ничуть не изменился, — думает сэр Уильям, разглядывая Баллантайна. — Холеный, ухоженный, выглядишь довольным. Вольготно тебе жить, прикрываясь дочерью?»

В полукруглой комнате светло от расставленных повсюду свечей. На полу мелом очерчен идеально ровный круг, в него вписана странная девятилучевая звезда. На концах лучей — знаки, в которых Раттлер с трудом узнает буквы еврейского алфавита. Блеет в углу ягненок. На столе лежит обнаженное тело мертвой девушки. Раттлер подходит, морщится от сладковатого запаха, исходящего от трупа. На шее девушки отчетливо видны багровые следы: задушена. Генерал присматривается пристальнее и понимает, что причина смерти — не удушение, а перелом шейных позвонков.

— Откуда это? — спрашивает он, указывая на тело.

— Так ли это теперь важно? — пожимает плечами Баллантайн.

Он снимает одеяло с плеч Элизабет, восхищенно смотрит на девушку, отступив на шаг.

— Ты божественна, дорогая. Разуйся. Не бойся, тут тепло. Видишь, я тоже босиком. Иди сюда.

Он обнимает ее одной рукой за плечи, ведет к столу. Генерал напряженно следит за ним, готовый в любой момент схватиться за оружие. Байрон оборачивается, смотрит на Раттлера.

— Господин главнокомандующий, я бы очень попросил вас выложить револьвер. Просто убрать его подальше от круга и стола. Мои боги не любят огнестрельного оружия.

— И не просите. Пока вы стоите рядом с Элизабет, оружие останется при мне. Это не обсуждается.

— Хорошо, — кивает Байрон. — Тогда у меня другая просьба: сидите тихо. Лиз, голубка, посмотри на эту девушку. Она прекрасна, словно спящая.

Элизабет отворачивается, пятится. Байрон ставит ее спиной к себе, разводит руки девушки в стороны, надежно удерживая за запястья.

— Ты будешь смотреть, — мягко говорит Байрон. — Только смотреть. Смотреть и слушать. Слушать. Слушай. Слушайся меня...

Комнату наполняет низкий, рокочущий звук. Дробится перекатами, урча, словно где-то дышит громадный хищник. Раттлер озирается по сторонам, ища источник звука, и не находит. Рокот нарастает, давит на виски, пульсирует в черепной коробке. Стихает, бьется едва заметным пульсом, заставляя сердце стучать в такт, успокаивает, подчиняет своему ритму. Вторая волна обволакивает, затягивает в водоворот, лишает сил. Комната уплывает, происходящее в ней становится далеким, словно на сцене театра.

Байрон Баллантайн поет. Его песня без слов, она гремит раскатами, ворчит затаившимся барсом, завораживает пульсирующим ритмом. Меняется тембр, и вот уже в пение вплетаются новые голоса — высокие женские, раскрывающиеся, словно незримые крылья. Байрон отпускает руки Элизабет, отступает назад на шаг, другой. Девушка с широко распахнутыми глазами поворачивается и следует за ним.

Голоса сплетаются в странную мелодию, похожую на звучание музыкальной шкатулки.

Баллантайн и Элизабет медленно подходят к кругу на полу. Байрон одну руку кладет девушке на талию, вторую заводит под затылок и ставит ногу на луч нарисованной звезды. Медленно двигаясь под замысловатую мелодию, Байрон Баллантайн переступает по линиям рисунка, ведя за собой Элизабет. Девушка послушно повторяет каждый его шаг, идя босыми ногами след в след. В центре круга Байрон снова поворачивает Элизабет спиной к себе, поглаживает ее руки от плеч к расслабленным безвольно пальцам. Он оставляет ее в центре круга и отходит в угол комнаты, где жмет испуганный белый ягненок.

Байрон опускает руки в карманы длиннополого шелкового жилета и медленно вынимает обратно. На пальцах тускло поблескивают стальные кольца, обвивающие плоть острыми широкими шипами. Байрон запрокидывает голову ягненка и резко вонзает серебристые когти в незащищенное горло. Животное бьется в судорогах на полу, разбрызгивая кровь, ускоряется ритм звучащей мелодии, в нее вплетаются мужские голоса. Ягненок вздрагивает последний раз и застывает.

— Anwe, signum... Anwe, signum in!..

Мертвый ягненок встает и идет за Байроном к меловому кругу. Останавливается у верхнего луча звезды. Кровь заполняет линии рисунка на полу, стягиваясь к босым ногам Элизабет.

— Anwe! Ad me! Signum in, Anwe!.. — рокошет огромный зверь голосом Байрона Баллантайна.

Увитые стальными шипами пальцы скользят по волосам Элизабет, нежно касаются шеи. Неуловимое движение — и в ладони Байрона поблескивает цепочка с камушком и тонкая русая прядь. Байрон отходит к столу, берет свечу, гасит фитиль пальцами и быстро разминает в руках горячий воск. Стальным острием он прокалывает себе палец, роняет несколько капель крови в воск, закатывает в него прядь волос и кулон Элизабет. Из жилетного кармана Байрон извлекает клочок ткани, запачканный бурой засохшей кровью, оборачивает им «куклу» и вкладывает в рот мертвой девушки.

— Anwe! Invenire, Anwe! Invenire et venit! — кричат сотни голосов.

Байрон склоняется над мертвым телом, и стальные шипы вспарывают запястья трупа. Элизабет вздрагивает, медленно разводит руки. С тонких пальцев срываются темно-рубиновые капли, медленно-медленно летят к алым линиям. Девушка на столе садится и открывает глаза.

— Anwe... Intrare et eam... — шепчет Байрон.

Комнату наполняет ветер. Девушка встает со стола и идет к кругу на полу. Элизабет словно просыпается. С ужасом смотрит на свои перерезанные запястья, потом на Байрона и мертвую девушку. Покойница пересекает узор из алых линий, и с потолка на Элизабет обрушиваются галлоны воды. Элизабет кричит протяжно и жалобно, бьется, не в силах покинуть круг, кашляет, захлебываясь.

Байрон смотрит на происходящее со спокойной, счастливой улыбкой.

«Это не спектакль! — кричит незнакомый мужской голос в голове Раттлера. — Сэр Уильям! Она погибнет!»

— Это не спектакль, — говорит он вслух, стряхивает оцепенение.

Нет времени думать. Раттлер встает, делает шаг, другой и изо всех сил бросает себя туда, где хлещет с потолка соленая океанская вода. Руки прорывают незримую ледяную завесу, пальцы скользят по мокрому телу Элизабет. Захлебываясь, Раттлер задерживает дыхание и изо всех сил дергает девушку к себе. Вместе они вываливаются из круга на

скользкие камни пола.

— Стивенс... — хрипит генерал. — Стивенс!..

Полковник вскакивает с кресла, хватая лежащий на столе револьвер, целится в Баллантайна, спускает курок. Пуля падает у ног Байрона, и тот с легкостью сметает ее в поток, бушующий за гранью мелового круга.

— Я же сказал: мои боги не любят огнестрельное оружие, — раздраженно говорит Баллантайн и отворачивается.

Песня обрывается. Исчезают потоки воды. В кругу со смазанным рисунком девятиконечной звезды лежит тело девушки и мертвый ягненок.

Генерал Раттлер бьет по щекам Элизабет, трясет ее. Бесполезно. Мокрые волосы облепили щеки, дыхания нет. Подлетает полковник, переворачивает девушку вниз лицом, зло бросает Раттлеру:

— Поддержите ее!

Элизабет кладут грудью на колено Стивенса, генерал держит ее, Стивенс с силой бьет ладонью между лопаток. Элизабет вздрагивает, кашляет, и ее рвет фонтаном соленой воды. Стивенс укладывает ее на бок, подлетает к входной двери, дрожащими руками срывая с пояса ключ, и орет:

— Охрана!!!

Раттлер не смотрит, как Байрона Баллантайна заковывают в кандалы, не смотрит, как уносят трупы девушки и ягненка. Он поднимает с пола мокрую до нитки, рыдающую Элизабет, кутает ее в одеяло и уносит из комнаты.

До утра девушка неподвижно лежит, глядя в темноту широко раскрытыми глазами. Сэр Уильям сидит рядом и держит руку на ее животе. Тихо шевелится ребенок.

«Успел ли я?» — спрашивает сам себя генерал.

И не находит ответа.

«Как вы вообще могли такие допустить, Уилл? Вас двое, вы с оружием, сам же знаешь, чего ждать от Баллантайна!»

Генерал кладет вилку рядом с тарелкой, прожевывает.

— Коппер, мы были рядом. Я не понял, как это произошло, но мы ничего не могли сделать.

Он украдкой смотрит на Брендона. Перерожденный сидит в кресле у окна, глядя в одну точку. Вчера Раттлер честно ему обо всем рассказал. И кроме фразы «Вы дали слово офицера», больше не дождался от Брендона ничего.

Подполковник ходит из угла в угол. На лице — целая гамма эмоций: гнев, боль, удивление, недоумение.

«Ни слова Хлое! — резко жестикулирует он. — Ни слова! Или сами будете ее из петли вытаскивать».

— Так пойд и сам наври ей чего-нибудь! — взрывается Раттлер.

Пенни Лейн встает с кушетки, бесшумно подходит к столу. Присаживается рядом с Бренденом и сочувственно кладет ладонь ему на запястье. Все взгляды тут же обращаются к ней. Впервые Часовщик проявляет интерес к происходящему в доме.

«Хотите знать, что вы видели, господин Крысобой?» — плавно жестикулирует она.

— Хочу. Говори.

«Анве. Темный покровитель Нью-Кройдона. Вудуистское божество, хозяин океанов и штормов».

— Откуда ты это знаешь?

«Ма, хозяйка нашего цирка, была родственницей одной из Королев Нового Орлеана[1]. Много рассказывала».

— Зачем нужна была мертвая девица?

«Проводник. Байрон сперва сделал ее двойником Элизабет, затем через нее призвал Анве».

«Если бы вы стреляли в девушку, погибла бы Элси», — говорит Брендон, не меняясь в лице.

Раттлер трет виски ладонями, трясет головой.

— Бред какой-то. Почему Баллантайна не берут пули?

«Анве его защищает. Каждый Доктор или Королева — человеческое дитя божества», — объясняет Пенни.

Коппер подвигает к столу еще один стул, усаживает Пенни, склоняется над ней.

«Как уничтожить ту тварь?»

«Анве — никак. Это божество».

«Не Анве, кроха. Баллантайна».

Молчание Пенни затягивается. Раттлер одним глотком допивает остывший чай, собирает со стола посуду. Брендон слегка касается плеча Пенни.

«Что теперь с Элизабет?» — спрашивает он.

«Не знаю, — равнодушно отвечает Часовщик. — Я думаю о твоём хозяине. Сейчас его можно убить только одним способом».

Сложив пальцы левой руки стилетом, девушка постукивает по ножке стула. Взгляд напряженно скользит по лицам. Пенни принимает решение.

«Я это сделаю».

Она встает со стула, прогибается в поясице вперед, колыхнув длинной юбкой. Натягиваются шелковые ленты корсета на спине. В нем слабее боль, но он слишком сильно сковывает движения.

«Коппер, проводи меня в клетку», — просит девушка.

Он подхватывает ее одной рукой, забрасывает на плечо и уносит. Лицо Пенни остается таким же равнодушным, но подполковник точно знает, что ей нравится, когда он так носит ее. Последние недели оба осторожно выясняли, как доставлять друг другу маленькие удовольствия.

В подвале Пенни подходит к столу и трогает фигуры на шахматной доске. Коппер стоит за ее плечом и наблюдает. Когда Пенни берется за шахматы, ей лучше не мешать.

Фигурка белого короля ложится в живую ладонь. Пенни покачивает ее, смотрит грустно и ласково. Ставит на клетку рядом с белой ладьей. Ладью переносит через белого короля на свободную соседнюю клетку.

«Когда у короля не хватает сил и все висит на волоске, надо сделать так, — говорит Пенни, повернувшись к Копперу. — Король слаб. Ему одному не выстоять. Ладья будет уничтожена, но у белых появится шанс выиграть партию».

Коппер подхватывает ее под мышки, легко поднимает на уровень своего лица. Пенни касается своих губ пальцами правой руки, затем прикладывает их к губам Коппера. Он целует ее пальцы, усмехается и слегка прихватывает их зубами. Пенни качает головой: «Не

надо», — и Коппер ставит ее на пол.

«Скажи Крысобою, что мне нужно гимнастическое трико».

«Хорошо. Это все, кроха?»

Она берет в руки черного ферзя, поглаживает оскаленную медвежьей морду. Подходит к Копперу, встает на цыпочки и скусывает с его рубашки длинную нитку. Подполковник с трудом давит в себе желание сгрести эту маленькую опасную девочку в охапку, и...

Пенни Лейн начинает говорить. Коппер слушает, изредка отвечает. С каждой репликой Пенни он мрачнеет все сильнее.

«Кроха, неужели нет иного способа?»

«Нет. Только живой огонь».

Когда Коппер возвращается в гостиную, генерал на повышенных тонах разговаривает с Бренденом:

— И думать забудь! Нет, нельзя! Да потому что сейчас у меня нет никаких прав на вас обоих. Мне разрешено только навещать и опекать Элизабет. Черт, и не проси! Иди, работай со своей щелкалкой! Ну что тебе, Коппер?

«Уилл. Выдохни и перестань орать на парня. Это первое. И второе: нужно гимнастическое трико и бочка с калийной селитрой. Концентрированным раствором».

— Я похож на хозяина волшебной палочки? — кипятится Раттлер.

Коппер хлопает себя по карманам, достает измятый блокнот и карандаш, быстро что-то пишет, отрывает лист и сует в руку генералу.

«Здесь найдешь без вопросов. Тебе ее еще и довезут аккуратненько. Просто передай ребятам от меня привет».

— Зачем тебе такое количество селитры? А если полыхнет? Соображаешь?

«Хватит уже кипеть. Тебе Баллантайн нужен живым или мертвым?»

— Дьявол... Когда это надо?

«Как можно быстрее, сэр Уильям, — просит Брендон. — Кажется, я понял зачем...»

Коппер бьет его по рукам, заставляя замолчать. Губы подполковника сжимаются в прямую линию.

«Ты ничего не понял. Иди, работай свою программу».

Утром Раттлер уезжает в Нью-Кройдон. К вечеру возвращается в сопровождении военного грузовика. Увидев стоящего на ступеньках крыльца Коппера, главнокомандующий чуть ли не за голову хватается.

— Ты что творишь, безумец? — набрасывается он на подполковника.

Коппер надменно вскидывает подбородок, ухмыляется.

«Помнишь, я говорил тебе о том, что, когда надо сидеть тихо, только самые ненормальные лезут на баррикады?»

— Помню.

«Ну, я полез».

Он спускается по мраморным ступеням и шагает к воротам. Раттлер прислушивается к радостным возгласам, которыми Коппера встречают офицер и трое рядовых. «А ведь может получиться, черт возьми!» — думает генерал.

В вестибюле его встречает Брендон. Молча смотрит в глаза. От такого взгляда сжимается сердце.

— Лежит, — тихо говорит Раттлер. — Просто лежит.

«Она ест? Врача приглашали?»

— Не ест. Врач был.

«Сэр Уильям. Я должен находиться при ней. Если вы нам не поможете, я пойду в Нью-Кройдон пешком».

— Брендон, не я там распоряжаюсь.

«Вашей власти хватит на то, чтобы просто привести меня туда?» — не сдается перерожденный.

— Хватит. Но что ты станешь делать, когда Стивенс вышвырнет тебя обратно?

«Сэр Уильям. Мне не хотелось бы быть грубым и резким, но ваши слова странно отдают трусостью», — говорит Брендон.

Внезапно Раттлеру хочется сгрести мальчишку за грудки и как следует впечатать в стену. «Что ты знаешь о трусости, молокосос?» — думает он. И вспоминает, сколько лет этому пареньку.

— Что у тебя с программой? — холодно спрашивает он.

«Готова более чем наполовину».

— Работай, Брендон. И вещи собери, что возьмешь с собой.

Тот поспешно кивает и почти бегом покидает вестибюль. Раттлер встречает Коппера и солдат, волокущих бочку, ворчит:

— Осторожнее! Ставьте сюда. Коппер, куда это дальше?

«Прости, Уилл, но придется занять одну из твоих ванных комнат. Какую не жалко?»

— Тащите в ближайшую, — отмахивается Раттлер и уходит в свой кабинет. Пачка полученных на городской адрес писем оттягивает карман. Их не терпится прочитать.

Коппер провожает сослуживцев, прощается и возвращается в дом. Спускается в подвал. Пенни уже ждет его, сидя на топчане в клетке и кутаясь в простыню.

«Полная топка, — сообщает она. — Замаской на всякий случай прошлась по периметру дверцы. Возьми корсет. Крысобой привез трико?»

Он молча демонстрирует ей черную тряпицу в руке. Пенни удовлетворенно кивает и идет на выход. Коппер бросает взгляд на шахматную доску и следует за девушкой. В ванной комнате они закрывают дверь на задвижку. Пенни становится возле наполненной ванны, сбрасывает простыню. Наклоняется, касается жидкости в ванне правой ладонью. Оборачивается, смотрит на Коппера с затаенным страхом.

«Холодное...»

Мурашки на гладкой, бледной коже. Мечется в зрачках невысказанное. Лицо спокойное, но взгляд... Едва слышно посвистывает в горле пар — дуэтом, словами, что никогда не прозвучат. Коппер бросает в ванну корсет и трико, садится на край и тянет девушку к себе. Она улыбается — впервые за месяцы — и стаскивает с него рубаху через голову.

Полчаса спустя Пенни Лейн встает с кушетки, целует Роберта Коппера в заросшую щетиной щеку и залезает в ванну, полную калийной селитры. Закусывает губы, когда жидкость доходит до шрамов на спине. Медленно опускается на дно, вытягивает ноги. Пальцы скользят по бортам ванны, сперва судорожно, цепляясь, затем постепенно расслабляются. Коппер опускается рядом на колени, гладит пушистые волосы цвета пшеницы, заводит ладонь под затылок Пенни, второй рукой осторожно разжимает ее пальцы. Девушка послушно закрывает глаза, и Коппер погружает ее в ванну с головой.

Утром они вдвоем спускаются на первый этаж как раз к отъезду Раттлера и Брендона. Волосы и кожа Пенни отблескивают на свету, словно подернутые инеем. На щеках и скулах — красные шелушащиеся пятна. Тело скрыто под трико и утянуто в корсет, но одного

взгляда на ладонь правой руки достаточно, чтобы понять, что прячет ткань. Брендон встречается с девушкой взглядом — и отводит глаза.

— Коппер, вы что натворили? — в ужасе восклицает Раттлер.

«Пенни, дорогая, почему ты босиком? — обеспокоенно спрашивает Хлоя. — Ты простудишься...»

«Не успею», — качает головой девушка. Хлоя заглядывает ей в лицо, прикрывает рот рукой, пятится.

«Ящик под сиденьем свободен, господин Крысобой?» — осведомляется Пенни.

— Да, — выдавливают генерал, не в силах отвести взгляд от ее лица.

«Довезите меня до фабрики. Башню я найду сама».

Она поворачивается к Копперу, вытягивается перед ним в струнку.

«Подполковник Коппер, обещаю тебе одну вещь».

Он качает головой, часто моргая, словно что-то попало в глаз.

«Не стану, Пенни. И ты знаешь почему».

«Это пройдет, — уверенно кивает она. — Потому повторяю вчерашнюю просьбу: женись, старый лис».

Брендон не выдерживает, выходит на улицу. Ставит на крыльцо саквояж с тетрадями, перфоратором и картами. Вскоре к нему присоединяются Раттлер и Пенни Лейн. Девушка поднимает голову, смотрит в хмурое небо.

«Все. Весна идет. Больше не будет холодов, — говорит она. И добавляет, повернувшись к Брендону: — Когда родится малыш Элизабет, обязательно покажи ему слона в цирке. Иногда стоит жить только ради того, чтобы однажды увидеть слона. Такое не забывается».

До заката Пенни Лейн лежит, свернувшись калачиком, в сгоревшем фабричном цеху. Трижды за день мимо нее проходят охранники, но лист жести надежно скрывает девушку от чужих глаз.

«Мне не холодно, — думает Пенни. — Как странно: мне совсем не холодно».

В зыбкой дреме она снова идет по улице, выслеживая ликвидаторов. Маленькая фигурка, незаметная в толпе, умело растворяющаяся в хитросплетениях света и теней. И карманы шинели набиты мелкими деталями механизмов — теми, что Пенни собирала на площади перед мэрией, когда оттуда вывезли тела.

Хрустит под тяжелыми шагами охраны битое стекло и мерзлый гравий. Пенни вздрагивает и открывает глаза. И как наяву видит генерала Раттлера сквозь прутья клетки в подвале.

— Зачем ты это делала? — спрашивает он, не сводя с Часовщика тяжелого взгляда.

Правая рука слушается Пенни с трудом, каждое движение порождает вспышку боли в спине.

«Кто дал вам право убивать нас, развязал руки и мне, — медленно жестикулирует она. — Вы все ответите».

— Мы уже ответили. Полгорода скорбит по своим близким. По людям и куклам, — глухо отвечает ей Раттлер.

Она не испытывает сожалений. Их не было и прежде, нет и сейчас. «Я делала то, что сделали бы многие перерожденные, если бы имели то, что дал мне Баллантайн, — думает она. — Как легко стрелять и давить танками тех, кто никогда не окажет сопротивления».

Тень от подоконника постепенно удлиняется, солнце уходит. В третий раз мимо здания, где прячется Пенни, охранники идут уже в сумерках. Смеются над какой-то недавней историей. Как только их шаги стихают, девушка осторожно выбирается из убежища. Короткими перебежками, прячась среди груд битого кирпича и искореженных металлических остовов, Пенни Лейн продвигается все ближе к водонапорной башне, темнеющей в глубине фабричной территории.

«Трудно будет, только если поднимется ветер», — думает она.

В доме невдалеке от башни заливаются лаем псы. Пенни вздрагивает, вспоминая собак Раттлера. Треск рвущейся шинели, вонь из оскаленной пасти у самого лица... Пальцы левой руки непроизвольно складываются стилетом.

«Ты никогда не выйдешь из клетки», — звучат в памяти слова Крысобоя.

«Я не в клетке. Это ваш мир обнесен решеткой. Свобода — внутри тебя», — шепчет Пенни беззвучно.

Она обходит башню, прижимаясь спиной к ее стене. Задирает голову, смотрит на свет, брезжащий из окошек наверху. Ощупывает выступы и выбоины между камнями.

«Я залезу. Это ведь столько раз уже было», — убеждает она себя и делает первый шаг.

До верха — не меньше тридцати ярдов. До края окна — около двадцати пяти. Когда в тебе самой пять футов, это значит только одно: путь наверх будет долгим.

Скользит по камням правая ладонь, пальцы ищут малейшую выемку, позволяющую уцепиться. Стиллет левой руки девушка вгоняет в расщелины, подтягивается, переносит вес тела на одну ногу, вторую ставит туда, где надежна опора. Отдыхает минуту, прикрыв глаза и распластавшись на стене, и продолжает восхождение.

«Давай, кроха», — повторяет она про себя слова Коппера. Прикусывает губу, вгоняет стиллет в выбоину, хватается за край камня правой рукой, подтягивается. Дюралевые пальчики ног ищут опоры. Закрепиться. Передохнуть. Тихо порадоваться, что нет ветра и луна спит за облаками. Посмотреть вверх. Ощупать следующий ряд каменной кладки. Вперед.

На середине пути она чувствует, что устала. Обнимает башню, закрывает глаза, прижимается щекой к серой шкуре. От прикосновения к холодному камню лицо обжигает резкой болью. Пенни вздрагивает, теряет равновесие, старается ухватиться правой рукой. Качается над головой низкое небо.

«Тише, замри, — слышит девушка голос Джорджио. — Не паникуй, Пенни Лейн. Давай как раньше. Доверься мне. Расслабься».

— Помнишь, как я боялась встать на канат? — шепчет Пенни, зажмурив глаза.

«Помню. Ты была одна. А теперь я с тобой. И я тебя поведу».

Тело окутывает легкое тепло. Девушка чувствует, как ложатся на ее талию надежные, крепкие ладони. Хватается за выемку среди камней, подтягивается. Шаг. Еще шаг.

«Ты не одна, Пенни. Смелее».

— Ты не уйдешь больше, Джорджио?

«Я и не уходил».

Последний ярд дается тяжелее всего. Кладка плотная, щелей мало. Пенни приходится отползать в сторону от окна, ища опоры. От пальцев правой руки, ободранных о камни, на стене остаются темные пятна и полосы.

«Сюда, Пенни. Ставь ногу. Переноси левую руку правее и выше, на два часа. Еще шаг».

Ладонь дотягивается до подоконника. Пенни опирается на стилет, подтягивается, ложится животом и проскальзывает по глубокому узкому проему внутрь башни. Выбивает стекло, падает на пол, медлит секунды, выжидая, пока притихнет боль, поднимается.

— Что за черт? — слышатся голоса из-за двери. — У кого ключ? Где этот проклятый сержант? Да разыщите его кто-нибудь!

— Вот это сюрприз, — тихо смеется темнота в углу комнаты. — Здравствуй, Пенни. Рад тебя видеть.

Байрон Баллантайн сам выходит ей навстречу. Звенит по полу цепь, ограничивающая ширину шага. Такая же цепь не дает Баллантайну поднять руки выше груди. Темные волосы спутались, на впалых щеках неопрятная щетина.

— Я не сомневался, что ты выживешь. Мир должен принадлежать таким, как ты. Сильным.

Девушка выпрямляется, откидывает за спину волосы. Быстро осматривается по сторонам. Свеча? Керосиновая лампа?.. Байрон уже рядом, и Пенни видит свое отражение в его глазах.

— Ты же не просто так пришла, голубка? — без улыбки спрашивает он.

Не медлить. Девушка бросает себя вперед, обхватывает Баллантайна за талию правой рукой, левой резко бьет снизу вверх и наискосок. Пальцы-стилет рвут черную ткань жилета, встречают сопротивление мышц, входят в живую плоть. Байрон обеими руками старается оттолкнуть от себя куклу, рычит сквозь стиснутые зубы. Пенни изо всех сил теснит его к стене, стальной трехгранник все глубже погружается под ребра. Байрон резко поворачивается, от рывка девушка теряет равновесие и кувыркком летит на пол. Баллантайн тяжело дышит, зажимая ладонью рану в левом подреберье.

— Убьешь? Ты ничего не исправишь уже, дура, — хрипло смеется он, морщась от боли.

Пенни поднимается, крадучись, по дуге снова подбирается к нему. Байрон бросается в сторону, хватая тяжелое кресло. Звенят натянутые цепи, замахнуться не получается. Пенни Лейн разбегается и прыгает, сбивая Байрона с ног. Стальное жало пробивает грудь насквозь, скребет по деревянному полу. Пенни дергает руку на себя, разжимает пальцы-стилет, проворачивает кисть, разрывая диафрагму и добираясь до сердца.

Баллантайн обеими руками хватая девушку за шею, ломая металлические трубки, словно сухие стебли. Последнее, что успевает сделать Пенни Лейн, — приподняться и опрокинуть на себя и Байрона низкий столик с горячей керосиновой лампой.

Джорджио смотрит на нее с улыбкой, кивает: «Да».

Пламя охватывает обоих мгновенно, вздымается золотистой гудящей стеной. Вбегает охрана, но нет на свете той силы, что справилась бы с живым огнем. Водонапорная башня полыхает всю ночь громадным факелом, и от невероятного жара лопаются и плавятся даже камни.

Брендон Фланнаган стоит возле зарешеченного окна маленькой комнаты и смотрит на гигантский костер. Элизабет Баллантайн спит тяжелым, беспокойным сном, и пляшущие отсветы ложатся на ее лицо причудливой маской.

— Что я должен сделать с этим, господин главнокомандующий? — спрашивает Адам Флетчер, кивая на толстый конверт, опечатанный сургучом.

Раттлер поправляет шарф, откашливается. Доберман Фир, сидящий у входа в магазин,

настороженно оглядывается на хозяина.

— Сэр Адам, мне нужно, чтобы о содержимом конверта узнало как можно больше народа в Нью-Кройдоне и как можно скорее. Я всецело полагаюсь на вас и вашу типографию.

Сквозь витрину книжного магазинчика видны спешащие по своим делам люди. Неторопливо шагает булочник с лотком свежей сдобы. Джентльмен в высоком цилиндре и дорогом пальто покупает газету в автомате на углу улицы. Над головами прохожих с грохотом проносится монорельс. Механическая птица в бронзовой клетке на подоконнике вздрагивает, подергивает крыльями. Хозяин магазина роется в горах томов, бормоча что-то себе под нос, ищет несуществующую книгу, которую назвал Раттлер.

— Леди Агнесс просила передать вам пожелание здоровья и свою безграничную благодарность, — вполголоса говорит Флетчер.

— Она вернулась? — приподнимает бровь генерал.

— Да, вчера я забрал ее и привез домой. Сэр Уильям, вы уверены, что это безопасно и за ней не придут еще раз?

Раттлер оглядывается на витрину, снова поворачивается к собеседнику.

— Мистер Флетчер, я распустил отряд ликвидаторов. Негласно.

— Сэр, но как же приказ императора?

— Никак. Я один отвечу, если потребуют, — глухо говорит Раттлер.

— Но... но зачем?

Генерал понижает голос почти до шепота:

— Моя дочь где-то в городе. Я чувствую, что она жива, прячется у кого-то. И не могу позволить себе потерять ее снова. Мистер Флетчер, мне пора. Я очень на вас надеюсь. До скорой встречи. Если я понадоблюсь вам раньше, просто оставьте записку моему дворецкому Бишопу.

Флетчер вежливо кивает, приподняв шляпу, и быстро выходит из магазина. Через минуту возвращается продавец, с виноватым и растерянным видом разводит руками:

— К сожалению, сэр, вашей редкой книги не нашлось. Хотите, я запишу ваш заказ и попрошу поискать в столице?

— Благодарю. Я найду ее сам.

Раттлер покидает лавку книжника и пешком идет по центральным улицам Нью-Кройдона. Трусит рядом верный Фир. Взглянуть со стороны — пожилой респектабельный джентльмен прогуливает собаку под легким снегопадом. Но если присмотреться внимательнее — генерал Раттлер ищет кого-то среди спешащих прохожих, вглядывается в лица.

Из головы не идет сказанное Часовщиком на прощание: «Уничтожив Байрона, вы не уничтожите государство, господин Крысобой».

— Нет, — сам себе говорит сэр Уильям. — Нет, не уничтожу. Но я разбужу тех, кто заставит власть серьезно задуматься.

На перекрестке мальчишка в старом пальто с чужого плеча сует ему в руки листовку и исчезает за углом. Генерал пробегает глазами по строчкам на серой бумаге, чуть заметно улыбается. «Нью-Кройдон ожидает вторая Судная Ночь?» — гласит заголовок статьи.

— Спасибо, Сомс, — тихо шепчет сэр Уильям.

За последние три недели главнокомандующий поднял все свои связи и вышел на журналистов нескольких подпольных газет. На встречу с ними явился лично, говорил долго

и убедительно. Раттлеру повезло: среди журналистов оказался Ричард Сомс — старый знакомый матери Элизабет Баллантайн. Выслушав рассказ генерала, Сомс помолчал и сказал:

«Сэр, я полагаю, что вы ничуть не меньше меня понимаете, что мне, как и вам, потом пощады не будет. Но я сделаю все, чтобы у дочери Хлои появился шанс. И денег мне не нужно. Я знаю эту девчонку. Таких упрямцев еще поискать. От своего она не отступится».

Раттлер выложил на стол две толстые пачки купюр.

«Понадобится на печать и всяческие расходы. Действуйте. Время дорого».

Из лавки книжника Раттлер идет на станцию, ждет монорельс, кутаясь в пальто и отвернувшись от ветра. Едет через полгорода, привалившись плечом к холодному стеклу. Фир сидит, положив на колено хозяина острую морду. Дышит теплом на кожаные перчатки генерала. Раттлер рассматривает мелькающие граффити на кирпичных стенах. Взгляд цепляется за размашистую надпись на серой от сырости штукатурке: «Освободите Элизабет!» И чуть поодаль: «Пытать детей ради армии кукол?»

— Хорошо, — едва слышно говорит сэр Уильям. — Смотрите. Думайте.

Он покидает вагон в четверти часа ходьбы от Нортонхилла. На фонарном столбе трепещет листовка. «Тысячи жертв. Сперва люди, затем перерожденные. Хотите повторить?» Рядом группа людей что-то эмоционально обсуждает. Генерал проходит мимо, прислушивается.

— Император темнит. До сих пор не казнен Байрон Баллантайн. Почему?

— Неужели правда сенатор насильно обучает дочь вуду?

Поднять воротник пальто повыше. Руки в карманы. Спрятать улыбку в шарф. Идти дальше.

«Да. Говори и слушай, Нью-Кройдон. Просыпайся».

У ворот фабрики генерала встречает вооруженная охрана в гражданском. Преграждают путь.

— Ну и что это? — мрачно спрашивает Раттлер, буровя охранников тяжелым взглядом.

— Сэр, полковник Стивенс приказал не пропускать...

— Что-о-о?! — рычит Раттлер, нависая над охранником. — Кто там кого приказал не пропускать? Полковник — верховного главнокомандующего?!

Нецензурная брань сотрясает окрестности. Один из патрульных быстро убегает в сторону трехэтажного корпуса, двое постепенно отступают под натиском Раттлера. Генерал умолкает, переводит дыхание и бросает раздраженно:

— Оба — на место. Рапорт с объяснениями подать через час.

В вестибюле генерала облаивают доберманы, Фир с удовольствием вступает с ними в перепалку.

— Тубо! — басом ревет Раттлер, и псы испуганно смолкают.

— Господин верховный главнокомандующий!..

— После, — отрезает он. — Проводите меня на третий этаж.

Скрипит, открываясь, дверь. Брендон встает из-за стола навстречу вошедшему Раттлеру. Глубокая складка между бровями, в глазах отчаяние.

— Ты что, Брендон?

«Байрон?..»

— Я знаю. Все получилось.

«А Пенни?»

Раттлер молча разводит руками. Брендон опускает голову, сутулится.

«Сэр Уильям, поговорите с Элизабет. С ней что-то происходит. Она меня не слышит».

Генерал проходит в комнату, бросает быстрый взгляд в сторону кровати. Элизабет неподвижно, словно статуя, сидит на койке, держа на коленях тетрадь в кожаном переплете.

— Элси?..

— Здравствуйте, сэр Уильям, — равнодушно откликается она.

— Как ты себя чувствуешь, девочка?

Он подходит ближе, присаживается на стул. Элизабет даже не поднимает глаз. Тонкими пальцами с ободранными костяшками она теревит страницы.

— Я в порядке.

Брендон подходит к ним, касается плеча генерала.

«Сэр, тетрадь».

— Вижу. Что это за записи?

«Дневники Кэрол Баллантайн. Элси нельзя их читать, господин Раттлер!»

Сэр Уильям хмурится, осторожно тянет тетрадь к себе.

— Я взгляну, Элси. Позволь.

Раскрытая ладонь с силой припечатывает тетрадку.

— Нет!

Брендон решительно кивает, быстро жестикулирует:

«Я держу. Забирайте», — подходит к девушке сзади и хватает ее за локти.

Раттлер забирает тетрадь, швыряет на стол. Элизабет рвется из рук, едва не опрокидывая Брендона, извивается.

— Отдайте! Вы не понимаете! Брендон,пусти меня!

— Чего мы не понимаем? — басит генерал, перехватывая ее поудобнее. — Девочка, куда ты лезешь? Все, Брендон, не держи.

— Сэр Уильям, это нужно мне! — отчаянно кричит девушка.

Он сжимает ее плечи, встряхивает.

— Это нужно не тебе, пойми. Успокойся. Будешь буйствовать — разговора не получится. Брендон, как давно она в таком состоянии?

Элизабет грустно поникает, садится на койку, обнимает себя за плечи.

«С самого утра. Приходил Стивенс, был тих и подавлен. Принес эту тетрадь, велел Элизабет читать и учить наизусть. Она сперва заявила, что не станет. А как он ушел, сказала мне, что приняла важное решение... и вот».

— Почему ты не забрал?

«Она приказала не трогать», — объясняет Брендон и отворачивается.

Генерал трет переносицу, вздыхает, садится на корточки напротив Элизабет, заглядывает ей в лицо.

— Приказ... Черт подери. Элизабет, что ты творишь? Ты соображаешь, кому приказываешь, глупая?

Она смотрит на него спокойно и осмысленно.

— Более чем, сэр Уильям. Они хотели оружие из меня сделать, да? Вот и получают своим же оружием.

Раттлер берет ее за руку, поглаживает ладонь.

— Не надо таких жертв, малышка. Никому не надо. Не лезь туда, я прошу тебя и за себя, и за Брендона, и за мать. И за ребенка, которому скоро появляться на свет. Это не твой путь,

Элси.

Девушка упрямо качает головой, в глазах стоят злые слезы.

— Я хочу иметь возможность защитить Брендона. Защитить вас. И маму. И Коппера. И Пенни. И Кида.

«Родная, ты слишком юна, — отчаянно жестикулирует Брендон. — Ты никого не защитишь. Только погубишь себя и дитя. Тебе с этим знанием не справиться. Чтобы овладеть им, недостаточно просто прочесть. Те, кто держит нас здесь, не дадут тебе шанса воспользоваться полученными знаниями для защиты».

Элизабет отходит, умывает лицо под жестяным рукомойником. Встает напротив Брендона, заглядывает ему в глаза.

— Кто даст отпор, если не я?

— Я дам, — твердо отвечает Раттлер. И добавляет: — Не лишай себя шанса выти из этого ада чистой, Элизабет.

Раттлер обменивается с Бренденом взглядами, едва заметно кивает и крепко берет Элизабет за запястья.

— Прости, девочка, но сейчас мы решаем за тебя.

Брендон хватает со стола дневники Кэрол и сует в ведро под стоком раковины. Выливает из рукомойника оставшуюся воду, брезгливо приподнимает тетрадь за корешок, макает несколько раз. Вода окрашивается расплывающимися чернилами.

Раттлер разжимает руки. Элизабет смотрит на все это молча, потом отворачивается, утыкается в грудь сэра Уильяма и дает волю слезам. В коридоре слышатся торопливые шаги, дверь с грохотом распаивается, влетает Стивенс в сопровождении охраны.

— Господин главнокомандующий! Я прошу... нет, я требую ваших объяснений!

Брендон оставляет ошметки тетради в покое, медленно выпрямляется. Подходит и заслоняет собой Элизабет.

— Объяснений? Требуете? По какому поводу? — иронично спрашивает сэр Уильям.

Гладко выбритое лицо полковника багровеет. Он достает из кармана скомканную листовку и протягивает генералу.

— Утечка информации государственной важности.

Сэр Уильям бережно топит листовку в ведре.

— Информация, Стивенс, — спокойно рассуждает он, тщательно взбалтывая воду, — обладает схожими с водой свойствами. И иногда утекает. И вершина наглости — обвинять во всех смертных грехах старшего по званию, не имея в козырях ни единого аргумента. Сколько человек имеет доступ в эту комнату? Сколько из них согласится со мной в том, что вы садист и мерзавец? Сколько захочет рассказать городу, что вы вытворяете с беременной женщиной, а, Стивенс?

— Это измена, Крысобой. Я немедленно доложу Его Императорскому Величеству, — чеканя каждое слово, выговаривает полковник.

Раттлер носком ботинка подвигает ведро к его ногам.

— Да, поторопитесь. И прихватите с собой вашу драгоценную информацию. Она воняет.

— Крысобой, что ты вытворяешь?

Его Императорское Величество изо всех сил старается держать эмоции под контролем.

Но подергивающаяся щека его выдает.

— Раттлер, не молчи. Я поверить не могу в то, что ты на такое способен.

— На какое, сир? — спокойно переспрашивает сэр Уильям.

Чашка с чаем опускается на блюде с такой силой, что его тонкий фарфор дает трещину.

— Я видел листовки, Крысобой. Мне приносят подборки периодики со всей империи каждое утро. Позавчерашняя газета из Нью-Кройдона, третье марта, фото на передовице. Скажешь, не видел? Скажешь, это не ты на нем?

— Видел, мой император. Да, я. Я действительно был на том митинге. Люди потребовали фактов — я их предоставил.

— Удивительно, что толпа тебя не линчевала.

— Все равно один раз умирать, сир.

— Кто информатор оппозиционеров, Раттлер?

— Разрешите пожилому человеку присесть, Ваше Императорское Величество? Неприятно ощущать себя как на допросе.

— Сядь. И отвечай.

Раттлер благодарит, опускается в глубокое мягкое кресло.

— Есть такая версия, что информатор — Уильям Джеймс Раттлер, верховный главнокомандующий армии Его Императорского Величества.

Император берет треснувшее блюдо, ломает его пополам.

— Что ты творишь? Я всегда доверял тебе больше, чем кому-либо другому!

— Мой император, я пытаюсь уберечь вас от ошибки, на пороге которой вы стоите. Нет никакой оппозиции. Есть граждане империи. Вспомните мои слова: народ не простит вам второй Судной Ночи. Власть опирается на народ прежде всего. Сир, люди любят вас, но то, что происходит сейчас, идет вразрез со всеми понятиями справедливости и законности.

— Это мне решать! Я здесь справедливость и закон!

— Сир, народ простит вам повышение налогов, ввод новых пошлин. И даже войну. Но люди не смогут вам простить Элси и Брендона. Еще не поздно все исправить. Пока они оба живы — не поздно...

— Замолчи! — резко обрывает его самодержец, тут же берет себя в руки и уже спокойно говорит: — В Нью-Кройдоне перерожденных снова видят на улицах. Кто несет ответственность за зачистку города?

— Я, мой император.

— Почему не выполняется приказ?

— Его исполнение подрывает вашу популярность в народе, сир. Я лично запретил своим солдатам трогать уцелевших кукол и более не рассматриваю доносы на тех, кто прячет своих перерожденных.

— Следующий вопрос. Кто стоит за смертью Байрона Баллантайна?

— Не могу знать, мой император.

Император медленно выдыхает, на скулах играют желваки.

— Далее. Кто дал вам право вмешиваться в работу Стивенса с Элизабет Баллантайн и ее куклой?

— Вы, сир. Как опекун девушки, я не могу позволить такого бесчеловечного обращения с ней. И не будь я ее опекуном — не позволил бы. Брендон — не кукла, а любящий и любимый человек, манипулировать девчонкой с его помощью — подло и бесчестно.

— Раттлер! Ты две войны прошел, ты толпами посылал людей на смерть и не вел счета ни девчонкам, ни куклам, загубленным в боевых действиях. Так какого ж черта в тебе сейчас заиграл поганый гуманизм?

Сэр Уильям смотрит в окно, прислушивается к звукам весенней капели.

— Я отец. И гражданин. И служитель империи, сир. И четко вижу последствия поступка, который вы готовы совершить. Моя цель — защищать вашу власть, мой император. И я не вижу иного способа показать вам, что вы принимаете неверное решение.

— Какой из тебя служитель империи? — взрывается император. — Внутренний враг государства — да! Раттлер, я не могу просто так снять тебя с должности, пока войска преданы тебе, но я тебя сломаю, найду способ.

— Как скажете, мой император, — спокойно кивает генерал. — Я готов ответить за свои поступки. Только ни единого приказа, направленного на причинение вреда моим подопечным или перерожденным Нью-Кройдона, я более не выполню.

— Ты угрожаешь мне, Крысобой?

— Не смею, сир. И надеюсь, что вы примете верное решение.

— Через два дня я собираю совет, — холодно говорит император, вставая с места. — Без твоего участия. Именно это поможет мне понять, чье мнение является правильным — твое или мое. А теперь вон отсюда.

— Слушаюсь, Ваше Императорское Величество.

Стефан перекладывает солдатиков из одной коробки в другую. Уже в третий или четвертый раз. Поглядывает на Хлою. Женщина сидит на софе, одетая по-дорожному. Руки в лайковых перчатках сложены на коленях, пальцы нервно переплетены.

«Мне не хочется уезжать отсюда, — жестикулирует Стефан, пряча глаза. — Я боюсь».

«Все будет хорошо, милый. Сэр Уильям отвезет тебя домой», — ласково улыбается Хлоя.

Мальчишка поджимает губы, поглаживает механическими пальцами конного офицера. Прячет его в карман куртки.

«Дома дед, мама и папа. И брат. Но здесь безопасно. И в подвале много интересного. И вы. И мистер Коппер».

Стефан обходит холл, подбрасывает полено в прогоревший камин. Ворошит кочергой почти остывшие угли и золу. Присаживается на корточки, что-то чертит кончиком кочерги. В этот момент в холл выходят Раттлер и Коппер. Подполковник подкрадывается к Стефану, подхватывает его на руки и переворачивает вверх ногами. Кид испуганно дергается, но быстро приходит в себя и пытается схватиться за пряжку на ремне Коппера. Подполковник беззвучно смеется, бережно ставит мальчишку на пол.

— Готовы ехать? — спрашивает генерал.

Перерожденные дружно кивают, Стефан подходит к Раттлеру и спрашивает, грустно глядя снизу вверх:

«Сэр Уильям, а мы разве неждемся Пенни, Элизабет и Брендона?»

Тяжелая ладонь ложится на макушку мальчишки, гладит.

— Нет, мистер Бэррингтон, мы не будем их ждать. Они вернутся позже, — отвечает главнокомандующий.

В машине Хлоя и Стефан забираются на заднее сиденье, мальчик прижимается к

перерожденной, прячет лицо в складках наброшенной на ее плечи шали. Коппер с угрюмым видом располагается рядом с генералом. Раттлер садится вполборота и обращается к перерожденным с короткой речью:

— Всех вас я прошу соблюдать в городе осторожность. И прежде всего это касается не Кида, а тебя, Коппер. Если будет возможность покинуть Нью-Кройдон — уезжайте. Оставаться здесь вам больше нельзя, в любой момент меня арестуют. Тогда и вы пропадете. Хлоя, тебя я отправлю к себе в городские апартаменты. Больше некуда, прости. Своим слугам я полностью доверяю, когда за мной придут, они сумеют о тебе позаботиться.

Сперва они отвозят домой Стефана, затем едут в Солт. Долго петляют среди ангаров, пока наконец не находят нужный. Хлоя остается в машине, а Раттлер и Коппер проходят вдвоем через громадные ворота. Генерал предъявляет документы бдительной охране, Копперу достаточно просто выйти на свет и ухмыльнуться.

— Разрази меня гром! — вопит один из караульных. — Наш капитан в третий раз с того света вернулся! Коппер с нами!

Под сводами эллинга слегка покачивается на тросах серая громадина «Мнемозины» — одного из крупнейших имперских боевых дирижаблей. Коппер улыбается, глядя на нее, машет кому-то рукой. Сбегаются люди, радостно приветствуют подполковника, хлопают по плечам, жмут руку. Раттлер смотрит на это со стороны, слушает радостные возгласы и чувствует, как притихает тоска, владеющая им последние дни.

«Ты не пропадешь, старый лис, — думает генерал. — Здесь все свои, даже под угрозой смертной казни не выдадут. Военское братство — это святое».

Он еще раз обводит взглядом огромный ангар, прячет руки в карманы и быстрым шагом направляется к выходу. Коппер догоняет его уже у ворот, дергает за рукав.

«Уилл, стой. Три слова».

— Надеюсь, не благодарить будешь? — усмехается Раттлер.

«Ты становишься меркантильным, Крысобой», — щурит карие глаза Коппер.

— Давай свои три слова и проваливай.

«Я жду вестей», — жестикулирует подполковник.

— Вести будут. Береги себя.

Коппер кивает, жмет генералу руку, и они расходятся.

Из Солта Раттлер едет домой, отвозит Хлою. Представляет ее слугам, просит позаботиться и принять как члена семьи. Хлоя смущенно раскланивается, здоровается, и Бишоп провожает ее в гостевую комнату. Раттлер распоряжается насчет ужина, переодевается, читает полученную за три дня корреспонденцию. Вспоминает о собрании императорского совета.

«Вчера же было. Что они решили? Наверняка меня как минимум отстранят. Только поздно уже, мой император. Нью-Кройдон знает, что вы затеяли. Я свое дело сделал, — думает генерал. — Город гудит, как потревоженный рой. В совете много умных людей, они понимают, что проще отпустить детей, чем иметь дело с народным бунтом».

Бишоп приносит бутылку красного вина, мясной рулет и пудинг, желает сэру Уильяму приятного аппетита. Собирается уходить, но медлит.

— Вы что-то хотели спросить? — интересуется генерал.

— Да, сэр. Вы ходите в город один, без телохранителей, только с собакой. Вы выступаете перед толпами. Простите великодушно, сэр, я опасюсь за вашу жизнь.

— Не стоит беспокоиться, Бишоп. Мне ничего не угрожает.

Старый дворецкий отводит взгляд, чуть заметно покачивает головой. Губ Раттлера на миг касается улыбка.

— Меня никто не тронет, — уверенно говорит сэр Уильям. — Стивенс не посмеет, пока я правая рука императора. А Его Императорское Величество не станет вмешиваться в мои дела.

— Почему вы так уверены, сэр?

— Потому что император знает, что я прав.

Некоторое время оба молчат, потом Бишоп нарушает тишину:

— Сэр Уильям, я позволю себе еще один вопрос. Нет ли новостей о леди Долорес?

Генерал сокрушенно качает головой. Он дал ориентировку своим ликвидаторам, полиция также оповещена, приказано задержать и доставить лично главнокомандующему, но... Никто не видел Долорес в Нью-Кройдоне. Девушка словно растворилась превратившись в сгусток тупой боли под сердцем отца.

— Я не теряю надежды, Бишоп. Меня не оставляет ощущение, что она вот-вот вернется. Сама захочет, чтобы мои люди ее нашли.

Дворецкий вежливо улыбается.

— Она вернется, сэр. Не прекращайте поисков.

В десять вечера к Раттлеру робко заглядывает Хлоя.

«Прошу прощения, сэр Уильям. Я не усну, пока не поговорю с вами».

— Я понимаю, конечно. Беспокойно?

Женщина проходит в комнату, присаживается на край дивана.

«Скажите мне честно: что с Элизабет? Я чувствую, вы не все мне сообщаете. Можете сказать правду, господин Раттлер. Какой бы она ни была».

Генерал раздумывает минуту, трет переносицу.

— Хлоя, ты заранее настраиваешь себя на то, что все плохо, да? Зачем?

«Мне страшно, сэр Уильям. Это мой ребенок, беспомощный и слабый...»

— Я тебя очень прошу: перестань ее оплакивать заранее. Завтра с самого утра я поеду к ней, расскажу, что теперь ты живешь у меня. Подбодрю. Поддержу, как смогу.

Хлоя смотрит в пол и медленно жестикулирует:

«Почему вы просто не заберете ее оттуда? Вы же можете».

— Господи, женщина... — стонет генерал сквозь зубы. — Да, мне позволено входить туда и выходить в любое время, но только в одиночку. Элси застрелят, не дав нам и шага за порог сделать. Я не бог, Хлоя. Но я приложу все усилия, чтобы ее ребенок родился дома. Иди спать, я тебя очень прошу. Я двое суток на ногах и в разъездах, устал.

В девять утра главнокомандующий уже в Нортонхилле. Хлюпает под ногами раскисший снег, стелется над головой низкое рассветное небо с клочьями серых туч. На территории фабрики все еще воняет гарью.

Подходя к трехэтажному зданию с облезлой штукатуркой на фасаде, Раттлер задирает голову и смотрит на угловое окно верхнего этажа. Видит невысокую фигурку, держащуюся за прутья решетки. Элизабет ждет.

Псы у входа уже не бросаются на генерала со злобным лаем, лишь сдержанно рычат. Караульный спешит навстречу с ключом.

— Господин главнокомандующий, разрешите доложить!

— Докладывайте.

— Вчера вас искал полковник Стивенс. Велел передать, что у него для вас бумага от Его

Императорского Величества.

Раттлер медлит мгновенье, подавляя вздох.

— Свяжитесь со штабом командования, передайте полковнику, что я дождусь его здесь.

Брендон и Элизабет встречают его, стоя у двери. Лица у обоих спокойные, но то, как девушка сжимает механическую ладонь, выдает волнение.

— Здравствуйте, сэр Уильям. Вам уже сказали? — негромко спрашивает Элизабет.

Раттлер кладет на койку сверток с чистым бельем, здоровается с Бренденом за руку.

— Что такое, девочка? О чем?

— Нас расстреляют, — ровно отвечает она.

Сердце дает сбой, тупая боль ворочается в груди. Раттлер морщится, машет рукой.

— Нет-нет, быть не может! Ты несовершеннолетняя, по закону не имеют права!

«Сэр Уильям, когда с нами поступали по закону?»

— Брендон, кто вам сказал об этом?

«Стивенс. Он приходил вчера. Сказал, чтобы я заканчивал возню с транслятором и что приказом императора мы оба приговорены к расстрелу».

Элизабет всхлипывает, отходит и садится на койку.

— Мы просили об отсрочке, но он нас даже слушать не стал. Сэр Уильям, за что с нами так? — плачет девушка, глядя на генерала с мольбой. — Что мы сделали этому городу, империи, чтобы с нами — так? С самого начала...

— Я разберусь. Приедет Стивенс, я из него душу вытрясу. Возможно, эта сволочь вас запугивает.

«Все было на словах, сэр, — хмуро говорит Брендон. — Я тоже в такое не верю, юридически слишком безграмотно... Но если это правда — Элизабет имеет право на прощение о помиловании. Возраст, беременность, отсутствие состава преступления. За себя не прошу. Но Элси не виновата ни в чем».

Раттлер вытаскивает из кармана платок, протягивает девушке.

— Дождемся Стивенса и разберемся. Сходите переоденьтесь, заодно успокойтесь. Элизабет, тебе не помешала бы ванна. В чем у тебя рубашка, милая?

Девушка вспыхивает, стыдливо отворачивается, тянется за пеньюаром. Сэр Уильям вопросительно смотрит на Брендона, спрашивает на амслене: «Молоко?» Перерожденный кивает, грустно глядя на Элизабет.

Раттлер стучит кулаком по двери и, как только появляется охранник, распоряжается:

— Теплую ванну для мисс немедленно.

Стивенс появляется после обеда. Элизабет, чистенькая и накормленная привезенной из ресторана едой, спит, завернувшись в одеяло. Брендон в свежей рубашке и наброшенном на плечи сюртуке пишет в тетради бесконечные ряды кодов, изредка прерываясь и пробивая написанное на перфокартах. Главнокомандующий мрачно катает по столу стеклянный шар с макетом замка. Щелкает в двери ключ, входит полковник Стивенс.

— Добрый день, господин Раттлер. Вы прижились здесь, смотрю.

— Здравствуйте, мистер Стивенс. Ценю вашу попытку пошутить, — равнодушно отвечает генерал. — Вчера вы что-то хотели мне сказать.

Стивенс озирается в поисках стула, не находит, садится на край стола.

— Да, не буду тянуть. Позавчера на собрании совета решили отказаться от намеченных планов по созданию армии перерожденных. Причина — волна народного недовольства, захлестнувшая Нью-Кройдон и соседние города, и отказ Элизабет Баллантайн сотрудничать

с нами. Это первое. Второе: была направлена на рассмотрение ваша просьба признать перерожденных гражданами империи. Я искренне надеюсь, что это крайне идиотское прошение отклонят.

Полковник выдерживает паузу, оглядывается на Элизабет. Она проснулась и внимательно слушает, приподнявшись на локте.

— Ну и третье. Приказом Его Императорского Величества Элизабет Баллантайн и Брендон Фланнаган приговариваются к расстрелу по обвинению в шпионаже, заговоре против императора и пособничестве Байрону Баллантайну.

— Что?.. — переспрашивает Раттлер. — Чей это горячечный бред?

— Приказ императора, господин главнокомандующий.

Генеральский кулак с силой впечатывается в столешницу. Брендон едва успевает подхватить падающую чернильницу.

— Стивенс, они там в своем уме? Девчонке шестнадцать лет! Несовершеннолетняя, какой расстрел? Какой заговор? — задыхаясь, вопрошает сэр Уильям.

— По предоставленным документам мисс Баллантайн двадцать один год. Насчет всего прочего — вопросы не ко мне, Раттлер. Бумаги лежат в моем кабинете, ждут, когда вы с ними ознакомитесь.

— Я буду требовать отсрочки приговора на месяц-два. Дайте Элизабет хотя бы родить, нелюди!

— Учтено. Его Императорское Величество приказал уничтожить весь род Баллантайнов как представляющий угрозу безопасности империи, — чеканит Стивенс. — Потому никаких отсрочек. Приговор привести в исполнение через неделю, двенадцатого марта.

Он косится на Брендона, потом смотрит на Элизабет. Бледные, неподвижные, они напоминают каменные изваяния.

— По мне — так девку проще придушить подушкой. Но всплыло, что мистер Фланнаган благородного происхождения, и собачью смерть милостиво заменили расстрелом. Да, и еще. Командовать расстрельной бригадой император поручил лично вам, господин Крысобой.

Типография Флетчера работает без перерыва несколько суток подряд. За домом Раттлера установлено наблюдение, но самого генерала в городских апартаментах нет уже четвертый день. На все вопросы дворецкий вежливо отвечает, что сэр Уильям уехал в столицу подавать прошение о помиловании Его Императорскому Величеству.

Город лихорадит. То там, то тут вспыхивают стихийные митинги, полиция не успевает разгонять людей. Город гудит растревоженным ульем. «Освободите девчонку!», «Выпустите Элизабет!» — кричат надписи со стен.

— Разгоняйте народ! Задерживайте подстрекателей и подозрительных личностей! — требует полковник Стивенс на собрании командования.

— У нас иной приказ, сэр, — отвечает ему командующий одной из рот. — Приказ верховного главнокомандующего. Мы в его подчинении.

На территории заброшенной фабрики в Нортонхилле караульные замечают какие-то тени, попытки поймать и задержать посторонних оканчиваются ничем. В качестве подкрепления Стивенс присылает еще тридцать драгун.

Поздно вечером десятого марта над Нью-Кройдоном гигантской рыбиной проплывает «Мнемозина». Тихо гудят двигатели, пожирая топливо, вращаются громадные лопасти.

Коппер из капитанской рубки смотрит на спящий город, расстилающийся на мили вокруг.

«Гаси скорость», — распоряжается подполковник.

Первый помощник передает приказ в машинное отделение, и «Мнемозина» замедляет свое передвижение над центром города.

«Сбрасываем груз понемногу».

В небе над Нью-Кройдоном кружатся листовки. Тысяча отпечатанных рабочими Флетчера немых призывов о помощи. Припозднившиеся прохожие задирают головы, силясь разглядеть хоть что-то в ночной мгле, хватают бумажные листы, вчитываются, шурясь в свете фонарей.

«Элизабет Баллантайн и Брендон Фланнаган приговорены к расстрелу! Двенадцатое марта. Полдень. Нортонхилл. Зброшенная фабрика кукол. Город, защити своих детей!»

Коппер поворачивается к стоящему у иллюминаторов Раттлеру, поправляет воротник неизменной куртки, щелкает пальцами, привлекая внимание генерала.

«Уилл, почему ты дал людям знать точное местонахождение только сейчас?»

— У меня не будет другого шанса вывести их из здания кроме как в день расстрела! — перекрывая шум двигателей, кричит Раттлер. — Единственный шанс! Понимаешь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«А если тебе не дадут им воспользоваться?»

— Без «если». Мы это сделаем!

«Что нам мешает сейчас наскоро собрать штурмгруппу человек на пятьдесят-семьдесят, взорвать стену или выбить ворота, всех быстренько построить мордами к стене и увести нашу сладкую парочку?»

— Коппер, пока ты мне все это говорил, охранник с первого этажа успел добежать до третьего, открыть дверь и перерезать одному из наших ребятишек горло. А за то время, что ты сейчас потратишь на возражения, прирежут и второго. Понимаешь?

Коппер нервно ерошит пятерней густые русые волосы, прохаживается по рубке туда-сюда.

«Погоди, но так не бывает! Уилл, что там полагается приговоренным? Последнее желание, ужин с комендантом крепости? Выведи их на крышу, мои ребята скинут лестницу с дирижабля».

— И что? Элизабет может не забраться. Да и достаточно одного меткого стрелка среди охранников. Все, Коппер, хватит. Я искал выход слишком долго. План намечен, по нему и работаем.

«Мнемозина» плывет над городом, утробно ворча моторами. Сыплются на Нью-Кройдон листовки, ложатся в протянутые ладони. Кто-то комкает и бросает их под ноги, кто-то прячет за пазуху. Кто-то передает проходящим мимо. Ритм привычной жизни замедляется на мгновение. Город впитывает информацию.

К вечеру одиннадцатого марта верховный главнокомандующий Уильям Раттлер приезжает на заброшенную фабрику перерожденных в Нортонхилле. Ворота на запоре, снаружи дежурит военный патруль. Раттлер сухо здоровается, предъявляет документы. Прежде чем пройти за ворота, оглядывается. На пустынных прежде улицах промзоны людно. Народ собирается у длинной бетонной стены, посматривает на солдат.

«Все будет хорошо, — словно молитву, твердит про себя сэр Уильям, поднимаясь по

скрипучей деревянной лестнице на третий этаж. — Все будет хорошо».

К пленникам он приходит как раз тогда, когда Элизабет подают ужин. Охранник ставит на стол тарелку с мясным пудингом и ломтем свежего хлеба и стакан молока, затем уходит. Элизабет сидит на койке бледная и потухшая. Брендон расчесывает ее спутанные волосы гребнем. Раттлер стоит у двери и не знает, что сказать.

«Доброго вечера, сэр Уильям, — жестикулирует Брендон, отложив гребень в сторону. — Простите, что так встречаем. Элси неважно себя чувствует».

Раттлер присаживается у стола, смотрит на девушку.

— Не ест?

Брендон кивает и добавляет:

«Уже вторые сутки. И с утра не пьет».

Он берет со стола тарелку и ложку, подсаживается к девушке, подносит немного пудинга к ее губам. Элизабет опускает ресницы и отворачивается. Брендон отставляет тарелку, предлагает стакан молока. Девушка прикрывает лицо ладонями.

— Оставь ее, — тихо просит Раттлер.

Брендон сжимает пальцы в кулак, в глазах стынет отчаяние. Стакан возвращается на стол, молоко плещется через край, заливая раскрытую тетрадь. Механические руки ложатся на плечи Элизабет, Брендон обнимает ее, пытается привлечь к себе. Осторожно убирает ладони от ее лица, касается губами сомкнутых ресниц, что-то беззвучно шепчет.

— Брендон, — окликает его генерал. — Не нужно.

Парень отпускает Элизабет, идет к Раттлеру. Лицо напряженное, злое.

«Она сдалась. Но я не сдамся. Я не верю, что все кончится завтра, господин главнокомандующий, — резко жестикулирует он. — У смерти другой привкус. И сейчас я его не чувствую. Я не верю. Я хочу думать, что увижу рождение своего ребенка, услышу, как поет моя Элси. Я не хочу сдаваться».

Генерал отводит глаза.

— Прости, парень. Я изо всех сил пытался вас защитить. И попытаюсь завтра. Я тебя прошу об одном: если будет возможность бежать — не упусти ее.

Раттлер уходит, сутулясь и шаркая по-стариковски. Как только за ним закрывается тяжелая дверь, Элизабет бросается к Брендону, хватая его за руки.

— Брендон, поговори со мной! Скажи, что завтра все изменится, что мы проснемся у бабушки дома, что к завтраку будет шоколад и горячие слойки с сыром! И что мы снова пойдем к озеру и станем весь день гулять в Монтрё...

«Да, — отвечает он беззвучно, прижимая ее к себе. — Да, родная».

— Слепим снежную крепость, — торопливо продолжает девушка. — Такую высокую, чтобы ты до верхушки доставал только на цыпочках. И покатаемся на санях. Помнишь, мы видели мотосани? Быстрые-быстрые!

«Помню, родная. Будем кататься столько, сколько захочешь».

— Скажи руками. Ты когда улыбаешься, я не все слова понимаю.

Он повторяет на амслене, Элизабет с жаром кивает.

— Говори еще. Пожалуйста, говори со мной еще и еще. Я хочу видеть только тебя. Я хочу знать, что ты есть, ты со мной, любимый, верный, нежный, сильный. Говори. Рассказывай что угодно, только звучи для меня. Я загадала: пока ты говоришь, завтра не наступит. Я помогу тебе, подхвачу историю. Только пусть она длится и длится!

Брендон садится на койку. Девушка укладывается головой к нему на колени, и они

начинают:

— Жили-были...

«...мальчик с железным сердцем и девочка с голосом ангела».

— Между ними были моря, леса и скалистые горы...

«...и много-много лет пути».

— Она жила в маленькой комнатке на краю города из стекла и ржавого железа...

«...а он — в мрачной лаборатории Короля Мертвых».

— И вот однажды...

«...светлой августовской ночью...»

И они говорят всю ночь напролет, рассказывая одну сказку на двоих, смешную и добрую, и нет этой истории конца. И отступает страх смерти, растворяясь в тепле ласковых рук, плавясь на губах поцелуями, тая в сердцах, испаряясь, исчезая, покидая их навсегда...

Мартовское солнце щедро разливается по площадям, улицам и крышам Нью-Кройдона, пробивается лучами сквозь проломы в горелом здании заброшенной фабрики в Нортонхилле, бликами играет на начищенных пуговицах мундиров расстрельной команды.

В углу площадки, ограниченной с одной стороны внешней фабричной стеной, а с другой — остовом выгоревшего цеха, главнокомандующий Раттлер вполголоса беседует с врачом. Оба стараются не смотреть на солдат, курящих чуть поодаль.

Подбегает взволнованный караульный, наскоро отдает честь и на выдохе выпаливает:

— Господин главнокомандующий, разрешите доложить!

— Вольно, — равнодушно откликается Раттлер. — Что там?

— Толпа, сэр. За воротами, сэр. Полиция пока сдерживает людей, но их становится слишком много! Вызвать подкрепление, сэр?

Раттлер достает из кармана часы, щелкает крышкой. Без десяти полдень. Спокойнее, без эмоций. Не торопиться.

— Вряд ли подкрепление прибудет вовремя. Отставить. Возвращайтесь на свой пост. Без моего приказа огонь не открывать. Граждане пошумят и разойдутся.

— К чему такой спектакль, господин главнокомандующий?

Генерал оборачивается.

— Вы при параде, Стивенс. У вас какой-то праздник?

— Предчувствую продвижение по службе, — сдержанно кивает Стивенс, подходя ближе.

— Даже так, — сокрушенно качает головой Раттлер. — Подсуетились...

— А вы были уверены, что все вокруг дураки и слепцы?

— Нет, я думал, что дурак в ближайшем окружении императора только один — вы, — не выдерживает Раттлер.

— Дураку бы не поручили проконтролировать исполнение приказа императора. Командуйте парадом, господин пока еще главнокомандующий. Подкрепление я вызвал час назад, так что у затеянного вами бунта нет ни малейшего шанса. С минуты на минуту тут будет полк, и стадо за воротами разбежится, едва завидев солдат. О, а вот и наши ребяташки!

Из-за угла, сопровождаемые двумя охранниками, выходят Элизабет и Брендон. Девушка одета в нижнюю сорочку и мужскую рубашку, на ногах — ботинки Брендона. Парень босиком, в мятых брюках и жилете, держит Элизабет за руку. Она улыбается, что-то говорит

ему, не замечая ничего вокруг. Брендон скользит равнодушным взглядом по лицам солдат, замедляет шаг, увидев Раттлера. Конвоир подталкивает его в спину прикладом винтовки. Элизабет поскользывается на талом снегу, превращенном в грязную кашу, ойкает. Брендон тут же подхватывает ее под мышки, заботливо заглядывает в лицо.

— Ничего-ничего! — поспешно говорит девушка. — Я стала ужасно неуклюжей, прости.

Охрана подводит их к стене, отходит. Брендон обнимает Элизабет, пряча ее, заслоня собой. Солдаты строятся, Стивенс выжидающе смотрит на генерала Раттлера.

«Господи, помоги нам», — беззвучно шепчет сэр Уильям, делает глубокий вдох и идет к Элизабет и Брендону. Встает между ними и солдатами. Прислушивается. Издалека доносится многоголосый шум, слышатся выкрики. Где-то там, за воротами фабрики, бушует человеческое море.

— Господа... — начинает Раттлер и умолкает. Переводит дыхание, растирает ладонью левую сторону груди. И продолжает, чеканя каждое слово: — Господа, я не буду зачитывать приговор, каждое слово которого — грязнейшая ложь. Полковник Стивенс прав: я иду против слова императора. Я обращаюсь к каждому из вас, держащих сейчас оружие. Капрал Сэмюэль Брукс. Капрал Джонатан Мак-Адам. Сержант Брюс Лэрд. Капрал Натаниэл Бенсон. Сержант Эндрю Рафлз. Старший сержант Виктор Бэррингтон. Сержант Энтони Далтон. Капрал Джеймс Аддерли. Сержант Томас Кеннет. Сержант Джон Лонгман. Сержант Пол Уэбстер. Посмотрите на тех, кого вам приказано уничтожить. Это не преступники. Не мошенники, не воры, не заговорщики и не шпионы. Это девочка шестнадцати лет, отказавшаяся создавать армию мертвых. Это перерожденный парнишка, который должен был разработать прибор, управляющий армией кукол. И настроить управление для императора лично. Эти дети — последний рубеж на пути к повторению Судной Ночи. И если воинская честь и совесть для вас — не пустые слова, не стреляйте. всю ответственность за этот поступок я беру на себя.

— Взвод! — перебивает его Стивенс. — Властью, данной Его Императорским Величеством, принимаю командование процедурой расстрела на себя! Приказ императора — исполнить! Готовься!

Мгновение растягивается в вечность. Тяжело гремит сердце, и каждый удар отдается рвущей болью в груди. Посвистывает пар, теснящийся в горле невысказанными словами. Тревожно и сильно толкается в чреве ребенок, заставляя впиваться ногтями в ладони и просить: «Тише, тише...» Семь человек одновременно вскидывают винтовки к плечу. Трое остаются неподвижными.

— Аддерли! Брукс! Бэррингтон! Выполняйте приказ! — орет Стивенс, багровея.

Старший сержант Виктор Бэррингтон кладет винтовку в весеннюю грязь, подходит и становится рядом с Раттлером, закрывая собой Элизабет и Брендона.

— Спасибо за Стефана, господин генерал, — негромко говорит он, щуря синие, как у сына, глаза.

Еще одна винтовка падает на землю. И еще одна. Аддерли и Брукс присоединяются к Бэррингтону.

— Замечательно! — театрально воздевает руки Стивенс. — Взвод! Слушай мою команду!

— А заткнись, сделай милость! — доносится откуда-то сверху.

Стивенс замирает, оглядывается. Солдаты тоже задирают головы, щурятся от яркого

солнца.

— Хорошо стоите, господа. Как раз против света. Вы окружены и в данный момент находитесь под прицелом шестерых хороших стрелков. У вас минута, чтобы принять решение и сложить оружие. Дальше мои люди откроют ворота.

— Блеф! — фыркает Стивенс и пятится под прикрытие стены. Сухо рывкает выстрел, пуля уходит в землю аккуратно у его сапог, взметнув фонтанчик грязи.

— Стоять и руки за голову, Стивенс. И не надейтесь, что вызванный вами полк примчится сюда и вас спасет. Они даже не знают, что вы их ждете. Звонок ушел не на ту линию, полковник.

Один за другим солдаты складывают оружие. Из оконного проема на втором этаже выгоревшего цеха спускается молодой мужчина в форме военно-воздушных сил империи. Отдает честь главнокомандующему, берет на мушку Стивенса.

— Сэр Уильям, забирайте ваших подопечных и скорее уходите. Сейчас тут станет слишкомлюдно. Коппер вас встретит за воротами, — быстро говорит летчик. — Территория зачищена, караульных мы сняли. В трехэтажном корпусе кто-то мог остаться, обходите осторожнее.

— Спасибо, — только и может сказать генерал.

К нему подходят Элизабет и Брендон, у обоих непонимающий и испуганный вид.

— Сэр Уильям... Что теперь? — шепчет Элизабет.

Генерал подхватывает ее на руки и быстрым шагом идет туда, где слышится шум толпы. Брендону приходится почти бежать, чтобы не отстать от него.

— Слушайте меня, — на выдохе говорит Раттлер. — Смешайтесь с толпой. Брендон, не отпускай девочку. Ни на секунду. Держи крепче. Вас выведут. Ты узнаешь...

Он запинается, останавливается. Лицо медленно бледнеет, на висках выступают капли пота.

— Господин Раттлер? — испуганно зовет Элизабет.

Крысобою бережно передает ее Брендону, морщится от боли, машет рукой:

— Идите же, глупые дети!

Навстречу им спешат люди. Впереди, обгоняя взрослых, несется в пальто нараспашку Стефан Бэррингтон, улыбается, машет руками. Раттлер стоит, растирая горящую грудь ладонью, вглядывается в людской поток. Видит Хлою, старого дворецкого Бишоп, красавицу Агнешку Флетчер с сыновьями. Секунды — и толпа смыкается вокруг Брендона и Элизабет, подкатывает к генералу. Люди что-то кричат, но Раттлер не слышит.

В десятке ярдов от себя в толпе генерал видит Долорес. Девушка тянется к нему сквозь людской поток, зовет беззвучно, расталкивает народ локтями, пробираясь к отцу. Генерал делает вперед шаг, еще один.

— Ло, малышка моя... — улыбаясь, шепчет он.

— Крысобою, — окликают его сзади.

Он оборачивается. Перед глазами мелькает незнакомое лицо, заросшее густой неопрятной щетиной. Лезвие ножа словно гладит горло. Раттлер успевает сделать вдох и оседает в раскисший снег, пятная его кровью.

— За нью-кرويدонских перерожденных, палач!

Последнее, что видит Уильям Раттлер, — дочь, склоняющуюся над ним, ужас, стремительно сменяющий радость в ее глазах. «Папа!..» Взгляд генерала мечется по лицу Долорес, останавливается... гаснет.

Бушующее людское море смыкается над ними.

[1] Королевами и Докторами Нового Орлеана именуются колдуньи и колдуны вуду.

Господин Крысобой. Эпилог

Эпилог

Несколько дней спустя, всерьез озабоченный волной народного возмущения, Его Императорское Величество подписывает указ, признающий перерожденных полноправными гражданами империи. Тому способствует угроза военного переворота, наметившаяся после гибели верховного главнокомандующего Раттлера. Войска наотрез отказываются подчиняться приказам полковника Майкла Стивенса, требуя отдать того под трибунал.

Стивенса оставляют в той же должности, главнокомандующим назначают прежнего заместителя Уильяма Раттлера — человека умного и достойного.

В начале апреля подполковника Коппера понижают в звании до майора. Как капитан «Мнемозины», он дает экипажу увольнение на четыре дня и отправляет с размахом гулять в лучших кабаках города. Сам Коппер навещает могилу Уильяма Раттлера и берет билет на поезд в Гринстоун — маленький городок на берегу океана к северо-западу от Нью-Кройдона.

Он приезжает рано утром и долго бродит среди невысоких домов. Смотрит, как просыпается Гринстоун, как открываются магазины, аптеки, кафе, как наполняет весенние улицы суета и оживление. Коппер ловит робкие взгляды девушек и улыбается.

Постепенно он выходит к набережной. Протискивается между припаркованными авто к неприметной калитке, ведущей в палисадник у двухэтажного дома, идет к крыльцу по мощеной дорожке. Колышется занавеска в окне первого этажа, мелькает чей-то силуэт. Распахивается дверь, и навстречу Копперу выбегает Хлоя. Обнимает его крепко-крепко, тычется губами в небритую щеку.

Коппер прислушивается к звукам, доносящимся из дома, осторожно высвобождается из объятий и спрашивает:

«Когда?!»

«Пять дней назад», — отвечает Хлоя, улыбаясь.

«Как Элизабет?»

«Тяжело пришлось. Очень слаба, но идет на поправку. Зайди же в дом, скорее!»

Коппер переступает порог и останавливается. Со второго этажа по поскрипывающей лестнице спускается Брендон, бережно прижимая к себе вякающий сверток. Коппер удивленно смотрит на крохотное младенческое личико в ворохе кружев и растерянно спрашивает:

«Ну... А представить по надлежащей форме?»

Брендон беззвучно смеется, передает кроху Хлое и говорит:

«Сэр Роберт Коппер, разрешите представить вам мисс Эвелин Баллантайн — первенца Элизабет Баллантайн и Брендона Фланнагана».

«Погоди. Твою дочь?!»

Брендон кивает, бережно забирает Эвелин у Хлои. Девочка плачет, недовольная тем, что ее передают из рук в руки.

«Крестным буду! — с жаром жестикулирует Коппер. Подмигивает Брендону и добавляет: — И не вздумайте на этом останавливаться!»

Часть I

Этьен

— Ну все, я в кино, в кино, в кино! Ева, ключ остается у тебя, не опаздывай завтра!

Довольная Кэтрин машет на прощание рукой и исчезает за дверью. Эвелин молча кивает и развязывает тесемки клеенчатого фартука за спиной. Прохаживается, поглаживая поясицу и разминая мышцы шеи. Убирает оставленные Кэт ножницы и плойку, сметает с пола в совок пряди волос. Радио тихонько наигрывает чарльстон. Ева вертится перед зеркалом, пританцовывая. Порхает над полом длинная черная юбка, скользят легкие кожаные туфли без каблуков.

Звякает над входной дверью колокольчик. Ева бросает взгляд на настенные часы, поправляет тюрбан из пестрого шелкового шарфа и, не оборачиваясь, кричит:

— Простите, мы уже закрыты!

В тишине салона «Цветок тиарэ» звучат неторопливые шаги. Даже с закрытыми глазами Ева узнает их из сотни других. Девушка подавляет раздраженный вздох, одергивает блузку и идет встречать визитера.

— Здравствуй, Этьен. Что ты здесь делаешь?

Визитер молод, высок, синеглаз и черноволос. Длинная челка, неровно остриженные пряди и легкая небритость плохо сочетаются с дорогим двубортным пиджаком и начищенными до блеска туфлями, но Этьен Легран может себе позволить сочетание несочетаемого. Им и так все вокруг восторгаются и стремятся подражать его манерам. Или почти все.

— Я решил забрать тебя с работы, — разводит руками Этьен. — Могу же я себе это позволить?

— Я самостоятельна, в опеке не нуждаюсь, — ровно отвечает Ева, вешая на спинку стула фартук. — А с тобой мы увиделись бы сегодня и так. Вечером, на прежнем месте.

Молодой человек садится в крутящееся кресло перед зеркалом, смотрит на отражение Евы.

— Мисс Фланнаган не в настроении? Клиенты сегодня не были щедры к моей лучшей мастерице? — мягко спрашивает он.

Ева шарит в складках юбки, достает из не приметного кармашка прядь каштановых волос, перехваченную «невидимкой», протягивает Этьену.

— Держи. То, что ты просил.

— Неужто Бетси Ли? Умница, Ева. Ты неоценимый работник, красивая девушка и самая талантливая из моих последователей.

Каштановый локон исчезает во внутреннем кармане пиджака.

— Да, я знаю, — небрежно бросает Эвелин, вращает кресло Этьена. — Тебя подстричь, просто уложить или подбрить?

Он ловит ее за руку, улыбается одними глазами.

— Мне нравится вариант «просто уложить». А вообще ты единственная, кому я могу

доверить свою шевелюру.

— Не боишься, что однажды я этим воспользуюсь? — без улыбки спрашивает Ева, ненавязчиво пытаясь высвободить запястье.

Этьен держит крепко и бережно. Поблескивает на среднем пальце перстень со скарабеем из лунного камня.

— Я постараюсь обезопасить себя от подобного инцидента. Ева, погоди. Я рекомендую тебе минутку постоять спокойно и послушать.

— Можно я попозже послушаю? — недовольно ворчит Эвелин. — Я весь день на ногах голодна и устала.

Этьен смотрит на нее выжидающе, и она сдается.

— Ну, вещай.

— Мисс Эвелин Фланнаган, позвольте пригласить вас на ужин в ресторан «Метрополис».

— Почему так официально и зачем в такое дорожное место?

Молодой человек улыбается одними глазами, поглаживая запястье Евы, держит паузу.

— Этьен, пошли лучше в кабак. Дешевое вино, свиные отбивные, молодой картофель. И покурим что-нибудь, чего в приличных заведениях не курят.

— Ева. Боже мой, фу. Срочно переодевайся — и в ресторан. Давай, машина ждет.

Девушка уходит в комнатку для персонала и минуту спустя возвращается в туфлях на высоком каблуке и в той же одежде. Этьен смотрит на нее с затаенным сарказмом.

— Знал бы, что ты в этой юбке везде ходишь, приехал бы пораньше и отвез тебя в салон готовой одежды.

Ева невозмутимо красит глаза перед зеркалом, подводит контур губ. Бросает на молодого человека насмешливый взгляд и выдает:

— Дорогой месье Легран, уж лучше элегантно смотреться в одной и той же юбке каждый день, чем периодически выглядеть посмешищем в дорогих тряпках с небритой мордой и вороньим гнездом на голове. Ты мне более симпатичен вудупанком, нежели пасынком мэра.

— Квиты, угу, — кивает Этьен. — Поедем уже, мисс Недовольство.

Черный кабриолет везет их через летний город в центр. Ева полулежит на заднем сиденье, поджав ноги, и, прикрыв глаза, скользит взглядом по мерцающим вывескам, киноафишам, освещенным витринам дорогих магазинов, ресторанов и ночных кафе. Больше всего на свете ей сейчас хочется вернуться в маленькую квартирку, что она сняла год назад в трех станциях монорельса от центра, набрать ванну и подремать в теплой воде. Это безотказно успокаивает девушку и снимает любую усталость.

Этьен оборачивается, косится на Еву. Перегибается через сиденье, щекочет босую ступню девушки.

— Не спи, ты мне нужна с ясной головой.

— У тебя какая-то сделка планируется?

— Вроде того, — хмыкает Легран.

Авто останавливается перед входом в самый дорогой ресторан Нью-Кройдона. Метрдотель услужливо открывает дверцу кабриолета. Этьен подает руку Еве, ведет ее по ковровой дорожке, бережно придерживая за талию.

— Мисс Фланнаган, наш столик вон там, напротив балкона. О, нас уже ждут.

Эвелин смотрит, куда указывает Этьен. Видит сидящих за столиком русоволосую

женщину лет тридцати пяти в сопровождении светловолосого кудрявого юноши в костюме-«тройке» и рубашке с высоким воротником. Хмурится. Резко останавливается.

— Я не пойду.

— Поздно, Ева. Помаша рукой маме, — смеется Этьен.

— И не подумаю! — бурчит девушка и напускает на себя бесстрастный вид.

Они подходят к столу, женщина тут же поднимается им навстречу.

— Добрый вечер, мистер Фланнаган, миссис Фланнаган, — обворожительно улыбается Этьен. — Прошу нас простить, Эвелин — страшный трудоголик, увезти ее с работы было сложной задачей.

Мужчины жмут друг другу руки, Ева сдержанно целует отца в щеку, обнимает мать. Этьен усаживает девушку за стол, обменивается взглядами с родителями Эвелин. Ева хмуро раскладывает на коленях вышитую золотой нитью салфетку. Официант приносит меню, и Легран погружается в изучение списка блюд, предоставив семье возможность пообщаться.

— Милая, как твои дела? Я так давно тебя не видела...

— Все нормально, мам. Работаю. Скоро отпуск, приеду домой. Как Алан, что нового у мелкашек?

— Алан служит на «Мнемозине» и редко заглядывает в гости. — Мать ласково касается предплечья Евы, но та складывает руки на коленях. — Бабушка прислала письмо, говорит, что близнецы учатся неплохо, но очень скучают по дому. У них каникулы, через три дня придут домой трансатлантическим дирижаблем.

— Угу, — коротко кивает Эвелин и поднимает глаза на отца: — Как идут дела, пап? Тебя-то я вижу чаще, чем маму...

«Хороший юрист всегда востребован», — отвечает он на амслене и улыбается, глядя на дочь.

Этьен щелчком пальцев подзывает официанта, вполголоса диктует заказ.

— Я еще не выбрала, — делает замечание Ева.

— Не волнуйся, я знаю твои предпочтения, потому распорядился сам, — отвечает Этьен.

Ева хмурится, переплетает руки на груди, нервно постукивает каблуком по полу.

— Что-то не так? — мягко спрашивает молодой человек.

Она качает головой, смотрит в сторону.

— Ну, тогда мне бы хотелось поговорить о том деле, ради которого я вас здесь собрал, если позволите. Мистер и миссис Фланнаган...

Отец Эвелин касается локтя Этьена и говорит на амслене: «Можно просто — Элизабет и Брендон». Этьен улыбается, кивает и продолжает с серьезным и торжественным видом:

— К сожалению, я очень плохо знаю вашу семью, но за полтора года я очень хорошо узнал Эвелин. Мисс Фланнаган поразила меня своей красотой, прекрасными манерами, сдержанностью, трудолюбием, множеством талантов. Я терпеливо ждал целый год, когда Еве исполнится двадцать один, и клянусь, если бы приличия позволили — сделал бы это раньше... Мистер Фланнаган, я прошу руки вашей прекрасной дочери.

Элизабет тихонько ахает и смотрит на дочь сияющими от счастья глазами. Брендон улыбается, кивает.

«Мистер Легран, расскажите о себе, — просит он. — Чем вы занимаетесь, на что собираетесь содержать семью. Вопрос формальный, я немало о вас наслышан, но...»

— Формальности должны быть соблюдены, сэр, — с пониманием отвечает молодой

человек. — Что ж, меня зовут Этьен Легран, мой отчим — мэр этого прекрасного города. Мне двадцать семь лет, у меня высшее физико-техническое образование. Учился в Европе, сюда приехал четыре года назад. Имею собственный бизнес — сеть цирюлен и салонов красоты в Нью-Кройдоне и за его пределами. Собственно, с Евой познакомился на работе. Заехал по делам в «Цветок тиарэ» и своими глазами увидел, какие чудеса творят золотые руки вашей дочери.

Этьен ловко извлекает из кармана маленькую коробочку, открывает ее, протягивает Эвелин на ладони кольцо с девятью бриллиантами.

— Ева, ты станешь моей женой?

Молчание длится слишком долго. Эвелин смотрит на кольцо, потом на Этьена, потом на родителей. Вздыхает.

— Дорогой подарок, Этьен. Спасибо. Я так понимаю, моих родителей ты очаровал, но мой ответ — нет.

— Почему, Ева? — восклицает мать изумленно.

— Убери кольцо, Этьен, — скучно просит Эвелин. — Мам, мы просто не пара. Без комментариев.

Легран опускает кольцо ей в ладонь, все еще улыбаясь.

— Ты передумаешь, я уверен. Готов подождать. Подарок оставь себе. Я настаиваю.

Девушка кладет кольцо на тарелку, встает из-за стола.

— Пап, мам, я прошу меня извинить. Вы пообщайтесь, Этьен может рассказать вам много интересного. Мне необходимо побыть одной. Через несколько дней я приеду к вам погостить. Ах, да, чтобы у вас не осталось никаких поводов уговаривать меня подумать и принять предложение этого прекрасного молодого человека: я не беременна. Мы ни разу не спали вместе, и я еще девственница. И я не для тебя, Этьен.

Молодой человек догоняет ее у выхода из ресторана, хватая за руку.

— Ева! В чем проблема?

Она резко поворачивается, останавливается и отвечает, глядя на него прямо и зло:

— Твоя — в твоих амбициях и самонадеянности. Тебе нужна не я, а дочь Брендона Фланнагана, так ведь? То, что я на тебя работаю и у нас неплохие отношения, не дает тебе право решать за меня, что я буду есть в ресторане и стану ли я миссис Легран. Ты думаешь, сделать предложение при моих родителях, не спросив меня предварительно, — беспроектный ход? Нет, мой дорогой Этьен. Нет и еще раз нет.

— Ева, я тебя уволю к чертовой матери!

Она нежно улыбается, тянет его за лацкан пиджака, целует в губы и шепчет на ухо:

— Черта с два ты меня уволишь, Этьен Легран. Ты меня боготворить будешь, добиваться и на коленях ползать. Иначе созданный тобой мирок, в котором ты царствуешь по ночам, рухнет, как карточный домик. Возвращайся за стол, пообщайся с тем совершенным существом, ради которого ты обратил внимание на скромную парикмахершу. До завтра, Этьен.

Она уходит прочь, растворяясь в вечернем городе, шаги ее стихают, вплетаясь в ритм мелодии механического оркестра, и Этьену не остается ничего другого, кроме как вернуться и продолжить общение с родителями юной строптивицы.

«Не падай духом, — улыбается ему Брендон. — У нее в точности характер ее матери, Элизабет тоже порядком потрепала мне нервы в первые недели общения».

— Да, — натянуто улыбается Этьен. — Если женщина говорит «нет», это значит

«уговори меня».

Элизабет кивает, пряча глаза. Она слишком хорошо знает свою дочь, чтобы давать Этьену Леграну надежду. И слишком хорошо понимает сказанное Евой: «Я не для тебя».

«Ева, милая моя девочка, неужели ты так и не выросла из своей детской мечты?» — с тоской думает Элизабет, глядя на шампанское в бокале. Пузырьки устремляются вверх, лопаются, их место занимают все новые и новые...

Эвелин завязывает последний узелок, закрепляет шов, обрезает нить прокаленными на свече ножницами. Выворачивает маленький мешочек из красной фланели, кладет в него прядь волос, крохотный букет высушенных трав, сушеный же корешок и обломок коралла. Шарит на столе в поисках голубого птичьего пера, случайно смахивает на пол старую бронзовую монету.

— Подними, — вздыхает она.

— Да, Мадан[1].

Девочка лет десяти спрыгивает с кровати и ловит убегающий кругляш. Протягивает монету Еве, с любопытством косясь на разложенные на столе предметы.

— Мадан, вы помните сочетания всех ингредиентов для гри-гри? — спрашивает она шепотом.

Ева фыркает, кладет перо и монету в мешочек, завязывает кожаным шнурком. Окунает кисточку в пузырек с ароматическим маслом, рисует на мешочке одной ей понятный знак.

— Нэн, если ты действительно решила стать вуду-ведьмой, запомни одну вещь: ингредиент один — то, что принадлежит заказчику изначально. Волосы, ногти, пропитанный выделениями платок. А прочее подскажут тебе Лоа. На, держи. Помнишь, куда надо отнести и где оставить?

— Конечно, Мадан, — поспешно кивает девочка, принимая в ладони готовый амулет.

— Будь осторожной.

Девушка вкладывает в ладонь Нэн несколько мелких монет и провожает до двери.

— Доброй вам ночи, Мадан. Сегодня вы снова танцуете? — спрашивает девочка на пороге.

— Да. Полнолуние.

— Можно я приду посмотреть?

— Нет, Нэн. Духи сердятся, когда маленькие девочки подглядывают за взрослыми. Все, ступай. Я жду тебя здесь через две недели в то же время.

Эвелин закрывает за девочкой дверь, возвращается в комнату. Достает из-под кровати шляпную картонку, сметает в нее все, что набросано на столе, закрывает и убирает. Садится у зеркала, разматывает пестрый тюрбан, укутывающий волосы. Иссиня-черные шелковистые волны падают на плечи, водопадом струятся по спине. Ева причесывается частым гребнем, придиричиво рассматривает корни волос в зеркало.

— Так странно... Цвет как родной. Русого даже не видно, — удивленно говорит она сама себе.

Ева заплетает косу, натирает тело мандариновым маслом, забирается в кровать под шелковую простыню и засыпает. Этой ночью ей нужно быть свежей и полной сил. Еве снится ветер, несущий на сильных ладонях серебристую громадину дирижабля. У ветра морщинки в уголках прищуренных карих глаз и надменная ухмылка. Ева училась копировать

ее с детства.

Девушку будит настойчивый стук в дверь. Она набрасывает пеньюар, открывает, ни слова не говоря. Этьен терпеливо дожидается в прихожей, пока Ева переоденется. Молчит. У черной шелковой рубашки сегодня запах лаванды. Эвелин усмехается тайком: Легран ненавязчиво пользуется тем, что она любит. Упорный.

Затянуть шнуровку юбки на талии. Привычными движениями убрать волосы под тюрбан. Накинуть на плечи шифоновую пелерину, заколоть ее брошью с крупным темным камнем. Застегнуть пояс, состоящий из множества сумок-карманов.

— Маску возьми, — нарушает молчание Этьен. — Сегодня будет много чужих.

— Ты взял?

— Мне незачем. Те, кто приходит к нам, и так знают, кто я такой и чем занимаюсь.

Эвелин хмыкает, берет с трельяжа две маленькие круглые баночки — черный и белый грим. Протягивает Этьену на ладони:

— Хочешь, чтобы я скрыла лицо? Нарисуй меня сам.

Она знает, что ему нравится. Она любит ощущение прикосновения его пальцев к своей коже и сосредоточение на его лице, когда он рисует. Еве хочется слегка загладить сцену в «Метрополисе», и она подпускает Этьена ближе.

Он усаживает девушку перед зеркалом, выбирает из коробки на трельяже кисточки потолще — для пудры, потоньше — для подведения контура губ и глаз. Берет угольно-черный косметический карандаш, садится напротив Евы и принимается за дело.

— Закрывай глаза, — командует он, нанеся несколько штрихов и плавных линий.

Этьен работает долго и тщательно, и Еве надоедает сидеть неподвижно. Как только по ее лицу начинает гулять пушистая кисточка, слегка растушевывая рисунок, она принимается уворачиваться.

— Смирно сиди, — строго приказывает Этьен и слегка щелкает ее по носу.

Она открывает глаза, ловит губами его пальцы. Ей нравится смотреть, как меняется взгляд Этьена — с сосредоточенного и острого на вождедеющий и просящий.

— Ева... — хрипло начинает он.

Она улыбается — многообещающе и дерзко, резко отворачивается к зеркалу. Изучает тонкое черное кружево на своем лице, удовлетворенно кивает:

— Отличная работа, месье Легран. Ну, можно ехать? — и первая направляется к выходу.

В прихожей она хватает трость и цилиндр Этьена, быстро сбегает по ступенькам. Запрыгивает на заднее сиденье кабриолета, устраивается на нем с ногами.

— Дверь запер? — спрашивает она, когда Этьен выходит из подъезда.

Он кивает, садится за руль, забирает у девушки цилиндр, кладет его на соседнее сиденье.

— Почему ты никогда не едешь рядом со мной? — спрашивает он, заводя машину.

— А там твоя шляпа, — зевает Ева. — У меня в твоей жизни место именно на заднем сиденье.

— *Petite sottise*[2], — ворчит Этьен и перекидывает цилиндр назад.

— Сам дурак, — парирует она. — И с тобой рядом я не сяду. Чтобы не отвлекался от дороги.

Автомобиль несется по вечернему городу, поскрипывая рессорами на поворотах. Эвелин лежит на сиденье, закинув ноги на дверцу. Смотрит вверх, на мелькающие огни и желтый, как кусок хорошего сыра, диск полной луны. Легкая улыбка играет на губах, душу

наполняет умиротворение.

— Ева!

— Чего тебе? — лениво откликается она.

— Я хочу, чтобы ты передумала.

— Хоти.

— Я сделаю все, чтобы ты изменила свое решение.

Эвелин садится, прислоняется щекой к кожаному подголовнику переднего сиденья.

— «Все» — это что? — вкрадчиво спрашивает она и дует Этьену в ухо.

— Ева. Перестань играть со мной. — В голосе вудупанка звенит сталь. — Однажды мне это надоест.

— И-и?

Машина тормозит так резко, что девушку швыряет вперед. Она шипит от боли, трясет ушибленной кистью. Звенят металлические браслеты на запястье. Этьен поворачивается, смотрит на Еву участливо.

— Больно?

— Да, больно! — огрызается она.

— Я могу сделать еще больнее, — спокойно говорит он. — Но не хочу. Потому что я тебя люблю.

— Люби, я не запрещаю. А угрожать мне не смей, — зло бросает она и отодвигается в угол сиденья подальше от Этьена.

— Или что? — спрашивает он без улыбки.

Эвелин гордо вскидывает подбородок и молчит, показывая, что не желает опускаться до ответа. На самом деле просто не знает, что сказать.

— Мы зависим друг от друга. Мы друг другу нужны. В равной степени, Ева. И я все жду когда же ты это поймешь.

Кабриолет проезжает еще четыре мили, паркуется неподалеку от старого железнодорожного моста над местом слияния Фармингтона и Северна. Этьен выходит из машины, подает руку Еве. Они долго идут по набережной, едва касаясь друг друга. Этьен скользит взглядом по ряду припаркованных автомобилей, довольно кивает.

— Смотри, сколько народу сегодня будет. К нам тянутся новые люди!

Эвелин прибавляет шаг. Тяжело гремят по мостовой подкованные стальными набойками каблук туфель. Взгляд выискивает в темноте отсветы далеких костров. Сердце ускоряет ритм, ладони становятся влажными. Этьен подхватывает ее под руку, и они вдвоем бегут по ступеням, ведущим с набережной к пустырю. Хрустит под ногами гравий, шелестят травы, задеваемые юбкой Евы. Чем ближе пламя костров, голоса людей и запах речной воды, тем светлее улыбается девушка. Глядя на нее, радуется и Этьен.

— Ева, стой. Всего мгновенье!

Она останавливается, смотрит на него с усмешкой.

— Не начинай, а?

Он пытается поймать ее за руку, но Эвелин смеется, уворачивается, исчезает в темноте.

— Твои поклонники заждались тебя, Доктор Легран! — звучит в ночи ее голос.

Этьен поправляет цилиндр и прибавляет шаг. Где-то совсем рядом хрустят под стальными каблуками камешки и сухие ветки. Минуту спустя Этьен вступает в круг, образованный горящими кострами, и толпа взрывается сотнями радостных голосов.

Ева не торопится присоединиться к общему ликованию. Она обходит собравшихся

стороной, идет к утоптанной площадке у опор моста — туда, где две реки становятся одним. Сейчас здесь пусто, люди слушают Этьена, но именно сюда вскоре переместится основное действие. Девушка садится в центр площадки, подобрав ноги по-турецки. Вынимает из кармашков пояса по щепотке соли и ладана, смешивает их в ладони и развеивает по ветру. Встает, подходит к самой кромке воды. Достает маленькую свечу в алюминиевой гильзе, зажигает ее и бережно опускает в набежавшую волну.

За ее спиной звучит слаженный хор сотен голосов, славящий совершенство перерожденных, вечную жизнь и величие духов. Ева слышала это уже столько раз, что пламенные речи Этьена потеряли для нее всякий смысл. Она сидит на корточках, наблюдая, как уплывает к морю ее свеча, и размышляет.

«Идея не имеет смысла. Важно лишь ее воплощение. Люди, которые приходят сюда, хотят не слов, а зрелищ. Они хотят чуда. Они хотят видеть, как оживает неживое. Ощущать, как их касается сила Лоа. Слова Этьена лишь подготавливают их разум к тому, что произойдет дальше. Мне они не нужны. Мне нужен лишь танец, ритм, полет сквозь ночь. Мне нужна демонстрация силы. Моей силы, питающей вудупанк».

— Мадан! Мадан! — скандируют люди.

Ева встает, отряхивает юбку и идет туда, где зовет ее жадная до зрелищ толпа. Мужчины и женщины в полумасках расступаются перед ней, почтительно склоняя головы. Девушка неторопливо поднимается по раскрошенным от времени каменным ступеням, ведущим к массивной опоре моста. Лестницу венчает площадка, с которой Этьен Легран обычно общается с паствой. Эвелин обходит стоящих на ступенях приближенных к Доктору шестерых мужчин и двух девушек, останавливается, не дойдя трех шагов до Этьена. Ловит его взгляд, усмехается и спрашивает так тихо, чтобы ее слышал лишь он:

— А захочу выше?

Этьен качает головой и одними губами отвечает: «Сброшу». Ева прячет улыбку. Каждый из стоящих на лестнице твердо знает свое место. И не смеет встать выше.

Эвелин поворачивается лицом к собравшимся и вскидывает руки в приветствии. Толпа взрывается восторженными возгласами.

«Не тебе быть их богом, Доктор Легран, — улыбается своим мыслям Ева. — И однажды я встану выше тебя».

Этьен держит паузу, дожидаясь, пока на площадку меж устьями рек выйдут одиннадцать барабанщиков, тихо шепчет:

— Ева...

Она поднимает голову, и он еле слышно спрашивает:

— Хочешь встать рядом?

Девушка кивает. Легран иронично улыбается и смыкает пальцы в два кольца. Эвелин фыркает и отводит взгляд. Она дожидается, когда наступившую тишину нарушит первый удар по обтянутому кожей тамтаму, и звонко кричит:

— Восславим же величие Лоа!

Восторженный рев сотен плоток возвещает начало действия. Под грохот тамтамов Этьен с Евой и ближайшим окружением выходят на площадку. Мужчины снимают фраки и рубашки, девушки скидывают пелерины и блузы, обнажаясь по пояс. Эвелин встает в центр круга, образованного вудупанками, и, запрокинув голову, тянет низкий, мелодичный звук — первый звук Имени Земли. Ее пение подхватывает Этьен, произнося второй звук Имени, к нему присоединяется высокий голос одной из девушек, за ней четвертый и пятый человек

начинают петь.

Ритм барабанов ускоряется, в него вплетается тихий мотив скрипки. Раскинув руки, стоящие на площадке принимаются медленно вращаться, не прекращая пения. Эвелин меняет тембр, делая голос выше, Этьен подхватывает. Девять голосов сливаются в Имя Воздуха.

Прямо перед изумленной толпой вскипает истоптанная почва, бугрится, выворачивая на поверхность камни и взметая фонтанчики пыли, и с земли шумно поднимается трехметровый голем. Чуть в стороне — второй, третий, четвертый. Воздевают вверх подобия рук, зеркально повторяя движения их создателей.

— Восславим Лоа! — кричат барабанщики.

Люди раздражаются воплями восторга, грохот тамтамов становится оглушительным. Один за другим людей захватывает единый ритм, и вот уже огромная толпа кружится в танце под полной луной, воздев руки к небу.

Снова меняется ритм, мелодия скрипки выходит на первый план. Повторяющие Имена Земли и Воздуха вудупанки смолкают и присоединяются к танцующим. На площадке перед барабанщиками остается одна Ева. Ее песне предстоит звучать еще несколько часов. Из всех големистов Леграна лишь она способна удерживать големов дольше десяти минут.

Порыв влажного, с терпким запахом океана ветра срывает с головы Евы шелковый шарф. Девушка счастливо жмурится, ощущая, как кто-то огромный гладит сильной ладонью ее развевающиеся волосы, касается холодным дыханием сомкнутых губ и наполняет душу Эвелин восторгом. Звенят браслеты на тонких запястьях. Ева хохочет и один за другим выводит звуки Имени Воды. Из реки взматывается громадный водяной столб, затмевая луну, и взрывается, обдавая людей на берегу колючими холодными брызгами.

— Мадан! Мадан! — восторженно скандирует толпа под грохот тамтамов.

В три часа после полуночи по мосту высоко над головами людей с грохотом проносится поезд. Снова меняется ритм танца, становясь глубже, отрывистее. Танцоры сплетаются в объятьях, скользят влажные ладони по блестящим от пота телам. Ева замедляет кружение и останавливается. Последний звук Имени Любви прокатывается по телу девушки жаркой волной. Воздух врывается в легкие, Эвелин морщится от боли. Она с трудом восстанавливает дыхание. Откидывает за спину копну мокрых волос. И только потом открывает глаза.

Стараясь не смотреть на массовое совокупление в пыли и грязи, Ева бредет к застывшим неподвижно големам, гортанно выводит Имя Земли наоборот, и четыре великана рассыпаются в прах. Девушка поднимается по ступенькам у опоры моста, садится у ног Этьена. Молодой человек созерцает море обнаженных тел из-под опущенных ресниц.

— Иди к ним, — хрипло говорит Ева. — Знаю же — хочешь.

— Я устал, — глухо отвечает он. — И хочу только одного.

— Блондинку? Или вон ту рыжую?

Вместо ответа он сгребает ее за волосы, заставляя прогнуться назад, и впивается поцелуем в губы. Злые слезы льются по щекам Евы, девушка слабо трепыхается, но Этьен держит крепко.

— Нравится? Приятно? Наслаждайся же, моя Мадан! Ощути то, что я чувствую постоянно, находясь рядом с тобой!

Он отпускает ее, Эвелин отлетает к стене и тут же бросается на него с кулаками. Этьен перехватывает ее, прижимает к себе, обняв за плечи, баюкает, зарывшись лицом в волосы.

— Прости, девочка. Прости меня, Ева. Ты нужна мне. Я с ума схожу от того, насколько

Ты...

Он смолкает. Эвелин Фланнаган спит, привалившись к его плечу. Этьен стирает слезы с ее щек. Черное кружево плывет под его пальцами, тонкая работа превращается в грязь...

Сидя на корточках, Этьен перебирает двигатель мотоцикла, прислоненного к стене гаража. Руки и лицо перепачканы машинным маслом, мокрые от пота пряди волос выбились из-под съехавшей на ухо косынки. Этьен тянется за отверткой, лежащей поодаль, пальцы касаются разогретого июльским солнцем металла. Легран вскрикивает, отдергивает руку и только тут замечает, что на площадке перед гаражом он уже не один. Этьен вытирает руки ветошью, встает и вежливо здоровается:

— Мистер Фланнаган, доброго дня! Как вы меня нашли?

Брендон неопределенно пожимает плечами, кивает в сторону дома.

— А, маман же еще не уехала, — догадывается Этьен. И настороженно спрашивает: — Что-то случилось?

«Нет. Но надо поговорить», — отвечает Брендон, вынимает из внутреннего кармана жилета сложенный газетный лист и протягивает его Этьену.

Этьен пробегает глазами заголовок и начало статьи, хмыкает.

— «Аморальные игрища нью-кرويدонской молодежи»! Ни ума, ни фантазии. Вы об этом, мистер Фланнаган? Давайте пройдем в дом. Присядем, обсудим.

«Без посторонних», — уточняет Брендон, не спуская с Этьена настороженных глаз.

— Само собой.

Они проходят через первый этаж особняка в оранжерею, присаживаются за легкий плетеный стол. Этьен переставляет вазу с розами с центра стола чуть в сторону, кладет газетную страницу, разглаживает, внимательно скользит взглядом по строчкам. Брендон не отвлекает его, позволяя дочитать заметку до конца.

— Слабая попытка раздуть скандал, — подводит итог Этьен. — Ни малейших нарушений закона со стороны вудупанков нет. Мы не употребляем наркотики, не связаны с криминалом, не допускаем на собрания несовершеннолетних. Город получает от нас неплохой доход в бюджет. Все деньги, что имеет наша организация, — добровольные взносы. И упрекать нас в распутстве и сексуальных извращениях просто смешно.

Брендон берет со стола розовый лепесток, разминает его между пальцами белой перчатки. Этьен понимает, что говорит не то, чего от него ждут, умолкает. Спокойствие и безмолвие Брендона Фланнагана кажутся ему затишьем перед бурей. Этьен наблюдает за мелькающим в пальцах лепестком, ждет.

«Мне наплевать на то, что о вас пишут, Этьен. Прости за резкость, но это правда, — наконец говорит на амслене Брендон. — Меня волнует единственный момент: моя дочь, которая втянута во все это».

— Ева не имеет к вудупанкам никакого... — начинает Этьен, но удар механического кулака по столу заставляет его замолчать.

«Этьен. Не пытайся лгать и выгораживать ее. Я осведомлен, кто такая Мадан, лишь потому, что я знаю, на что способна моя дочь. Только Ева и никто более в этом городе и, возможно, во всем мире. И я требую от тебя ответа. Ты осознаешь, какой опасности подвергается моя дочь, демонстрируя свою силу публично? Ты понимаешь, что все вы ходите по краю?»

— Мистер Фланнаган. Я прошу вас выслушать меня, — спокойно и размеренно произносит Этьен.

Брендон оставляет лепесток в покое, кивает, складывает руки на груди. Взгляд Этьена цепляется за едва заметное пятнышко ржавчины на белом манжете сорочки.

— Сэр, о том, что Эвелин участвует в ритуалах, знает лишь десять человек, включая нас с вами. Тайну личности Мадан мы тщательно охраняем. Я прекрасно понимаю, что способностями Евы интересуются различные м-м-м... ведомства. Но пока я рядом с ней, ее безопасности ничего не угрожает.

Брендон облакачивается на стол, заглядывает Этьену в глаза.

«Она сама угрожает вашей безопасности».

— С чего бы? У нее нет врагов в нашей организации. Более того: Мадан для окружающих — полубог. Счастливая, почитаемая. Хоть и с нелегким характером.

«Этьен Легран, ты глуп или слеп?»

— Поясните, мистер Фланнаган.

«Как она впервые продемонстрировала тебе, что умеет?»

Этьен вздыхает, припоминая, щурит синие глаза.

— Это было года полтора назад. Я показал ей автоматона, которого сам собрал, и обмолвился, что сожалею об утрате искусства перерождения. Она рассмеялась, произнесла... не важно что. И автоматон ожил.

Взгляд Брендона становится ледяным.

«Ожил?»

— Он двигался. Как голем. В нем не было разума, но присутствовала жизнь. Меня это ошеломило.

«А теперь о том, почему я назвал тебя глупцом. Ты не задался вопросом, откуда Ева это умеет, откуда знает Имена?»

— Нет, сэр. Сперва я подумал, что она изучала вуду самостоятельно, потом, когда мы познакомились ближе, Эвелин рассказала мне, что она ваша родная дочь. Я счел ее способности результатом прямого родства с перерожденными. И если я располагаю верной информацией из городского архива — а у меня нет причин сомневаться, что она верна, — девичья фамилия матери Евы — Баллантайн. Эвелин еще и носитель семейного дара.

Брендон кивает, мрачней на глазах, барабанит пальцами по столу.

«Она и ее мать понятия не имеют, как этот дар работает. Без специальных знаний дар Баллантайнов неактивен. Но есть еще кое-что, о чем Ева точно не могла тебе рассказать. Потому что она сама этого не знает. Незадолго до рождения нашего первенца мою жену едва не убил с помощью вуду-ритуала ее же отец».

— Конечно же, я не знал... — покаянно шепчет Этьен.

Брендон не отвечает, задумчиво перетирая розовые лепестки в горсти. Этьен первым прерывает молчание и твердо обещает:

— Мистер Фланнаган, я лично прослежу, чтобы Ева не участвовала в ритуалах.

Мятые лепестки ложатся на кружевную скатерть. Брендон говорит, глядя поверх головы Этьена:

«Если б это было в моих силах, я увез бы ее подальше от Нью-Кройдона. Но она выросла, ею невозможно управлять с помощью насилия».

Этьен следит за плавными движениями рук в белых перчатках, задумчиво качает головой.

— От себя не уйдешь, мистер Фланнаган. Невозможно спрятать Еву от ее силы.

На юном благородном лице Брендона появляется сожаление.

«Этого я и боюсь, Этьен. Единственное, что мы можем сделать, — не провоцировать ее дальнейшего развития. Все, хватит. Сменим тему?»

— Конечно, мистер Фланнаган.

«Ты говорил, что учился на физика. Пригодилось?»

— В бизнесе — нет, конечно. Но я работаю над изучением нескольких любопытных теорий на досуге.

«Например?» — заинтересованно приподнимает бровь Брендон.

— Одна из них — воздействие звуковых колебаний на пространство.

«Интересно».

Этьен кивает и продолжает:

— Определенные сочетания звуков вызывают у нас различные реакции. Мы можем не понимать значение слов в иностранном языке, но разные люди чувствительны к одним и тем же вещам. Громкость, тембр голоса, его высота, последовательность и частота в комбинации звуков. Обратите внимание на зрителей в опере — и вы поймете, о чем я говорю. Впрочем, звуковые волны воздействуют не только на людей.

«На животных тоже, но несколько иначе».

— И не только на животных, но и на более тонкие материи, нежели живой организм. Простите, что возвращаюсь к этой теме, но вспомните големов. Они подчиняются Именам — последовательности звуков различных тональностей, определенной продолжительности и повторяющихся в разном ритме. Я пытаюсь понять, как это работает. Собственно, вудупанк — мое поле экспериментов.

«Зачем, Этьен? Опасные игры».

— Я понимаю. Но ничего не могу с собой поделать, меня влечет эта тема.

«Хочешь стать властителем мира?» — иронично усмехается Брендон.

Этьен разводит руками, смеется.

— Сэр, что я буду делать с целым миром? Мне лишь интересно знать, как он устроен. Да и не в этом суть вудупанка.

«В чем же тогда?»

— Жизнь, мистер Фланнаган. Я пытался изучить искусство перерождения, которым владел род Баллантайнов, по тем обрывочным сведениям, что смог найти. И я понял, что леди Кэрол рассчитала формулу звуковой волны, которая... В общем, она нашла Имя Жизни. Пользуясь оккультными знаниями, математикой и физикой. Собственно, вот наша цель — Имя Жизни.

Он умолкает, ожидая реакции собеседника.

Брендон встает, вглядывается сквозь переплетение ветвей экзотических лиан туда, где через стеклянную крышу оранжереи видно небо. Этьен изучает грязную кайму под своими ногтями, незаметно трет ладони о грубую ткань брюк.

— У вас же есть еще дети, верно?

«Средний сын служит в воздушном флоте, младшие приедут со дня на день из Европы. Они близнецы», — тепло улыбается Брендон.

— А у кого-нибудь из них есть способности, как у Евы?

«Нет. Дети как дети. Прости, Этьен, мне пора ехать. Путь до Гринстоуна неблизкий, поспеть бы к вечеру. Элизабет ужасно скучает одна».

— Я вас провожу, сэр. Могу ли я привезти Еву в Гринстоун сам?

«Да, пожалуйста. Вы помирились?»

Этьен отвечает, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

— Конечно! Сейчас все в полном порядке.

Взгляд серых глаз неуловимо меняется, и Леграну кажется, что Брендон заглядывает ему в душу. Когда-то точно такой же взгляд Агнесс Флетчер вызывал в нем невероятное ощущение прикосновения к вечности.

«Мне-то не ври. Ты хороший парень, но ложь тебя не украшает».

— Я все улажу, мистер Фланнаган. Я не из тех, кто легко сдается. Я люблю ее.

«Если любишь — сможешь все».

Размеренно покачивается вагон монорельса, полосы света и тени на полу сменяют друг друга. Ева тихонечко ворует клубнику из корзинки на коленях Этьена. Легран дремлет, разомлев от жары, и в такт движению монорельса подрагивает парашютик одуванчика, зацепившийся за опущенные ресницы. Мелькает за окном летний город. Полощется по ветру белье, развешенное на веревках между жилыми домами: то ли паруса, то ли разноцветные флаги. Над крышами парят чайки.

Ева протягивает руку к корзине и, неспешно двигая пальцами, выбирает ягоду покрупнее. Склоняется над Этьеном, легонько дует на пушинку в ресницах. Колеблются длинные темные пряди челки, Легран улыбается, вздыхает и негромко бормочет:

— Я знаю, что это ты, клубничный вор...

— Не открывай глаза. Продолжай спать. Так интереснее.

Девушка обнимает его одной рукой за шею, чуть касается губами ресниц, скользит дыханием по щеке, замирает, дойдя до угла рта. Прислушивается к учащенному биению сердца Этьена и приникает к губам поцелуем. Он отвечает ей — жадно, жарко, пьет ее клубничный вкус.

— Молодые люди! Как аморально! — восклицает возмущенно дребезжащий голос.

Этьен и Ева вздрагивают, отрываются друг от друга. Эвелин оборачивается. Рядом стоит чопорная дама лет шестидесяти и смотрит с на них с презрением.

— До чего отвратительно! Никакого почтения к окружающим! Прилично одеты, а ведут себя как в борделе!

— Мадам, прошу нас извинить, — примирительно воздевает ладони Этьен. — Вспомните себя молодой и постарайтесь нас понять.

— Меня мать растила приличной леди, а не публичной девкой! — с упоением визжит дама. — К чему катится общество? Вы посмотрите, что они себе позволяют!

Эвелин вздыхает, берет из корзины горсть клубники, встает, одной рукой поправляет платье. Подходит к вопящей женщине и сует ей ягоды в рот, заталкивая ладонью.

— Ешь! И если ты еще хоть раз раскроешь пасть для бреха, подавишься своими словами. Как сейчас. Жри, я сказала!

Люди в вагоне с ужасом смотрят на девушку. Этьен быстрее других приходит в себя, хватая Еву за локоть, тащит прочь от задыхающейся, давящейся клубникой женщины.

— Эвелин, прекрати! Мадам, прошу извинить мою спутницу... Ева!

Поезд останавливается на станции, с шипением открываются двери. Этьен одной рукой подхватывает корзину с ягодами, другой тянет за собой упирающуюся девушку. Выталкивает

Эвелин на платформу, спотыкаясь, почти выпадает из монорельса следом за ней.

— Что ты творишь? — кричит он, перекрывая шум отъезжающего поезда. — Ева, господи, зачем все так портить? Почему ты не можешь смолчать, распускаешь руки? Кто дал тебе право...

— Не ори, Легран, — перебивает она его спокойно и зло. — Люди смотрят.

Этьен озирается по сторонам, растеряно глядит на глазающий народ, отпускает локоть Евы. Девушка невозмутимо поправляет пояс бирюзового легкого платья, забирает у молодого человека корзинку, отправляет в рот спелую клубничину.

— Три перегона теперь пешком шагать, — укоризненно говорит Ева. — Зачем ты меня вытащил, ну скажи?

Он молча идет к выходу со станции. Девушка следует за ним.

— Этьен, ну не дуйся! Подожди! Скажу кое-что.

Он останавливается, поворачивается к ней. Ева целует его в щеку и говорит:

— Я от тебя такого не ожидала. Доктор Легран, толпой руководить по ночам ты можешь, а вступить за девушку — нет. Вот и пришлось брать инициативу в свои руки.

Этьен смотрит на нее как на глупого, злого ребенка. Ершит волосы пятерней, обдумывая ответ, и наконец выдает:

— Скажи, Эвелин, ты видишь разницу между управлением толпой и унижением неудовлетворенной жизнью тетки? Что, по-твоему, из этого проще и что достойнее?

— Ты мне о морали говоришь? — Правый уголок рта ползет вверх, серые глаза превращаются в узкие щели. — Ты, первый шантажист в этом городе, который своими куклами вуду карьеру сделал?

— Думай, что несешь, Эвелин. С меня на сегодня хватит, — глухо произносит Этьен. — Завтра утром заеду за тобой. Обещал твоему отцу, что сам отвезу тебя в Гринстоун.

Он уходит, не обращая внимания на ее «ну, Этьен!» и «прости, пожалуйста!». Дойдя до поворота на Броктайм-сквер, он слышит за спиной металлический скрежет, глухой удар и испуганные возгласы. Останавливается, оборачивается, медлит мгновение и несется обратно со всех ног.

На перекрестке у станции автомобиль влетел в водоколонку. Вокруг него собирается толпа, подросла оказавшаяся поблизости дорожная полиция. Высоко в воздух бьет водяной столб, довольные дети пляшут в водопаде брызг. Над улицей висит яркая радуга, переливается в солнечных лучах.

Этьен подбегает к толпе, протискивается вперед, взволнованно шарит взглядом.

— Куда тебя несло? — отчитывает полисмен водителя — молодого верзилу с наливающейся лиловым скулой. — А если бы ты человека сбил, идиот?

Легран с трудом переводит дух. «С Евой ничего не случилось, зря бежал», — успокаивает он себя, выбираясь из толпы зевак. Делает несколько шагов и видит Эвелин Фланнаган, сидящую на краю тротуара в насквозь промокшем платье. Шелковый шарф она комкает в руках, с собранных в высокую прическу волос капает вода. Девушка оборачивается, услышав шаги за спиной, и Этьен понимает, что Ева плачет. Он подходит, молча протягивает ей руку, помогает встать. Отводит в сторону, туда, куда не долетают брызги из развороченной колонки, снимает рубаху и накидывает ее девушке на плечи. Эвелин вытирает слезы, смотрит на Этьена покаянно.

— Что-то не так со мной, — говорит она хрипло. — Это не я, Этьен. Я никогда бы так не сделала.

«Раньше — никогда бы», — хочется сказать ему, но он сдерживается. Провожает взглядом чайку, пролетающую над крышами, и коротко бросает девушке:

— Пошли.

Он отводит ее домой, забирает свою мокрую рубашу и уходит, не говоря ни слова. Перейдя улицу перед домом Евы, оборачивается. Эвелин глядит на него из окна, спрятавшись за занавеской.

До позднего вечера Этьен бесцельно бродит по городу. Смотрит на застройку центра Нью-Кройдона, любуется растущими высотками, наблюдает за работой механических кранов-гигантов. В сумерках они напоминают древних мамонтов. Этьен пьет дешевый кофе в уличном кафе, поглядывает украдкой на влюбленную парочку за соседним столиком. Вспоминает тот день, когда впервые увидел Еву.

...Механические пальцы нежно поглаживают спину вдоль позвонков, прохладные губы касаются виска. Этьен тянется, как довольный кот, нашаривает под простыней гладкое металлическое колено, ведет ладонь выше. Слегка похлопывает по упругой ягодице, приподнимается, смыкает обе руки вокруг талии лежащей рядом женщины, опрокидывает ее на себя.

— Доброе утро, богиня моя... — шепчет парень, прижавшись щекой к механической ладони.

Агнесс Флетчер устраивается на нем верхом, и Этьен просыпается окончательно. Садится в постели, и женщина слегка откидывается назад, позволяя его рукам и губам ласкать ее тело. Летят на пол подушки, снежной лавиной оползает на палас у кровати одеяло...

«Ты совершенство, — говорит на амслене Этьен. — Идеал красоты. Самая прекрасная из женщин. Я никогда к тебе не привыкну».

Она улыбается снисходительно, целует его в ямку между ключицами, слизывает с разгоряченного тела капли пота.

«Ты одержим, мальчик. Красота — в глазах смотрящего, помнишь? Уже шесть лет ты смотришь только на меня. Пора взрослеть, Этьен».

— Не хочу, — напористо отвечает он, накручивая на палец золотистый локон Агнесс. — Когда рядом богиня, любая из простых смертных меркнет враз. Зачем мне другая, когда у меня есть ты?

Агнесс бережно высвобождает волосы из пальцев молодого человека, встает, набрасывает пеньюар. Подбирает с пола подушки, укутывает Этьена одеялом, словно ребенка. Подобное обращение ему не нравится, он хмурится и просит:

— Не надо. Мне не десять лет.

«В сравнении со мной тебе и пяти нет, милый, — мягко улыбается женщина. — Пора отвыкать от мамочки, Этьен. Первые шаги ты делаешь весьма успешно, бизнес уже наладил. Теперь бы заняться личной жизнью. Тебе двадцать пять, ты красив, умен, прекрасно образован. Любая захочет тебя в мужья».

Взгляд синих глаз мрачнеет, как предгрозовое небо. Этьен выбирается из постели, подбирает небрежно брошенный в кресло халат, облачается.

— Я тебе надоел?

«Милый, мы с тобой обсуждали наши отношения сотни раз. Между нами только бизнес и секс. Любовники не значит любимые. Я нашла для тебя замечательный вариант, Этьен. Марш в душ, за завтраком я тебе расскажу».

«Вариантом» оказывается дочь старого друга Агнесс — Брендона Фланнагана. Полгода назад восемнадцатилетняя Ева решила жить самостоятельно и переехала в Нью-Кройдон из маленького приморского городка. Отец снял для нее комнату на окраине, и девушка начала поиск работы. Но Брендон не был бы хорошим отцом, если б не обратился к влиятельным друзьям. Агнесс устроила Эвелин помощником мастера в салон красоты, принадлежащий им с Этьеном. Полгода хозяйка наблюдала за успехами молоденькой помощницы и осталась очень довольна результатом. Настолько, что решила познакомить девушку со своим любовником.

С первого взгляда Ева Фланнаган не производит на взыскательного Этьена никакого впечатления. Слишком тихая, слишком работающая, слишком неброская. Но движения ее рук и привычка напевать за работой заставляют приглядеться к ней внимательнее.

— Агнесс, я вижу в ней нечто странное. Потрясающее чувство ритма, плавность и... Черт, тут и слов не подберешь! Голос. Я несколько раз наблюдал за тем, как она работает с клиентками. Это завораживает. Она напевает что-то непонятное и ножницами щелкает не глядя. Но в результате выходит что-то магическое!

«Я же знала, что малышка тебя зацепит. Попробуй ее в своем деле. Отведи вечером потанцевать под лунной. Интуиция вряд ли меня подводит. И еще: у меня остался последний козырь, милый».

Агнесс откидывается в плетеном кресле, держит паузу, лукаво поглядывая на Этьена. На ярких губах играет нежная улыбка.

— Обожаю тебя такой. Карты на стол, — смеется Этьен.

«Она родная дочь Брендона».

Смех смолкает. Этьен щурит синие глаза, трет виски.

— Повтори еще раз. Я, видимо, не так понял.

«Она родная дочь Брендона Фланнагана», — жестикулирует Агнесс плавно.

— Погоди. Судная Ночь была двадцать лет назад, Эвелин сейчас девятнадцать... Брендону... Богиня моя, ему сто двадцать один. Нет, это невозможно! Прости, конечно, но у замужних женщин случаются любовники. А от них бывают и дети. Перерожденные не могут иметь детей.

«Мальчик мой, ты забываешь о том, что я знаю всех городских перерожденных, благо нас не так много. А уж не знать Брендона и историю его любви... У нас свои легенды».

— То есть...

«Да-да. Я пытаюсь связать твою судьбу с нужным тебе человеком. А ты сопротивляешься, как осел, — с укоризной поджимает губы Агнесс. — Хотел близости с теми, кого боготворишь? Вот тебе живое дитя божества. А ты нос воротишь, привереда».

Через неделю Этьен приглашает Еву в кафе. Пытается разговорить ее, рассмешить, но девушка напугана его вниманием и внезапным напором. Тихонько колупает ложечкой десерт, отвечает коротко, смотрит настороженно. От билета в кино отказывается наотрез. Но Этьен не был бы собой, если б на этом бросил попытки сблизиться с Евой. Проходит несколько месяцев, и он с удивлением осознает, что всерьез увлечен неброской девочкой с холодной улыбкой. Свидания с Агнесс постепенно отступают на второй план, отношения становятся исключительно деловыми. И наконец приходит тот день, когда Эвелин просит Этьена рассказать о себе и своих увлечениях. Он отвозит ее домой и показывает автоматона, которого сам проектировал и собирал еще в университете.

— Он умеет музицировать на пианино, я программировал его на два десятка различных

композиций. Этот автоматон — шаг к моей мечте, — рассказывает Этьен, с грустью поглядывая на механического человека. — Предел моих желаний — научиться создавать искусственную жизнь. Моя мечта — возродить утраченное умение перерождения.

Он умолкает, смотрит на Эвелин сияющими глазами и заканчивает:

— Ты — дочь полубога, Ева. Перерожденные с их вечной молодостью и красотой совершенны.

Девушка прячет усмешку, качает головой.

— Ошибаешься. Мой отец — не небожитель, он такой же, как все. У него свои радости и печали, и то, чем ты восхищаешься, он считает своим проклятием. Я знаю, чего мой папа боится больше всего. Увидеть, как мама постареет и умрет. А он при этом останется вечно молодым и прекрасным.

Она подходит к автоматону, поглаживает его по плечу.

— Отец говорит, что когда тебя выбирает вечность — это ад. Если твоя жизнь искусственна и не наполнена смыслом, она пуста. И в самом понятии искусственной жизни нет ничего особенного.

— Жизнь — это чудо.

Ева смеется. Впервые за все время, проведенное наедине с Этьеном, она хохочет. Встает, выходит на середину гостиной, раскидывает руки, прогибает спину и начинает кружиться на месте — сперва медленно, затем все быстрее. Из горла девушки вырывается странный звук — низкий, шелестящий и в то же время очень мелодичный.

Автоматон, сидящий за столом, поднимает голову и смотрит на Этьена незрячими глазами-лампами. Неуверенно поднимает руки и жестикулирует на амслене: «Я — только видимость живого. Живым существо делает не способность двигаться самостоятельно и думать. Жизнь есть нечто отличное от существования. В существовании нет смысла, нет смысла и в безвременье. Жизнь — это череда поступков и решений, это постоянное развитие. Понимаешь меня, Этьен Легран?»

Этьен не отвечает. Круглыми от изумления глазами он смотрит на танцующую Эвелин. И видит, как смягчаются грубоватые черты лица Евы, как исчезает напряжение, в котором она находится почти постоянно. Девушка безмятежно улыбается, и целый мир кружится с ней в странном танце.

Впервые в жизни Этьен видит абсолютно счастливого человека. И не может оторваться от этого волшебного зрелища.

Утром Этьен выходит из дома, сворачивает по мощенной белым камнем дорожке к гаражу и видит Еву. Девушка сидит на качелях в палисаднике, закутавшись в легкий палантин, и вертит в руках куколку вуду.

— Доброе утро, — нейтрально окликает ее Этьен. — Как ты сюда попала?

— Перелезла через ограду. У тебя в углу сада стена ниже и кладка неровная.

Он подходит ближе, замечает темные тени под глазами девушки.

— Давно сидишь?

— Я пришла, когда ты погасил в спальне свет. Вообще я думала, что этой ночью мы снова танцуем.

Этьен присаживается перед ней на корточки, заглядывает в лицо. Ева выглядит расстроенной.

— Сегодня мы не собирались. И, наверное, пока собираться не будем. Пусть люди отдохнут.

Девушка вздыхает, поджимает тонкие губы.

— Ты решил меня наказать, да?

— И в мыслях не было. Хотя понимаю, что стоило бы. Ведешь себя ужасно, — укоризненно говорит он. — Что у тебя за куколка?

Она кладет фигурку ему на ладонь. Платье из лоскута темной парчи, светлые веревочные косы.

— Ева, это кто? Агнесс?

— Это я. Пусть у тебя будет, ладно?

Этьен аккуратно кладет куколку во внутренний жилетный карман, подмигивает:

— Смотри, будешь плохо себя вести — отыграюсь на ней. Как насчет завтрака?

— Нет. Я вчерашней клубникой сыта до сих пор. Отвезешь меня?

— Да, конечно. Я как раз за машиной и шел.

— Этьен, а давай не на машине поедем? Вещей у меня с собой почти нет, на мотоцикле уместимся. И он быстрее.

— Нет. Тебя на мотоцикл я не посажу. Опасно. Твои родители меня убьют, если увидят, на чем я тебя привез.

Ева встает с качелей, сбрасывает палантин с плечи, подобрав подол легкого платья, садится на корточки напротив Этьена.

— Ну, пожалуйста... — жалобно тянет она, глядя ему в лицо хитрыми лисьими глазами. — Скажем, что у кабриолета «фиаско». Этьен, мне очень хочется. Я обещаю быть послушной и не ссориться с тобой целый день.

— Не канючь. Брать мужчин на жалость уже не в моде, мисс Фланнаган, — стараюсь быть строгим, отвечает он. — Я не знаю, какие в Гринстоуне дороги. Давай так: сегодня мы едем на машине, и, если все нормально, я вернусь на днях и покатаю тебя на мотоцикле.

Эвелин кивает с кислым лицом. Этьен бережно заправляет под пестрый тюрбан выбившуюся темную прядь и, словно невзначай, касается ладонью нежной щеки девушки.

— Я соскучилась, — шепчет Эвелин еле слышно. И добавляет: — По дому. Поедем скорее.

Кабриолет выкатывается из гаража, Ева бросает сумку на заднее сиденье и садится рядом с Этьеном. Ловит его удивленный взгляд и спокойно поясняет:

— Раз сегодня твой цилиндр тебя не сопровождает, его место займу я. Ты же не против?

— Я не против, — улыбается Этьен.

«Оттаяла или готовит пакость?» — гадают он, пока Эвелин располагается рядом. После вчерашней нервотрепки ему хочется верить в лучшее. Не терять надежду, цепляться за малейшие проявления ее благодушия.

— Припаркуйся неподалеку от перекрестка Ивнинг-Стар-авеню и Фэйт-стрит, — просит Ева. — Там кондитерская, надо зайти.

В кондитерской Ева набирает два больших пакета всевозможных сладостей, расплывается и, сияющая, как новогодняя елка, возвращается в машину. Бережно ставит пакеты на заднее сиденье, запрыгивает на переднее.

— Теперь можно ехать, — весело командует она.

— Долго ты что-то. И у тебя усы от молочного коктейля, — ворчит Этьен.

— Мы с Нэн отпраздновали мой отпуск.

— Нэн?..

— Это моя служба. Ей десять, отец пьет, раньше частенько ее поколачивал. Я плачу ей за мелкие услуги и обеспечиваю защиту. А на отце пробую различные сочетания травок.

Этьен вздыхает, хмурится, догадываясь, о каких мелких услугах идет речь. Ева шлепает его ладонью по плечу:

— Ну что ты? Нет бы порадоваться, что я у тебя такая способная ученица...

— Ева, я бы хотел с тобой серьезно поговорить на эту тему.

Улыбка исчезает с ее лица, взгляд становится отчужденным и тоскливым.

— Послушай, мы с тобой еще неизвестно когда увидимся. Я изо всех сил стараюсь быть милой и хорошей. А тебе надо обязательно делать серьезное лицо и заводить неприятные разговоры.

— Прости, — разводит руками Этьен. — Я не буду, Ева. Только не дуйся.

Она облокачивается на спинку сиденья, поворачивается к нему, смотрит устало.

— У меня усы. От коктейля.

Этьен обнимает ее одной рукой за плечи и целует в приоткрытые губы — долго, сладко, раскаянно. Девушка кончиками пальцев ерошит неровно обстриженные пряди, улыбается расслаблено и отвлеченно. Ей нравится держать его на близком расстоянии — и при этом оставаться недосыгаемой.

— Всё, всё. Поедем, — вздыхает она. — Ты прощен.

Когда город остается позади, Ева откидывается на сиденье и довольно жмурится, как сытая кошка.

— Домой... Наконец-то обниму мелкашек, поговорю с мамой. К вечеру вернется отец. Алан обязательно приедет погостить. И Роберт... Мы пойдем к морю, и я буду целый день лежать и слушать, как песок шепчется с волнами. Я смогу купаться ночью без всего. И никто не скажет мне, что это аморально. И мне не нужно будет никуда спешить, слушать бесконечную болтовню клиентов. Я страшно скучаю по семье. С тех пор как уехала, я чувствую себя вырванной из своего мира.

— Почему тогда ты не вернешься? Твой отец хорошо зарабатывает, да и я мог бы тебя... — Он осекается и умолкает.

Руки в кожаных перчатках крепче сжимают руль. Этьен ждет, что сейчас Ева снова вспылит, раскричится и хрупкое равновесие рухнет. Вот-вот исчезнет зыбкое состояние покоя и тихого счастья. Но Ева молчит. Проходит минута, вторая. Эвелин смотрит в сторону и негромко говорит:

— Я должна сама, Этьен. Проще всего сидеть у кого-то на шее. Особенно когда ты женщина. Но я хочу быть хозяйкой своей судьбы. Я хочу быть свободной в своем выборе.

— А я хочу семью. С тобой, Ева. Детей. Стабильности в жизни, а не неопределенности.

Она не отвечает. Смотрит в небо, изредка поправляет выбивающиеся из-под тюрбана пряди волос. Ее разогретая солнцем кожа пахнет мандариновым маслом, от ресниц на щеках лежат длинные тени. Этьен старается смотреть только на дорогу, но нет-нет да взглянет украдкой на Эвелин.

«Что в ней такого, от чего я никак не могу успокоиться? Что заставляет меня терпеть ее капризы, не дает плюнуть на все и найти девчонку поговорчивее? Чем ты так привязала меня, Ева?..»

Машина сворачивает с трассы под указатель «Гринстоун, 4 мили», мягко катится по грунтовой дороге, пыля колесами. Вдалеке между холмами виднеется маленький городок,

ветер пахнет океаном. Ева оживляется, беспокойно ерзает на сиденье, вглядывается в окрестности.

— Сверни во-он там направо и поезжай вниз. Я тебе кое-что покажу.

Сразу за поворотом дорога резко идет вниз, петляя меж холмов. Автомобиль проезжает около мили, и Эвелин просит остановиться. Они с Этьеном выходят из машины, и Ева берет молодого человека за руку.

— Закрой глаза. Иначе не получится почувствовать то, что всякий раз испытываю я сама. Закрывай глаза, я тебя поведу.

Он подчиняется и следует за ней. Девушка идет медленно, заботливо предупреждая:

— Сейчас спускаемся, ставь ноги осторожнее, тут осыпается. Руки повыше, здесь колючки. Пригнись, убери ветку с прохода. Теперь можно смелее. И даже быстрее. Этьен, что ж ты неуклюжий такой! За мной, за мной...

Хочется открыть глаза. В темноте Этьен чувствует себя беспомощным, ощущение опасности накрывает холодными волнами. Но Ева уверенно ведет его за собой, и он терпит. Хрустят под ногами веточки, шелестит трава.

— Стой. Теперь можешь смотреть.

Этьен открывает глаза и видит сиреневое море — до самого горизонта. Ветер с шелестом гонит волны, качает тонкие стебли цветов. Вдалеке над ровными рядами растений плывет кораблем поливочный механизм. Ева садится на корточки, берет горстью нежные цветки, вдыхает сладкий, дурманящий аромат.

— Разве это можно сравнить с деньгами, драгоценностями, изысканной едой, дорогими винами? — спрашивает она, глядя на Этьена снизу вверх и щурясь от солнца. — Смотри, Легран. Вот оно — настоящее...

Небо над лавандовым морем меняет цвет, бледнеет, сливается с сиреневым горизонтом. Ева сбрасывает туфли и босиком бежит через поле, раскинув руки.

— Оно настоящее! — кричит она. — Если и есть в мире что-то бесценное, то оно здесь! Смотри, Этьен!

Кружится голова. Глаза болят от солнца и невыносимо ярких красок. Кольшутся лавандовые волны. Порхают над полем сотни разноцветных бабочек, спугнутых Евой. Запах цветов становится удушающим. Этьен закрывает глаза, садится в траву и слушает голос Эвелин, летящий над землей:

— Что ты можешь мне дать, Этьен? Есть ли у тебя хоть что-то, способное заменить это море? Что-то дороже, живее, что-то более настоящее?..

Он отвечает ей одними губами, но она не слышит и не замечает ничего — счастливая, легкая, свободная.

— Ма-а-ам! — звонко разносится по дому. — Ма-а-ам, я дома! Почему никто не встречает Еву? Ма-а-ам? Мелкашки? Алан?..

Ева быстро спускается по лестнице со второго этажа, растерянно разводит руками.

— Никого. Вот так сюрприз.

Этьен ставит на кухонный стол пакеты со сладостями для близнецов, выглядывает в окно и хитро улыбается девушке:

— А кто быстрее до калитки?

Ева смотрит из-за его плеча, радостно ойкает и несется к выходу. Этьен догоняет ее, у

двери они устраивают шуточную потасовку. Он щекочет Эвелин бока, она шлепает его ладонями по груди и хохочет. Вместе они вываливаются на крыльцо и наперегонки бегут к воротам. Элизабет с сумкой через плечо как раз входит в палисадник. Этьен успевает первым, останавливается в полуметре от Элизабет и выдыхает:

— Здравствуйте, миссис Фланнаган!

Она успевает лишь удивленно вскинуть ресницы, и на нее тут же налетает довольная дочь.

— Ма-а-ам! Я вернулась! — кричит Ева, выхватывает у нее сумку и передает Этьену: — Держи, жулик. Воспользовался тем, что я на каблуках, да?

Элизабет заключает дочь в объятия, покрывает щеки поцелуями. Этьен смотрит на обеих и удивляется, насколько девушка не похожа на мать. Только улыбка и немного глаза выдают родство.

— Здравствуй, родная моя! Здравствуй, Этьен! — Глаза Элизабет сияют от радости. — Я думала, вы будете чуть позже, отбежала до рынка за свежим хлебом. Вы на машине? Как доехали? Не заблудились?

— Нет, все отлично, миссис Фланнаган.

— Просто Элизабет, — поправляет она его.

Ева ведет мать к дому, держа под руку и целуя то в щеку, то в плечо.

— Мам, а где мелкашки? Я им накупила конфет на целый год, а их нет!

— Приедут завтра. Хочешь, встретим их все вместе на вокзале?

— Спрашиваешь!

— Этьен, у меня есть вареная курица и холодный картофель со сметаной. Перекусишь?

Он улыбается, открывает дверь перед дамами.

— С удовольствием.

Ева бросает на него ревнивый взгляд и, мило улыбаясь, предлагает:

— Месье Легран поможет разобрать сумку и слопает то, что мама приготовила себе на обед, а Ева быстренько переоденется, ага?

— Эвелин! — с укоризной качает головой Элизабет. — Хватит пороть ерунду. Этьен подумает, что мы живем впроголодь.

Ева фыркает и стремительно исчезает в коридоре. Элизабет провожает ее взглядом и снова переключает все внимание на Этьена:

— Я очень рада, что вы приехали вместе. Это добрый знак. Ты останешься погостить?

Молодой человек бережно выкладывает из сумки на стол пучки свежей зелени, хлеб, яблоки и связку колбас, неопределенно поводит плечами.

— Я бы с радостью, но...

Элизабет пощелкивает пальцами, заставляя его обернуться, заглядывает в лицо с тревогой:

— Ну-ка, пока ее нет, рассказывай, что у вас происходит!

— Ничего, — честно признаётся он.

Яблоки и зелень отправляются в жестяную раковину, хлеб — на разделочную доску. Колбасы Элизабет спускает в погреб, возвращается оттуда с обещанной курицей и картошкой. Ставит тарелки на стол, режет хлеб.

— Садись. Ешь и рассказывай, почему у вас до сих пор «ничего».

— Ева не хочет замуж, — просто отвечает молодой человек.

— Поправка, мам: Ева не хочет замуж за Этьена.

Этьен вздыхает и отправляет в рот ломтик картофелины. Элизабет вздрагивает и оборачивается. Дочь стоит в дверях, одетая в отцовский старый жилет и шелковые черные брюки-юбку.

— Господи, — невольно вырывается у Элизабет, краска отливает от ее лица.

— Мам?..

— Элизабет, вам нехорошо?..

Падает со стола фарфоровая солонка, задетая рукавом платья. Разлетается на части. Мелкие кристаллики соли веером рассыпаются по полу. Худенькая русоволосая женщина оседает на стул, с ужасом смотрит на Эвелин.

— Ева... Что с твоими волосами?! — шепчет она.

— Покрасила в черный, — неуверенно отвечает Эвелин. — Мам, ты чего?

Она подходит, обнимает ее за плечи. Элизабет нервно улыбается, виновато глядит на Этьена.

— Простите меня. Мне вдруг померещилось...

— Эй, мам, ты здорова? У нас пятых ребенок не будет? — беспокоится девушка.

— Нет-нет, все в порядке, — поспешно отвечает Элизабет. — Видимо, голову напекло.

Ева наливает матери стакан воды, проходя мимо Этьена, награждает его суровым взглядом. «Ты здесь лишний, — читается в ее глазах. — Ешь и уезжай».

— Спасибо большое, — поспешно улыбается Легран. — Очень вкусно, но я должен возвращаться в город. Вечером сделка с партнером по бизнесу, прошу меня извинить.

— Я его провожу, мам.

Ева молча идет рядом с Этьеном до ворот. Он беспокойно оглядывается на дом, негромко спрашивает:

— Может, мне побыть с вами? До приезда отца хотя бы.

— Уезжай, — глухо отрезает Эвелин. Ветер играет ее распущенными черными волосами.

— Я не уверен, что с ней все в порядке.

— Я уверена. Давай, поезжай.

Она обнимает его, целует в небритую щеку и тут же отходит.

— Я приеду навестить вас в выходные, — обещает Этьен. — Что привезти из Нью-Кройдона?

— Если что-то будет нужно, я тебе позвоню с телеграфа. Когда мы собираемся в ближайшее время?

Этьен садится за руль, медлит с ответом.

— У нас сейчас перерыв, Ева.

— Без меня не собирайтесь!

Она подходит к машине, перегибается через дверцу и целует Этьена в губы.

— Ты обещал мотоцикл. Помни! — нарочито беззаботно говорит Ева и убегает в дом.

На обратном пути Этьен сворачивает к лавандовому полю. Долго стоит на спуске к сиреневому морю и смотрит туда, где на горизонте плывет поливальный механизм.

В Нью-Кройдоне он заходит на ближайший телеграф и отправляет восемь телеграмм в разные уголки города с одинаковым содержанием: «Сегодня полночь прежнем месте очень важно».

К полуночи все големисты, кроме Эвелин, в сборе.

— Я вас долго не задержу, — начинает Этьен, сидящий на бетонной плите опоры

моста. — Есть нечто, что я хотел сообщить только вам восьмерым. Мы возвращаемся к тому, с чего начинали несколько лет назад. Совершенствуем свое умение, ищем Имена, танцуем под тамтамы. Мадан больше не участвует в ритуалах.

— Почему? — раздается сразу несколько голосов. — Что произошло?

— Я ее отстраняю. Всё. Без комментариев.

Двадцатичетырехлетняя остроносая Сара подсаживается к Леграну ближе, спрашивает неуверенно:

— Мадан беременна?

— Я же сказал — без комментариев! — раздраженно рявкает Этьен.

Поднимается со своего места высокий плечистый Дон. Хмурится, трогая стальной шип в левой брови, и басит:

— Нет уж, погоди. Мы имеем право знать, почему ты в одиночку принял такое решение.

Сила Эвелин держит всех нас на плаву, на нас съезжаются поглазеть из других городов, на последнем сборище было чуть меньше тысячи человек. Этьен, мы в девятером не можем и четверти того, на что способна она.

Остальные поддерживают Дона одобрительным гомоном:

— Верно! Деньги, которые вливаются в проект, идут благодаря Мадан. Если ты задумал лишить нас финансирования, объясни, по какой причине!

Этьен встает, в сердцах швыряет в Фармингтон камень.

— Я так решил! Вам мало?

— Мало, — с вызовом отвечает Дон. — Эвелин в курсе, что отстранена?

— Нет. И это не ваше дело.

— Чудесно. Этьен, взгляни на ситуацию со стороны, — встречается тридцатилетний Мэтью. — По какой-то причине, которая неизвестно, существует ли вообще, ты сейчас попросту разваливаешь проект. И не желаешь ничего объяснять. И никому из нас твое поведение не понятно.

Этьен подходит к сидящим вудупанкам, смотрит на каждого поочередно, долго молчит, потом спрашивает:

— Что для вас значит наше дело?

— Братство, свобода, — неуверенно начинает Сара.

— Самовыражение, — подхватывает вторая девушка — светловолосая Мария. — Таинство. Стремление к совершенству.

— Секс, — усмехается Дон.

Этьен удовлетворенно кивает и задает второй вопрос:

— И где здесь слово «деньги»? Вы все боитесь, что без Мадан желающие не будут платить нам за шоу, верно? Когда мы только начинали, ни о каких деньгах не шло и речи. Вы нищенствуете? У кого-то из вас нет работы? Вы что, не сможете прожить без подачек публики? Вы меня удивляете, друзья и подруги. Там, где начинаются деньги, братство заканчивается.

Он отходит к самой кромке Фармингтона, присаживается, опускает пальцы в прохладную воду.

— Этьен, — окликает его Дон. — Ты не очень нас понял.

— Говори за себя, — холодно отзывается он.

— Я не знаю, что происходит между тобой и Евой, но убирать самого мощного големиста — это странно. Ты за свою власть боишься?

— Дон. Задумайся на минуту: откуда взялась ее сила? Вас я учил по книгам и на собственном примере. Ее я не учил ничему, кроме изготовления гри-гри и кукол. Мы все видели, что она умеет. Кто она такая, ответь.

Он поднимается на ноги и поворачивается к остальным.

— Вы все! — кричит он. — Те, кто осуждает меня сейчас за мое единоличное решение! Кто из вас может ответить, откуда черпает свою силу Мадан? Что питает ее, что дает ей знания? И какой расплаты оно потребует от каждого из нас — тех, кто танцует с нею рядом?

— Этьен прав, — подает голос Ларри — самый старший из них. — Ева последние месяцы ведет себя вызывающе и непочтительно. И случись что — мы не сможем дать ей отпор. Доктор, я правильно тебя понял?

Этьен кивает.

— Тогда нам действительно надо возвращаться к тому, с чего мы начинали, — подводит итог Ларри. — И если кого-то не устраивает этот вариант, предлагаю ему потягаться с Мадан в способностях тет-а-тет.

Идею встречают невеселыми смешками, но дело сделано, обстановка разрядилась. Этьен благодарит присутствующих за терпение и понимание и объявляет собрание законченным. Постепенно народ расходится, на берегу остаются только Этьен и Мария.

Он сидит на нависающей над водой бетонной плите и смотрит на битумную гладь реки. Мария опускается рядом, почти касаясь Этьена плечом. Молчит, ожидая, не заговорит ли он с ней первым. Когда стихает в ночи шум двигателя последней отъезжающей с набережной машины, девушка поворачивается к Этьену и слегка дует ему в висок.

— Перестань, — просит он глухо.

— Что она делает с тобой, Доктор? Не пора ли прекратить все это? — шепчет Мария.

— Это мне решать, — упрямо отвечает Этьен.

— Она выпьет тебя досуха. Нельзя настолько зависеть от женщины.

— Мария, замолчи! — огрызается он зло.

Встает, обходит опору моста, садится с другой стороны. Девушка следует за ним.

— Пойдем, я отвезу тебя к Агнесс, — вздыхает она. — Один ты никуда не поедешь в таком состоянии.

Он поднимает голову. В темноте Мария видит только его глаза. И ей становится нехорошо от этого взгляда.

— А в каком я состоянии? — вкрадчиво спрашивает Этьен. — Что не так?

Девушка не успевает ответить, как он хватает ее за подол платья, резко рвет на себя. Мария ахает, спотыкается и падает. Мгновенье — и в спину впиваются острые камушки и колючие сухие травинки. Руки Этьена скользят по ее бедрам, комкая юбку, срывая пояс с чулками. Кожа Марии тонко пахнет иланг-илангом.

— Ева, — иступленно шепчет Этьен. — Ева...

— Не торопись, — просит Мария, расстегивая ремень на его брюках. — Все будет хорошо. Я стану твоей Евой...

Эвелин Фланнаган с улыбкой задергивает штору и отходит от окна. Смахивает с покрывала на пол маленькую куклу вуду с темными волосами и синими глазами, ложится в постель и гасит ночник.

— Будь осторожен, Доктор Легран. К утру на берегу становится прохладно и сыро, — шепчет она, погружаясь в дрему.

[1] Госпожа (креол.).

[2] Маленькая глупышка (фр.).

Часть II

Близнецы

Ложечка постукивает о край кофейной чашки. Элизабет снова тянется к горке соли, ссыпанной в блюдце. Брендон трогает ее за плечо, вопросительно заглядывает в лицо.

— Что ты, милый?

«Это соль».

— Где? — растерянно спрашивает она.

«Ты кладешь в кофе вторую ложку соли».

— Ох.

Элизабет выплескивает содержимое чашки в раковину и застывает, глядя, как кофейная гуща растекается, образуя непонятные фигуры. Брендон откладывает газету, подходит к жене, обнимает за талию, целует в шею. Русые пряди щекочут ему нос.

— Какая-то я рассеянная. Не выспалась, — виновато говорит Элизабет. — Или это все из-за жары.

«Может, тебе прилечь? — жестикулирует Брендон. — Во сколько вы с Эвелин спать ушли? Всю ночь на кухне провозились».

— Еву я в полночь отправила, а сама... Я уже не помню. — Она улыбается. — Зато у нас будет пир, достойный императорского двора.

«Думаешь, дети столько съедят?»

— Алан уже мужчина, мужчины едят много, — уверенно кивает Элизабет. — У малышей, надеюсь, аппетит поправился, и они проголодаются с дороги. Родной, я невероятно соскучилась... В доме стало так тихо и пусто.

Она отходит, садится у стола. Вытирает руки фартуком.

— Я все чаще думаю, что допустила ошибку. С младшими, с Евой.

Брендон непонимающе хмурится и просит:

«Поясни. Ты прекрасная мать, откуда такие мысли?»

— Близнецы слишком малы для учебы за границей. А я оторвала их от себя.

«Это было нашим совместным решением, вспомни. Только так можно сделать их более самостоятельными. Здесь они ни с кем, кроме нас, не общались».

— Мама пишет, что они и там дичатся. Играют только друг с другом, одновременно читают одну и ту же книгу. Брендон, я боюсь, что мы только испортили все.

Ладонь в белой перчатке ласково гладит женщину по голове.

«Милая, давай не будем заранее расстраиваться? Они приедут сегодня, и увидим, что изменилось».

— Да. И меня беспокоит Ева.

Брендон стискивает зубы, отводит взгляд. Думает, как и когда сказать Элизабет о том, какой жизнью живет их старшая дочь вот уже больше года. И стоит ли говорить об этом вообще. Он перехватывает грустный взгляд жены и понимает: не сегодня. Она и без того нервничает.

«Что не так с Евой?» — все же спрашивает он.

— Я не знаю. Вчера она вышла в кухню с распущенными волосами, и... родной, она — копия Байрона. Зачем она покрасилась в черный? Это ужасно...

«Может, хотела сделать приятное Этьену?»

Элизабет нервно комкает подол фартука, качает головой.

— Еще одна проблема — Этьен. Она его не любит. Свадьбе не быть, как бы я ни хотела обратного.

«Элси, в Нью-Кройдоне они очень много времени проводят вместе. Я все же слежу за личной жизнью дочери. Может, она соскучилась по дому и потому при тебе вела себя с парнем прохладно?»

— Я не по ней сужу. У людей, которых любят, не такой взгляд.

«Милая, ты становишься жутко мнительной, — говорит Брендон, прекрасно понимая, что жена права. — Я думаю, ты переутомилась. Приляжешь вздремнуть? До выхода еще полтора часа. Я пока повожусь с машиной».

— Я не усну. Пойду поищу Еву.

«Она ушла купаться».

— Значит, спущусь к океану.

В полдень они втроем идут на железнодорожную станцию Гринстоуна встречать нью-кройдонский поезд. Элизабет волнуется, ходит по перрону, то и дело поглядывая на часы под козырьком вокзальной крыши. Брендон и Ева сидят на перилах ограждения платформы и смотрят на рельсы.

— Пап, а Роберт точно приедет? — спрашивает девушка.

«Конечно. Без взрослого мелкашек в поезд не посадят».

— Ну мало ли... Вдруг они только с Аланом? — беспокоится Эвелин.

«Уймись. Приедет».

Ева спрыгивает с перил, одергивает юбку.

— Я отбегу позвонить. Обещала.

В здании вокзала она долго ищет телефонный автомат, бросает мелочь в монетоприемник, ждет, пока ответит оператор.

— Соедините меня с... — Она диктует номер Этьена и ждет.

Проходит минута, другая, и оператор с сожалением сообщает:

— Не берут трубку. Попробуйте, пожалуйста, позже.

Ева разочарованно фыркает и возвращается к родителям. Становится у края платформы и задумчиво смотрит на рельсы.

— Мам, почему вы не вернулись в Гельвецию после моего рождения?

— Ты была слишком мала для путешествия через Атлантику, — отвечает Элизабет, поправляя шляпку. — Потом родился Алан. В конце концов мы поняли, что здесь нам хорошо.

— Я так и не увидела бабушку Викторину, — с сожалением произносит Ева. — Кто знает, как бы все у нас сложилось, если б мы жили за границей...

— Что тебя не устраивает здесь?

— Все хорошо, — поспешно отвечает девушка. — Я очень люблю Гринстоун. Просто подумала, что в Европе женщина имеет право получить высшее образование, а это уже совершенно иной статус в обществе. Здесь же подняться можно только через замужество.

Элизабет пожимает плечами.

— Пожалуй, мне очень мало надо в жизни, но для меня главное — моя семья. И статус жены юриста меня вполне устраивает.

— А я хочу строить свою жизнь сама, — говорит Ева твердо. — Сама себя обеспечивать и делать свой выбор без оглядки на статус мужчины.

— Именно поэтому ты сопротивляешься браку с Этьеном?

Ева гордо вскидывает подбородок, губы складываются в прямую линию.

— Нет. Он меня не любит. Это чистейший расчет с его стороны. У Леграна на уме одно: породниться с нашей семьей.

— Что в этом плохого?

— Мам! — возмущенно фыркает Ева. — Месье Легран без ума от перерожденных. Он на моего отца смотрит с куда большим обожанием, чем на меня. Если бы мог — женился бы на нем.

— Ева, фу!

— Вот именно — фу. Нравится ему за мной таскаться — пусть таскается. Надоест — пусть возвращается под юбку Агнешки Флетчер. А быть на вторых ролях я не согласна. И я не для него, говорила же.

Элизабет хмурится. Тон дочери ей совершенно не нравится.

— Дорогая, по-моему, ты очень сильно ошибаешься.

— А по-моему, поезд идет.

Весь окутанный паром, синий нью-кродонский скорый прибывает к станции. На перроне начинается беготня и толчея, Ева с Элизабет отходят к ограждениям. Брендон беспокойно шарит взглядом по открывающимся дверям вагонов, Эвелин с трудом удерживает мать на месте.

— Мам, ну подожди ты! Тебе дай волю — весь поезд насквозь пролетишь. Сейчас народ разойдется, появятся наши. Будем стоять на месте — они быстрее нас увидят. Ой, вон Алан! Ала-а-ан! — звонко кричит она и машет рукой.

Светловолосый кудрявый парень в летной куртке нараспашку пробирается к ним сквозь толпу. Элизабет бежит навстречу сыну, бросается обнимать.

— Привет, мам, — неловко улыбается Алан, сбрасывая на землю заплечную сумку. — Какая ты маленькая и легкая стала!

— Это ты вырос, милый, — смеется Элизабет. — А где малыши?

— Последний раз я их вылавливал в вагоне-ресторане. Они пытались поджечь увеличительным стеклом шнурки какого-то господина. Перед самым прибытием майор отправил их за сумкой в купе, и они опять пропали.

— О господи! — стонет Элизабет.

— Мам, а то ты мелкашек не знаешь. Привет, братик!

Алан переходит в объятия Евы, целует ее в макушку.

— Ты выросла. А грудь — нет! — ехидно замечает парень.

— Вот засранец! — возмущается Эвелин, расплываясь в улыбке, и тискает брата.

К ним подходит Брендон, молча жмет Алану руку, сияя от радости. Со стороны отец и сын выглядят как близнецы, только Алан пошире в плечах, и его нос и щеки усыпаны мелкими веснушками. «В детстве они были ярче», — с легкой грустинкой думает Ева. Она утыкается в грудь брата, вдыхает запах разогретой солнцем кожи. Алан дергает Эвелин за локон.

— Ты что с волосами сделала, страшилище?

— Не нравится — обреюсь, — нарочито сурово бурчит она.

— Не вздумай! Лысая и без сисек — такую только в зоопарк.

— Милый, что-то у тебя одна тема на уме, — сдерживая улыбку, замечает Элизабет. —

Плохо с девушками на службе?

Алан краснеет до корней волос, усмехается.

— Есть у меня одна. В столице. Видимся иногда.

— Мелкашки! — восклицает Ева и заливается хохотом, указывая за спины брата и родителей.

По перрону, чеканя шаг, шествует майор Коппер. С мрачным и торжественным видом он ведет за уши пару худеньких белокурых подростков. Бежевые рубашки, штаны до колен, аккуратные белые носочки, клетчатые кепки, сдвинутые на затылок. На совершенно одинаковых ангельски красивых личиках — выражение оскорбленной невинности, в голубых глазах застыли невыплаканные слезы.

— Мама! Папа! — отчаянно кричат близнецы, увидев родителей.

Коппер разжимает пальцы, и дети со всех ног несутся к Брендону и Элизабет, обнимают их и прячут хитрые улыбки.

— Малыши мои! — шепчет Элизабет, покрывая щеки близнецов поцелуями. — Как я соскучилась, мои родные...

«Коппер, что они опять натворили?» — спрашивает Брендон.

«За те четыре часа, что мы сюда добирались, они успели проползти под столами в вагоне-ресторане и троим джентльменам связали между собой шнурки. Алан отловил их, когда они прожигали лупой ботинок. Перед прибытием адовы детки забрались в багажный вагон и построили дом из чемоданов. Собственно, всё».

Ева и Алан хохочут в голос, Брендон сгибается пополам, закрывая лицо ладонями. Элизабет прижимает близнецов к себе, утирая слезы рукавом.

— Несправедливо драть детям уши! — обиженно кричит один из подростков.

— Сибил... или Уильям? — неуверенно начинает Элизабет.

— Я Сибил, мама.

— Прости, родная. А где бабушка?

— У бабушки это... амор! — округляет глаза Уильям.

Они с Сибил переглядываются, на губах появляется и тут же прячется улыбка.

«Твоя мать отправила детей одних через Атлантику?» — хмурится Брендон.

— Мы прекрасно долетели, — звенящим голосом отвечает Сибил.

«Капитан дирижабля высказал мне при встрече все, — мрачно жестикулирует Коппер. — Я заплатил за исписанный детками бортовой журнал, за разрисованные стены в каюте, за два испорченных комплекта постельного белья и нервный срыв у стюарда, приставленного приглядывать за юными бандитами».

— Он пытался развести нас по разным каютам, — горестно кривит губы Уильям.

— А в бортовом журнале мы делали записи и вели дневник полета, — вздыхает Сибил. — Не ругайте бабушку. Она прислала вам письмо. Вот оно.

Она вынимает из кармана штанов измятый конверт, протягивает матери. Пока Элизабет распечатывает послание и пробегает взглядом по неровным строчкам, Эвелин подходит к Копперу. Бережно касается рукава заношенной кожаной куртки и шепчет так тихо, что слышит только майор:

— Здравствуй, Роберт. Я так соскучилась по тебе...

После ужина мужчины собираются в гостиной побеседовать, Элизабет уходит в детскую взбить подушки, а Ева с близнецами располагаются в палисаднике на качелях. Девушка садится в середину, а Сибил и Уильям пристраиваются по бокам. Эвелин задумчиво поглаживает младших по светлым волосам, близнецы мурлычут, как котята.

— Как мы по вам скучали, мелкие пакостники, — вздыхает Ева. — Рассказывайте, чему вас за границей учат.

Уильям запускает руку в пакет с конфетами у старшей сестры на коленях, вынимает пару леденцов. Один протягивает Сибил, второй отправляет в рот.

— Учат языкам, манерам, истории и географии, — скучно перечисляет Сибил.

— Еще математике и пению, — вторит ей Уильям.

— Нравится?

Близнецы обмениваются взглядами и в один голос отвечают:

— Нет. Это скучно.

— Бедолажки мои, — сочувственно качает головой Ева. — А есть, что нравится?

— Чтение. В школьной библиотеке много красивых книжек. Там истории про чудовиш и битвы. С картинками, — оживляется Уильям.

— А в замке есть комнаты, про которые никто не знает. С окошками, — делится тайной Сибил. — Мы там прячемся — от бабушки и когда хочется поиграть.

— Мне бы такую комнату, — вздыхает Ева. — Чтобы спрятаться и никто не нашел.

Близнецы обнимают ее, ластятся.

— Не грусти. У тебя амор, да, Ева? — спрашивает Уильям.

— Когда амор, людям хорошо, — возражает ему Сибил.

— Хорошо от амора только вместе. А Ева одна, видишь?

Эвелин улыбается, прижимает обоих к себе.

— Мне хорошо, когда я с вами.

Сибил отталкивается ногами от земли, раскачивает качели. Уильям, прищутив пронзительно-голубые глаза, смотрит в небо.

— Облако-слон. Только вверх ногами и со спины, видишь, Сибил?

— Ага. Ева, почему одинаковых облаков не бывает?

— Бывает. Только они никак не могут друг друга найти. Плавают над землей по всему миру, ищут и не находят... — отвечает она задумчиво.

Уильям ерзает, устраиваясь поуютнее, зевает.

— Одно облако-слон сейчас здесь, а второе...

— В Париже? — спрашивает Сибил.

— Угу, там. Они не могут договориться, где встретиться, потому что...

— Потому что наверху сильный ветер и они не слышат друг друга, — заканчивает за него Сибил.

Эвелин молчит и улыбается, слушая их болтовню. Присутствие близнецов умиротворяет ее, исчезает привычное напряжение и тоска. словно время идет вспять, возвращая их в детство. Шуршит пакет со сладостями, закатное солнце мягко золотит макушки близнецов. От Сибил пахнет ванилью, от Уильяма — корицей.

— И почему вас мама путает? — вслух думает Ева.

— Потому что мы — один человек, — серьезно отвечает Уильям.

— Бабушка тоже путает. И в школе все. И противный Коппер, — дует губы Сибил. — Нас заставляли надевать разную одежду. Бабушка даже вышивала имена на рубашках. Только мы в туалете переодевались. И опять начиналась путаница.

— Ева, нас же не отдадут в разные школы, правда? — с надеждой спрашивает брат.

— Конечно. Пусть только попробуют. Я их в камень превращу.

— Коппера преврати. Он нам уши драл.

— Сибил, перестань. Он хороший, — возражает Ева.

Девчонка хмуро встряхивает кудрями, спрыгивает с качелей.

— Он нас не любит. Дружит только с Аланом. Когда он с Коппером, мы и для него сразу плохие и во всем виноватые, — возмущенно машет руками она.

— Шкодники вы, — улыбается Эвелин.

С крыльца дома спускается Коппер, идет к Еве с близнецами.

— О нет! — верещат Сибил и Уильям в один голос.

«Брысь! — сделав зверское лицо, жестикулирует майор. — Мать зовет».

Уильям подхватывает с коленей Евы пакет со сладостями, и вдвоем с сестрой они убегают в дом. Эвелин отодвигается в сторону, освобождая место на качелях, похлопывает ладонью по доске, предлагая Копперу присесть.

— Расскажи, дорогой Роберт, за что ты маленьких обижаешь, — говорит девушка с легкой укоризной.

Коппер садится подле нее, коротко отвечает:

«Достали проказами».

— Они еще дети, — возражает Ева, незаметно придвигаясь ближе к нему.

«Ты такой не была».

— Я быстро выросла. А ты, кажется, этого не заметил.

«Заметил».

Девушка закидывает ногу на ногу, прижимаясь коленом к бедру Коппера.

— Я тебя два года не видела...

«Больше».

Он смотрит в сторону, на окна дома. Ева тянет его за рукав, глядит умоляюще.

— Поговори со мной. Пожалуйста. Расскажи, как ты живешь.

«Летаю. Патрулируем южную границу империи. Море и небо, небо и море».

— Расскажи, как мир выглядит с высоты.

«Этого не рассказать. Смотреть надо».

— Ты видел дельфинов?

«Нет. Алан видел. Я не люблю отвлекаться во время полетов».

— Сейчас не полет. Посмотри на меня.

Взгляд карих глаз равнодушно скользит по лицу Евы. Девушка пытается улыбнуться, но выходит лишь жалкое подобие улыбки.

— Помнишь, о чем мы говорили с тобой в последний раз?

«Помню. А ты помнишь, что я тебе сказал?»

— Что я маленькая глупая девочка, которой не мешало бы подрасти, прежде чем вешаться на взрослых мужиков, — глухо отвечает она. — Мне двадцать один, Роберт. Я стала взрослой, но ничего не изменилось.

«Вижу. Такая же дурочка», — усмехается Коппер.

Эвелин молча проглатывает обиду.

— Я тебе нужна, — уверенно говорит она.

Коппер беззвучно смеется, обнимает ее одной рукой, второй ерошит Еве волосы. Отпускает, встает с качелей.

«Конечно, нужна. Вы все — моя семья. Хватит, Ева. Не хочу больше возвращаться к этой теме. Я все тебе сказал еще три года назад».

Она нервно облизывает губы, смотрит то на Коппера, то куда-то вверх. Решается.

— Ты знаешь, почему мы с Аланом и мелкашками — единственные дети перерожденных? — спрашивает Эвелин и продолжает, заметив огонек интереса в глазах майора. — Брендон был и остается первым. Оригинал, по образу и подобию которого потомки Кэролайн Баллантайн создавали вас. В него вложена душа творца, любовь на грани с одержимостью...

Ева говорит, распаясь все больше. Коппер слушает, щуря насмешливые карие глаза.

— Наш род особенный, Роберт. И мы с тобой можем иметь детей. Я хочу, чтобы у нас были дети.

«Зачем?» — обрывает ее монолог жест-вопрос.

— Я тебя люблю! — выпаливает она и испуганно закрывает рот ладонью.

Коппер иронично улыбается, кивает то ли с сожалением, то ли просто показать, что слышит. Ева пронесется мимо него в слезах, взлетает по ступенькам крыльца, придерживая длинную юбку, и исчезает в доме.

Спустя десять минут Алан осторожно заглядывает в ее комнату.

— Эвелин?

Комната пуста, но, прислушавшись, Алан слышит сдавленные рыдания. Подходит к распахнутому окну, выглядывает.

— Эй?.. Я к тебе залезу, только не сбрасывай меня, ладно?

Алан проходит по широкому подоконнику, носком ботинка нащупывает знакомый с детства выступ в стене, подтягивается, опираясь на раму, и карабкается на крышу. Ева сидит, спрятав колени под юбку, плачет и курит, сжимая сигарету в дрожащих пальцах. Дым тонко пахнет вишней. Алан садится рядом, как в детстве. Вытягивает ноги, щурится, глядя на закатное солнце.

— Хороший табачок, сестренка. Где берешь?

Эвелин молча дает ему портсигар и спички. Алан закуривает, долго молчит, смакуя сигарету. Ева размазывает тушь по лицу, всхлипывает, часто затягивается, кашляет.

— Дурында, ты либо дыми, либо вой. Только хорошее курило переводишь, — укоризненно говорит Алан.

— Мне еще достанут, — угрюмо бурчит она.

— Что реवेशь-то? Давай я ему морду начищу?

Ева отмахивается от брата, выбрасывает окурок, тут же лезет за новой сигаретой. Алан отбирает у нее портсигар, сокрушенно качает головой:

— Кашляющая, зареванная, прокуренная. Мать несказанно обрадуется, когда тебя увидит. Хорош уже, слышишь? Порыдала — и хватит. Давай вынашивать планы мести. Кому ночью веревку над порогом натягивать, ну?

Девушка смеется сквозь слезы, толкает брата в плечо.

— Я знаю отличную армейскую штуку, — заговорщически подмигивает Алан. — Берется бумага и таз, бумага кладется на грудь спящему. Поджигаем, быстро накрываем перевернутым тазом — и...

Ева истерично хохочет, обнимает его. Алан наматывает черный локон на палец, слегка подергивает.

— Вот, тебе уже лучше. Поговорим без эмоций?

— Толку-то, — отмахивается Эвелин.

— Когда что-то с кем-то обсуждаешь, легче найти решение.

Алан лезет во внутренний карман куртки, вытаскивает носовой платок, протягивает сестре. Она благодарно целует его в висок, краешком платка стирает со щек тушь.

— Дай-ка мне, размазываешь только. Вот, теперь ты человек, а не чумазый погорелец. Так по кому траур, сестричка?

— Не важно.

— Угу, хорошо. Только если второе имя «мистера Не важно» — Роберт Коппер, ты действительно зря рыдала. Он любит только небо и свою «Мнемозину». И шляхами пользуется лишь для того, чтобы не забыть, как это делается.

— Я не шляха, — цедит сквозь зубы Эвелин.

Алан ложится на спину, затягивается, глядя в небо.

— Шляхам хотя бы есть, что с него взять. Родной сестре я такого мужа в жизни не пожелаю. Женщину надо содержать. А у моего майора за душой ничего нет, кроме заваленной мусором квартиры на окраине Нью-Кройдона, в которой он месяцами не появляется, и скверной привычки всех своих баб называть Пенни.

— Я его люблю, Алан. Сколько себя помню, люблю.

— Это ты себя уговариваешь. На самом деле просто цепляешься за детское чувство влюбленности. Я прошел через подобное. Понял, что жить надо проще.

Ева грустно кивает, подбирает коленки к груди, обнимает их. Смотрит вдаль — туда, где за верхушками деревьев видна мерцающая гладь океана. Из кухни сладко пахнет сдобой и кофе, откуда-то доносится мелодия фокстрота. Эвелин думает, насколько маленький, утопающий в зелени Гринстоун не похож на задымленный шумный Нью-Кройдон.

— Отслужу и вернусь домой, — уверенно говорит Алан. — И Маргарет сюда привезу. Тут лучше. Спокойнее. Океан, весной сады цветут... Ева, давай вернемся? Родителей сами обеспечивать будем. Что нам — мы молоды, все сможем!

Девушка вспоминает танцы на берегу Фармингтона, ощущение легкости и полета, чувство свободы и превосходства над теми, кто совсем недавно казался сильнее нее. Вспоминает смуглокожую Нэн, которая смотрит на нее как на живого бога. Маленькую квартирку недалеко от центра. Запах травяных шампуней и кремов в «Цветке тиарэ». Ночные походы в кино с Этьеном. Полосы света на полу вагона монорельса.

Ева вздыхает.

— Когда я далеко от дома, я очень скучаю по семье. Но стоит мне вернуться сюда, я начинаю сомневаться, мое ли это место.

Алан переворачивается набок, пристально смотрит на сестру.

— С каждым годом все сложнее делать выбор. Слушай, а что тебе вообще нужно от жизни? Если глобально?

— Мировое господство, конечно. И горячий шоколад по утрам, — с усмешкой отвечает Эвелин.

— Договорились. Спускаемся вниз, целуем мелочь перед сном и расквартировываемся на ночь по койкам. А утром я сам варю тебе эту тягучую сладкую жижу.

Ева встает, отряхивает юбку и осторожно спускается с крыши в комнату. Алан тушит

окурком о водосток, оставляет его в жестяном желобе и следует за сестрой. Брендон, украдкой наблюдающий за старшими детьми с веранды, перестает хмуриться и отходит от окна.

«Они не взрослеют. Лишь игрушки меняются, — думает он. — Пока мы друг друга слышим и понимаем, все поправимо. Спасибо, Алан».

Утро в родительском доме для Евы начинается не с обещанного горячего шоколада, а с близнецов. С визгом и топотом Сибил и Уильям проносятся по второму этажу, хлопают дверью ванной и продолжают веселье. Хохот и радостные вопли становятся глуше — но дело сделано, весь дом проснулся.

— Ар-р-р!.. — Эвелин натягивает подушку на уши, пытаясь спрятаться в сладкую дрему, но момент упущен, сон улетучился.

Девушка яростно сбрасывает на пол подушку и одеяло, зевая, шаркает к зеркалу. Хмуро расплетает косу, расчесывается, собирает волосы в хвост на затылке. Прислушивается, как в ванной бесятся близнецы, заставляет себя улыбнуться.

В дверь деликатно стучат, Ева накидывает пеньюар и открывает.

— Доброе утро! — бодро приветствует ее Алан. — Я хотел вылить тебе горячего шоколада в постель, но ты проснулась и разрушила мой коварный замысел!

Эвелин целует брата в чисто выбритую щеку, забирает у него из рук чашку горячего, ароматного напитка. Смотрит на начищенные ботинки и отутюженную белую рубашу, хмурится.

— Только не говори мне...

— Мы уезжаем после завтрака, — заканчивает за нее Алан. — Проводишь?

Ева отпивает глоток шоколада, молчит.

— Ладно, я пойму.

Алан выглядит расстроенным. Эвелин ставит чашку на прикроватный столик, возвращается к брату, обнимает его.

— Прости. Я не хочу с ним пересекаться, понимаешь?

— А проводи одного меня? Я тебя столько не видел, страшилище. И не увижу еще неизвестно сколько.

— Алан, мне тяжело.

Брат обнимает ее за плечи, переступает порог комнаты, прикрывает за собой дверь. Усаживает Эвелин на пуфик перед зеркалом.

— Послушай, что я тебе скажу. Хоть ты и моя старшая сестра и тебе положено быть на два года мудрее, но ты все же страшилище и дурында.

— Я в курсе, — усмехается Ева. — Ты мне эти клички прилепил, как только научился говорить.

— Не перебивай умника и красавца! — командным тоном отчитывает ее Алан. — Так вот, уясни одну простую вещь. От того, что ты станешь сидеть взаперти и делать морду, как у полкового тяжеловоза, лучше никому не будет. Хочешь показать Копперу, чего ты стоишь? Покажи, а не прячься! Все, теперь марш выкуривать мелочь из ванной и приводить себя в порядок. Пошла-пошла-пошла! Я требую, чтобы меня на поезд посадила самая роскошная девушка Гринстоуна!

Ева не торопясь допивает шоколад, поправляет пеньюар, подмигивает брату и выходит в коридор.

— Мам, пап, доброе утро! — вопит она, перегнувшись через перила на площадке второго этажа.

Элизабет выглядывает из кухни, машет дочери рукой.

— Ева, скажи малышам, что с потолка уже капает вода!

Эвелин барабанит ладонями по запертой двери ванной и сердито кричит:

— Эй, в субмарине! Приготовиться к всплытию! Ваша лодка дала течь!

Восторженные вопли и плеск воды мгновенно стихают, минуту спустя щелкает дверная задвижка, и близнецы выбегают в коридор, закутанные в одно большое махровое полотенце. Ева провожает их растерянным взглядом, пожимает плечами и заходит в ванную. На полу лужи воды, на стенах — клочья мыльной пены. На запотевшей глади зеркала нарисованы дурацкие рожицы. Эвелин поскальзывается, чертыхается, вылавливает из ванны пару полотенец, поднимает с пола коробку зубного порошка, половину тут же просыпает.

— Мелочь!!! — кричит она в гневе. — Тут хоть что-то осталось, вами не оприходованное?

— Вставать надо раньше! — в один голос отвечают из коридора близнецы.

Не целясь, Эвелин швыряет в дверной проем выжатое полотенце. Спустя пару секунд оно прилетает обратно, шлепает девушку по спине.

— А вот я вас!.. Ой, пап, прости. Я думала, там мелкашки.

«Ерунда, — разводит руками Брендон. — Если это были салочки, все равно ты водишь. Подвинься, я зубы почищу».

— Пап, — осторожно начинает Эвелин. — Сибил и Уильям вместе купались. Это нормально в их возрасте?

Брендон замирает с зубной щеткой в руке.

— Поговорить с мамой?

«Да, пожалуй. Я поговорю с Уильямом, она — с Сибил».

Эвелин развешивает на веревке мокрые полотенца, спускает воду из ванны, вытирает пол. Она медлит, тайком наблюдая за отцом. Брендон умывается, протирает запотевшее зеркало и уходит. По его невозмутимому лицу сложно понять, о чем он думает и какое решение принял.

Элизабет на кухне готовит завтрак, Алан допивает чай. Сибил и Уильям сидят по обе стороны от брата, болтая ногами под столом, и ждут, когда мама дожарит гренки.

— Ева, завтракать будешь? Тосты, яичница, клубника со сметаной?

— Клубника, — кивает девушка и, прищурившись, поворачивается к близнецам: — Пакостники, вы зачем полотенца все вымочили?

— Не все! — гордо отвечает Уильям. — Большое почти сухое!

— Я их постирала, — качаясь на стуле, улыбается Сибил. — От них пахло табаком.

— Алан, — укоризненно окликает сына Элизабет. — Ты куришь?

— В постели и на борту — никогда! — невозмутимо отвечает Алан и хлюпает чаем.

Близнецы хитро смотрят на Еву, и она незаметно для окружающих показывает им кулак. «Кулек конфет», — говорит ей на амслене Уильям. Сибил подкрепляет слова брата решительным кивком.

«Ремня от дядьки Коппера», — с ехидной улыбкой предлагает Ева.

«Кулек конфет, сливочные ириски — и мы вернем твои вишневые сигареты».

Эвелин застывает с открытым ртом, Алан, не сдержавшись, ржет в голос. Элизабет наконец-то отрывается от плиты и смотрит на детей подозрительно.

— Что за пассы руками у меня за спиной?

Все четверо тут же обворожительно улыбаются матери.

— Гренки... — нежным голоском напоминает Сибил.

— Да-да, уже несусь, — спохватывается Элизабет.

После завтрака Ева бежит в свою комнату переодеться... и обнаруживает сидящего на краю кровати Коппера. Эвелин встает в дверях, гордо вскидывает подбородок и спрашивает, стараясь выдерживать равнодушный тон:

— Что-то потерял, крестный?

Коппер поспешно встает, подходит к Еве. Ей странно видеть неуверенность на его лице. «Эвелин, я хотел объясниться».

— Вчера надо было объясняться, Роберт.

Слова даются Еве с трудом. Немеют скулы, наливаются слезами глаза.

«Я не хочу, чтобы мы расставались врагами».

— Мы расстаемся никем. Выйди, мне надо переодеться, чтобы проводить брата.

«Прости, что я был с тобой резок».

— Прощаю, — фыркает Ева. — Всё? Покиньте дамскую комнату, мистер Коппер.

Коппер закрывает за девушкой дверь, отступает на шаг.

«Послушай меня, девочка. Пожалуйста».

Ева отталкивает его, проходит к гардеробу, вытаскивает шелковые черные брюки и летнюю блузку. Переодевается, стоя к майору спиной, и говорит:

— Я столько лет ждала, что ты обратишь на меня внимание. Я берегла себя для тебя, Роберт. И я была бы тебе образцовой женой — любящей, терпеливой, верной. Только вся беда в том, что мне двадцать один, а тебе — за восемьдесят. Тебе глубоко за восемьдесят, хотя на вид всего лишь сорок. Твоя душа истлела от старости, ты пережил все свои желания и веру в себя. Мой отец остается вечно молодым только потому, что они с мамой друг друга любят. А ты пустой. Механический придаток к старому военному дирижаблю, который никогда тебе взаимностью не ответит.

Хлопает дверь. Эвелин оборачивается. Она снова одна в комнате.

— Ты просто трус, — улыбаясь, выплевывает она в пустоту.

— Ева-а-а! — зовут ее близнецы во дворе.

Она быстро заматывает шелковым шарфом волосы и спешит на выход. Алан на крыльце целует маму, обнимает отца, забрасывает на плечо сумку.

— Ну, увидимся через неделю? У меня увольнение на День Независимости. Мелочь, что хотите на день рождения?

— Полетать на «Мнемозине»! — в один голос отвечают близнецы.

— Майор, возьмем балласт на борт разок?

Коппер кивает, салютует Брендону и быстрым шагом идет к калитке.

— Мисс Эвелин? — улыбается Алан.

Ева хватает его под руку, оборачивается к родителям:

— Я провожу брата. Мелкашки, вам задание: собраться на пляж. Вернусь — и купаться!

Втроем они идут по улицам Гринстоуна. Коппер впереди, не сбавляя шаг и не оборачиваясь. Эвелин и Алан следуют за ним. Молодой человек рассказывает сестре о своей девушке, Ева смеется слегка натянуто и старается идти с ним в ногу. Над увитыми диким виноградом двухэтажными домами летают чайки, у моста через единственную в городе речушку торгуют свежей сдобой с корицей и южными яблоками. Детвора в тени играет в

пристенок, три девчонки лет пятнадцати увлеченно рассматривают афишу маленького летнего кинотеатра. У фонтанчика на вокзальной площади строгая старушка продает ванильное мороженое. Алан отлучается и быстро возвращается с двумя стаканчиками ароматного холодного лакомства.

— Я отсюда не уеду, пока мы с тобой не сядем, как в детстве, на край чаши фонтана и это не съедим, — говорит он и, улучив момент, пачкает нос Эвелин мороженым.

— До отправления поезда десять минут, — тревожится Ева.

— Майор взял билеты, не волнуйся. Ешь.

Пять минут на мороженое, две — добежать до своего вагона. Обнять сестру, поцеловать в щеку. Запрыгнуть на подножку и крикнуть, перекрывая шипение пара:

— Маму береги, страшилище! Увидимся через неделю!

Он кричит что-то еще, но поезд шумит, трогаясь, и Ева не может разобрать слов. Она просто стоит на перроне, улыбается и кивает. Алан машет ей рукой и исчезает в вагоне. Эвелин долго стоит и смотрит поезду вслед. Ее охватывает острое чувство безвозвратной потери. Как в детстве, щекочет в носу.

Ева бредет обратно через весь город, натываясь на людей, словно слепая. Ее окликают кто-то из старых знакомых, но она не замечает. Пустота внутри растет, и девушке кажется, что ее мир медленно осыпается в бездну. Она заходит на телеграф, звонит Этьену. И снова телефонистка сообщает ей, что к аппарату никто не подходит. Девушка сухо благодарит, опускает трубку на рычажок.

У калитки родительского дома Ева останавливается, закрывает глаза. Темнота за веками пульсирует, медленно вращается, словно багровый водоворот.

— Эвелин! — верещат над ухом близнецы. — Не спи! Купаться! Мы уже в купальных костюмах, смотри!

Она вздрагивает, заставляет себя улыбнуться.

— Чудесные кружавчики, Сибил. Уильям, у тебя плавки как у взрослого, прекрасно смотришься. Подождите меня минутку, я переоденусь, ладно?

В доме она собирает в пляжную сумку полотенце, крем и старую штору, заглядывает на кухню, берет из вазы на столе пять яблок. На обратном пути ее окликают Элизабет:

— Ева, возьми себе и малышам что-нибудь перекусить на пляж. Я тут в стирке вся, руки в мыле...

— Я взяла, мам.

— Ну-ка, постой. Посмотри на меня. — Элизабет вытирает руки о фартук, касается щеки дочери. — Что с тобой, родная? Что случилось?

— Все хорошо, мам. Взрослею, — без улыбки отвечает Эвелин. — Я пойду, ладно? И... мам, поговори с папой насчет мелкашек. Он знает о чем.

Песок течет из кулака тонкой струйкой. Ветер подхватывает песчинки, уносит куда-то. Ева набирает следующую пригоршню, медленно сыплет на ладонь. Море мурлычет громадным котом, манит ласково. Девушка равнодушно смотрит на серую линию горизонта между небом и водой.

— Ева-а-а! — кричат близнецы. — Ну Ева же! Посмотри!

Она нехотя оборачивается, глядит на песчаный замок, возведенный младшими. Сибил и Уильям машут ей руками, зовут к себе.

«Надо встать, — говорит себе Эвелин. — Надо подойти и посмотреть. Улыбнуться им. Сказать, что это самый красивый песчаный замок из всех, что я когда-либо видела».

Она встает, подходит поближе. Близнецы смотрят на нее настороженно.

— Отличный замок. Да...

Эвелин смолкает, горло стискивает болезненным спазмом.

— У-у-у... Нехорошо, — в голосе Уильяма отчетливо слышны интонации Алана. — Что делать будем?

— Играть? — с улыбкой предлагает Сибил.

Они с братом дуют друг другу на ладони, поднимая маленький вихрь из песчинок.

— Смотри, Ева!

Утихает ветер, впитываются в песок, исчезают волны. Скачут по водной глади два камешка-окатыша. Шлеп-шлеп-шлеп...

— Считаешь?

Двадцать девять, тридцать, тридцать один... пятьдесят... Поверхность океана застывает зеркалом, и со стеклянным звоном скачут по нему вдаль два камешка — черный с белой полосой и белый с черным пятном.

— Слушаешь?

Мелодичный звон искажается, трансформируясь в равномерные щелчки часового механизма. Камешки сливаются в точку на горизонте, часы бьют тринадцать, четырнадцать, двадцать девять, тридцать... пятьдесят...

Близнецы садятся на песок лицом друг к другу. Поднимают руки. С каждым ударом часов их ладони соприкасаются. Удар — хлопок, удар — хлопок. Ритм хлопков меняется, подчиняя себе бой часов, перекраивая под себя время. Мир сворачивается кольцами вокруг пары худеньких белокурых подростков, мир замирает, замороженный их игрой. Вселенная слушает, как два звонких детских голоса, сливаясь в один, нараспев произносят речитативом:

Море видит высоко,

Море ходит далеко.

Кто опасней, чем змея?

Кто умней, чем ты и я?

Там, в зеркальной глубине,

Старый Мудрый спит на дне.

Старый Мудрый спит и ждет,

Время темное придет.

Будет ночь совсем без звезд,

Будут волны в полный рост,

Алый ветер, ржавый снег,

Старый Мудрый спит на дне.

Кто пойдет его будить?

Выходи, тебе водить![1]

Плывут перед глазами яркие пятна, мелькают маленькие руки. Кружится голова, и Эвелин опускается на колени в полосу прибоя. Океан бережно берет ее за запястья, тянет к себе. Кто-то большой и сильный всплывает из глубин, внимательно смотрит в лицо девушке.

— Мне плохо, — выдыхает Ева. — Слышишь? Плохо...

Слезы каплют в соленую воду, океан глухо рокочет, кто-то в глубине беспокойно ворочается, прислушиваясь к ее голосу.

— Ева, играем! — кричат близнецы.

Эвелин медленно поднимается, стряхивает капли воды с пальцев. Переступает с ноги на ногу, вырываясь из плена обжигающе холодных волн. Пятится туда, где звонко хлопают в ладоши Сибил и Уильям.

— Ева, смелее!

Она прислушивается к ритму. Встает на цыпочки. Раз... два... три... хлопок, поворот. Хлопок, хлопок, поворот. Ева танцует на песке, и океанский бриз сушит слезы на ее щеках. С каждым движением становится легче, свободнее, спокойнее. Близнецы смеются, ритм ускоряется. Океан глухо рокочет, волны с шипением впитываются в песок. Небо заволакивает низкими тучами. Ева кружится, прогнувшись назад и раскинув руки, низко тянет звуки Имени Воды.

В сотне миль от берегов империи в глубине океана рождается водоворот. Вода вскипает, течение убыстряется, притягивает к гигантской воронке чайный клипер, возвращающийся к родным берегам. К суше, набирая скорость и мощь, несется огромная волна. Небо стремительно темнеет.

— Смотри, Ева! Кони! — восторженно кричат близнецы.

Девушка открывает глаза, пение обрывается. На берег из океана вылетает табун молочно-белых лошадей, земля гудит под мощными копытами. Эвелин в ужасе бросается к близнецам, хватая их в охапку, падает с ними на песок. Над головой проносится что-то громадное.

— Что это? — шепчет Ева, задыхаясь от страха. — Боже... Что это?!

— Пусти! — кричат близнецы, вырываясь. — Глупая, это твои кони! Они к тебе пришли, отпусти нас!

Она изо всех сил удерживает их на месте, сама сжимается от волн прокатывающегося по спине холода. Тело жалят острые ледяные брызги, от запаха водорослей к горлу подступает тошнота. Над головой — то ли рокот волн, то ли конское фырканье.

— Прочь! — истошно орет Ева. — Прочь от нас!

Мгновение — и все стихает. Эвелин неподвижно лежит на мокром песке, закрывая собой близнецов. Сибил и Уильям кашляют, тормозят сестру.

— Ева, очнись. Ну Ева же!

Девушка приподнимается, опираясь на ладони, садится. Рассеянно смотрит на близнецов, словно спросонья. Вздрагивает, хватая за руку Уильяма.

— Господи, мелкашки! Вы целы? Что это было?

— Ты мне больно делаешь, — возмущается мальчишка. — Зачем ты все испортила?

Сибил подходит, присаживается на корточки возле Эвелин.

— Ты испугалась? — спрашивает она, убирая с лица сестры мокрые, спутанные пряди волос. — Прости. Мы сами не знали, что так получится.

— Это было на самом деле? — ошарашенно спрашивает Ева. — Это было?!

Близнецы синхронно кивают, беззаботно улыбаются.

— Мы играли.

Уильям высвобождает руку, присаживается рядом с Сибил. Они обмениваются хитрыми взглядами, прижимаются плечом к плечу, обнимаются.

— Мелкашки, ну-ка объясните, что вы делали?

— Играли в ладошки, — отвечает Сибил.

— Вот, смотри, — оживает Уильям.

Они с сестрой садятся лицом друг к другу, подобрав ноги по-турецки, хлопают ладонями по острым, как у кузнечиков, коленкам.

— Стоп, стоп! — машет руками Эвелин. — Не надо! Вы можете объяснить словами? Что и для чего вы делаете?

Близнецыжимают плечами, косятся на Еву недовольно.

— Ну... мы хлопаем друг с другом в ладоши. Иногда придумываем считалку, иногда просто так играем.

— Для чего?

Сибил заглядывает сестре в глаза и вкрадчивым, мяукающим голосом спрашивает:

— А для чего ты танцуешь по ночам на берегу реки?

Эвелин оторопело моргает.

— Откуда?..

— Не важно, — отмахивается Уильям. — Главное, что тебе это нравится, ты этим живешь. Ведь так же, Ева?

Сибил обнимает брата сзади за плечи, целует за ухом.

— Иногда к нам приходят звери из огня или земли, — нараспев рассказывает она. — Иногда танцуют светляки. Они как настоящие, только руками не потрогать. Иногда раздвигаются стены. Часы идут назад. Это же так здорово! И больше никто так не умеет.

— Вот почему мы играем только друг с другом. И когда никто не видит, — шепчет Уильям.

Ева хмурится, трет виски ладонями. Смотрит в сияющие голубые глаза близнецов и с ужасом понимает, что она ничего не знает о тех, кого нянчила с самого рождения.

— Не бойся! — мурлычет Сибил. — Ты же наша. Мы тебя любим. Ты можешь с нами играть.

— А мама? Папа? Алан? — осторожно спрашивает Эвелин.

Уильям поджимает губы, качает головой.

— Они не поймут.

— Папа поймет, — возражает Сибил.

— Хочешь, чтобы нас разлучили? — строго спрашивает Уильям, обернувшись.

Сибил испуганно смотрит на него, потом на Еву.

— Нет-нет-нет! Ева, ты же не скажешь им?..

Вместо ответа она обнимает их, ерошит мокрые кудри.

— Все в песке, — вздыхает Эвелин. — Пошли окунемся — и домой.

С воплями и гиканьем близнецы несутся к воде, скачут в волнах, брызгаются. Ева заходит в океан по плечи, отталкивается от дна, ложится на спину и слушает. Ей всё кажется, что рокот, доносящийся издалека, стал звучать иначе. Словно глубина пытается говорить с ней.

— Ответь, что мне делать? — спрашивает девушка вслух. — Кто мы такие? Почему мы способны на то, чего не могут другие? Почему это успокаивает меня, а не пугает? Скажи, кто ты и что хочешь от нас?

Волны покачивают ее тело, мягко ласкают кожу. Легкий бриз касается губ.

— Поговори со мной, — шепчет Ева. — Я не боюсь.

Океан тихо вздыхает, баюкая в сильных ладонях дитя человеческое.

— Не сегодня, — слышит Ева голос Уильяма. И тут же ему вторит Сибил: — Всему свое время.

Домой все трое возвращаются такими тихими и уставшими, что Элизабет тут же чувствует неладное.

— Уильям, Сибил, переодевайтесь — и бегом в гостиную! Мы с папой хотим с вами поговорить. Ева, останься, пожалуйста.

— Да, мам, — вздыхает старшая дочь.

Элизабет поправляет воротничок домашнего платья, присаживается на стул в кухне.

— Родная, ты выглядишь очень усталой и подавленной. Что с тобой?

— Ничего особенного. Плохо спала ночью, перекупалась, только и всего.

— Ты все же мой ребенок. Меня не обманешь.

Эвелин вздыхает, придумывая, что ответить, чтобы сошло за правду, и нервно выдает:

— Этьен не отвечает на телефонные звонки. Ни вчера, ни сегодня с утра. Мне, оказывается, не все равно. Мам, завтра я еду в Нью-Кройдон. Вернусь послезавтра утром.

— Надо ли тебе это? Я имею в виду, что Этьен, скорее всего, просто занят, возможно, его нет в городе. А ты поедешь...

— Надо, — отрезает Ева.

— Как знаешь, — улыбается Элизабет. — Ты уже взрослая, сама решаешь.

По лестнице с грохотом наперегонки сбегают близнецы в рубашках нараспашку и коротких штанишках, пролетают мимо кухни к входной двери, но окрик мамы вынуждает их остановиться:

— Кажется, я кому-то что-то говорила. Или мне почудилось?

С кислым видом Сибил и Уильям возвращаются обратно и идут в гостиную. Чинно садятся на софу, складывают руки на коленях. Ева не сдерживается, прыскает в кулак. Мать оглядывается на нее, укоризненно качает головой.

— Я бы хотела, чтобы ты тоже присутствовала.

— Мам, мне-то зачем? Мне не двенадцать, я знаю, чем мальчики от девочек отличаются. Ну... в теории. — Она вздыхает, закатывает глаза. — Ну ладно, ладно! Только я буду читать!

Близнецы выслушивают мать молча, не перебивая. Элизабет долго рассказывает, почему неприлично братьям и сестрам мыться в одной ванне и спать в одной постели, почему девочкам надо носить платья, а мальчикам — брюки и почему надо слушаться родителей.

Эвелин зевает, прикрываясь книгой. Брендон тайком наблюдает за ней и прячет под ладонью ехидную улыбку.

Спустя полчаса Элизабет все-таки иссякает. Устало смотрит на детей и спрашивает:

— Хорошие мои, я надеюсь, вы поняли, что я вам хотела сказать?

Эвелин отрывается от книги и с любопытством косится на брата с сестрой. И с удивлением видит в голубых глазах близнецов готовые пролиться слезы.

— Мы поняли, — глухо начинает Сибил. — Мы поняли, что для того, чтобы мы вели себя, как требуют глупые приличия, вы заставите нас носить разную одежду, мыться порознь и запретите касаться друг друга и спать без одежды в одной кровати.

— Мама, что плохого в том, что мы всегда вместе? — выкрикивает Уильям. — Мы — одно! Какое зло в этом? Мы всегда были вместе, мы хотим оставаться вместе и впредь! Кому и как мы мешаем?

— Кто придумал, что взрослым можно все, а детям — только то, что решат позволить взрослые? — перебивает брата Сибил. — Думаете, только взрослые умеют любить?

«Сибил, Уильям, успокойтесь! — хмурясь, отрывисто жестикулирует Брендон. — С каких пор слово родителей перестало быть для вас законом?»

— С тех самых, как вы решили нас разлучить! — кричит Уильям, сжимая ладонь сестры.

— Никто вас не разлучает, родной! — испуганно машет руками Элизабет. — Просто будьте благоразумны...

Близнецы ударяются в слезы. Обнимаются, утыкаются друг другу в плечи и так крепко цепляются за одежду, что стиснутые кулаки белеют. Брендон щелкает пальцами, привлекая внимание Евы.

«Милая, придется тебе поспать с Сибил, пока они не смирятся. Уильяма мы с мамой возьмем к себе. Элси, раз все вот так поворачивается, давай подумаем о разных школах с августа. Уильяма можно отдать в кадетский корпус. Элси?..»

Она молчит и смотрит на плачущих детей. И по ее лицу видно, что ей сейчас куда больнее, чем им. Она осторожно подходит, кладет ладони на вздрагивающие светлые вихры.

— Солнышки мои, мы вас очень любим. И никогда не попросим о том, о чем можно было и не просить. Пожалуйста, успокойтесь. Если вы хорошенько подумаете, то увидите, что ничего особенного...

Близнецы отрываются друг от друга, поднимают на мать заплаканные, несчастные глаза.

— Мы — одно, — повторяют они вместе. — Одна кровь. Один голос. Одна жизнь. Кроме нее мне никто не нужен. Кроме него мне не нужен никто. Говорите, что любите нас? Вы все врете. Любящие люди никогда не пожелают зла любимым. Все взрослые лгут, потому что никто из вас не умеет любить так, как мы!

Брендон встает из кресла, берет Сибил за правую руку, Уильяма за левую и разводит по разным комнатам.

«Наказаны на три часа. За дерзость», — сурово объясняет он каждому, прежде чем запереть двери на замок.

Вагон поезда мерно покачивается. В купе душно и жарко от нагретых за день на солнце пеке крыши и стен. Ева полулежит, облокотившись на подушку, и обмахивается

сложенным из газеты веером. От ее соседки по купе — рыхлой, шуршащей парчовым платьем дамы — невероятно разит потом. Эвелин сразу открыла окошко, но легче не стало.

Дама активно желает общаться, до Нью-Кройдона еще час пути. Попытки Евы притвориться дремлющей успехом не увенчиваются. Соседка тарыхтит, не умолкая.

— Мисс, а вы из Нью-Кройдона или из Гринстоуна? У вас очень знакомое лицо, вот я и подумала: где я могла вас раньше встречать? Ужасная жара, не правда ли? Невыносимо! Как хочется дождя! А вы слышали — говорят, в Нью-Кройдоне был страшный шторм! Ну, не в самом городе, а на побережье. Я уверена, что во всем виноваты вудупанки! Это из-за них жара и шторм!

— Угу, — мрачно мычит Ева, сверля тетку ненавидящим взглядом.

Обрадованная хоть какой-то реакцией, дама с энтузиазмом продолжает:

— Они же оккультисты! Крадут младенцев, портят юных девушек, наводят скверну на урожай...

— Из-за них развивается ожирение, — подхватывает Эвелин. — И запоры. И заводятся тараканы. И мужья уходят в запой.

Дама округляет глаза, шокированная таким хамством. Ева злорадно ухмыляется и выдает финальное, подавшись вперед и положив локти на стол:

— Я точно знаю. Хотите, расскажу, как вы умрете?

В купе очень кстати мигает свет, тетка испуганно ахает. Ева не сдерживается, хохочет. До конца путешествия соседка молчит и смотрит в сторону девушки с затаенным ужасом.

Вечерний вокзал встречает Эвелин мягким светом фонарей, усталыми торговцами снедью и газетами, а еще — вездесущими карманниками. Ева крепко сжимает сумочку в руках и быстрым шагом спешит в надземный переход на станцию монорельса. Поднимаясь по ступенькам, она оборачивается и смотрит на здание вокзала. Подсвеченный круглый циферблат с резными стрелками показывает четверть одиннадцатого.

«Успею, — уверенно думает девушка. — Здесь без пересадок, а по набережной немного пробегу».

Пока она стоит и ждет монорельс, на нее с интересом поглядывает пожилой худощавый мужчина в военном мундире. Он подходит к полицейскому патрулю, о чем-то негромко говорит, и два полисмена направляются к Эвелин.

— Добрый вечер, мисс. Покажите ваши документы, пожалуйста.

Ева нервозно улыбается, достает паспорт.

— Что-то не так?

Полисмены внимательно изучают ее данные, разводят руками:

— Все в порядке, мисс, обычная проверка. Просим нас извинить.

Девушка фыркает, убирает документы в сумку и отворачивается. Через пять минут монорельс уносит ее в сторону городской окраины.

Мягко покачиваясь на деревянной скамье, Ева дремлет и думает о близнецах. Откуда в них такая сила? Что она может? Почему они приняли ее в свою игру? Она вспоминает ощущения от странного ритма и то, насколько легко и естественно в этот раз ей далось Имя Воды. Монорельс пронесется сквозь тоннель, и Эвелин чудится, что она снова на берегу и мчатся по песку морские кони, гремя тяжелыми копытами. И нет страха, нет тоски — только восторг и любопытство. Тянутся детские ладони к гриве цвета океанской пены, и водяной скаун косится на близнецов ультрамариновым глазом...

— Вест-Граунд-стейшн, поезд дальше не идет! — слышит Ева голос машиниста и

просыпается.

Она выходит из вагона, спускается к набережной и спешит в сторону железнодорожного моста. В доме на углу улицы что-то празднуют, из раскрытых окон доносится смех, музыка. Ева проделывает несколько па, улыбается. Бархатное небо ласково мерцает звездами, от реки тянет прохладой. У спуска на пустырь Ева видит очертания знакомых автомобилей и кабриолета Этьена.

Предчувствие танца наполняет девушку приятным томлением, она почти бежит, напевая на ходу. Она уже забыла, что садилась в поезд с твердым намерением устроить скандал Этьену, забыла, как плакали запертые в разных комнатах близнецы, какую боль она испытывала еще с утра, когда уезжали Алан и Коппер. Желание танцевать вытесняет все — грусть, усталость, раздражение. Желание, похожее на голод, на манию, овладевает Евой полностью.

Раскрасневшаяся, с растрепанными волосами, Эвелин влетает в круг горящих свечей, кричит радостно, стараясь перекрыть звучащие тамтамы:

— Эй! А почему начали без меня?

Барабанный бой обрывается, кружащиеся на вытоптанной площадке вудупанки останавливаются.

— Ой, Мадан... — растерянно произносит Сара.

— Доброй ночи, Мадан. Здравствуй, — сдержанно приветствуют Эвелин големисты.

Ева оглядывается в поисках Этьена, не находит.

— Доктора нет сегодня? Ну... тогда без него. Не останавливайтесь, я подхватчу ритм!

Вудупанки молчат, отводят глаза. Мария незаметно отступает в сторону и растворяется в темноте. Руки Евы, расстегивающие пуговицы на блузке, замирают. Девушка настороженно смотрит на големистов.

— Что-то не так? — хмуро спрашивает она.

Вперед выходит Ларри, вежливо целует ей руку.

— Здравствуй, Мадан. Как твой отпуск?

— Я специально приехала вечерним поездом, чтобы быть с вами. А вы на меня смотрите как на чужую, — понемногу заводится Ева. — В чем дело, занми[2]?

Дон поворачивается к барабанщикам, машет руками:

— Делаем перерыв. У меня в машине бутылка отличного бренди, не расходитесь.

— Бутылки маловато будет, — натянуто смеется младший брат Ларри, кареглазый барабанщик.

Ева медленно идет по кругу, заглядывая в лица друзей.

— Да что с вами? Что я пропустила? Я что, убила кого и не помню?

— Пока нет.

Девушка вздрагивает от неожиданности, оборачивается.

— Этьен, что происходит?

— Давай отойдем и поговорим, — миролюбиво предлагает он.

— Отходить обязательно? Тут же все свои.

Он разводит руками, выдерживает паузу.

— Хорошо. Ева, тебе больше нельзя участвовать в ритуалах.

Она трясет головой, морщится, как от боли.

— Подожди... Я не расслышала. Что ты сказал?

— Ты больше не участвуешь в ритуальных танцах и пробуждении големов, — вздохнув,

повторяет Этьен.

— Легран, ты болен или пьян? Ты решил меня убрать?

Эвелин отступает на шаг назад, плавно поводит плечами.

— Ева, не надо, — предупреждает Этьен.

Тренированное тело реагирует быстрее, чем Ева успевает ударить. Секунда — и девушка корчится в пыли. Запястья вывернуты за спину, колено Этьена упирается ей между лопаток.

— Прости. Прости меня, — тихо шепчет он, поднимая ее с земли. — Поедем домой, я все тебе объясню.

Ева отталкивает его, отбивается, захлебывается слезами.

— Доктор, ты это... — начинает Дон неуверенно.

— Все в порядке, мы сами разберемся, — поспешно отвечает Этьен.

Прижимая к себе одной рукой орущую, бьющуюся девушку, он срывает с ее шеи косынку, затыкает Эвелин рот. Ева давится, мотает головой, но Этьен не дает ей выплюнуть кляп.

— Ты ее задушишь... — всхлипывает Мария и тут же отшатывается в сторону, напорвшись на взгляд Этьена.

— Разойдитесь, ну! — рявкает Легран.

Ларри подбегает к нему, и вдвоем они укладывают Еву на землю. Пока Ларри удерживает девушку за щиколотки, Этьен мягко дует ей в лицо и нажимает пальцами несколько точек в районе верхних шейных позвонков. Глаза Евы закатываются, тело обмякает, она глубоко вздыхает и отключается. Этьен взваливает ее на плечо, делает несколько шагов.

— Куда ты ее? — спрашивает Ларри.

— Отвезу к себе.

— Надолго она в отключке? Может, поехать с тобой?

— До дома хватит. Все, продолжайте без меня, — тяжело дыша, распоряжается Этьен.

Подходит Мария, вытирает лицо Леграна смоченным в реке куском ткани.

— Ты понимаешь, что она тебе этого не простит? — спрашивает она вполголоса.

— Понимаю, — едва слышно отзывается он. — И прошу тебя: отсидись дома пару недель. На всякий случай.

— А что будет с тобой?

Она бережно промокает влажной тканью царапину на щеке Этьена. В глазах читается: «Я за тебя боюсь». Легран отворачивается.

— Я сам о себе позабочусь. Уходи, Мария.

Он относит Еву в машину, укладывает на заднее сиденье. Поправляет ее разметавшиеся волосы, касается губами ресниц, слипшихся от слез.

По городу кабриолет мчится, с трудом вписываясь в повороты и пугая редких ночных прохожих. У дома Этьен бросает машину на тротуаре, заносит Еву в дом, стараясь не шуметь.

Утром Эвелин просыпается в чужой постели. В окно льется солнечный свет. Над письменным столом горит лампа. Этьен в нелепых очках в толстой черной оправе спит на открытой книге. Ева встает, поправляет грязную мятую юбку, рассматривает прореху на рукаве блузки. Дергает дверную ручку — заперто. Она возвращается к столу, становится за плечом Этьена. Разглядывает его расцарапанную щеку, смотрит на свои руки, всхлипывает. Резкий звук будит Леграна, он поднимает голову, смахивает на стол очки. Оборачивается.

— Ева?..

Она отшатывается, натывается на стеллаж с книгами, что-то роняет.

— Выпусти меня...

— Я тебя отвезу к родителям. Только, пожалуйста, дай мне объясниться.

Ева забивается в угол, садится на корточки, обнимает себя за плечи. Этьен опускается на пол напротив нее, трет заспанные глаза.

— Ты... ты даже не понимаешь, что натворил.

— Понимаю, Ева. Я тебя потерял.

— Зачем ты...

— Я дал слово твоему отцу, что больше не подпущу тебя к ритуалам, — спокойно говорит он.

Ева смотрит на него с ненавистью.

— Врешь. Ты убрал меня, потому что боишься за свою власть.

— Господи, Эвелин! Ты же умная девушка, подумай, прежде чем сказать! Неужели я, по-твоему, такой мелочный придурок?

— Нет. Но мне все равно. Ты мой мир разрушил, Этьен. Я жила этим... Ты ничего не знаешь... вообще ничего обо мне...

Она хватается ртом воздух, часто моргает. Этьен осторожно протягивает руку, касается ее щеки. Придвигается ближе.

— Я тебе звонила, трижды. Тебя не было. Дома происходит что-то страшное... я к тебе, мне не к кому больше! А ты меня — вот так, при всех...

Теплые ладони поглаживают спину Эвелин сквозь тонкую темную ткань. Она утыкается лбом в плечо Леграна, вдыхает слабый запах сандала.

— Я тебя люблю, Ева. Прошу, успокойся. Мы поедем в Гринстоун, втроем поговорим. Я, ты и твой отец. Ты поймешь, почему я запретил тебе.

Ее сердце бьется ровно и спокойно, в глазах стынет зимнее море. Пальцы перебирают пряди волос Этьена, прикасаясь легко и нежно. На правой скуле налипли песчинки, и он собирает их поцелуями.

— Когда я ехала сюда, я надеялась, что ты мне обрадуешься. Что ты выслушаешь и поможешь, — монотонно произносит Ева. — И что, вероятно, у нас с тобой что-то получится. У нас раньше неплохо получалось. В самом начале, ты помнишь?

Этьен кивает, запоминая ощущения от ее прикосновений, ее запах, ее голос.

— Ева, не уходи. Я понимаю, каким мерзавцем выгляжу сейчас, но прошу — позволь мне хотя бы...

— Я позволю. Только дай и мне сказать. Я никогда не думала, что скажу это именно тебе, Этьен.

Она обнимает его крепко-крепко, прижимается лицом к заросшей трехдневной щетиной щеке и шепчет на ухо:

— Я хочу, чтобы ты умер. Из всех сил хочу. Больше всего на свете.

В распахнутое окно льется летняя жара. Сибил и Уильям тихонько сидят за кухонным столом и читают книгу сказок. Элизабет делает вид, что хлопочет по хозяйству, но на самом деле что-то не дает ей уйти, оставив детей одних. Она смотрит на них — молчаливых, поникших, бледных — и не может избавиться от чувства вины.

Ночь прошла без сна. Они с Бренденом развели близнецов по разным спальням, но час спустя обнаружили, что Сибил вылезла через окно на втором этаже и перебралась к брату. До утра Элизабет сидела с плачущей дочерью в комнате Евы, а Брендон удерживал Уильяма в детской. Мальчик кричал и вырывался, но отец был непреклонен. Утром Брендон засобирался на работу. Элизабет вышла его проводить на пять минут, а когда вернулась, нашла близнецов спящими в одной кровати. Она посмотрела на измученные, заплаканные лица детей, поправила сползшее на пол одеяло, тихо вздохнула и вышла.

«Что я сделала не так? — спрашивает себя Элизабет, взбивая ягодный мусс. — За что нам все это? Как теперь быть, что делать?»

Снова и снова она мысленно возвращается к письму от матери. Три страницы мелким почерком о ее романе с местным архитектором и лишь в самом конце несколько строк о том, что близнецы не общаются со сверстниками, частенько озорничают и всюду ходят вдвоем.

«Уильям наотрез отказывается стричься. Сибил не носит платья, не дается делать прическу. Все деньги, получаемые от меня на карманные расходы, они тратят на одинаковую одежду. Преподаватели жалуются, что не могут их рассадить на уроках, что отвечают они только дуэтом. Видимо, детей забавляет абсолютное сходство, но в определенные моменты в этом появляется что-то, что тревожит уже не только меня. Элси, милая, поговори с ними. Ты мать, они обязаны к тебе прислушаться».

Элизабет раскладывает мусс по двум стаканам, берет ложки, несет лакомство близнецам.

— А кому вкусенького? — наигранно весело спрашивает она.

— Спасибо, мама, — тихо отвечают Сибил и Уильям, но к сладкому не притрагиваются.

Она садится рядом с ними, заглядывает в раскрытую книгу.

— О чем эта история?

— О драконе, который выбрал не ту принцессу.

— Почему не ту, Сибил?

— Я Уильям, мам. Не ту, потому что надо было брать дочку свинопаса.

— Она умела готовить и не требовала сокровищ, — вздыхает Сибил. — А эта высокородная дура дракона извела.

— Задраконила, — мрачно поправляет ее Уильям.

— Грустная сказка, — соглашается Элизабет и предлагает: — Может, вам погулять с ребятами? Джеймс, Кэрри, Майкл... Вы их не забыли за год?

Близнецы поднимают на нее печальные голубые глаза.

— С ними скучно, мам. Мы лучше почитаем.

— Они же ваши друзья, — осторожно гнет свою линию Элизабет.

— Мы выросли. Нам с ними не интересно.

— Погодите, но и они выросли тоже!

Уильям переворачивает страницу книги, Сибил заправляет за ухо светлую прядь, вздыхает.

— Мам, нам с Уильямом правда лучше вместе.

— Родная, я и предлагаю вам вдвоем поиграть со сверстниками. Как же вы общались с одноклассниками в Гельвеции?

— Мы учились и читали книги, — сурово отвечает Уильям. — А на праздниках и каникулах нас забирала бабушка, и мы общались с ней.

Элизабет теряется, не знает, что сказать. Ищет слова, комкает салфетку. Дети смотрят на нее хмуро и выжидающе. Руки обоих сложены на краю стола, как во время урока.

— Хорошие мои, друзья вам обязательно нужны. Скоро вы повзрослеете, придет пора заводить семьи, своих детишек. Если ни с кем не дружить, то и выбирать будет не из кого.

— Нам никто не нужен, кроме вас с папой и Евы.

— И Алана, — добавляет Уильям.

— А как же вы станете жить, когда повзрослеете? Работать, содержать дом...

— Мы всегда будем вместе, — уверенно отвечает Сибил. — И работать, и готовить, и убирать. Ничего не изменится, мы уже так делаем в Монтрё.

— Так только лучше! — кивает Уильям. — Мы — один человек, которого просто два.

— Двое, — поправляет его Сибил.

Мать пожимает плечами и оставляет их в покое. Близнецы со вздохом утыкаются в книгу. Когда Элизабет уходит из кухни, Сибил и Уильям быстро придвигаются вплотную, прижимаясь друг к другу плечами и бедрами, берутся за руки. Сибил трется носом о щеку брата, тихонечко мурлычет. Оба счастливо вздыхают и улыбаются.

— Вернется Ева — пойдем к океану, — обнимая сестру, говорит Уильям.

— Поиграем? — мечтательно спрашивает Сибил.

— Обязательно! Скорее бы уже...

Мальчик закрывает книгу, встает, тянет сестру за собой.

— Пойдем на качели. Я так устал за ночь, хочется подремать. Ты погладишь меня?

— А ты меня?

Он кивает, и оба выбегают из кухни.

Через час, с ревом промчавшись по тихой улочке, у калитки дома останавливается большой, тяжелый мотоцикл. С него слезает Эвелин Фланнаган в грязной, изодранной юбке и покрытый пылью с ног до головы Этьен Легран. Пока Этьен паркует железного коня и снимает краги и мотоциклетные очки, Ева бегом спешит в дом.

— Мам, мелкашки, я вернулась!

Этьен не спеша проходит по дорожке палисадника, садится на ступеньки крыльца. Близнецы, разбуженные шумом, зевают, сонно моргают и настороженно глядят на незнакомца.

— Привет, — дружелюбно окликает их Легран.

Дети жмутся друг к другу, косятся на него недоверчиво. Этьен вспоминает, как непрезентабельно он выглядит небритым, с исцарапанным лицом, и поспешно говорит:

— Не пугайтесь! Я привез Еву. Меня зовут Этьен Легран.

Из дома выходит Элизабет, ахает, едва взглянув на молодого человека:

— Господи, откуда вы оба такие ободранные?

— Здравствуйте, Элизабет. Мы немного повздорили с Эвелин и...

— В дом. И умойся. И за стол. Возражения не принимаются!

Этьен, подавив вздох, встает и исчезает в указанном хозяйкой направлении. Близнецы обмениваются вопросительными взглядами.

— Свой? — едва слышно спрашивает Уильям.

— Чужой? — настороженно вторит ему Сибил.

В ванной Этьен долго созерцает в зеркале царапину на щеке. Утренний разговор с Евой крутится в голове, не желает забываться. В приоткрытую дверь заглядывает Эвелин.

— Ты здесь?

— Здесь.

Она заходит, садится на край ванны. Этьен плещет в лицо водой, осматривается в поисках полотенца.

— Отца еще нет.

— Я подожду, если позволишь.

Девушка достает полотенце из стенного шкафчика, протягивает Леграну.

— Этьен, я хотела сказать... Извини. Я не знаю, что на меня нашло, — виновато говорит она, пряча глаза.

Он пожимает плечами, молчит. Роняет полотенце на пол, поспешно наклоняется поднять. Когда выпрямляется, Ева обнимает его и утыкается лицом в шею.

— Прости меня. Я понимаю, насколько больно тебе сделала. Я сожалею о сказанном.

— Словом убить можно, моя Мадан. Ты об этом прекрасно знаешь.

— Я забыла, прости.

В ее искренность не верится, как бы Этьену ни хотелось. Он высвобождается из ее объятий, вешает полотенце на крючок. У Евы глаза побитой дворовой собаки.

— Эвелин, я хочу дождаться твоего отца и поговорить очень серьезно. И только после этого я смогу что-то решить для себя.

— Ты мне нужен.

— Для чего? Чтобы всякий раз пытаться меня за какие-то только тебе известные грехи? Ева, я полтора года терплю твои насмешки и издевательства, ты мне только что в лицо не плюешь, ведешь себя как одержимая. Когда я говорю, что люблю тебя, ты смеешься. Утром ты мне смерти пожелала — и вот говоришь, что я тебе нужен. Зачем, Эвелин?

Не дожидаясь ее ответа, он уходит в гостиную. Элизабет уже хлопчет, собирая на стол.

— Голоден, Этьен?

— Нет, спасибо. Мы с Эвелин перекусили в «Апрельском колдовстве». Не ожидал от вашего маленького городка такого шикарного ресторана.

— О, там мы празднуем все годовщины нашей с Бренденом свадьбы! Там действительно потрясающая кухня и очень уютно. Давай-ка все же чашечку чая и кусок лимонного пирога. — И уже тише она спрашивает: — Вы что, с Евой подрались?

— Почти.

Элизабет ставит на стол тарелку с пирогом, вытирает руки, откидывает в сторону фартук.

— Что произошло?

— Вероятнее всего, мы разойдемся, — мягко отвечает Этьен.

Уголки губ Элизабет печально ползут вниз, она выглядит очень расстроенной.

— Ты хороший парень, Этьен. И я прошу у тебя прощения за свою дочь.

— Не стоит. Она прекрасная девушка, просто у нас не получается быть вместе.

В коридоре звучат легкие шаги, и в гостиную вбегает Эвелин.

— Мам! Он не в настроении, дай я скажу! Мы попробуем еще раз. Можно Этьен останется на ночь?

— Я дождусь мистера Фланнагана, мы поговорим, и я вернусь в Нью-Кройдон, — упрямо качает головой Легран.

— Никуда мы тебя на ночь глядя не отпустим, — машет руками Ева. — Мам, мелкашки просят к океану, я им обещала. Этьен, идем. Познакомлю тебя с близнецами. И купаться, купаться!

Элизабет отворачивается, пряча улыбку. Этьен пытается протестовать:

— Я не взял с собой плавки. Лучше побуду здесь.

— Ой, прекращай! — фыркает Эвелин. — Тоже мне, высший свет! Мы пойдем туда, где никогда никого не бывает. К тому же вечереет, народу и так не много. Давай, ты должен увидеть кое-что интересное.

Она тянет Этьена за руки, и он все-таки уступает.

— Мам, мы вернемся к ужину! — победно восклицает Ева, подталкивая Этьена к выходу.

Близнецы сидят на корточках у дорожки и увлеченно возят прутиками в пыли. Синхронно они выводят абсолютно одинаковые линии и узоры параллельно друг другу. К перекрестку линий подползает муравей.

— Смотри сюда, — шепчет Сибил. — Если он свернет здесь, он попадет на мою линию, пройдет вот тут и выползет к сахарным крошкам.

— А если свернет здесь, он не найдет крошек, останется голодным, — вздыхает Уильям. — Значит, вот его Перекресток.

— Он делает выбор, но не знает, чем выбор обернется.

— Если он поест, ему хватит сил добраться до дома. А если нет, он пройдет до калитки в поисках еды, и его склюет птица.

Близнецы умолкают, наблюдая за муравьем.

— Смотри, — шепчет Ева Этьену на ухо. — Смотри на них. Только не мешай.

Тонкие прутики чертят в пыли узоры. Муравей упрямо продвигается вперед, и Этьен с удивлением понимает, что траектория перемещений насекомого в точности повторяет рисунок одного из близнецов. Разница только в направлении: муравей ползет то по часовой стрелке, то против.

— Стоп, — командует Уильям и откладывает прутик в сторону. — Он выбирает сам.

Насекомое замирает, поводит усиками из стороны в сторону и ползет по левой линии, к калитке.

— Нет-нет-нет! — кричит Сибил. — Давай исправим! Я хочу, чтобы он жил!

Взлетают вверх маленькие руки, со звонким хлопком ударяются друг об друга ладони. Этьен замирает, замороженный странным ритмом игры. Ускоряются движения, частит дыхание. Муравей поворачивает обратно, доходит до точки, откуда свернул к калитке, и идет по правой линии к горке сахарных крупинок.

— Ура! — ликуют близнецы.

Этьен вынимает из нагрудного кармана очки, надевает их, присаживается рядом с детьми.

— Невероятно, — бормочет он растерянно. — Я впервые такое вижу... Чтобы определить точку Перекрестка и суметь на нее вернуться... Это случайность?

— Нет, — лукаво улыбается Сибил. — Это наша Игра. Ты умеешь?

— Он не умеет, но он понимает правила, — улыбается Уильям.

— Умею, — возражает Этьен. — Но делаю по-другому.

Этьен чертит в пыли две расходящиеся в разные стороны линии, прутиком переносит муравья в точку их начала и спрашивает близнецов:

— Право или лево?

— Он пойдет направо, — уверенно отвечают они.

— Теперь смотрите.

Этьен тихо тянет долгий, низкий звук, переводит его в тоненький свист. Муравей, дернувшись было вправо, четко ползет по левой линии.

— Свой! — восторженно выдыхают близнецы.

Две пары сияющих голубых глаз смотрят на Этьена с обожанием.

— Ева, он свой! С ним можно играть!

Эвелин сдержанно кивает, поворачивается к ошеломленному Этьену, щурится хитро:

— Я надеюсь, что заслужила твое прощение, Доктор Легран?

На маленьком пляже меж молом и нависающим над берегом высоким обрывом безлюдно. Клонится к закату солнце, мягко золотит пенные гребешки волн. Океан сонно вздыхает, перебирая камешки в полосе прибоя. Крупные серые чайки выискивают среди куч водорослей мидии и маленьких крабов, хрипло ссорятся между собой за добычу.

Сибил и Уильям в одинаковых панталончиках и кепках выкладывают на песке спираль из ракушек: по краю — побольше, к центру — маленькие. Время от времени близнецы склоняются друг к другу, касаясь губами бледных, незагорелых плеч, розовеющих щек. Они боязливо поглядывают в сторону океана, но Ева и Этьен слишком увлечены. Стоя по грудь в волнах, Этьен покачивает на руках лежащую на воде Эвелин. Волосы девушки развеваются, словно от ветра, подол белой сорочки колышется, будто медуза. Легран украдкой любуется ее просвечивающим сквозь ткань телом и спрашивает:

— Ты знаешь, во что играют твои брат с сестрой?

— Нет. Такую игру я еще не видела.

— Это Перекрестки, одна из любопытнейших теорий девятимерной Вселенной. Существует великое множество вероятностей, но выбираем мы всегда одну. Выбор приходится делать постоянно, потому число того, как все могло бы быть, растет в геометрической прогрессии. Но в жизни каждого из нас есть лишь несколько моментов, ответственных за то, как все происходит дальше. То, что продемонстрировали близнецы, — это примитивная модель. Все на самом деле гораздо сложнее.

— И в чем смысл твоей теории?

— Смысл в том, что, если представить время в качестве измерения, можно возвращаться в точки Перекрестков и выбирать иной путь. Но человек устроен так, что видит время только в одну сторону. Твои мелкашки возвращают муравья на Перекресток посредством звука. Хлопки в ладоши, повторяющиеся в подобранном ими ритме, что-то меняют в событийной цепи «прошлое-будущее», и муравей возвращается и делает иной выбор. Пусть и не игра со временем и пространством, но это вмешательство в судьбу на очень сложном уровне. Я показал им еще один вариант с воздействием звуком, но использовал несколько иной метод — частоту, тональность.

— Этьен, я ничего не понимаю, — улыбается Эвелин. — Проще можешь?

— Близнецы способны управлять судьбой. Невероятные дети! Пока неосознанно, на уровне игры «куда пойдет муравей», но они уже способны. Когда они повзрослеют и поймут, как это работает... Можно будет прожить тысячу разных жизней, если научиться возвращаться на Перекрестки.

— Пойдем на берег. Я попрошу их показать для тебя еще одну Игру.

Они выходят из воды, Ева обжимает на себе рубашку, звонко шлепает Этьена по облепленной мокрой тканью ягодице и убегает к близнецам.

— Лошадей сегодня не получится, — качает головой Сибил в ответ на просьбу сестры показать игру со считалкой.

— Почему?

— Ты очень спокойна, — объясняет Уильям. — Не прозвучишь, как надо.

Этьен с интересом прислушивается, садится рядом.

— Уильям, а в чем суть игры, о которой речь?

— Он нас различает! — восторгается Сибил.

Уильям отмахивается от нее и просто отвечает:

— Если мы играем втроем, к Еве приходят океанские лошади. Мы отбиваем ритм, она поет — и лошади идут к нам. Сегодня не получится, потому что у нее не то настроение.

Эвелин разводит руками, делает виноватое лицо.

— Когда получилось, я плакала, — говорит она и отворачивается.

— Плакала? — переспрашивает Этьен.

— Я скучала. И...

Ева умолкает, вытягивает ноги, счищает с голени налипший песок. Этьен протягивает руку, осторожно касается ее запястья. «Амор», — на амслене говорит брату Сибил и хихикает. Тот заговорщически подмигивает, кидает в Этьена камешком.

— Месье Легран, ты неправильно делаешь.

Ева и Этьен оборачиваются одновременно.

— Ты о чем, Уильям?

— Так она не поймет, что ты хочешь. Надо по-другому.

— Как? — растерянно спрашивает Этьен.

— Вот так!

Мальчишка подскакивает к Сибил, толкает ее на песок, садится верхом и, удерживая руки заливающейся смехом сестры, целует ее в губы. Краска приливает к щекам Эвелин, тут же сменяется бледностью.

— Господи... где вы этому научились? — с трудом выговаривает она.

— Бабушка и ее Ульрих так делают, когда у них амор, — в один голос отвечают близнецы.

Прежде чем Этьен успеет что-либо сказать, Ева подлетает к детям, бьет Уильяма по щеке, хватая за волосы Сибил.

— Не смейте так делать! Никогда! Вам ясно?

Она почти кричит. Сибил смотрит на нее круглыми испуганными глазами, по щекам, обгоняя друг друга, текут слезы. Уильям отталкивает Еву, закрывает собой близняшку.

— Ева, не надо! — запоздало кричит Этьен, оттаскивает ее от детей.

Она тяжело дышит, смотрит то на него, то на мелкашек.

— Вы, двое, быстро ополоснулись — и марш домой! Этьен, пусти!

Близнецы убегают к воде, Этьен разворачивает Еву лицом к себе.

— Это та проблема, из-за которой ты ко мне поехала? — спрашивает он негромко.

Эвелин мрачно кивает.

— Мама уверена, что они спят друг с другом. Мои брат с сестрой. Не просто спят в одной постели, а... Понимаешь?

— Тихо-тихо. Присядь.

Он настойчиво и бережно усаживает девушку на песок, поглаживает ее напряженные плечи. Откидывает за спину длинные мокрые пряди. Ева смотрит на него с отчаянием.

Океан осуждающе вздыхает, шелестя пенными волнами.

— Хочешь знать, что я думаю? — осторожно спрашивает Этьен, наблюдая, как близнецы заходят в воду.

— Хочу.

— Они еще дети. То, что они делают, — подражание взрослым. Неосознанное пока. Они привыкли играть вдвоем, верно? И мир познают вместе. И увиденное нами — это доверие, Ева. Еще одна игра. В то, что делают взрослые, а не они сами. Ты их испугала. Если повезет, они оттают и снова будут тебе доверять. Если нет...

— То что? — вскидывается Эвелин испуганно.

— Могут сделать это снова. Тебе назло. И снова — потому что ты не одобряешь, а им приятно так друг друга касаться. Понимаешь? Окриками и побоями ты их только разозлишь. Сколько им лет? Десять?

— Будет тринадцать на летнее солнцестояние.

— Они выглядят гораздо младше.

— Родились слабыми и до сих пор чахликами остаются, — вздыхает Ева. — И ведут себя как десятилетки. А иногда и еще хуже.

— Так вот, Эвелин: это подростки. Вспомни себя. В таком возрасте, встречая сопротивление, хочется пробивать стены и делать назло, а не слушать взрослых.

— И что теперь?

— Не ломай доверие. Придумывай, как их отвлечь друг от друга. Что родители предлагают?

— В разные школы. Сибил вернуть в Монтрё, Уильяма отдать под присмотр Алана в кадетский корпус.

— Жестоко, — хмурится Этьен.

Близнецы возвращаются обратно — понурые, заплаканные. Ева молча заворачивает в полотенце сперва Сибил, потом Уильяма. Они подбирают с песка кепки, отходят ближе к Этьену.

«Конфеты, — подсказывает Этьен на амслене, пока дети не видят. — И скажи им, что любишь. Сейчас».

— Мелкашки, — дрогнувшим голосом окликает близнецов Эвелин.

Они послушно поворачиваются к ней. Губы Сибил едва заметно подрагивают, на щеке Уильяма — красное пятно. Еву окатывает немислимый стыд и раскаяние.

— Простите. Я вас очень люблю, котята. Очень-очень. Мне не стоило так делать. Пошли домой скорее, там вас конфеты ждут. Мы с Этьеном привезли ваших любимых.

— Не надо конфет, — едва слышно вздыхает Уильям.

Он берет сестру за руку, и они первыми уходят с пустынного пляжа. Этьен и Ева по очереди наспех переодеваются за молом и бегут догонять детей.

Дома у калитки их встречает Брендон. Судя по костюму-«тройке» и шляпе, он только что вернулся из города и еще не успел переодеться.

— Привет, пап.

— Добрый вечер, мистер Фланнаган.

«Приветствую! Как вода?»

— Теплая и воняет водорослями, — морщится Эвелин. — Пап, Этьен у нас сегодня ночует. Не против? Мама уже одобрила.

Брендон приподнимает брови, удивленно смотрит на дочь, потом на Этьена. Кивком

соглашается.

— Ева, если можно — угости пока младших, — просит молодой человек. — Мне на полслова тет-а-тет. Пожалуйста.

Эвелин пожимает плечами и убегает вперед догонять близнецов. Этьен провожает ее взглядом и обращается к Брендону:

— Мистер Фланнаган, я приехал, чтобы поговорить с вами и Евой. Вместе. Вы должны рассказать ей то, что доверили мне. Я исполнил данное вам обещание.

«Спасибо, Этьен. Я знал, что не ошибся в тебе».

— Не ошиблись. Завтра я выступлю перед нью-кرويدонской прессой с заявлением об официальном роспуске вудупанков. Будем собираться маленькой тесной компанией на квартирах. Эвелин я об этом не скажу.

Брендон смотрит на Этьена, словно прикидывая, о чем Легран недоговаривает. Выжидает, пока Этьен закончит, и спрашивает:

«Как Ева восприняла запрет?»

Он качает головой и разводит руками.

— Сказала, что я отнял у нее единственную радость в жизни. Похоже, что мы расстаемся, мистер Фланнаган.

«По ней не скажешь, что у вас разлад».

— Она... я не знаю, как объяснить, сэр. Сперва бросалась на меня, потом плакала, потом умоляла сжалиться и позволить танцевать вместе с другими вудупанками. Сейчас она ведет себя тихо, надеясь, что я оттаю и изменю решение. Ей нужен не я, а доступ к ритуалам.

«Давай подведем итог после разговора? Я уверен, что, когда Ева узнает обо всем, она успокоится и пересмотрит свое поведение».

— Да, мистер Фланнаган. Только есть еще один момент. Близнецы. Похоже, с ними ситуация гораздо сложнее, чем с Евой.

[1] Стихотворение Анастасии Шакировой.

[2] От *zanmi* (креол.) — друг, друзья.

Мадан

В пять часов утра в комнате Алана тихо открывается дверь. Осторожные шаги звучат вниз по лестнице, удаляются к выходу. Едва слышно поворачивается ручка входной двери, поскрипывают ступеньки крыльца. Шуршит гравий на дорожке, негромко звякает цепочка, на которую закрывается калитка.

Этьен не решается заводить мотоцикл, боясь растревожить утренний сон жителей маленькой улочки на набережной. Идет, толкая тяжелую машину по дороге в гору. На повороте слышит за спиной топот бегущих ног, оборачивается.

Они налетают на него вдвоем, обхватывают руками, всхлипывают.

— Эй, ну-ка, оба обратно, — ворчит Этьен, пытаясь одновременно высвободиться из цепких объятий и не уронить мотоцикл. — Мы так не договаривались. Ребят, ну правда!

— Возьми нас к себе, — тихо плачет Сибил. — Не бросай нас...

— Пожалуйста, не оставляй нас! — умоляет Уильям, уткнувшись в живот Этьена заплаканным лицом.

— Я приеду, — пытается соврать Легран.

— Ты не приедешь! — отчаянно кричат близнецы в один голос.

— Вы меня свалите вместе с мотоциклом. Ну-ка, спокойно. Мелкие! Эй! — строго хмурит брови Этьен.

Они послушно разжимают руки, отходят к обочине. Этьен смотрит на них — заспанных, в мятых пижамах, с растрепанными светлыми кудрями — и чувствует себя подлецом. Он ставит мотоцикл на подпорку, присаживается перед близнецами на корточки. Стирает слезы со щек Сибил, потом Уильяма.

— Так, ангелочки... У вас память хорошая?

Они кивают, все еще всхлипывая.

— Брикс-авеню, тридцать шесть. Напротив Канви-парка, бывали там?

— Бывали...

— Это совсем рядом со станцией монорельса. Не доходя четверть мили до Авер-кросс. Запомнили?

Кивают. Вытирают рукавами носы.

— Я всегда буду вам рад. Живу я один, вы никогда не помешаете.

Сибил протяжно всхлипывает. Этьен гладит ее по голове, заправляет за уши растрепанные волосы.

— Я поговорю с вашим отцом. Думаю, он не станет возражать, если я буду забирать вас раз-другой в месяц.

— У тебя есть, где играть? — с надеждой спрашивает Уильям.

— Конечно. У меня есть оранжерея. Там настоящие маленькие джунгли, даже игуана живет. За оранжереей приглядывает пожилая глуховатая мэм, но она вам мешать не будет.

Уильям берет сестру за руку, смотрит Этьену в глаза.

— Мы больше не будем плакать.

— Ты молодец, настоящий мужчина.

Этьен встает, обнимает обоих.

— Я вас хочу попросить, можно?

— Можно, — мурлычет Сибил и льнет к его ладони.

— Не теряйте друг друга. Никогда. Даже если вас разлучат. Вы всегда друг друга услышите. Мир мал на самом деле, в нем всегда можно найтись. Только не сдавайтесь.

— А ты? — спрашивает Уильям. — Ты нас найдешь?

— Даже не сомневайтесь. А теперь бегите домой, пока родители весь городок в поисках вас не перевернули.

Он ерошит светлые кудри близнецов, опускает на лицо защитные очки, надевает краги. Убирает подпорку мотоцикла, садится. Оборачивается к детям и подмигивает:

— И не плакать!

— Не плакать, — соглашаются Сибил и Уильям.

С ревом заводится двигатель «железного коня». Этьен машет им на прощанье рукой, секунды — и он исчезает за поворотом.

— Пойдем... — вздыхает мальчишка.

Сибил переступает босыми ногами, морщится.

— Пятку ушибла, когда бежали, — жалуется она.

Брат усаживает ее на край тротуара, садится рядом. Девочка кладет ему ногу на колени, Уильям осматривает ссадину на пятке. Накрывает ранку ладонью правой руки, левой переплетается с Сибил пальцами.

— Сейчас у меня немного поболит и пройдет, — обещает он.

К дому они возвращаются, бережно поддерживая друг друга под руку. Сибил идет ровно, Уильям слегка прихрамывает.

— Ой, папа... — испуганно ахает Сибил.

Брендон ждет детей у калитки. Они подходят, делают виноватый вид. Он подхватывает обоих на руки, относит в дом. В прихожей ставит на пол, смотрит на них ласково и качает головой.

«Пожалуйста, не делайте так больше. Я волновался».

— Мы же дома, — вздыхает Уильям.

— И больше мы так не сделаем, потому что Этьен уехал и не вернется, — шепотом говорит Сибил и отворачивается.

В восемь утра просыпается Эвелин. Находит подсунутый под дверь комнаты исписанный мелким почерком лист и картонную папку. Трет сонные глаза, зевает, возвращается в кровать. Откидывает занавеску, чтобы впустить в комнату побольше света и прочитать послание.

«Моя дорогая Эвелин. Прости, я не стал тебя будить, чтобы попрощаться. Иначе я не смог бы уехать. Ева, нам нельзя быть вместе. Я — это вудупанк, а вудупанк — это громадный соблазн и риск для тебя. Я не сумею тебя удержать и сберечь, Ева. Во время ритуалов ты становишься другим человеком. Страшным, властным, чужим, одержимым. Ритуалы для тебя превратились в наркотик. Я распускаю людей официально и прошу тебя не искать никого из нас. Цветок тиарэ теперь полностью принадлежит Агнесс Флетчер, я не буду мозолить тебе глаза в Нью-Кройдоне.

В папке — бумаги, оформленные на тебя. Лавандовое поле близ Гринстоуна теперь твое. Помнишь, ты спросила, что я могу тебе дать? Свободу, Ева. Без любви только она имеет смысл. Будь счастлива, моя Мадан. Прощай.

Любящий тебя, Э. Л.».

— С-скотина, — цедит Эвелин сквозь зубы. — Тварь трусливая! Предатель!

Дрожащими руками она комкает письмо, швыряет его на пол. Туда же летит папка с документами. Девушка мечется по комнате, натываясь на мебель, как слепая.

— Испугался, Легран? Я, значит, чудовище, да? Подменьш? — шипит Ева, кривя губы.

— Ева, что случилось? — испуганно спрашивает из коридора Элизабет.

Эвелин рывком распахивает дверь, предстает перед матерью в одной ночной сорочке, с лихорадочно блестящими глазами.

— Все хорошо, мама. Я теперь хозяйка большого куска земли и снова девушка на выданье!

Элизабет смотрит на дочь с тревогой, тянется пригладить взъерошенные черные волосы. Эвелин отшатывается, улыбается, как одурманенная.

— Что же вы мне раньше не сказали, что я проклятая, мам?

— Ева, родная, ну что ты такое говоришь? Что произошло? Вечером же разошлись спокойно, обо всем договорились...

— О чем же? — шурится Эвелин.

Элизабет растерянно хватая ртом воздух, ищет слова.

— Что ничего не меняется... ты наш любимый ребенок, Этьен тебя любит... Что ты не станешь больше...

— Не любит, мама! И никогда не любил, как я и думала, — давится горькими словами Эвелин. — Сбежал, как только подвернулась возможность. Мерзавец. Ничего. Он мне не нужен. Не нужен!

— Тише, не кричи, — умоляет Элизабет. — Успокойся, родная.

— Я спокойна, мам. Я даже рада, что не ошиблась в нем. Мне не нужен трус в качестве мужа.

— Ева...

— Ни слова не желаю слышать, мама. Ни слова больше о нем. Дай мне побыть одной. Я приведу себя в порядок и спущусь завтракать.

Она выходит, когда младшие уже допивают какао и доедают остатки лимонного пирога. Берет со стола нож и срезает под корень плотно заплетенную косу. Короткие пряди рассыпаются по щекам.

— Ева! — ахает мать.

— Меняю имидж, — невозмутимо отвечает Эвелин.

— Милая, ты ж ее десять лет отращивала...

— Я без волос перестаю быть твоим ребенком?

Элизабет поджимает губы, качает головой. Близнецы смотрят на Эвелин осуждающе. Она ловит их суровые взгляды, подмигивает заговорщически:

— А с кем я сейчас купаться пойду, кто-нибудь подскажет?

— С мамой.

— Сибил, ты чего такая мрачная?

Девочка встает из-за стола, брат тут же присоединяется к ней.

— Зачем ты все портишь? — спрашивают они в один голос.

Ева делает вид, что не услышала.

— Скорее собирайтесь! Мам, и ты. Идем купаться, а потом заглянем в магазин, прикупим мелкашкам ко дню рождения обновок. Мам, ну не смотри так. Хочешь, я тебе прическу такую наверчу, что полгорода помрет от зависти?

— Тоже ножом? — без улыбки спрашивает Элизабет.

Девушка убирает нож в ящик стола, пожимает плечами.

— Расческой и плойкой, конечно. Могу чуть-чуть подровнять ножницами. — Ева разжимает левую ладонь, в которой держит отрезанную косу и маленькую куколку вуду. — А, чуть не забыла. Сибил, держи игрушку.

Фигурка ложится в подставленную ладонь. Девочка тут же прячет ее в нагрудный карман. Уильям еле заметно улыбается.

— Сибил, пойдём одеваться?

— Отдельно! — успеваёт строго прикрикнуть Элизабет, прежде чем близнецы убегают на второй этаж.

В детской Сибил вытаскивает куколку из кармана, глаза сияют от восторга.

— Мы же его никому не отдадим? — спрашивает она брата.

— Конечно. Спрячь получше. Ева захочет его найти и сломать. Нельзя позволить.

— Надо носить с собой. Всегда-всегда. Тогда ничего не случится.

Мальчик кивает, достаёт из ящика стола жестяную коробку от леденцов. Девочка бережно укладывает в нее фигурку, поглаживая ее пальцем. Накрывает носовым платком.

— Спрячь. Вернемся — я сошью мешочек, чтобы носить на шее.

— И мне тогда. А то нас смогут различать по нему.

— Будем носить по очереди, — решает Сибил. — А теперь переодеваемся. Я хочу к морю.

На пляже Эвелин садится по-турецки и начинает плести из отрезанных волос длинную веревочку толщиной почти в мизинец. Тонкие пальцы с покрытыми бледным перламутром ногтями ловко завязывают узелок за узелком.

— Милая, что ты делаешь? — спрашивает Элизабет.

— Хочу сохранить. В ней было десять лет памяти, — отвечает Ева, вплетая очередную тоненькую прядь. — У вудупанков есть хорошая традиция: никогда не выбрасывать волосы. Ими могут воспользоваться твои недруги. И еще: не позволяй стричь себя тому, кому не доверяешь.

Близнецы кидают в море камешки, считают, чей проскачет дальше. Элизабет наблюдает за ними из-под ладони, щурится на солнце. Ева плетет, тихо напевая что-то, чередуя несколько нот. Океан нежится под солнцем, неподвижный и гладкий, как зеркало.

— Замер. Слушает, — усмехается Эвелин.

— Кто?

— Кто-то большой и сильный, мам. Далеко-далеко отсюда.

Элизабет кивает.

— Ты думаешь, что я странно себя веду, да, мама?

— Не то чтобы странно... Я думала, будет иначе.

— Может, и будет. Только мне вдруг стало здорово все равно. Есть ты, папа, близнецы и Алан. Это навсегда. Все, что кроме, — преходящее. Стоит ли так расстраиваться? Пойду окунусь.

Она уходит, провожаемая пристальным взглядом Элизабет. Подбегает к Сибил и Уильяму, окатывает их брызгами, смеется, глядя, как младшие с визгом разбегаются. Заходит в неподвижную воду по колени, склоняется. Водит по поверхности сплетенной из волос веревкой, выписывая причудливые петли и знаки. И шепчет едва слышно:

— Иди ко мне. Теперь я знаю, кто ты. И я знаю, чего ты хочешь. Давай поиграем.

Она выпрямляется, оглядывается на берег, втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Падают в океан еще одна соленая капля, но это не морская вода.

— Я же чудовище, не так ли? — криво улыбается Ева и ныряет в первую набежавшую волну.

Вечером накануне дня рождения близнецов Элизабет долго не может найти себе места. Неясное чувство тревоги не дает присесть, заставляет ходить по дому, словно что-то выискивая, перекладывая с места на место вещи, заглядывать то в одну, то в другую комнату.

«Родная моя, что с тобой?» — беспокоится Брендон.

Он ловит ее за руку, привлекает к себе. Она целует мужа в нос, поправляет воротник рубашки. Видит маленькое бурое пятнышко, хмурится.

— Брендон, это откуда? Опять ржавчина. Когда ты был в нью-кroyдонской мастерской последний раз?

«Я не помню. Работы слишком много, Элси. Не успеваю в городе никуда. А ты ушла от ответа, между прочим».

— Тебе надо о себе заботиться, пойми. Механизм изнашивается, так и до беды недалеко. Помнишь, сколько пришлось возиться с коленом?

Рука в перчатке бережно гладит подколотые шпильками русые волосы. Серые глаза смотрят на Элизабет устало.

«С коленом была уж очень старая история. И сам виноват: не стоило играть с младшими в футбол. Так что тебя волнует, Элси?»

— Дети, — признаётся она.

«Тебе мало четверых?» — беззвучно смеется Брендон.

— Когда они разъезжаются, мне очень хочется, чтобы в доме был малыш. Или вернуть их раннее детство. Чтобы никто не уезжал. Чтобы все оставались вместе.

«Алан женится скоро. Говорил мне, что ухаживает за девушкой в столице, намерения у обоих серьезные».

— У Алана все в порядке, и я за него спокойна. Но Ева и малыши... Брендон, с ними точно что-то происходит. И они не говорят мне ничего.

Она умолкает, вспоминая последний разговор с Этьеном. Известие о том, что Эвелин общалась с вудупанками, шокировало Элизабет. И то, что Брендон, который знал об этом, ничего ей не сказал, ее обидело.

«Почему мать обо всем узнаёт последней? — с горечью вопрошала она. — Да, я не знала, чем занимается Этьен помимо бизнеса! Да, я не читаю газет! Но почему мне никто не сказал, что моя дочь участвует в спиритических сеансах и обрядовых плясках?»

Брендон и Этьен успокаивали ее, Эвелин молча сидела в углу и ждала, пока все утомится. На рассказ отца о том, что случилось до ее рождения, Ева отреагировала горькой усмешкой: «Здорово. Я и не думала никогда, что я — чудовище». И все. Ни испуга, ни вопросов, вообще никаких эмоций. Словно ей сказали что-то будничное и совершенно не важное.

С того дня Эвелин стала напоминать матери тень. Спокойную, послушную, иногда улыбающуюся, но замкнувшуюся в себе полностью. Она помогала по хозяйству, играла с близнецами, ходила за покупками на рынок, но как Элизабет ни старалась, так и не сумела

понять, что творится у дочери в душе.

— Помнишь, какой она была до отъезда в Нью-Кройдон? — спрашивает Элизабет, прислушиваясь к тиканию часов в прихожей.

«Помню. Амбиции, сумасшедшая любовь к Копперу, отказ от общения с подругами, ссоры каждый день...»

Элизабет прижимается щекой к волосам Брендона, обнимает его за плечи.

— Да. Если подумать, она так бурно реагировала на любые мелочи. А сейчас, когда произошло нечто более значимое, она ведет себя так, будто ничего не случилось. Погрохотала мебелью в своей комнате, когда уехал Этьен, и все. Может, помирятся еще? Неплохой же парень, хоть мне и кажется, что опасный.

«Опасный. Он это сам понимает. Потому и ушел. Я разговаривал с ним вчера. Он позвонил мне в контору и извинился за то, что уехал, не попрощавшись. Мы встретились во время обеденного перерыва, посидели и побеседовали по-мужски. Что бы Эвелин ни говорила, он любит ее. Развалил организацию, на доход от которой существовали три городские мастерские для перерожденных, театр и несколько клубов. Сказал, что должен много работать, так как содержание их теперь полностью легло на его плечи».

— Бедняга, — вздыхает Элизабет.

Брендон покидает уютное кресло, подходит к окну, открывает его. Вечерняя прохлада постепенно проникает в комнату. Ветерок, качающий занавеску, пахнет океаном.

«Этьен просит не разлучать младших, — продолжает Брендон. — Говорит, что понимает причины их странного поведения и готов попытаться что-то с этим сделать».

— Как? — настороженно спрашивает Элизабет.

«Близнецы к нему очень привязались. Мне это странно, обычно они плохо контактируют с чужими. Видимо, Легран действительно нашел к ним ключик. Он попросил разрешения видаться с ними время от времени. Сказал, что может преподавать им языки, математику и физику, если мы согласимся. Я не против».

Элизабет залезает на стул, открывает дверцы стенного шкафа, достает большую деревянную шкатулку, спускается и садится с ней на диван. Откидывает резную крышку, выкладывает рядом с собой вязанные крючком младенческие пинетки и перехваченные лентой исписанные блокноты.

— Смотри, красные, вот эти — Эвелин. Помнишь, она постоянно тянула ноги в рот? Мама думала, что мне не хватает молока и дочка голодная. А по-моему, ей просто нравилось кусать башмачки. А вот эти пинетки — Алана. Вторую я довязывала уже после его рождения. Видишь, они немного по цвету отличаются? А это — Сибил и Уильяма. Смотри, они меньше всех.

«Младшие до года их носили, да, — нежно улыбается Брендон, касаясь крошечных вещей. — Элси, я вот уже двадцать один год счастлив. У нас семья. Все получилось. У нас прекрасные дети».

— Я чувствую угрозу, родной. Как в то время, когда носила Еву. Еще в Монтрё — тогда за нами приехали. И позже, когда рожала близнецов, ощущала нечто похожее.

«Ты же чуть не умерла вместе с ними, — мрачно кивает Брендон. — Потому и предчувствовала такое».

— Сейчас иное. Этьен сказал, что у нас не могло быть обычных детей. Я присматриваюсь к Еве, к младшим и понимаю, что он прав. Я люблю их по-прежнему, ничуть не меньше, но... Я предчувствую что-то страшное. И не знаю, чего я жду, милый.

«Успокойся. Ты накручиваешь себя из-за того, что у старшей не сложилось с парнем. Этьен всего лишь теоретик, мало ли, что он думает. За младшими я никаких странностей не замечаю, обычные ранние подростки, слишком много времени проводящие друг с другом. Алан — совершенно нормальный, беспроблемный юноша. Ева... вот Ева — да. Но она поклялась не подходить к оккультным знаниям на пушечный выстрел и держать себя в руках».

— Прислушайся, — просит Элизабет.

Брендон поднимает голову, замирает. Тихо. Лишь тикают в прихожей старинные часы, и шелестит на ветру листва миндального дерева за окном.

«Тишина».

— Именно. Ева спит, последние дни она ложится сразу, как поужинает. Это нормально? Сибил и Уильям еще не собрались ко сну, они сидят и читают. Не шумят, не бегают по лестнице, не устраивают погром и беспорядок. А когда они только приехали, вспомни, какой гам стоял в доме. Сейчас эти трое напоминают тени, Брендон.

«Младшим мы запретили...»

— Они слушаются. При мне ни разу не коснулись друг друга. Сибил вчера позволила Еве вплести в волосы ленту. Просто позволила. Ни радости, ни интереса. Даже в зеркало не взглянула после. Сказала, что я теперь точно не буду их с братом путать, и ушла читать. Брендон, что с ними? Они ведут себя так, словно живут в тюрьме.

«Близнецам трудно понять, что они взрослеют. Я тоже не думал, что они настолько тяжело это воспримут».

Элизабет убирает детские вещи обратно в шкатулку, со вздохом закрывает крышку.

— Пойду уложу младших.

«Ты им разрешила спать вместе?» — хмурится Брендон.

— Да, но я сама буду на соседней кровати.

«Элизабет, это неправильно! Если мы что-то решили, нельзя менять тактику!»

Она трет усталые глаза ладонью, развязывает на шее Брендона шелковую косынку. Расстегивает пуговицы на рубашке.

— Папа тоже устал и идет спать. Мама дожидается, когда уснут детки, и возвращается к папе. И не маши на меня руками, родной. У меня не получится каждую ночь заматывать Сибил в простыню, чтобы она не вырвалась и не убежала. Уильям до утра плачет, как это можно выдержать? Нет, Брендон. Пусть будут вместе, я прослежу, чтобы они не... не...

Она краснеет, запинается, вздыхает и смотрит на Брендона с отчаянием. Он кивает, показывая, что понял и все в порядке.

«Иди. Я подкину топлива и лягу. Буду тебя ждать. И прошу: не нагнетай плохие мысли. Я тебя люблю».

Элизабет ополаскивается в ванне, переодевается в длинную ночную сорочку и поднимается на второй этаж. Тихонько заглядывает в комнату Евы. Девушка спит, обняв одеяло. Элизабет на цыпочках проходит, поправляет подушку под головой Эвелин, слегка касается остриженных волос.

— Я тебя тоже люблю, мам... — вздыхает Ева.

— Спи, моя девочка.

Близнецы сидят на подоконнике, разложив на коленях альбом для рисования, и старательно выводят какие-то узоры и линии.

— Малыши мои, пора спать! — хлопает в ладоши Элизабет. — Утром у кого-то день

рождения, вы не забыли?

— Сейчас, мам, — хором отзываются они. — Надо закончить рисунок.

Элизабет разбирает детям кровать, перестилает простынь, взбивает подушки. Кладет себе подушку и одеяло на диван. Присаживается рядом с близнецами у окна, заглядывает в рисунок. На листе бумаги словно стоит зеркало, которое отражает изображение, сделанное красным карандашом Сибил, — но в синем цвете карандаша Уильяма. Абсолютно одинаковый узор из спиралей, петель, переплетающихся геометрических фигур, переходящих одна в другую.

— Удивительно. Что это? — спрашивает Элизабет.

— Перекрестки и отражения, — отвечает Сибил.

— Мам, ты можешь сосчитать до двадцати, и мы закончим, — не отрываясь от рисунка, говорит Уильям.

Элизабет терпеливо ждет, когда они завершат. Синхронные движения карандашей по бумаге завораживают, заставляют веки тяжелеть. Как сквозь вату, Элизабет слышит голоса детей:

— Все, мам, мы закончили! Ма-ам?..

Она стряхивает оцепенение, улыбается.

— Надевайте пижамки — и прыг в кровать! Уильям, выйди, сестра переоденется. Потом ты, Сибил.

Через десять минут Элизабет спит глубоким сном рядом с детьми. Близнецы прислушиваются к дыханию матери, улыбаются в темноте. Сбрасывают на пол одеяло и подушки, расстегивают пуговицы на пижамных рубашках. Обнимаются, медленно поглаживают друг друга ладонями по худеньким спинам. Уильям развязывает ленту, вплетенную в волосы Сибил, сестра нежно проводит пальцем по его губам.

— Улыбаешься... — еле слышно шепчет она.

— А у тебя мурашки, — откликается Уильям.

— Это от счастья. Погладь меня еще.

— Да. Мама спит. Мы вместе.

— Навсегда?

— До конца времен. Давай загадаем?

— Чтобы никто не разлучил нас никогда-никогда.

— До конца времен.

Праздничный Нью-Кройдон пестрит флагами, гирляндами из цветов и афишами, зазывающими горожан на самые разные развлечения. Сибил и Уильям едва не выпадают из окна машины, глаза по сторонам, и Ева то и дело шикает на них, призывая сидеть спокойно.

— Мелкашки! Ну-ка, уселись ровно! Не посмотрю, что у вас день рождения, обоим влеплю!

— Ева, Ева, гляди — рыбы над крышами! Здорово-о-овые! — восторженно вопят близнецы. — Мам! Вон мисс вся в монетках!

— Ар-р-р! — выдыхает Эвелин, отвешивая звонкие шлепки по ягодицам младших.

На пару минут в машине воцаряется тишина и дисциплина, никто не вылезает в открытое окно и не скачет нетерпеливо на сиденье, но...

— Ева, Ева! Гляди — змей! И бантики в хвосте! Раз, два... четыре... семь! Семь бантов

Как он их поднимает? Мам, пап, мороженое правда будет?

Элизабет на переднем сиденье тихонько посмеивается, украдкой наблюдая в зеркало заднего вида за детьми. Эвелин корчит матери недовольные рожи. С самого утра у нее болит голова и радоваться празднику не получается. Хочется разогнать близнецов, вытянуть ноги и потребовать у Этьена ехать быстрее. Но память услужливо подсказывает: «Ты не с Этьеном больше, дорогуша», — и Ева снова раздраженно рывкает на младших:

— Ну пять минут посидите спокойно, а? Вы меня затолкали, банда!

— Ева, тише. Они давно никуда не выбирались, — с укоризной качает головой Элизабет.

— Мам! Ну не четырехлетние уже! Обратно поедem — ты с ними сядешь!

— Ух ты — цирк! Ева, гляди! — восторженно вопят близнецы.

Уильям перебирается через колени старшей сестры на сторону Сибил, чтобы лучше видеть. Эвелин сдавленно стонет, закатывает глаза. Перспектива провести с младшими весь день абсолютно не радует.

«Спихнуть их Алану, запереться в его каюте на Мнемозине и поспать, пока мы летать будем», — мрачно думает она, глядя в окно.

Центр города перекрыт из-за праздничного шествия, и Брендон пускает машину в объезд. Еще пятнадцать минут Еве приходится терпеть восторженные вопли и прыжки на сиденье, время от времени раздавая дисциплинирующие шлепки. И когда авто наконец-то вырывается с шумных улиц на окраину и едет мимо череды однообразных доков Солта, Эвелин испытывает невероятное облегчение.

— Мам, во сколько у вас опера заканчивается?

— Около полуночи, родная. Мы вас подхватим с карнавала на побережье. Надо сразу договориться о месте встречи. Папа вряд ли найдет, где запарковаться у выхода с городского пляжа, потому давайте возле...

— Можно возле кинотеатра. Помнишь, где это?

Брендон кивает, поднимает левую руку: «Я помню».

— Отлично, — улыбается Элизабет.

У дока на повороте их встречает Алан. Машет руками, подпрыгивает на месте, как мальчишка. Увидев его, близнецы снова высовываются в окно, рискуя вывалиться или перевернуть машину.

— Да сколько ж можно! — рычит Эвелин, резко дергает младших на себя. — Я вас выпихну в следующий раз!

Близнецы плюхаются на сиденье, испуганно косятся на старшую сестру, Сибил придерживает брата за руку.

— Ева, — с укоризной окликает ее мать.

— Что «Ева»? Ну сколько можно скакать, как мартышки?

Брендон останавливает машину, и Алан по одному вытягивает близнецов в окно.

— Ага-а-а! — вопит он, щекоча младших. — Они потолстели на целый год! И носы вытянулись на дюйм минимум! С днем рождения, мелочь!

Сибил и Уильям хохочут, обнимая брата. Эвелин выходит из автомобиля, раздраженно хлопнув дверцей.

«Подожди», — останавливает ее Брендон.

— Ну что? — огрызается она.

«Держи себя в руках. Не порть им праздник, дай пошалить. Они и так слишком тихие

последние дни», — просит отец.

Эвелин нервно дергает щекой, фыркает.

— Алан, какие планы? — обращается она к брату.

— Страшилище, где твоя коса? — удивляется он. — Нас в кафе не пустят, Коппер с дирижабля развернет, не узнав!

— Плевать на Коппера. Так куда двигаем?

— Сперва полетаем! — дуэтом кричат близнецы.

Алан кивает, ерошит их светлые кудри. Подмигивает родителям:

— Взрослые, счастливо отдохнуть. Мам, много не пей!

Элизабет набирает в грудь побольше воздуха, готовясь выразить возмущение, но Алан нежно чмокает ее в щеку и подхалимски добавляет:

— Мамочка, ты у нас такая красивая, что тебя точно попытаются спойть. Отец, ты с нее глаз не спускай!

Сибил и Уильям тянут брата за руки в сторону дока, Эвелин вяло машет родителям и спешит за Аланом и близнецами.

У входа в ангар Алан останавливается, строго смотрит на младших:

— Мелочь, внимание! Сейчас вы услышите много незнакомых слов. Большинство из них вам повторять нельзя ни при каких обстоятельствах. На всякий случай лучше ничего не повторять. Ясно?

— А что только нам? А Еве можно?

— Ева их и так знает, — меланхолично откликается сестра.

— А что это за слова? — хитро сверкая глазами, вопрошают близнецы.

— В большинстве своем — страшные заклятья воздушных пиратов. У тех, кто не умеет ими пользоваться, растут волосы на руках, — делая страшные глаза, отвечает Алан.

— У тебя волосы на груди от этого, да? — серьезно спрашивает Уильям.

Алан делает вид, что подавился, машет руками.

— Фланнаган! — кричат ему из ангара. — Какого ты тут болтаешься, у тебя увольнение до утра!

— Живу я здесь! — орет Алан в ответ. Подмигивает близнецам и Эвелин: — Ну, пошли. Полетаем над городом.

Вчетвером они поднимаются на механическом лифте к платформе, соединенной деревянным мостком с гондолой «Мнемозины». Близнецы восторженно перешептываются, вертят головами, рассматривая зеркальное брюхо дирижабля, цепи, удерживающие «Мнемозину» в ангаре. Алан загоняет младших на борт, просит следовать за ним и ничего не трогать. Сибил и Уильям осторожно проходят за братом. Маленькие руки аккуратно поглаживают снасти, деревянные лакированные перила.

— Алан, а сколько тут ярусов? А сколько человек в команде? А это палубой называется, как на корабле, да? А машинное отделение почему на самом верху? — пристают с вопросами близнецы, и Алан терпеливо отвечает, разъясняет.

— Фланнаган, прохиндей! — перед ними возникает мощная фигура, густо заросшая волосами и увенчанная мятой фуражкой. — Что за посторонние на имперском флагмане?

— Это высокие гости, ради которых у нас сегодня внеплановый вылет, — важно отвечает Алан, ловко огибая атлета.

Сибил и Уильям смотрят на летчика, пятятся.

«Это от тех слов, наверное», — говорит девочка брату на амслене.

«Или он оборотень», — бледнея, кивает Уильям.

— Доброго дня, — холодно бросает Ева, проходя мимо.

Верзила скребет пятерней черную бороду, провожает Эвелин удивленным взглядом. Фланнаганы идут в капитанскую рубку, минуя череду кают экипажа.

— Эй, Алан! Это твоя невеста? А детки чьи? — довольно гогочет троица, одетая в перепачканные углем комбинезоны.

— Это старшая сестра, кретины. И младшие — брат с сестрой, — фыркает Алан.

— А по заднице сестричку хлопнуть можно?

Эвелин меняется в лице, подходит к троице. Выдергивает у одного из парней сигарету из-за уха, у второго прикуривает, затягивается и выдыхает в лицо вместе с клубом вонючего дыма:

— Ну, попробуй.

На дружный хохот из рубки выходит Коппер. Видит Еву и близнецов, хмурится.

«Так, курение на борту!» — грозно жестикулирует он.

— Да, сэр! Простите, сэр!

«Три месяца без увольнения. Всем троим».

Он поворачивается к притихшим близнецам и Эвелин, подмигивает:

«Привет, крестнички. Ну, с днем рождения, бесенята!»

— Дядька Ко-о-оппер! — оттаивают Сибил и Уильям. — А порулить «Мнемозиной» можно будет?

«В моем присутствии можно все. Готовы к вылету?»

— Готовы, — отвечает за всех Алан.

— Ал, я могу тебя попросить? — спрашивает Ева, отвернувшись от Коппера.

— Конечно.

— Присмотришь за мелкашками? Мне бы часок полежать у тебя в каюте. Что-то немного нездоровится, прости.

Но прежде чем Алан успевает что-либо сказать, отвечает Коппер:

«Я провожу. На правах капитана».

Он галантно берет Эвелин под локоток и уводит. Девушка идет с ним, равнодушно глядя перед собой. Встречные косятся на нее с интересом, расступаются. Ева чувствует, что раздражение, владевшее ею в машине, снова начинает подниматься в ней.

— Сэр Роберт, а чем так удивлена ваша команда? — спрашивает она.

«Тебя увидели, только и всего. Я не вожу женщин на борт. Принципиально».

— Что — только мужчин? — нарочно громко смеется Эвелин.

Коппер бросает на нее красноречивый взгляд, чуть сильнее стискивает ее локоть, ускоряет шаг. Поворот, несколько ступенек вниз, ковровая дорожка под ногами, ладонь скользит по перилам из красного дерева. Стальные пальцы ослабляют хватку, теперь Коппер не тащит ее за собой, а поддерживает под руку.

«Стой, пришли».

Майор толкает дверь одной из кают, делает приглашающий жест. Ева проходит, оглядывается по сторонам. Койка в углу, откидной стол у стены и сундук, исполняющий роль стула, — вот и все убранство. Стены голые, лишь у двери вбит гвоздь — импровизированная вешалка.

— Это твой дом, Роберт?

Он кивает.

— Аскетично, — подводит итог Эвелин.

«Ложись и отдыхай. Если боишься упасть на пол при взлете, можешь приподнять край койки, там подпорка есть».

— Как ты так живешь? В каюте нет даже запаха...

«Я тебя сюда привел именно для того, чтобы показать, чем я живу».

Он кланяется, приложив ладонь к груди, улыбается одними губами.

Ева садится на койку, сбрасывает легкие кожаные туфли без каблуков. Коппер наблюдает за ней, не торопится уходить.

— Остаться хочешь? — спрашивает девушка с усмешкой. — А постель для двоих не узковата?

Он делает ровно три шага, пересекая крохотную каюту. Склоняется над Эвелин, касается сухими прохладными губами щеки. Выпрямляется, глядя вверх головы девушки.

«Отдохни, глупая. Алан зайдет за тобой».

Коппер уходит, тихо прикрыв за собой дверь. Ева делает долгий выдох, падает лицом в жесткую подушку. Поджимает ноги в просторных шелковых штанах, ютится, устраиваясь поудобнее. Закрывает глаза и чувствует, как тело покидает непонятное напряжение.

«Все прочь. Ничего не хочу. Только слушать голос океана», — думает девушка, погружаясь в дрему.

Будит ее встревоженный Алан. Трясет настойчиво за плечо, игнорируя недовольное бормотание сестры.

— Страшилище, проснись. Ты должна это видеть. Давай, хватит узурпировать ложе капитана.

— Ну что там? — бурчит Эвелин, зевая.

— Пойдем, давай быстрее, — торопит брат.

— Мелкашки за борт выпали?

— Дура, — добродушно ругается Алан. — Мелочь в порядке. Таращились в иллюминаторы в рубке, сидели, играли в ладушки. Сводил их глянуть за борт, а там... Пошли, сама увидишь.

Вдвоем они бегут коридорами, пробираются по лестницам, проталкиваются мимо встревоженного экипажа «Мнемозины» к фальшборту. Сибил и Уильям стоят, перегнувшись через перила, и молча глядят вниз. Коппер крепко держит близнецов за лямки штанов. Ева и Алан встают у перил и смотрят туда, куда устремлены глаза окружающих.

«Мнемозина» летит над океаном. От края до края раскинулась серая гладь, далеко к северу виднеется тонкая нить берегов империи. А южнее, в толще воды проглядывает что-то очень большое, еще более темное, чем шкура океана.

— Какая высота? — спрашивает Ева.

— Полмили, — отвечает Алан, вглядываясь в темное нечто.

— Что это впереди?

— Понятия не имею, но оно громадное.

Близнецы бросаются к Эвелин и Алану, обнимают их.

— Ну, бояться нечего! — уверенно утешает их старший брат. — Просто солнце подсвечивает какой-нибудь здоровый косяк рыбы.

«Это не рыба, — говорит Коппер. И впервые в жизни Ева видит в карих глазах беспокойство. — Край ровный, не меняет очертаний. Сейчас снизимся, подойдем ближе».

— Не надо! — умоляет Сибил. — Не надо!

Ева присаживается на корточки перед бледной, перепуганной сестрой, берет ее за запястья.

— Ну-ка, посмотри на меня!

Сибил часто дышит, мотает головой, старается высвободиться. Алан крепко хватает Уильяма, который бросается к сестре на подмогу.

— Мелкашки, что это? — спокойным, ровным голосом спрашивает Эвелин. — Отвечайте немедленно.

— Это не мы! — истошно кричит Сибил. — Это не мы сделали!

Народ у фальшборта возбужденно шумит, обсуждая то ли истерику у ребенка, то ли странное нечто в глубине океана. «Мнемозина» подлетает ближе, снижается.

— Это воронка, — говорит кто-то.

Ева отпускает сестру, Уильям вырывается из рук Алана, и они вдвоем с Сибил скрываются в рубке. Их никто не догоняет, все смотрят вниз.

Гигантская воронка, в глубине которой пульсирует темнота, в диаметре не меньше трех с половиной миль. На ее краю будто налипли соринки и щепки. Коппер снимает с пояса подзорную трубу, вглядывается, медленно опускает руки.

— Что там, майор? — спрашивает Алан.

«Корабли. Те, что мы искали последние три дня, — отвечает Коппер и командует: — Срочно радиограмму в столицу. И поворачиваем обратно. Все по местам».

— Ева, прости, я должен, — шепчет Алан девушке на ухо и уходит быстрым шагом. Секунды — и Эвелин остается у фальшборта одна.

Океан дышит в лицо холодом и свежестью. Ветер меняет направление — это «Мнемозина» идет на разворот. Не в силах оторваться, Ева смотрит туда, где пульсирует, будто живая, громадная воронка. Пульсирует в ритме ее сердца. Эвелин делает шаг от ограждений, встает на цыпочки и начинает кружиться, раскинув руки. Звуки неизвестных ей Имен срываются с губ, летят, подхваченные ветром. Океан жадно впитывает их, вращение водоворота ускоряется. Из самого центра воронки взмывает ввысь водяной протуберанец.

«Иди ко мне, — поет Эвелин на языке, понятном только ей. — Иди, я здесь».

В капитанской рубке близнецы рисуют что-то в судовом журнале, плача и вырывая друг у друга карандаш. Грифель ломается, и Уильям изо всех сил старается начертить что-то маленьким кусочком графита, пока Сибил мечется в поисках другого карандаша. Их никто не видит, каждый на «Мнемозине» занят своим делом. Флагман имперского воздушного флота возвращается в Нью-Кройдон на максимально возможной для его двигателей скорости.

— Ну хватит уже, поглядите на меня оба! — командует Ева и улыбается — чересчур радостно и искусственно. — Чего вы так испугались?

Близнецы одновременно качают головами и утыкаются в тарелки с ужином. Ева пожимает плечами.

— Как маленькие, честно. Мне неудобно было перед командой, когда мои тринадцатилетние брат с сестрой в рев ударились. Вы что — никогда не видели водоворота? Вы же летели над Атлантикой, там полно такого.

— Мы ничего похожего не видели, — глядя в пол, робко отвечает Уильям. — И это не повод высмеивать нас перед всеми.

Эвелин усмехается, отмахивается от брата:

— Ерунда. Не надо было паниковать. Алан же вам сказал, что нет ничего страшного.

Чудовищ не существует.

Сибил отправляет в рот мидию, запивает водой из хрустального бокала.

— Ты правда считаешь, что нам с Уильямом почудился глубинный монстр? — тихо спрашивает она.

— Я уверена, Сибил. Это оптический эффект над глубоким местом. Преломление лучей солнца над водоворотом. Сработало так, что воронка показалась огромной.

— А корабли? — отрывается от еды Уильям.

Ева фыркает, делает круглые глаза. Опирается локтями на стол и насмешливо спрашивает:

— А ты их сам видел?

Уильям теряется, беспомощно смотрит на Сибил. Та молча жует, но по ее виду понятно, что она растеряна и сбита с толку.

— Глупыши, Коппер вас разыграл, чтобы долго не летать. А вы поверили, — смеется Ева и примирительно добавляет: — Я сама почти поверила.

Близнецы краснеют, потом бледнеют, обмениваются взглядами. Голубые глаза наполняются слезами.

— Эй, ну вы чего? — удивляется Эвелин. — Да, плохая была шутка. Но нам ничего не угрожает. Доедайте мидий, сейчас принесут еще фруктов и десерт.

Сибил обводит растерянным взглядом зал ресторана, смотрит на спокойно трапезничающих людей, на тяжелые хрустальные люстры под потолком, снова на Эвелин.

— Ева, а почему Алан сейчас не с нами? — спрашивает она. — Если все хорошо, то почему он остался на «Мнемозине», а не пошел с нами праздновать?

— У нас все же день рождения, — тяжело вздыхает Уильям.

Ева с трудом заминает тему, обещая, что Алан вернется, как только сможет. Она улыбается, болтает без умолку, шутит, тискает близнецов. Постепенно они успокаиваются и приходят в свое обычное настроение. К окончанию праздничного ужина они смеются вдвоем, старшая сестра делает из салфетки и горстки ягод маленького голема и заставляет его танцевать на тарелке Уильяма.

На улице сгущаются сумерки, один за другим зажигаются фонари. Официант приоткрывает окно, и в душное помещение начинает просачиваться вечерняя прохлада. Ева прислушивается к доносящимся снаружи звукам музыки, оживляется, подмигивает младшим:

— А пойдете наружу? Там целый город празднует ваш день рождения, представляете?

— День Независимости же... — неуверенно тянут близнецы.

— Ничего подобного! Мы-то с вами знаем, в чью честь гуляния! Доедайте мороженое, и пошши. У меня есть отличная идея.

Ева выходит в уборную, младшие провожают ее удивленными взглядами.

— Утром она была злая, а теперь смотри... — шепотом говорит Сибил.

— Может, голова болела? — предполагает брат.

— Наверное. Знаешь...

— Знаю. Я тоже не хочу на карнавал. Домой бы.

Уильям протягивает руку, и сестра льнет к его ладони.

— Ты веришь, что мы могли ошибиться? — спрашивает девочка.

Брат пожимает плечами.

— Могли. Правда, раньше не ошибались же. Но раз Ева так спокойна...

Сибил отодвигает стул, подходит к брату, встает на цыпочки, обнимает его и целует в макушку.

— Я ее теперь боюсь. Она же тебя ударила.

Взгляд мальчишки становится по-взрослому острым и суровым. Он тихо вздыхает, смотрит в сторону открытого окна. Колышется легкая занавеска, ветер пахнет океаном.

— Будет дождь, — одними губами говорит Уильям.

Сестра лишь крепче обнимает его и тихо мурлычет. Она знает, что это успокаивает ее вторую половинку. Ее пугает неуверенность на лице Уильяма, и она старается поправить ситуацию как может.

Возвращается Эвелин, подзывает официанта, расплачивается по счету.

— Ну что, блондинчики, идем?

На улице их подхватывает людской поток — пестрая, распеваящая песни, танцующая река празднующих горожан. Близнецы глазят по сторонам, разглядывают яркие костюмы, маски, украшенные перьями и блестками, акробатов, прыгающих через голову прямо на ходу, жонглеров.

— Ева, погляди — там мистер с обезьянкой!

— Подойдите поближе, попросите у мистера погладить мартышку. Наверняка разрешит за мелкую монетку, — смеется сестра. — Только не потеряйтесь!

Она смотрит, как младшие пробираются сквозь толпу, крепко держа друг друга за руки. Кивает своим мыслям, прибавляется к бродячему оркестру и идет рядом с передвижной платформой музыкантов, пританцовывая на ходу. Ей легко, хорошо и празднично, хочется петь и кружиться, поддавшись общему настрою.

«Я знаю, чего я хочу, — думает она, глядя на зажигающиеся над Нью-Кройдоном звезды. — Я точно знаю, что я такое и для чего родилась. Потерпи немного, я помогу тебе».

Мелькают тонкие руки, бьются на щеках короткие черные пряди, пляшет на груди алый мешочек гри-гри. Эвелин танцует, запрокинув лицо к небу.

— Нам разрешили погладить! У обезьянки такая жесткая шерсть, — вырывает ее из ритма танца голос Уильяма. — Ева, она замечательная!

Эвелин подхватывает близнецов под руки, тянет в круг.

— Идите к нам скорее! Танцуйте с нами!

Кто-то набрасывает на детей гирлянду из бумажных цветов, Сибил подбирает с земли ярко-алый гибискус, пристраивает за ухо. Близнецы включаются в танец — сперва робко, потом все смелее и смелее. Они старательно подражают движениям уличной танцовщицы, отплясывающей на платформе. Взрослые любят ими, смеются.

— Какие красивые дети! Это ваши, мисс Фланнаган?

Ева оборачивается. К ней обращается худощавый мужчина солидного возраста с гладко зачесанными темными волосами с проседью. Лицо скрывает полумаска, но почему-то Эвелин уверена, что уже встречала этого господина в сером пиджаке. Где, когда — не помнит.

— Это мои брат и сестра, — отвечает Ева и настороженно спрашивает: — Мы знакомы, мистер?..

— С вами лично — нет, но я неплохо знаю ваших родителей. Близнецы все в отца, — вежливо улыбается мужчина. — А вы очень похожи на своего деда.

И, прежде чем Ева собирается спросить что-то еще, незнакомец коротко кланяется и исчезает в толпе. Девушка растеряно пожимает плечами и вскоре забывает о странном господине, поглощенная ритмом танца. Праздничная процессия приближается к городскому пляжу, ветер усиливается. Люди спускаются по каменным ступеням к океану, рассаживаются на песке. Эвелин выхватывает из толпы Сибил и Уильяма, ведет их за собой, ловко маневрируя между прохожими.

— Куда мы идем? — спрашивают близнецы.

Оба покраснелись, Сибил пристроила свой цветок за ухо брату. Бело-розовая бумажная гирлянда, объединяющая детей, похожа на ожерелье из воздушной кукурузы.

— Это сюрприз, — таинственно отвечает Ева. — Не отставайте, мелкашки, скорее, скорее.

Она видит кого-то впереди, машет рукой. Сибил сильнее стискивает ладонь брата, заглядывает ему в глаза. Уильям напряженно всматривается в толпу, сжав губы в прямую линию.

— Дон! Эй, Дон! — кричит Эвелин.

Высокий плечистый парень оборачивается, шарит глазами по толпе. Видит Еву, удивленно вскидывает брови, машет ей в ответ. Девушка проталкивается к нему, близнецы почти бегут, стараясь успеть за ней, спотыкаются.

— Пошли-пошли-пошли! — подгоняет их Ева.

Секунды — и они догоняют Дона. Он глядит на них удивленно.

— Мадан? Не ожидал тебя тут увидеть.

— Здравствуй, — улыбается Эвелин. — Значит, судьба.

— Твои сестренки? — кивает парень на близнецов.

Сибил и Уильям смотрят на него, насупившись. Ева треплет их светлые кудри, смеется:

— Брат и сестра. У них день рождения сегодня.

Дон присаживается на корточки, растерянно улыбается:

— Прошу прощения, куклята. С днем рождения!

— Спасибо, мистер, — сурово отвечает Уильям.

— Дон, а можно тебя попросить?

Ева просто излучает обаяние, и парень мгновенно соглашается:

— Конечно, Мадан!

— Дай им разок задать ритм барабанщикам. У них талант. Сделай моим мелкашкам подарок!

Сибил и Уильям переглядываются, поднимают глаза на Еву.

— Поиграем? — шепотом спрашивает она. — Со считалочкой. Чтобы кони, да?

— Тут же люди... — неуверенно отвечает Сибил.

Эвелин обнимает ее, нежно целует в щеку.

— Малышка моя любимая, это же мои кони, да? Я буду осторожной, обещаю.

Девушка выпрямляется, глаза ее азартно сверкают.

— Играем?

Близнецы молча кивают. Дон осторожно спрашивает:

— Мадан, Этьен меня за это не прикончит?

— Этьен больше не распоряжается, — холодно отвечает Эвелин. — Ну, идем?

— А фейерверки? — робко спрашивает Уильям.

— Увидите еще! Ну, догоняйте мистера Дона! Поторопитесь!

Вчетвером они поднимаются на огороженную площадку у самой кромки океана. В выходные здесь устраиваются танцы, сейчас же площадку отдали барабанщикам. Большинство из них Эвелин знает по вудупанку, приветствует их легким кивком. Пока Дон о чем-то говорит с задающим ритм музыкантом, Ева всматривается в темное небо над океаном. Близнецы, которых она крепко держит за руки, выглядят испуганными и подавленными.

— Ну, я договорился, — докладывает подошедший Дон. — Раз ребята будут вести, им бы поближе к барабанщикам встать.

— Мы сядем, — еле слышно говорит Сибил. — Стоя нельзя играть.

Ева подталкивает их вперед, близнецы медлят.

— Ну вы что? — удивляется Эвелин. — Играем! Втроем, перед всеми!

Сибил крепко-крепко обнимает брата, что-то шепчет ему на ухо. Он гладит сестру по щеке, грустно кивает. Оба садятся на деревянный пол, смотрят друг другу в глаза, поднимают руки. хлопок над головой, хлопок по коленям, хлопок по ладоням сидящего напротив.

Море видит высоко,

Море ходит далеко...

Первые слова звучат совсем тихо, приглушенные звонкими шлепками ладоней. Громкость нарастает постепенно, ритм становится четким, его подхватывают барабанщики. Налетает порыв ветра — не теплый, легкий бриз, а ледяной, сырой, с запахом гниющих водорослей.

Будет ночь совсем без звезд,

Будут волны в полный рост...

Ева встает на цыпочки, улыбаясь, как пьяная, — бессмысленно и счастливо. Вскидывает руки над головой, подхватывает ритм и считалку близнецов. Холодный ветер треплет остриженные волосы, широкие шелковые штанины. Люди на побережье замирают, прислушиваясь к низкому, рокочущему звуку, внезапно прокатившемуся над океаном.

Эвелин выводит первый звук Имени Воды, добавляя в него ноту, от которой у Дона мороз проходит по коже. Первый звук замирает, сменяется вторым, третьим...

— Мадан, не надо! — кричит Дон, охваченный непонятным ужасом, но поздно.

Ева тянет последний звук Имени — низкий и тоскливый, похожий на собачий вой. Ветер подхватывает его, множит, усиливает. Близнецы выкрикивают последние слова считалки, зажмурились:

Алый ветер, ржавый снег,

Старый Мудрый спит на дне.

Кто пойдет его будить?

Выходи, тебе водить!

Над берегом воцаряется тишина. Не слышно ни голосов, ни шума волн. Океан застывает гигантским черным зеркалом. Испуганные люди озираются по сторонам, силясь понять, что происходит. Небо стремительно заволакивают тучи — серые, словно подсвеченные изнутри. На землю обрушиваются струи холодного дождя. Далеко-далеко появляется, нарастая, глухой рокот.

— Кони... — глотая слезы, выдыхает Сибил и бросается в объятья брата.

По океанской глади несется к берегу табун молочно-белых коней. С огромной скоростью приближается к остолбеневшим от изумления горожанам. Ева прыгает на месте, хлопая в ладоши, как ребенок, хохочет. По толпе прокатывается крик ужаса: кони летят на людей, не сбавляя скорости.

— Иди ко мне! — кричит Эвелин. — Иди же!

Сибил и Уильям первыми приходят в себя и с диким визгом бросаются прочь. Лошади вылетают на берег, подминая под копыта людей. Громадный белый конь останавливается перед Эвелин, фыркает, обдавая ее лицо холодом. Ева вынимает из кармана брюк веревку, сплетенную из собственной косы, надевает импровизированную уздечку на морду зверя. Подпрыгивает, хватается за гриву. Под пальцами — песок и морская пена, но за них так легко держаться. Мгновение — и Ева уже на коне верхом. Качнувшись, усаживается ровно, бьет скакуна пятками в бока и восторженно визжит:

— Их-х-ха-а-а!!!

Белый морской конь галопом несется по пляжу, увлекая за собой весь табун. Тяжелые копыта сбивают с ног бегущих людей, ступают по спинам и головам, окрашиваясь алым. Табун мчится по побережью, оставляя след из изломанных, растоптанных тел. Эвелин направляет своего скакуна в город, уводя коней за собой.

Вслед за лошадьми из океана приходит волна высотой в семь ярдов и обрушивается стеной, сметая все на своем пути.

— Мама-а-а-а! — сливаются в единый крик сотни голосов.

За первой волной приходит вторая, третья. Океан медленно наползает на сушу, выбрасывая на берег холодные водяные щупальца.

Этьен Легран просыпается среди ночи мокрым от пота, руки дрожат. По всему городу протяжно воют сирены. Этьен открывает окно, и в спальню врывается холодный косой ливень.

— Что происходит-то? — удивленно произносит Этьен.

Он бегом спускается на первый этаж, зажигает свет в холле, хватается телефонную трубку.

— Мисс! Алло! Мисс, соедините меня с квартирой мэра. Черт, номер... Сейчас.

Он называет номер, ждет. Трубка долго молчит, и Этьен не выдерживает:

— Мисс, что происходит в городе, не подска... Мистер Ирвинг, это Этьен, прошу прощения за ночной звонок. Что случилось? Почему сирены? Потоп? Невозможно! Мамат дома, надеюсь? Нет, никто из моих вудупанков не прича... Что?!

Связь прерывается. С минуту Этьен стоит и смотрит в одну точку. Потом бережно опускает телефонную трубку на рычажки и возвращается в спальню. Натягивает брюки, садится на кровать. Слушает в оцепенении, как барабанит по жестяному подоконнику дождь и надсадно воют сирены. Смотрит на стенные часы: стрелки словно застряли на трех четвертях третьего.

С комода на Леграна печально глядит маленькая кукла вуду с тонкими льняными косичками. Этьен вертит ее в пальцах, подкидывает на ладони.

«Это не Ева, — крутится в голове единственная мысль. — Это не может быть Ева».

Он относит фигурку в рабочий кабинет, прячет в шкатулку с документами. Бросает короткий взгляд на сидящего в углу автоматона. Вспышкой-воспоминанием мелькает перед глазами русоволосая девушка, поглаживающая механическое плечо: «Если твоя жизнь искусственна и не наполнена смыслом, она пуста».

— Чем же ты наполняешь свою жизнь, Эвелин? — вопрошает Этьен в пустоту.

Чтобы как-то справиться с растущим волнением, Легран пытается отвлечься на дела. Пишет ответ на письмо партнера по бизнесу, собирает гри-гри и заговаривает его на везение в азартных играх для очередного важного клиента. Грохот дождевых струй по подоконнику мешает, действует на нервы. Легран спускается к телефону, желая позвонить друзьям, но линия занята.

Он идет в оранжерею, включает свет. Крупная серая игуана выползает из зарослей переплетенных лиан, шурша хвостом по опавшим листьям и лепесткам, ожидая корма. Этьен гладит шершавую шкуру животного, приносит с кухни манго и банан, режет их и скармливает игуане ломтики.

Наверху слышится звон бьющегося стекла, Этьен поспешно ставит на пол тарелку с фруктами для ящерицы и бегом возвращается на второй этаж. Оказывается, порывом ветра распахнуло створку окна, она свалила на пол торшер, разбив вдребезги причудливый абажур из муранского стекла.

Пока Этьен собирает осколки, на улице сигналист клаксон — раз, другой, третий. Молодой человек выглядывает в окно, видит стоящую напротив дома машину и быстро спускается. У ворот его уже ожидает насквозь мокрый, взволнованный мужчина лет сорока пяти.

— Я ищу Этьена Леграна! — кричит он издали. — Это вы?

— Да, я Легран. Что произошло?

— Дети... Они на заднем сиденье, нужна ваша помощь.

Руки трясутся, пока Этьен возится с замком, несколько раз роняет ключ. Створка ворот медленно поддается, открывается, загребая несущийся по тротуару поток грязной воды. Брюки Этьена тут же промокают до середины голени, облепляют икры. Он подбегает к машине, водитель распахивает дверцу.

— Вынимайте осторожно, сэр. Я возьму вторую.

— Это мальчик и девочка, — еле слышно отвечает Этьен, подхватывая на руки одного из детей — насквозь мокрого, оборванного, с исцарапанным лицом.

— Брикс-авеню... тридцать шесть...

— Сибил, маленькая, я здесь, — шепчет Легран, прижимая к себе обмякшее тело. — Я с тобой, ты слышишь?

Вместе с водителем они заносят детей в дом. Этьен сбрасывает на пол одеяло с кровати, осторожно укладывает на него Сибил, рядом устраивают Уильяма.

— Справа от двери — выключатель, зажгите свет, — просит Этьен, нашаривая в белье шкафу простыни и второе одеяло. — Расскажите, что происходит? Где вы выбрали ребятшек?

— Конец света, сэр, — бормочет шофер. — Весь нижний ярус Нью-Кройдона затопило... и с неба льет. Фармингтон повернул воды вспять, сэр! Океан идет на нас! Все

залито водой до восточной линии монорельса.

В ярком электрическом свете близнецы выглядят жутковато. Бледные, все в грязи и крови, от одежды остались одни лохмотья. Этьен наскоро ощупывает детей, проверяя, не повреждены ли кости, нет ли серьезных ран. Приносит из соседней комнаты тонкий острый нож, срезает остатки тряпья.

— Они мне под колеса выпали, сэр. Я думал, собью... Твердили ваше имя и адрес. Пока мы ехали, им похужело, в беспмятство впали оба, — продолжает монотонно рассказывать мужчина. — Думал, не доведу. Сэр, вы видели, что творится снаружи?

Этьен молча качает головой, убегает из спальни, возвращается с кастрюлей теплой воды и чистыми полотенцами. Смоченной тканью он бережно дотрагивается до ссадина и кровоточащих царапин на коже близнецов, убирая грязь. От прикосновений Уильям вздрагивает, стонет. Сибил дрожит и все повторяет:

— Брикс-авеню... тридцать шесть...

Этьен заворачивает их в махровые простыни, относит в свою кровать. Возвращается, беспомощно смотрит на водителя, разводит руками.

— Я не знаю, как мне благодарить вас, сэр... и очень надеюсь, что вы не откажетесь от денег.

Мужчина мрачно качает головой:

— Деньги мне не нужны. Разве что на бензин, чтобы убраться отсюда подальше. Мой вам совет: бегите из города. Бегите как можно скорее.

Он уходит, получив от Этьена канистру бензина и несколько крупных купюр. Легран провожает его до ворот и бегом возвращается в дом. Приносит с чердака пару старых одеял, укрывает ими близнецов.

— Где теперь ваши родители? — спрашивает он, не надеясь, что дети услышат его. — Где Ева? Что вообще произошло?

К утру Уильям приходит в себя. Не открывая глаз, тянется к сестре, обнимает ее, прижимается к горячему виску запекшимися губами. Грязные пальцы с содранной на костяшках кожей перебирают мокрые спутанные пряди. Мальчик протяжно всхлипывает, и этот звук будит задремавшего в кресле Этьена.

— Эй?.. — шепотом окликает Легран.

Он подходит, присаживается на край кровати, с тревогой смотрит на Уильяма.

— Ты как, парень? Слышишь меня?

Уильям кивает, крепче прижимает к себе сестру.

— Больно...

— Где больно?

— Ей. Внутри.

— А ты сам? Ты цел? Где вас так потрепало?

— Я мужчина. Я потерплю, — слабо улыбается мальчишка. — Мы почти умерли, Этьен. Вместе с другими. Сибил держалась за тебя.

Он замолкает, морщится от боли, пытаясь перевернуться на бок.

— Убери, пожалуйста, простыни. Я ее к себе прижму. Это ей поможет.

— Вы оба почти голые. Прости, но от одежды мало что осталось.

— Нас по камням волокло.

Сибил делает глубокий вдох, вздрагивают светлые ресницы. Этьен и Уильям тянутся к ней одновременно. Девочка видит Леграна, пытается улыбнуться.

— Я привела...

— Привела, умничка, — кивает Этьен. — Так, лежите оба спокойно, попробую вас подлечить немного.

Сибил послушно замирает, Уильям наблюдает за Леграном из-под опущенных ресниц. Этьен задергивает шторы, приносит из рабочего кабинета сандаловые свечи, сушеные травы и пузырек с едко пахнувшей жидкостью. Обмакивает в пузырек тонкую кисточку, рисует на ладонях близнецов первые буквы имен Лоа. Зажигает свечи, прокалывает палец кончиком ножа, смешивает с кровью щепотку трав, сжигает, пепел развеивает по четырем сторонам. Садится на кровать к детям, берет их за запястья и негромко тянет шипяще-свистящие звуки.

— Горячо! — жалуется Сибил.

Не прекращая пения, Этьен качает головой: терпи. Уильям молчит, только дышит чаще сквозь стиснутые зубы. Ранка на пальце Леграна кровоточит, темно-красные капли медленно сползают по запястью девочки. Запах сандала наполняет комнату, сгущается, дышать становится все труднее. Близнецы кашляют от удушливого дыма, Сибил дергает руку, стараясь высвободиться из пальцев Этьена.

— Тс-с-с... — выдыхает Этьен и отпускает близнецов.

Уильям делает судорожный вдох, падает с кровати, путаясь в простыне.

— Тихо-тихо, — успокаивает его Легран. — Сейчас окно открою. Это быстро пройдет. Дышите оба ровнее и глубже. Сибил, малышка, как ты?

— Тошнит, — стонет девочка. — И стены кружатся...

Проходит минута, другая — и ей становится легче. Возвращается на щеки легкий румянец, выравнивается дыхание, расслабляются сведенные судорогой пальцы. Этьен замечает зажатый в ладони Сибил клочок ткани, тянется посмотреть, но Уильям тут же закрывает его рукой.

— Не надо, пожалуйста. Это ее. Оставь.

— Хорошо-хорошо, я не трону. Пойду поищу, во что вас одеть.

Как только Этьен выходит из комнаты, Уильям выпутывает сестру из простыней, прижимает к себе, гладит, баюкает.

— Мы живые. Значит, сможем все исправить, — шепчет он.

— Как мы найдем маму и папу? — спрашивает Сибил.

— Мы пойдем к Алану. Он в безопасности. Он поможет.

— Ты думаешь, они там?

— Я уверен.

Пальцы девочки скользят по коже брата, осторожно обходя ссадины и царапины. Уильям вынимает из ее кулака маленький полотняный мешочек на шнурке, надевает Сибил на шею.

— Уильям... кто из нас чудовище?

Он пожимает плечами, счищает с локтя сестры прилипшую грязь.

— Мир странный. Дело не в нас.

— Я чувствую себя чужой. Всем, кроме тебя.

— Это не ты чужая, это все нам чужие.

Этьен возвращается с двумя рубашками и брючными ремнями.

— Облачайтесь, подпоясывайтесь. Труссы ваши сохнут, попробую ускорить процесс с помощью утюга. Что делать с обувью, ума не приложу. Сибил, тебе получше? Вы идти сможете?

Близнецы кивают и одеваются, не стесняясь присутствия чужого человека. Рубахи им велики, в ремнях приходится прокалывать ножом дополнительные дырки. Этьен убирает со стола сандаловые свечи и травы, исподтишка наблюдая, как Уильям и Сибил застегивают друг другу пуговицы, поправляют воротники, закатывают рукава.

— А теперь расскажите, что все-таки произошло. Джентльмен, который вас привез, был очень испуган, говорил о наводнении. Я звонил мэру, он тоже сказал, что прибрежный район затоплен.

Уильям вопросительно смотрит на Сибил, поворачивается к Этьену. Лица детей одновременно мрачнеют, глаза наливаются слезами.

— Мы говорили Еве, что не надо... Она нас не услышала, — глухо произносит девочка.

— Ева хотела, чтобы мы поиграли с ней. Под барабаны, — нехотя рассказывает ее брат. — Мы послушались. На считалку примчались морские кони. А потом пришел океан. Там столько людей погибло...

— Стоп. Какие кони? — ничего не понимает Этьен.

— Из воды и пены. Может, кто-то видит их по-другому, но мы знаем, что это лошади, — отвечает Уильям. — Мы уже играли однажды на берегу втроем. И они приходили. Но в первый раз Ева напугалась, разогнала их. А в этот раз нет.

— Замечательно, — бессильно бормочет Этьен. — Океанские Лоа. Вы были с Эвелин? Куда она делась?

— Она нас бросила, Этьен, — чеканит каждое слово мальчик. — Воспользовалась нами, чтобы позвать лошадей. Когда мы увидели, что они летят на людей, мы поняли, что надо бежать. Что Ева хочет, чтобы мы погибли. Чтобы все мы погибли.

— Когда я обернулась, она сидела на коне. А потом нас сбила волна, — добавляет Сибил глухо.

— А где родители?

— Они оставались в опере.

«Здание театра не должно было пострадать, оно на втором ярусе города, это высоко», — думает Этьен.

Сибил подходит к окну, смотрит на залитые ливнем дорожки в саду, прислушивается к вою сирен, и в ее глазах мелькает страх.

— После нашей считалки хлынул дождь, — говорит она. — Этьен, днем мы летали на дирижабле с братом и дядькой Коппером. Мы видели что-то страшное там, в глубине океана. Оно огромное. Оно тянуло в себя корабли. Ева сказала, то, что мы видим, — оптический обман. Мы так испугались... пытались нарисовать Перекресток, чтобы этого не было, — и не смогли...

Этьен смотрит в сторону, давит вздох, нервно ерошит волосы пятерней.

— Это правда был оптический обман? — дрогнувшим голосом уточняет Сибил.

— Нет, ребята. Это не оптический обман. Это Анве — темный бог океана.

— Сколько книг... — восторженно выдыхают близнецы, обводя взглядом библиотеку. — Ты все это прочел?

Этьен кивает, перелистывая страницы подробного плана города. Сибил бережно ведет пальцем по корешкам стоящих на стеллажах томов.

— Все-превсе? — уточняет она.

— Превсе, — усмехается Этьен. — Я плохо сплю ночами, а в мире слишком много интересного. Тут в основном труды по физике и устройству вселенной. Больше теории, ничем не доказанные, но... Ладно, это слишком сложно для вас.

— Ты знаешь про наши игры из книг?

— Да, Уильям. Я понимаю, что и как примерно вы делаете, но тонкости от меня ускользают. Вы каким-то образом сдвигаете вероятности, не перемещаясь во времени. Как будто переводите стрелки на Перекрестках, направляя ситуацию по иному пути.

— У нас получается, только когда Перекресток недалеко. В нескольких минутах. И когда мы можем сесть и сосредоточиться, — смущенно говорит Сибил.

— Просто вы еще маленькие. Вы же не всегда это умели, верно?

Близнецы одновременно кивают.

— Ну вот. Ваша сила растет вместе с вами.

Этьен вырывает страницу с картой, подзывает Уильяма.

— Посмотри. Ты точно помнишь, где находится военная часть брата?

— Тут, — мальчишка уверенно тычет пальцем в страницу.

— Второй ярус, — кивает Этьен. — Возможно, там все в порядке, если вода не прибывает. Если там вода, скорее всего, часть эвакуируют в пригород.

— Алан не поедет. Он станет искать нас, — говорит Сибил. — Он нас дождется. И мама с папой придут туда.

— Я не был бы так уверен... но у нас нет иного выхода, — с сожалением вздыхает Этьен. — Давайте поторопимся.

Он наскоро готовит нехитрый завтрак, сажает детей за стол в оранжерее, ставит игуане тарелку с фруктами и идет собираться. В пояс с подсумками укладывает свернутый трос, страницу с картой нужного района, цепляет ножи, флягу с водой и бутылку коньяка. С чердака Этьен приносит старую штормовку для Уильяма и брезентовую плащ-палатку. Переодевается, пристегивает к поясу револьвер, брюки заправляет в высокие ботинки, туго шнурует. Пока он пакует в непромокаемый футляр личные документы и деньги, близнецы заглядывают в комнату.

— Мы поели, спасибо.

— Идите оба сюда. Уильям, надевай куртку и ботинки, бери зонт. Сибил, я тебя понесу на руках до машины. Надо найти вам хоть какую-то обувь.

Он смотрит на притихших детей, ободряюще подмигивает.

— Выше носы. Вы когда-нибудь ездили в дождь по магазинам в открытой машине?

— Кабриолет умеет плавать? — с сомнением спрашивает Сибил.

— Конечно. А в полнолуние он превращается в батискаф, — улыбается Этьен. — Ну, готовы? Тогда слушайте меня внимательно. Держитесь рядом. Что бы ни случилось, ни на шаг от меня. Поняли? Отлично. Все будет хорошо, ребята.

Он сажает Сибил на закорки и командует:

— Так, девочка-пушинка, держись за меня крепче. Уильям, ты теперь у нас открывальщик и закрывальщик дверей. Ключи на столике, бери. Ну, вперед, бегом до гаража. Он за углом справа.

Машина глохнет за Канви-парком, под ногами Этьена хлопает вода, текущая из-под двери. Дети на заднем сиденье жмутся друг к другу. Штормовка, брезентовый дождевик и зонт мало помогают, все мокрые до нитки. На улицах полно людей, все бредут по колено в воде в сторону вокзалов, тащат с собой чемоданы и тележки с вещами.

Когда очередная попытка завести машину проваливается, Этьен решает идти пешком.

— Увы, сегодня не полнолуние, батискафа не получилось, — шутит он, улыбаясь близнецам.

Уильям понимающе кивает, Сибил шмыгает носом и поджигает голые ноги. Этьен забирает рюкзак, сажает девочку на руки, кивает мальчишке, и они втроем идут по дороге, превратившейся в мутную от грязи реку.

— Этье-е-ен! — окликает женский голос.

Он останавливается, оборачивается. С другой стороны улицы к нему спешит Мария в куртке и высоких рыбацких сапогах. Уильям смотрит на нее недоверчиво, прячется за спину Леграна. Сибил утыкается Этьену в шею, сопит.

— Здравствуй, Доктор, — выдыхает девушка, поравнявшись с ними. — Я тебя увидела и... Куда ты идешь?

— Мне надо доставить детей на авиабазу, — отвечает он.

— Какие хорошенькие м-м-м... этьеньши, — улыбается девушка. — Это твои?

— И мои тоже. Мария, это Сибил и Уильям. Ребята, это Мария.

Близнецы неохотно здороваются. Сибил крепче обнимает Этьена за шею.

— Я пойду с вами? Мне все равно некуда деться.

— Тебе бы уезжать, пока есть возможность. Мы идем на второй городской ярус, там опасно.

Мария поправляет капюшон куртки, смотрит на Этьена с ужасом.

— Вы сошли с ума? Там воды по колено было часа три назад! Городские коллекторы переполнены, нас заливают сверху и снизу!

— Там мама, папа и Алан, — тихо и твердо говорит Уильям.

Этьен молча шарит взглядом по окнам домов. Мария вздыхает, качает головой.

— А почему у тебя этьеньши босой?

— Я не этьеньш, я Сибил!

— Так получилось, — сухо отвечает Легран.

Они продолжают путь вчетвером. Людей, идущих им навстречу, все больше. Приходится пробираться сквозь толпу. Мария шагает впереди, Этьен крепко держит Уильяма за руку.

— Дон погиб, — говорит вдруг девушка, не оборачиваясь. — Сара, Малколм, барабанщики наши... Я по куклам и свечам поняла.

Легран с сожалением кивает, прибавляет шаг.

— Я же за всеми нашими приглядываю, — продолжает Мария. — И за тобой.

— Я не маленький мальчик, это излишне, — сурово отрезает Этьен. — Сверни здесь в переулок. Нам надо в магазин.

В витрине магазина детской одежды красуется табличка «Закррито». Этьен поднимается по каменным ступенькам, бережно опускает Сибил на крыльцо, дергает дверную ручку.

— Ну что ж... Обувь нам важнее приличий, — задумчиво произносит он. — Детки, чуть в сторону.

Он рукоятью револьвера разбивает стекло в двери, открывает изнутри замок. Подхватывает одной рукой девочку, заходит в магазин. Мария и Уильям следуют за ним.

— Есть кто? — кричит Этьен, осматриваясь. — Э-эй!

— Я нашел ботинки и сапоги! — радостно сообщает Уильям из-за стеллажей. — Сибил, иди сюда!

Легран отпускает ее, и она убегает к брату. Позади Этьена отчетливо щелкает затвор

ружья. Молодой человек медленно поворачивается, одновременно незаметно перенося правую руку с револьвером за спину и закрывая собой Марию. У входа в подсобное помещение стоит лысоватый невысокий мужчина лет сорока и целится в Леграна из винтовки.

— Добрый день, мистер, — обращается к нему Этьен, стараясь говорить спокойно и дружелюбно. — Я сожалею о том, что разбил стекло в вашем магазине. Моим детям срочно нужна обувь и одежда. Я за все заплачу. Пожалуйста, опустите оружие и позвольте мне достать деньги.

— Вон отсюда, чертовы мародеры! — багровея, орет мужчина. — Выметайтесь, или я стреляю!

— Мистер, послушайте. Я за все заплачу, — настойчиво повторяет Этьен. — С нами двое детей, они разуты и раздеты. Нам нужна ваша помощь. Пожалуйста, уберите оружие, здесь дети.

Хозяин магазина вскидывает винтовку к плечу, целится.

— Мистер, опомнитесь! С нами дети!

Мужчина медленно давит на спусковой крючок. Одновременно Этьен поворачивается на полкорпуса, слегка прогибаясь назад, и левой рукой толкает Марию на пол. Девушка падает раньше, чем гремит выстрел. Испуганно визжит Сибил. Мгновенье спустя Легран уже держит хозяина на мушке револьвера.

— Я не промахнусь, мистер, — обещает он. — Вам нужно несколько секунд, чтобы перезарядить винтовку, мне достаточно одной, чтобы выстрелить. Мария, ты цела?

— Да, — отвечает она, поднимаясь с пола.

— Дети?

Сибил и Уильям осторожно выглядывают из-за полок с вещами.

— Мария, помоги им с одеждой, — распоряжается Этьен, не сводя взгляда с хозяина магазина. — На ноги — сапоги или высокие ботинки с плотной шнуровкой. Возьмите куртки и белье. Быстрее.

Через пять минут близнецы и Мария выбегают из магазина. Этьен выходит за ними, пятясь и держа хозяина на мушке.

— За угол, — командует он девушке и детям. — Как можно быстрее за угол, бегите! Я вас догоню!

Мария хватая близнецов, несется прочь со всех ног. Больше всего она боится услышать выстрелы за спиной. Вскоре Легран догоняет их, подхватывает на руки Сибил, улыбается девушке. Он спокоен, только бледнее обычного, и взгляд холодный и злой.

— Пройдем переулками, — отсекая все незадаанные вопросы, говорит Этьен. — Там меньше людей.

Дождь усиливается, подгоняемый сильным ветром, становится холодно. Уильям старается идти быстрее, с трудом поспевая за взрослыми, кутается в новую куртку и штормовку. Сибил за плечами Этьена беспокойно ерзает, стараясь поменьше прикасаться к вымокшему брезенту плаща. Мария то и дело заправляет за ухо пряди волос.

Начиная с Санграсс-стрит уровень воды на улицах повышается до колен. Намокшая обувь натирает ноги, идти тяжело. Все чаще приходится останавливаться и отдыхать. Спешащие навстречу люди смотрят на Этьена и Марию с детьми как на сумасшедших.

— Вы идете не в ту сторону! — кричит им сквозь шум дождя какая-то женщина. — Вы нездешние? Вокзалы там, выше! Поворачивайте назад!

Над городом прокатывается глухой, долгий звук. Словно невдалеке рушится что-то огромное. Люди замирают, поднимают глаза к небу.

— Это со стороны Фармингтона! — в страхе восклицает кто-то.

По поверхности воды проходит волна, другая, ощутимо толкая под колени. Уильям вскрикивает, хватается за Этьена.

— Мы все утонем! — истерично орет старуха со шляпной картонкой в руках.

Люди в панике бросаются кто куда, расталкивая друг друга. Мария крепко прижимает к себе перепуганного Уильяма, Этьен старается пробиться ближе к стенам домов. Приходит следующая волна — ощутимо выше и сильнее предыдущих. Она двигает с места брошенные автомобили, переворачивает тумбы с афишами. Люди кричат, падают, хватаются в ужасе друг за друга. Кто-то уходит под воду, провалившись в открытый канализационный люк. Мария поскользывается, с трудом удерживает равновесие, часто дышит, готовая заплакать.

— Мария! — кричит Этьен, перекрывая уличный шум. — Посмотри на меня! Смотри! На меня! Руку давай!

Он хватается за запястье, подтягивает к себе. Уильям обнимает Этьена за пояс, руки мальчишки мелко трясутся, бледные от холода губы закушены.

— Спокойно, — просит Легран. — Мария, посмотри на меня. Тебе надо идти со всеми, уезжать.

Рот Марии кривится, она всхлипывает, отворачивается.

— Ты же не дойдешь с ними... Там настоящий ад творится, вы погибнете!

Этьен внимательно смотрит на Уильяма, оборачивается к Сибил.

— Ребятки, может, нам пересидеть где-нибудь? Мария права, там опасно.

— Я не верю, что ты боишься, — говорит девочка.

— Я за вас боюсь, глупые. Мы идем наугад, никто не знает, ждут ли вас там родители...

— Ждут, — перебивает Уильям. — Опустит Сибил. Мы одни пойдем дальше.

Этьен вздыхает, спускает девочку с закорок.

— Значит, так. Забираемся на крыльцо вон того дома, успокаиваемся и отдыхаем. Мария, дальше мы идем втроем, возражения не принимаются. Это не увеселительная прогулка. Я должен доставить детей на авиабазу, а тебе следует выбираться отсюда. Отдыхаем и расходимся. Без слез.

Девушка плачет, закрывая лицо ладонями, но послушно бредет к ступенькам. Внезапно сквозь шум дождя прорывается новый звук: громкий, ритмичный плеск. Словно что-то большое несется по воде. Люди прислушиваются, кто-то с надеждой смотрит в сторону приближающегося звука, кто-то убегает прочь. Мария мечется, колотит по двери подъезда кулаками.

— Откройте! Впустите! Помогите, люди!

Этьен тревожно вслушивается в нарастающий шум, подхватывает близнецов, тащит их на крыльцо.

— Мария! Нужно разбить окно! — кричит он.

Вдвоем с девушкой они поднимают скамейку, почти скрытую потоком, раскачивают, бьют по оконной раме. Оба не удерживаются на ногах и падают в грязную воду, скрываясь с головой. Этьен выныривает, ищет взглядом Марию. Она появляется рядом, трясет волосами, откашливается. Легран забирается на крыльцо, хватается за Сибил, возвращается под окно.

— Ребятки, окажетесь внутри — бегите по лестнице вверх. Как можно выше, — говорит Этьен. — Поняли? Сибил, залезай. Осторожно, не порежься.

Он поднимает девочку повыше, подсаживает на подоконник.

— Уильям, теперь ты. Скорее!

Оказавшись внутри, близнецы тянут руки к Этьену:

— Забирайся! Иди к нам!

Когда Этьен поднимает на руки Марию, из-за угла дома вылетает громадный белый конь, несущий на своей спине всадницу. Взметая мощными копытами фонтаны брызг, он галопом летит по улице, сбивая прохожих.

— Ева-а-а!!! — срывая голоса, кричат близнецы.

Скакун замедляет ход, останавливается, поравнявшись с Этьеном и Марией. Всадница обращает к ним бесстрастное, словно маска, лицо. Сейчас в ней с трудом можно узнать прежнюю Эвелин Фланнаган. Мокрые, зачесанные назад волосы, заострившиеся черты лица и бледные губы делают ее облик чужим, мужским.

— Ева, что ты творишь? — кричит Этьен. — Ты погубишь Нью-Кройдон, опомнись!

Равнодушный, будто у рыбы, взгляд скользит по его лицу.

— Это мой город, — рокошет прибором незнакомый голос. Губы девушки остаются неподвижными.

Этьен делает шаг вперед.

— Ева, если ты меня еще слышишь, остановись! Подумай о родителях, о братьях и сестре! Я не знаю, зачем ты это делаешь, за что караешь невинных людей... но посмотри на детей!

Девушка манит его к себе, склонившись с коня:

— Иди ко мне, Легран. Я объясню.

Мария смотрит на нее с ужасом, тянет Этьена назад.

— Не надо, пожалуйста, не надо! — шепчет она.

Молодой человек мягко отстраняет ее, подходит к Эвелин.

— Послушай меня. Я же знаю — ты услышишь, если захочешь, — начинает он.

— С меня довольно! — гремит чужой голос. — Ненавижу. Всех вас — одинаковых, правильных. Способных любить лишь подобных себе. Понимающих только друг друга. Отвергающих всех, кто не похож на вас. Ненавижу.

Скакун встает на дыбы, и Этьен с ужасом смотрит на мертвых рыб и морских гадов, плавающих в толще воды, составляющей тело коня. И понимает, что через мгновение тварь подомнет его под себя и перемелет все кости мощными копытами.

— Ты же не женишься на чудовище, Легран? — печально звенит голос Евы — той самой, прежней Эвелин Фланнаган.

Что-то кричат за спиной близнецы. В ушах рокошет прибором. Качается перед глазами в толще конского копыта маленький бордовый анемон, стремительно увеличиваясь в размерах, приближаясь, затмевая собой грязно-серое небо.

— ...Я же знаю — ты услышишь, если захочешь, — различает Этьен собственный голос, мотает головой, стараясь избавиться от тумана перед глазами.

Мария вырывает из кобуры на его поясе револьвер, отталкивает Леграна в сторону. Вскидывает руки, целясь в Эвелин. Щелкает взводимый курок.

— Сколько же горя от тебя, тварь! — всхлипывает девушка.

Скакун всхрапывает, трясет головой и поддевает ее мордой. Марию откидывает в

сторону, словно тряпичную куклу. Она падает спиной на залитые дождем ступеньки крыльца и остается неподвижно лежать. Этьен бросается к ней, и Ева провожает его медленным взглядом.

— Предатель, — нежно шелестит прибой. — Лжец и предатель. Я тебя ненавижу.

Лицо Марии бледнеет, она прерывисто дышит, взгляд становится плавающим, замедляется и наконец замирает. Эвелин удовлетворенно кивает, похлопывает коня по шее, свистит и уносится прочь. Вслед за ней летит целый табун лошадей цвета морской пены. И в сотне ярдов от коней с глухим гулом над улицей вырастает водяная стена.

— Этье-е-ен!

Он успевает подтянуться, перебросить тело через подоконник и сгрести близнецов в охапку.

— К выходу! — кричит он, перекрывая шум воды.

Волна обрушивается на здания, хлещет в окна. Поток подхватывает Этьена и детей, течением выносит в дверной проем, волочет по коридору. Уровень воды быстро растет, приходится плыть, натываясь на мебель и брошенные вещи. Близнецы барахтаются, кашляют, Этьен тащит Уильяма за запястье, пробираясь к лестнице в парадной. Под ногами путается тряпье, Легран спотыкается, падает, скрываясь с головой, и отпускает мальчишку. Выныривает, тяжело дыша, в ужасе озирается.

— Сюда! — кричит Уильям за спиной.

Вцепившись в балясины перил, близнецы тянут к Этьену руки. Он гребет против потока, цепляется за каменный столбик. Пальцы скользят, срываются, но дети хватают его за рубашку, удерживая на месте.

— Вверх... — хрипит Этьен, стараясь выровнять дыхание.

Втроем они добираются до четвертого этажа. Падают без сил на сухой, пыльный пол лестничной площадки. Уильяма рвет горькой морской водой, Этьен укладывает его к себе на колени. Ему хочется ободрить мальчишку, утешить его, но все, что он может, — просто положить ладонь на мокрые волосы и погладить. Сибил подползает к ним, обнимает и обмякает, тяжело дыша. Только тут Этьен замечает, что девочка держит во рту полотняный мешочек на шнурке, перекинутом через шею.

— Сибил, выплюни... Что это?

Она тут же прячет мешочек в ладонях.

— Это мое! Я должна беречь!

— Наше, — едва слышно поправляет ее брат, стуча зубами от холода.

Легран заставляет себя подняться, подойти к перилам и посмотреть вниз. Вода плещется на уровне второго этажа, успокаиваясь.

— Сидите здесь, — строго наказывает он близнецам. — Я сейчас вернусь.

Двери трех квартир на этаже оказываются незапертыми. Жильцы поспешно покинули их, услышав сигнал к эвакуации. Этьен проходит к окну, выглядывает на улицу, коротко ругается по-французски и спешит к детям.

— Привал, герои. Пойдемте со мной. Нам необходим хотя бы час отдыха.

Они забиваются в брошенную квартиру, стаскивают мокрую одежду. Этьен заворачивается в найденный плед, загоняет детей в кровать, укрывает двумя одеялами. Снимает с пояса флягу с коньяком.

— По большому глотку. Иначе простудитесь и заболите.

Близнецы послушно отпивают, закашливаются, краснеют.

— Гадость! — вопят они наперебой.

— Лекарство, — строго возражает Этьен и хмурится: — Ну-ка, быстро оба руки показали!

Сибил и Уильям переглядываются и нехотя кладут руки поверх одеяла. Пододеяльник тут же пропитывается алым. С маленьких ладоней стекают тягучие темно-багровые капли.

— Лоа всемогущие... Где вы так поранились?

— Надо было рисовать, — отвечает Уильям. — Быстро. Но мы не нашли чем.

— А там оказались стекла, — робко добавляет Сибил.

Этьен качает головой, рвет на узкие полосы чистую простынь. Садится на кровать, осматривает порезы на ладонях детей. Смачивает коньяком кусок ткани, быстрыми движениями промокает ранки Уильяма.

— Щиплет! — сквозь зубы шипит мальчишка.

Сибил, видя реакцию брата, пугается. Забивается в угол кровати, прижимает кулачки к груди.

— Этьен, не надо! Мы друг друга полечим, это заживет очень скоро! — умоляет она.

Он пытается улыбнуться, закрепляя виток импровизированного бинта на запястье Уильяма.

— Я знаю, что вы особенные и можете друг друга лечить. Но сейчас у вас слишком мало сил. Давай лапки, надо обезопасить тебя от инфекции.

— Нет-нет-нет! — испуганно твердит девочка, готовясь заплакать.

— А если оставить, как есть, руки придется отрезать, — вздыхает Уильям. — И пришить механические, как у папы. А они тяжелые...

Довод брата действует на Сибил лучше всяких уговоров. Она протягивает руки Этьену, жмурится и отворачивается. Две минуты — и девочка хмуро рассматривает перебинтованные ладони.

— Попить или поесть хочет кто-нибудь? — устало спрашивает Этьен.

Близнецы зевают, выводят нестройное «Не-е-ет», обнимаются под одеялом и засыпают почти мгновенно.

— Я просто закрою глаза. На пару минут, — бормочет Этьен, устраиваясь в кресле рядом с ними.

И проваливается в сон, лишь смежив веки.

Будит его Сибил. Сидит на корточках рядом, гладит ладонью по заросшей щетиной щеке.

— Ты плакал, — сообщает она взволнованно. — Я всегда думала, что настоящие мужчины не плачут. У тебя что-то болит?

— Нет, все в порядке. Просто сны. Как ты себя чувствуешь?

Девочка пожимает плечами, кутается в одеяло.

— Этьен, время может остановиться?

Он садится, трет ладонью заспанные глаза, поправляет на себе плед.

— Все относительно. Для нас, скорее всего, не может. Хотя я полагаю, что оно способно менять ход. Древние индейцы верили, что, если дышать медленнее, время замедлится тоже. Кстати, где Уильям?

— Пошел в туалет. Скажи, когда мы играем и возвращаемся на Перекрестки, время идет обратно?

— Нет, малышка. Здесь иное. Вы не поворачиваете время вспять, вы создаете иную

вероятность. Пускаете поезд событий по другой дороге. Но когда вы оказываетесь на Перекрестке, оно, судя по всему, замедляется. Ровно настолько, сколько вам нужно для перевода стрелки.

— Какой стрелки? — любопытствует Сибил, устраиваясь у Этьена на коленях.

— Ну, некой абстрактной стрелки. Железнодорожные рельсы себе представляешь? Ну вот, там, где рельсы расходятся и поезд может поехать направо или налево, есть стрелка. Такой небольшой направляющий рельс, от положения которого зависит, куда повернет поезд. Вот вы с Уильямом умеете передвигать эти стрелки.

— И ты умеешь.

— Нет, я не умею. То, что я вам с муравьем показывал, — просто фокус. Он среагировал на тональность звука и чуть изменил направление.

— Но это же тоже вероятность, не?..

— Не, — передразнивает девчонку Этьен. — Мне сложно доказать здесь и сейчас, что вы с Уильямом способны изменять события, вернувшись в точку ветвления вероятностей. Это все потому, что я нахожусь в произошедшем уже после того, как вы ее изменили. Я не знаю, не помню, как все случилось в естественном ходе вещей. Таково свойство человеческого восприятия.

В комнату тихо заходит Уильям в длинной мужской рубаше с закатанными рукавами. Смотрит на Этьена грустно, хочет что-то сказать, но сестра опережает его:

— Не говори ему, не надо.

— Он все равно поймет.

— Я уже понял. Вчера вы что-то поменяли.

Близнецы кивают. Уильям протягивает сестре сухую рубашу:

— Переоденься. Этьен, в этом доме все часы стоят. Как узнать, сколько времени?

— А не узнаешь, — уверенно утверждает Сибил. — Оно течет тут иначе. Оно дало нам отдохнуть, и теперь можно идти дальше. Правда, Этьен?

Легран не отвечает. Ссаживает Сибил с колен, встает, подбирает с пола мокрую одежду и идет в соседнюю комнату переодеваться. Мысль о вчерашнем Перекрестке не дает ему покоя.

«Мария погибла. Если бы они ничего не меняли, она жила бы сейчас? Зачем они это сделали, они же знали...»

Прикосновение сырой ткани к коже вызывает озноб. Если без рубашки еще как-то можно обойтись, то без брюк — уже никак. Этьен вытряхивает из ботинка мятую газету, ощупывает его изнутри. Бесполезно. Нельзя просушить вещи в неотопливаемом помещении за пару часов.

«Сколько нам еще идти? Мы на втором ярусе, до угла Санграсс еще ярдов триста. Дальше куда? Карта-то — в машине...»

Он пытается восстановить маршрут по памяти, но слишком плохо знает этот район.

«Не отчаиваться. Не раскисать. Близнецы уверены, что их ждут, значит, так и есть. Будь они обычными детьми, в жизни бы не стал их слушать. Но эти знают наверняка. Так что мы доберемся».

Этьен выглядывает в окно и с удивлением понимает, что уровень воды немного спал. Он решает спуститься и прикинуть, как двигаться дальше.

— Сибил! Уильям! — зовет он, выходя в коридор.

Близнецы тут же подбегают, переодетые в сухое. Уильям жует кусок хлеба, Сибил

морщится, переминаясь с ноги на ногу в мокрых ботинках.

— Вы нашли еду? Молодцы. Подкрепитесь, попейте. Вода во фляге на ремне, пояс лежит на кровати. Только с коньяком не спутайте. Я спущусь на первый этаж, посмотрю, как нам отсюда выбираться.

Воды на первом этаже почти по пояс. Этьен добирается до окна, выбивает остатки рамы, сметает стекла, перегибается через подоконник и смотрит на улицу. Мутный от грязи и мусора поток течет на два фута ниже оконного проема.

«В лучшем случае, мне по шею. Значит, придется плыть».

Он возвращается вверх, долго возится в кладовке, гремя пустыми тазами и роняя коробки. Вылезает обратно с топором в руках. Подмигивает близнецам:

— Самая необходимая штука на случай потопа. Кто подскажет, из чего лучше всего плот делать?

Сибил и Уильям смотрят на него восторженно.

— Шкаф! Стол! Кровать! — наперебой верещат они.

Этьен осматривается по сторонам.

— Шкаф мы с вами вниз не стащим, отпадает. Стол маловат, хотя подходит. Кровать утонет, Сибил, на ней пружинный матрац, он мгновенно намокнет и утащит ее на дно. А вот дверь вполне годится. Так, вам задание: найти в кладовой гвозди, в рюкзаке — веревку. Сибил, пошарь на кухне, поищи нам с собой еду, которая не портится от воды. Жду вас внизу у лестницы.

Через несколько минут близнецы осторожно спускаются, таща десяток гвоздей и моток веревки. Этьен топором сбивает с петель дверь квартиры на первом этаже, прибывает к ней ножки от стола так, чтобы можно было держаться за них, когда сидишь.

— Ну что, опробуем плот?

Он осторожно сажает Уильяма ближе к центру, потом переносит туда Сибил. Деревянная дверь покачивается на воде, прекрасно выдерживая вес близнецов. Этьен удовлетворенно кивает.

— Отлично. Остается вывести судно из дока в открытое море. Кто знает, в какую сторону нам плыть?

— Туда! — дружно указывают направо близнецы. — Тут недалеко уже! Они нас ждут!

Этьен толкает плот к окну, помогает детям залезть на подоконник. Надежно обвязывает веревкой дверную ручку, второй конец крепит на гардине.

— Так, ребятки, придется разок нырнуть. Если прыгать на дверь, мы ее запросто проломим. Значит, прыгаем рядом. Сперва иду я, затем вы по одному, я вас вылавливаю. Готовы? Тогда в сторону.

Он усилием переворачивает дверь на ребро, затаскивает ее на подоконник. Уильям бросается поддержать край плота, и вдвоем с Этьеном они переваливают его на улицу. Дверь глухо хлопается в воду, натягивается струной удерживающая ее на месте веревка. Гардина срывается с гвоздей, и Этьен с трудом успевает перехватить ее.

— Вот дерьмо! — выдыхает он. — Все целы, никого не зацепило?

— Все целы! — дуэтом отвечают близнецы.

Этьен закрепляет гардину поперек оконного проема, первым прыгает в воду, в пару гребков подплывает к двери. Пробует встать, ищет под собой дно, снова скрывается с головой. Кашляет, хватается за край двери, машет рукой детям:

— Давайте по одному!

Уильям шлепается в воду, выныривает, подплывает к плоту сам. Этьен подталкивает его, помогая взобраться. Сибил робко топчется на краю подоконника, держа в руках пояс Этьена.

— Прыгай, я тебя встречу! — кричит Легран.

Девочка испуганно качает головой.

— Уильям, — окликает Легран затаившегося на шатком плоту мальчишку. — Я плыву за ней, ты старайся не шевелиться. Веревка дергается, может порваться. Тихо сиди.

Он подплывает под окно, зовет девочку:

— Давай, ангелочек, я тебя тут же перехвачу. Не бойся.

Сибил закрывает глаза и солдатиком прыгает в воду. Пояс цепляется за веревку, гардину разворачивает от резкого движения, она срывается вслед за девочкой. Этьен ныряет, ловит под водой отчаянно мельтешащие тонкие руки Сибил, выталкивает ее вверх, всплывает.

— Держу, — выдыхает он. — Ляг на воду.

Он озирается в поисках плота и видит, как его течением относит в сторону. Придерживая девочку левой рукой, Этьен изо всех сил гребет правой и ногами, стараясь догнать плот. Сибил то и дело погружается под воду, выныривает, хватая воздух ртом. Уильям что-то кричит, но из-за шума потока его не слышно.

«Успокойся, — говорит себе Этьен. — Дыши. Ты сможешь. Не сомневайся, плыви».

Фут за футом он медленно приближается к плоту. Еще миг — и его пальцы касаются протянутой руки Уильяма.

— Хватайся! Я держусь крепко! — кричит мальчишка.

— Возьми Сибил!

Уильям вцепляется в запястье сестры, Этьен подпихивает ее со своей стороны, выталкивает на край двери. От сильного толчка Легран уходит под воду, ноги внезапно находят опору — капот автомобиля. Оттолкнувшись, Этьен выныривает, делает глубокий вдох и в несколько сильных гребков догоняет плот.

— Держись! Забирайся! — ликующе кричит Уильям.

Этьен трясет мокрой головой, ложится на край двери грудью, восстанавливает дыхание. Сердце заходится, ноги сводит от холода и напряжения.

— Всё хорошо, — еле слышно говорит он. — Все здесь. Теперь просто держаться...

Дети вытягивают из воды веревку, Сибил отцепляет с пояса Этьена нож, перепиливает мокрые волокна об лезвие. Этьен обматывается веревкой вокруг талии, прикрепляя себя к плоту.

— Я поплыву так, — объясняет он детям. — Если я залезу, мы перевернемся.

Проходит несколько минут, и Этьен вспоминает о течении.

— Куда нас сносит?

— Все в порядке, — успокаивает его Уильям. — Мы плывем в нужную сторону.

Сибил ложится на живот, прижимается щекой к локтю Этьена, гладит его по голове.

— Я тебя сберегу, месье Легран. Только ты продержись еще чуть-чуть. Ты нас не бросил, и мы тебя не оставим.

Час спустя Этьена начинает клонить в сон. Он не чувствует ног, с трудом отвечает детям. Они тормозят его по очереди, просят не спать. Ливень барабанит по плечам, по голове, и каждая капля кажется Леграну свинцовой. Он то и дело подтягивается, перехватываясь поудобнее, — и снова соскальзывает на самый край.

Сквозь шум дождя прорывается звук: где-то в вышине шумят моторы. Уильям задирает

голову и видит, как над крышами домов, почти цепляя их, плывет громадина дирижабля.

— Ала-а-ан! — кричит он и машет руками. — Мама! Папа-а-а!!! Мы зде-е-есь!

— Этьен, — трясет Леграна Сибил. — Этьен, мы доплыли! Открой глаза! Пожалуйста Мы нашлись!!!

Дирижабль зависает над ними, и через минуту из гондолы начинает медленно спускаться подвешенный на тросах человек.

— Алан... — плачет Уильям, из последних сил удерживая сползающего в воду Этьена. — Скорее, братик...

Механическая ладонь трогает Алана Фланнагана за плечо. Молодой человек отрывается от рассматривания затопленных улиц Нью-Кройдона, опускает бинокль и оборачивается.

«Ал, мы идем назад. Слишком много пострадавших, на борту почти нет места», — сообщает Коппер.

— Роберт, прошу — еще полчаса. Я чувствую, они где-то рядом...

Коппер качает головой, выглядывает за борт.

«Здесь мы подобрали всех, кого смогли. В этом районе никого не осталось. Иди в каюту, Алан».

Серые, как у отца, глаза превращаются в узкие, злые бойницы.

— В каюту? Ты мать мою видел, капитан? Пойди, скажи ей, что мы поворачиваем! Скажи отцу, что ты сдался и мы прекращаем поиски!

«Прекрати орать! — отрывисто жестикулирует Коппер. — На борту полторы сотни человек, нуждающихся в пище, пресной воде и помощи медиков. Минуты промедления могут стоить кому-то из них жизни».

Алан отворачивается от него, вглядывается вниз. Пустые крыши брошенных домов, бурлящие потоки мутной от пыли и песка воды вместо улиц. Трудно поверить, что перед ним все тот же город, на который он привык смотреть с высоты вот уже два года подряд. Память подсказывает: вот здесь Канви-парк, вон там — Гамблер-сквер, чуть поодаль — Музей естественной истории, на восток от него — Риверсайд-лоу. На закате солнце играет лучами в витрине лавки стекольщика на Обливион-стрит, и это сияние прекрасно видно в бинокль с дирижабля. Теперь просматриваются лишь прямоугольники крыш на одинаковом буро-бежевом фоне. Будто Алан глядит не на город, а на его громадную схему.

Панорама меняется. «Мнемозина» медленно разворачивается. Алан привычно хватается за канаты, окаймляющие фальшборт, взгляд скользит по затопленной улице прямо под ними... и выхватывает в воде движение. Парень прикикает к окулярам бинокля. Мгновенья хватается, чтобы сфокусировать взгляд, и секунды спустя Алан несется в машинное отделение, грубо расталкивая попадающихся на пути людей.

— Стоп машина! — орет он, срывая голос. — Два человека со мной к люкам, немедленно!

— Младший помощник капитана Фланнаган, ты что — умом тронулся? — рычит на него командир машинного отделения. — Мозги ливнем разжижило? Кто здесь приказывает?

Алан быстро сооружает из каната петлю, затягивает ее на талии, для верности пристегивается страховочным карабином. Рвет на себя рычаг, открывающий люк в днище гондолы.

— Фланнаган, гребаный кретин, не смей! Тебя размажет об стену, дай сбросить скорость!

Алан смотрит на командира машинного отделения прямо и серьезно.

— Там мои брат и сестра. Понимаете?

Командир медлит секунду, кивает. Машет рукой, подзывая пару молоденьких офицеров.

— Господа, у нас люди за бортом. Один — к лебедке, майна помалу. Второй — спустите вниз сеть. Побыстрее. — Он оборачивается на зависшего над открытым люком Алана: — Фланнаган, вернешься — изобью.

Канат раскачивается и скрипит, мир перед глазами пляшет, и Алан на мгновение закрывает глаза, чтобы справиться с головокружением. Считает до трех, открывает. Поверхность воды приближается слишком медленно, и он мысленно торопит офицера у лебедки: «Скорее же, ну вращай быстрее!»

— Ала-а-ан! — доносится снизу отчаянное.

Ливень хлещет по лицу, руки скользят по канату, и больше всего Алан боится, что течение унесет близнецов далеко от места, где он приводнится. Секунды — и он погружается в волны в десятке ярдов от детей. Рядом опускается закрепленная на двух крюках сеть, зависает, едва касаясь поверхности. Алан тянет ее за собой, плывет наперерез потоку. Еще несколько футов — и за веревки сети хватается маленькая рука с перевязанной тряпицей ладонью.

— Внутри, — выдыхает Алан. — Забирайся внутрь!

— Сперва Этьен и Сибил! — упрямо трясет мокрыми кудрями брат.

— Успеется. Лезь!

Мальчишка осторожно привстает на двери, хватается за сеть второй рукой, подпрыгивает и повисает, крепко вцепившись в веревки. От толчка ненадежный плот качается, центр тяжести смещается, и Сибил с Этьеном съезжают в воду. Девочка визжит, пытаясь удержаться одной рукой, но дверь переворачивается, накрывая обоих. Алан зажмуривается, ныряет вслед за ними. Веревка на поясе натягивается, словно поводок, но он успевает вцепиться в сестрину куртку и выдернуть девочку на поверхность. Сибил судорожно хватается ртом воздух, оглядываясь по сторонам, рвется из рук.

— Этьен! Алан, где он? Не бросай его!

Темноволосый мужчина выныривает рядом с ними, кашляет, трясет головой.

— Сюда! — кричит ему Алан, подгребая к сети.

Сибил перебирается к Уильяму, позволяя старшему брату помочь Этьену, хнычет:

— Я утопила пояс...

Минуту спустя все четверо крепко держатся за веревки, и Алан машет рукой тем, кто с волнением наблюдает за ними с дирижабля:

— Поднимай!

Сеть отрывается от поверхности воды, раскачивается, поскрипывают натянутые канаты. Близнецы испуганно взвизгивают, накрепко вцепившись в веревки. Алан беспокойно поглядывает на вымотанного Этьена. Фут за футом мутный поток отдаляется, отпуская своих жертв.

На борту «Мнемозины» близнецов извлекают из сети Брендон и рыдающая Элизабет.

— Малыши... родные, — всхлипывает мать, прижимая их к себе — мокрых, дрожащих.

Подбегает Коппер с тремя одеялами и командующий машинным отделением. Алан выпутывается из тросов и веревок, получает обещанную затрещину и ободряющее

похлопывание по плечу от майора.

— Да погодите вы! — отмахивается он и садится на корточки рядом с лежащим на дощатом полу Этьеном. — Мистер, вы как?

Тот молча качает головой, пытается привстать, но не может. Брендон забирает у Элизабет близнецов и, кивнув жене в сторону Этьена, уносит детей в каюту.

— Папа сильный, — шепчет Сибил, держась за отцовскую шею. — Папа любимый...

Элизабет с осунувшимся лицом и оборванными рукавами платья укрывает Этьена одеялом, касается мокрых волос.

— Спасибо, хороший мой, — шепчет она. Голос пропадает, горло стискивает болезненным спазмом.

Коппер щелкает пальцами, привлекая внимание Алана.

«Парня — в мою каюту. Давай, поможешь».

— Мам, иди к мелочи. Иди, ну! — прикрикивает Алан. — Я сейчас вернусь к вам.

Вдвоем с майором они поднимают Леграна и уносят в капитанскую каюту. Элизабет несколько секунд сидит, глядя в одну точку и перебирая складки промокшего одеяла, потом встает и бежит догонять мужа с близнецами. По палубе «Мнемозины» барабанит дождь.

— Мамочка, ну не плачь... Мы тебя любим, мы вернулись...

Слезы текут сами, лица детей расплываются перед глазами, непонятно, где Сибил, где Уильям. Можно лишь осязать губами и пальцами, вдыхать родной запах, не веря, что вот они — живые. Слов нет, остается только нежность — горькая, отчаянная, безбрежная.

— Не жми так сильно, ты нас задушишь. Ма-а-ам... Пап, это просто царапины! Этьен нас полечил. Ну что вы такие грустные, мы в порядке, честно-честно!

Дверь в каюту приоткрывается, заглядывает Алан. Смотрит на обнимающих Сибил и Уильяма родителей, улыбка трогает губы.

— Я же знал, что вы найдетесь. Чуть Копперу в мор... в лицо не заехал, когда он велел «Мнемозину» разворачивать.

— Где Этьен? — тут же спрашивает Сибил, выныривая у матери из-под локтя.

— В каюте у крестного. Тебе там сейчас точно нечего делать.

«Как он, сынок?»

Алан неопределенно разводит руками.

— Вроде спит. Но я не врач, откуда мне знать.

Взгляд его останавливается на лице Брендона. Тонкие брови хмурятся.

— Пап. Ты когда ел последний раз?

«Не помню», — равнодушно отвечает тот.

— Пошли, у Коппера топлива возьмем. Мам, а ты приляг с мелочью. Выглядишь ужасно. Поспи хотя бы до возвращения.

— Я с «Мнемозины» не сойду! — вскидывается Элизабет испуганно.

Алан подходит, обнимает ее, целует в бледную щеку.

— Я тебя на руках вынесу. И сам посажу на дирижабль, летящий туда, где тепло, сухо и солнечно.

«В Гельвецию бы вас, — соглашается Брендон. — И чем скорее, тем лучше».

— Как это «вас»? Дорогой, не «вас», а «нас»! Всех!

«Именно вас. Пока троих. Алан при исполнении, а я без Евы не полечу», — спокойно глядя на жену, разъясняет Брендон.

Уильям высовывается из-под одеяла и тихо говорит:

— Ева больше не Ева, пап. Она теперь Анве, Этьен сказал. Это она топит город.

Элизабет бледнеет, впивается ногтями в щеки.

— Нет... Нет, Уильям, что ты несешь?!

Мальчишка испуганно смотрит на Алана, потом на отца. Элизабет решительно направляется к выходу из каюты. Брендон хватает ее за руку, хмурится, сажает обратно на койку.

«Сиди здесь, с детьми. Нечего там делать», — отрезает он.

— Мне надо поговорить с Этьеном!

— И мне! — подхватывает Сибил.

«Успеете. Дайте ему хоть полчаса отлежаться. — Брендон поворачивается к Алану и без улыбки спрашивает: — Каюта запирается? Отлично. Тогда закрой за нами дверь на ключ».

Мужчины уходят, оставив Элизабет с детьми. Она печально трогает дверную ручку, возвращается к близнецам. Садится на койку и закрывает лицо ладонями. Сибил и Уильям тут же обнимают ее, ластятся.

— Мам?..

— Я не хочу в это верить, — глухо отвечает Элизабет. — Ева не могла...

Близнецы обмениваются по-взрослому суровыми взглядами, синхронно кивают.

«Думаешь, у Этьена получится?» — спрашивает Уильям на амслене.

Сибил уверенно кивает.

«Но это же больно», — продолжает брат.

«Он умный и сильный. Он выдержит».

«А мы?» — глаза Уильяма наполняются слезами.

Девочка отводит взгляд.

«Мы — нет. Ты сам знаешь».

Мальчик обнимает мать крепко-крепко, прячет лицо в распущенных русых волосах.

— Мы тебя любим. Мы тебя никогда не оставим, мамочка...

Через сорок минут «Мнемозина» пришвартовывается к платформе городского аэровокзала. Люди спускаются по трапам, ежатся от холодных дождевых струй, косятся на драгун из оцепления. Брендон ведет за руки близнецов, Элизабет и Алан помогают Этьену. Они проходят в здание вокзала, идут между сидящими и лежащими горожанами. Кто-то кашляет, кто-то прижимает к себе детей, кто-то тихо плачет. В углу народ толпится за питьевой водой. По залу ожидания ходят солдаты, разносят шерстяные одеяла.

— Господин Легран!

— Минутку, — просит Этьен Алана и Элизабет и останавливается.

К ним подбегает щеголеватый молодой человек лет двадцати — сын заместителя мэра.

— Очень рад вас видеть, господин Легран! Вы в порядке? — спрашивает он дипломатично.

— Добрый вечер, Фредерик. Я в порядке. Ваша семья не пострадала?

— О, да что нам будет на четвертом уровне? — улыбается Фредерик. — Лайон-стрит — самая высокая точка Нью-Кройдона. Сэр, я верно помню: вы живете на Брикс-авеню?

— Верно.

— Тогда я предлагаю вам поехать в мой дом и переждать стихию там. Ваша матушка и сэр Ирвинг так и сделали. Брикс-авеню затоплена примерно на два фута.

Этьен качает головой:

— Я не один. Со мной семья моей невесты, двое детей. Я не могу их оставить.

Фредерик бросает на Алана и Элизабет взгляд, что-то прикидывает.

— Тогда подождите здесь, я постараюсь урегулировать.

Он уходит быстрым шагом, стуча каблуками дорогих туфель по мозаичному полу зала ожидания.

— Тебе надо было соглашаться, — мягко говорит Этьену Элизабет. — Ты же еле на ногах стоишь.

— Если кому тут и положены привилегии, так это точно не мне, — усмехается он. — Зато теперь есть шанс, что нам не придется коротать время на голом полу. Вон мистер Фланнаган, идемте к нему.

Они пробираются через толпу к стене, возле которой их ждет Брендон с близнецами. Сибил и Уильям сидят на корточках, закутавшись в одно одеяло. С мокрых кудрей капает вода. В руке Брендон держит три картонных талона. Когда Элизабет подходит, он вкладывает их ей в ладонь.

«Родная, это на завтрашний рейс. Три места на полуденный экспресс в Олсен-сити. Солдаты говорят, что там сухо и солнечно».

— Почему три? — растерянно спрашивает Элизабет. — Нас же шестеро... и Этьен...

— Мам, ты летишь с мелочью. Мы уже это обсуждали, — вздыхает Алан.

— А мы с мистером Фланнаганом и Аланом найдем Эвелин и постараемся все уладить, — тоном миротворца добавляет Этьен.

— Найдешь — убей эту тварь, — раздается за спиной.

Легран и Фланнаганы тут же оборачиваются на голос. Ларри, големист, пошатываясь, стоит рядом с ними, и взгляд его откровенно враждебен.

— А почему ты не с ней, Легран? — дурашливо улыбаясь, спрашивает он. — Ты же сам взрастил эту ведьму, так почему...

— Замолчи, — ледяным тоном перебивает Этьен. — Ты пьян.

Предчувствуя драку, за спиной Ларри начинает собираться народ. Близнецы прижимаются к отцу, смотрят на големиста со страхом.

— Да она тебя обставила! — хохочет Ларри. — Доктор Легран, тебя провели, как мальчишку! Эй, люди! Идите сюда! Поприветствуйте человека, благодаря которому ваш город поглощает Анве!

Этьен выпрямляется, расправляет плечи и собирается что-то ответить, но Элизабет опережает его. Она делает шаг к Ларри и бьет его кулаком снизу в челюсть. Рослый сорокалетний мужчина валится назад, взмахнув руками.

— Профессионально! — выдыхает кто-то.

Элизабет обводит гомонящую толпу злым взглядом.

— Что собрались? — выкрикивает она. — Давно пьяных не слышали? Пойди проспись, мистер! Этот человек спас моих детей! Еще одно оскорбление в его адрес — и я за себя не ручаюсь!

Лари садится, стирает кровь с прикушенной губы.

— Твоих детей? Этих близняшек? А, миссис Фланнаган, мать Евы! Девка ведьмой и тебя уродилась?

И тут же удар Алана опрокидывает его навзничь. Парень рывком поднимает Ларри на ноги и молча тащит к полицейскому патрулю недалеко от выхода из зала ожидания. Они обмениваются парой фраз, и Алан возвращается обратно уже один.

— Спасибо, — сдержанно благодарит Этьен.

Через несколько минут к ним подбегает Фредерик с дежурной улыбкой на губах.

— Господин Легран, я все урегулировал! Будьте нашими гостями вместе с друзьями. Я распорядился подать две машины, пойдете к выходу.

Алан обнимает Элизабет, затем Брендона и близнецов, жмет руку Этьену.

— Я возвращаюсь на «Мнемозину». Через два часа летим в столицу, Коппера вызвали на имперский совет. Мама, мелочь, я приду проводить вас завтра. Люблю вас.

Они расходятся, Алан бежит к платформе, у которой пришвартована «Мнемозина». За ним из толпы пристально наблюдает пожилой сухощавый мужчина с военной выправкой. Щурит неприятно водянистые глаза, удовлетворенно кивает своим мыслям. Записывает что-то в блокноте, глядя на расписание дирижаблей, и покидает зал ожидания.

— Мистер Фланнаган, ну что вы ходите из угла в угол? — В голосе заместителя мэра скользит насмешка. — Здесь нам ничего не угрожает, расслабьтесь. Подумаешь, дождь.

Брендон поправляет воротник рубашки, выглядывает в окно, слегка сдвинув в сторону шторы.

«Прошу меня извинить, сэр. Не получается быть спокойным, когда объявлена всеобщая эвакуация, а у вас жена и дети».

— Но у них же есть билеты на дирижабль?

«До посадки еще тринадцать часов. Я не успокоюсь, пока не буду уверен, что моя семья в безопасности. Наш городок полностью под водой, мы не можем вернуться домой. И мне непонятно ваше спокойствие, сэр. Железнодорожный мост через Фармингтон рухнул, больше половины города затоплено. Если начнется ураган, из Нью-Кройдона вообще невозможно будет выбраться. И вас не спасет даже зарезервированный за городской управой дирижабль, — Брендон делает паузу, пристально смотрит в глаза хозяину дома и с вежливой улыбкой завершает: — Думаю, пожелание спокойной ночи будет уместным».

Отвесив легкий полупоклон, Брендон покидает бильярдную и возвращается в комнату, отведенную им с женой и детьми. Раздевается, вешает чуть влажную одежду на спинку стула. Рассматривает запястье в свете ночника, касается металлическим пальцем свежих пятен ржавчины. Элизабет просыпается, поднимает голову с подушки.

— Брендон?..

Он ложится рядом с ней, обнимает, целует сухими губами в висок. Бережно гладит волнистые русые волосы.

— Что-то не так, родной?

«Все хорошо, — отвечает он одними губами. — Немного волнуюсь. Засыпай».

Она устраивается, положив голову ему на грудь, проводит кончиками пальцев вдоль шва-дверцы.

— Я тебя люблю. Не представляю, как мы будем без тебя в чужом городе. Как ты найдешь нас?

«Я вас не потеряю, Элси. Не думай о плохом. Мы отыщем Еву и присоединимся к вам в Олсен-сити. Все вместе».

— Как вы ее найдете? — в голосе Элизабет звучит отчаяние. — Что вы сможете с ней сделать? Она одержима, вспомни, что Этьен сказал.

«Алан ее чувствует. Он знает точно, где она. И уверен, что сумеет с ней поговорить. А я отец. Я обязан помогать своим детям. Даже если они утверждают, что не нуждаются в

помощи».

Вскоре шепот Элизабет стихает, и они с Бренденом засыпают. Как только дыхание матери становится ровным и глубоким, с соседней кровати тихонько сползают близнецы. Подтягивают повыше панталоны и на цыпочках выходят в коридор.

— А если он спит? — опасливо спрашивает Уильям.

— Он спал целый вечер, — возражает Сибил. — И вообще не важно. Важнее то, что мы должны это сделать. Пошли.

Ступая по ковровой дорожке почти бесшумно, близнецы поднимаются на третий этаж. Проходят мимо спальни хозяина дома, прислушиваются к раскатистому храпу, идут мимо.

— За поворотом вторая дверь налево, помнишь? — шепчет мальчишка.

Сестра кивает, обгоняет его и первая хватается за дверную ручку. Уильям шлепает ее по руке, сердито шикает:

— А постучаться?

Они вместе слегка постукивают по двери, прислушиваются.

— Войдите, — приглушенно откликается Этьен.

Близнецы возникают на пороге, робко мнутя. Этьен встает из кресла, кутаясь в плед, подходит к детям. Улыбка мелькает на осунувшемся, заросшем щетиной лице.

— Привет, полуночники. Очаровательные на вас штаны. Почему вы не спите?

Сибил и Уильям синхронно подтягивают панталоны, шмыгают носами.

— Мы к тебе. Надо, — сурово отвечает мальчишка.

Легран делает приглашающий жест, проходит, садится с детьми на софу.

— Что случилось?

— Говори тише, — просит Сибил. — Этьен, мы пришли попрощаться. Завтра мы расстанемся. И больше не увидимся.

— Мисс Фланнаган, с каких пор вы записались в пессимистки? — шутит он, но натывается на взгляд девочки и осекается.

Сибил смотрит на него грустно и серьезно.

— Как ты себя чувствуешь? Только скажи правду, — спрашивает Уильям.

— Неважно. Мышцы болят, да и воды нахлебался, — нехотя признаётся он.

Девочка берет его за руку, поглаживает.

— Послушай внимательно, — просит она. — Вы с папой справитесь с Евой. Дядька Коппер и Алан вам помогут. И поможем мы. Но для этого ты должен нам позволить оставить часть своих Перекрестков с тобой.

— Для чего и как?

— Нас не будет рядом, когда мы понадобится, Этьен, — вздыхает Уильям. — У тебя есть знания, но мало умения. Мы с тобой поделимся, перенесем часть своей судьбы и сил на тебя, и тогда вы точно справитесь. Ты всегда будешь нас слышать и знать, что и как делать. Мы подскажем.

— Хорошо. Что для этого нужно?

Сибил обходит софу, снимает с плеч Этьена плед.

— Нужен рисунок. Который всегда будет с тобой, не смоеся и не сотрется, — отвечает она.

— Но это больно, — добавляет Уильям.

— Я потерплю, — уверяет его Этьен.

Сибил подходит к письменному столу, выдвигает ящик.

— Я знаю, что искать в чужих вещах плохо. Но нам сейчас это необходимо, — оправдывается она, виновато поглядывая на Этьена.

— А что нужно? — осторожно спрашивает он.

— Тонкое и острое, — отвечает Уильям. — И два.

— Тут есть бритва, посмотри на столе в футляре.

— А я нашла нож для резки бумаги, — обрадованно делится девочка. — Теперь нужно что-то вроде салфеток.

— Я нашел носовые платки в трельяже!

— Давай их сюда, Уильям. И запри дверь. Этьен, садись к столу.

Он молча повинуется. В глазах ни страха, ни тени сомнения. Он уверен, что эти двое всегда знают, что делают.

— Протяни руки вот так, ладонями вниз. Клади на стол.

Близнецы глядят Этьена по голове, и его окутывает легкая дремота. Пальцы детей касаются легко и бережно, движения завораживают.

— Так будет легче. Ты только не дергайся. Терпи.

Сибил становится слева, Уильям справа. Бритва и нож для резки бумаги рассекают кожу на обеих руках чуть выше локтей. Этьен вздрагивает, стискивает зубы. Следующий надрез ложится ниже первого, за ним еще и еще. Нож и бритва опускаются одновременно, близнецы наносят порезы абсолютно симметрично. Алые капли они подхватывают носовыми платками, промокают насечки, делают следующие.

— Терпи. Так нужно. Пожалуйста, терпи, — просят близнецы в один голос.

С каждым новым касанием боль кажется сильнее. Все труднее давить крик и бороться с желанием вырваться из маленьких рук, удерживающих его запястья прижатыми к поверхности стола. Этьен смотрит на настенные часы перед собой. Стрелки то не двигаются с места, то несутся, перегоняя друг друга, то начинают идти назад. Зрение плывет, перед глазами распускаются багровые анемоны. Дышать тяжело, он старается делать вдох на каждое прикосновение лезвий.

Боль рвет кривыми зазубренными когтями запястья, запускает жгучие щупальца под кожу кистей рук, выворачивает судорогой пальцы. Пот течет по лбу и вискам, холодный, липкий. Сколько это длится? Час, ночь, год? Молчи, Легран, терпи, ты должен.

— Сейчас, Этьен. Почти все. Считай от десяти до одного. Давай, вслух, с нами.

Он мотает головой, крепко зажмурившись. Близнецы прикасаются платками к кистям рук, снова режут кожу острые лезвия.

— Не могу больше, — шепчет Этьен.

— Потерпи еще секунду, — умоляет Сибил.

Последний надрез идет с тыла кисти и вливается в одну из линий на ладони. Этьен резко выдыхает и ложится грудью на стол. Руки болят страшно, но боль потихоньку гаснет. Уильям открывает окно, смачивает платок под струями дождя. Сибил садится на ковер у ног Этьена и заходится кашлем.

— Пойдем, — просит она брата. — Надо поспать. Кажется, я простудилась.

Уильям обтирает лицо Леграна мокрым платком, помогает сестре подняться. По очереди они обнимают Этьена за шею, целуют в висок.

— Мы будем тебе иногда снится, — улыбается Сибил.

Легран кивает, не в силах говорить и шевелиться.

— Спи, Этьен. Ты проснешься здоровым и сильным, — обещает Уильям, и близнецы

уходят.

Этьен спит долгим, глубоким сном. Утром Брендон и Элизабет вежливо стучатся в его дверь, чтобы попрощаться, но он не слышит. Заместитель мэра решает не будить гостя до возвращения Брендона с вокзала.

В десять утра Сибил и Уильям в просушенной обуви и одежде стоят на крыльце, готовые к отбытию. Сибил покашливает, нервно подергивает шнурок, на котором висит маленький мешочек на шее, Уильям кутается в рубашку Этьена. Элизабет держит над ними раскрытый зонт, сама мокнет в плаще. Брендон присоединяется к ним, попрощавшись с хозяевами дома, и они вчетвером бредут под дождем к аэровокзалу. Элизабет все старается спрятать под зонт и мужа.

— Пожалуйста, милый! Твоим суставам и так нелегко, не усугубляй! Иди сюда, дети немного потеснятся.

Он улыбается, отнекивается, смотрит на жену так, будто боится, что сейчас она растворится прямо в воздухе.

— Ты что? — пугается она. — Брендон, давай мы не полетим? Или ты с нами...

«Я тебя люблю, Элси. Иди, мы опоздаем».

В здании вокзала давка, люди отталкивают друг друга от входа на платформы. Полисменам с трудом удается сдерживать толпу.

— Успокойтесь, граждане! Все успеете, не мешайте посадке! Кто с билетами на этот рейс, проходите! — покрикивают полицейские.

Брендон вынужден расталкивать народ локтями, чтобы пробить дорогу жене и детям. Близнецы пробираются, крепко держась за руки, опасно поглядывают на горожан.

— Люди звереют, — шепчет Сибил на ухо брату. — Мир сходит с ума.

— Просто всем страшно, — отвечает Уильям. — Они-то не знают, что будет дальше.

У посадочной платформы на рейс «Нью-Кройдон — Олсен-сити» их ждет Алан. Зовет отца, машет рукой. Когда семья подходит, он обнимает бледных и тихих близнецов, целует мать.

— Едва успел. Меня не хотели отпускать, — жалуется он. — Дела наши плохи. Корабли, оказавшиеся в районе воронки, пропали без вести. Вода прибывает, несколько прибрежных городов затоплены полностью, большая часть населения эвакуирована. Коппер получил приказ отбомбиться по воронке. Бедлам, но ничего умнее никто не может придумать.

«Когда бомбардировка?» — напряженно спрашивает Брендон.

— Через сутки. Когда город полностью эвакуируют.

— На Олсен-сити, проходите! — нетерпеливо прикрикивает на них полисмен. — Взлет через десять минут, а вам еще на регистрацию!

Семья обнимается, Брендон торопливо просит:

«Родная, как только прилетите — оставь мне письмо на почтамте до востребования. Обещаешь? Дети, маму не отпускайте ни на минуту! Сибил, Уильям, люблю вас. Элси, посмотри на меня! Вы — все, что у меня есть дорогого».

— Мам, ты с ними поостороже, ага?

Элизабет кивает, тайком вытирает слезы, целует мужа и сына, протягивает билеты на контроле и вместе с детьми проходит за ограждения.

— Пап, пошли. Помашем рукой дирижаблю с улицы. Вон он — маленький, с синей полосой, видишь?..

На регистрации Элизабет подает полицейскому свои документы, отступает на шаг в

сторону, обнимает детей. Полисмен откладывает перо на чернильницу, пристально изучает бумаги, кивает, подзывает напарника и о чем-то негромко говорит ему. Элизабет волнуется, поглядывает на них, не выдерживает:

— У нас что-то не так?

— Миссис Фланнаган, а где документы на детей?

— Дома, в Гринстоуне. Мы приехали на праздник, почти ничего не взяли...

— Хорошо, я понял. Пройдите, пожалуйста, вместе с детьми за моим напарником.

— Куда и зачем? — испуганно спрашивает Элизабет.

Полисмен натянуто улыбается.

— Не волнуйтесь. Небольшая формальность.

Элизабет откидывает за спину распущенные волосы, оглядывается. Близнецы чинно сидят на стульях у стены и ждут.

— Сибил, Уильям, — зовет мать. — Пройдемте за мистером полицейским.

Они идут боковым коридором мимо подсобных помещений вокзала, спускаются на несколько этажей. Полисмен гремит связкой ключей, лампочка под потолком еле светит.

— Мистер, — окликает полицейского Элизабет. — Куда мы пришли?

— Я не уполномочен отвечать, — бубнит мужчина.

— А кто уполномочен? Эй!

Шаги за спиной. Элизабет резко оборачивается. По коридору к ним подходят пятеро в серой униформе.

— Я уполномочен, мисс Баллантайн, — мягко обращается к ней возглавляющий маленькую группу подтянутой худощавый мужчина лет шестидесяти.

Элизабет щурится, стараясь разглядеть его лицо в полумраке коридора.

— Позвольте вам помочь, — говорит он и выходит в круг неяркого света, закладывая руки за спину. — Узнаешь меня, Лиз?

Элизабет со стоном пятится, закрывая собой детей.

— Стивенс... — шепчет она в ужасе.

— Так точно. Майкл Стивенс, глава тайного сыска. Я все это время не выпускал тебя из вида. Наплодила щенят, сучка? — ласково спрашивает он.

— Мы ничего не сделали! Позвольте нам улететь отсюда!

— Да вот прямо сию секунду! — Стивенс смеется и продолжает глухо и зло: — Я все ждал повода, маленькая шлюха. И дождался. Элизабет Баллантайн, вы и ваши ублюдки признаны виновными в причине нью-кродонского потопа.

— Кем? — отчаянно кричит она.

— Мной.

Стивенс поднимает правую руку с зажатым в ней пистолетом.

— К вашему несчастью, я был на карнавале, когда маленькие ублюдки вызвали Анве.

Выстрел кажется оглушительным. Сибил визжит, заходится в истерике. Уильям прижимает сестру к себе, смотрит в лицо полковника Стивенса круглыми от ужаса глазами. От непомерно широких зрачков они кажутся черными. По щеке медленно ползет слеза.

— Мама...

— Щенят — в яму. И откройте шлюзы, — распоряжается Стивенс. — Пусть Анве подавится своими крестниками. А я подожду их сестрицу.

Люди в форме хватают плачущих близнецов, тащат за дверь в котельную. Один из мужчин поднимает решетку в полу, детей сбрасывают в бетонную яму два на два ярда

шириной и около пяти ярдов глубиной. Решетка возвращается на свое место. Минута — и из отверстий в стенах ямы под ноги обнявшихся в углу близнецов хлещет вода.

— Не отпускай меня, — плачет Сибил. — Только не отпускай меня...

— Никогда, — тихо-тихо отвечает Уильям. — Ты держись, сколько сможешь. Я с тобой.

Навсегда.

Шесть минут спустя маленький дирижабль, следующий из Нью-Кройдона в Олсен-сити поднимается ввысь. Брендон и Алан машут ему руками, стоя на залитом дождем тротуаре, и не замечают, как на белой рубашке Брендона проступает бурое пятно ржавчины — на груди, где заменяет сердце маленькая топка.

Океан мерно вздыхает, капли дождя шлепают по поверхности воды, барабанят по лицу. Эвелин покачивается на волнах, лежа на спине и раскинув руки. Глаза ее закрыты, грудь едва заметно вздымается. Девушка спит. В нескольких футах под ней медленно кольшутся лиловые стебли лаванды — словно пробегает по полю ветерок.

Внезапно Ева вздрагивает, открывает глаза. На лице появляется растерянное выражение — как у человека, который не понимает, где он и как здесь оказался. От резкого движения девушка погружается в воду с головой, выныривает, встряхивает мокрыми волосами, быстро плывет к краю поля. Стебли лаванды, покачиваясь, цепляются за ее одежду. От их прикосновений Еву охватывает дрожь. Эвелин взбирается, поскальзываясь, по размокшей тропинке, отжимает на себе брюки. Прислушивается, озирается вокруг, свистит по-мальчишески, сунув в рот пальцы.

Взметая копытами фонтаны брызг, вниз по склону несется океанский конь. Подлетает к Еве, останавливается, трясет головой. Эвелин хватается за гриву, подтягивается, садится на мощную спину, берет в руку уздечку и бьет скакуна ладонью по крупу:

— Пошел! А ну, пошел! Быстрее!

Конь несется во весь опор, едва касаясь копытами раскисшей земли. Ева направляет его параллельно дороге в Нью-Кройдон, в сторону от идущих прочь из города людей. Она сидит, склонившись к шее скакуна, прикрыв глаза и боясь оглянуться на Гринстоун. Она знает, что увидит. И она помнит, как все случилось. Одного не может понять: как она могла это сотворить?

— Быстрее, — умоляет она, погоняя коня. — Быстрее, тварь морская!

До Нью-Кройдона остается не больше пяти миль, когда Еве вдруг становится плохо. Она хватается ртом воздух, кашляет, давится. Слабеющие руки отпускают уздечку, и девушка мешком валится в грязь под копыта коня. Скакун резко останавливается, возвращается и тычет в хозяйку мордой. Эвелин дрожит, как в ознобе, размазывает грязь по лицу. Цепляясь за коня, она встает, выжидает минуту, пытаясь выровнять дыхание, и снова садится верхом. Грязные пальцы утопают в белоснежной гриве, воздух вырывается из легких с хрипом. Ева сутулится, словно у нее что-то болит в груди, стонет. Конь косится на нее темным глазом, фыркает беспокойно.

— Бе... ги... — выдыхает Эвелин, бьет его пятками в бока, и он снова срывается с места.

Разлетаются клочья травы и брызги из-под конских копыт, бьет по спине всадницы косой ливень. Эвелин Фланнаган плачет, понимая, почему ей так плохо, и гонит коня во всю прыть.

С крыльца дома заместителя нью-кroyдонского мэра сбегает полуодетый Этьен Легран и несется со всех ног к аэровокзалу, лавируя между брошенными на дороге машинами.

— Дыши, Уильям, — просит он. — Держи ее над водой. Дыши, Сибил.

«Я успею! Я обязан успеть!»

Струи дождя стекают по голым плечам, обжигая кожу. Пульсирует нарывом правая рука. Левую Этьен почти не чувствует, лишь в районе запястья искрой пробивается пульс.

«Почему я не понял этого раньше? Они же не просто попрощаться приходили, Лоа всемогущие...»

Водяной конь влетает в здание аэровокзала, несется к платформам. Люди кричат, разбегаясь в разные стороны. У самого оцепления при входе на регистрацию Эвелин натягивает веревочные поводья, скакун встает на дыбы и рассыпается каскадом холодных брызг. Мокрая, грязная девушка перекатывается по мозаичному полу под ноги изумленным полицейским, встает.

— Мисс?.. — с опаской окликает ее страж порядка. — Мисс, вы куда?

Ева бежит к входу на посадку, отталкивает полисмена, пытающегося ее остановить.

— Мисс, стойте! Куда вы? У вас есть билет?

Эвелин останавливается, обводит взглядом полицейских и солдат.

— Пропустите, — требует она.

— Туда нельзя. Что вы себе позволяете?

Ева низко рычит Имя Камня, и стена вокзала напротив нее собирается в складки, словно мятый лист бумаги. Потолок угрожающе идет трещинами, роняет тяжелую люстру.

— Мне такое с вами проделать? С дороги!

Ее пропускают, и девушка бежит дальше. С разбегу бьется об неприметную дверь, ведущую в служебные помещения вокзала, несется по узким коридорам, спускается по лестницам. Заворачивает за угол и останавливается, будто налетев на незримую стену.

— Мамочка моя...

В тусклом свете единственной лампочки кровь на виске Элизабет выглядит черной, словно деготь. Широко распахнутые глаза смотрят мимо Евы, рот приоткрыт, на лице навеки застыла маска страха и изумления. Эвелин становится на колени, целует мать в щеку — нежно, как в детстве. Опускает ладонь на холодный лоб, закрывает Элизабет глаза.

В нескольких шагах дальше по коридору — дверь. Поддается слишком легко. Эвелин переступает порог, заставляет себя смотреть вперед. Из-под решетки, закрывающей сверху яму-подвал, по полу медленно растекается вода. И бессильно лежит на ржавых прутьях тонкая детская рука, сжимающая маленький мешочек на шнурке — белая, словно мрамор. Ева забывает, как дышать. Рвет вверх решетку, перехватывает запястье Сибил, второй рукой тянет к себе Уильяма. Близнецы кажутся ей тяжелыми, как каменные статуи. Девушка теряет равновесие, срывается в яму, барахтается, пытаясь удержать младших, захлебывается горькой ледяной водой.

Сильная рука хватает Эвелин за шиворот, не давая погрузиться под воду. Секунды — и девушку вытаскивают на край ямы.

— Подтягивайся, — выдыхает Этьен.

Ева хрипло дышит, тащит к себе за руку Сибил. Этьен подхватывает девочку под мышки, вынимает из воды. Пальцы Сибил накрепко переплетены с пальцами правой руки брата. Эвелин подталкивает Уильяма со своей стороны, помогая Леграну. И только оттащив близнецов от края, Этьен вытягивает Еву на мокрый бетон. Вдвоем они бросаются к детям,

трясут их, тормошат. Тщетно.

— Нет же... Нет, не поздно! Делай, как я!

Этьен укладывает Сибил на спину, поворачивает ей голову вбок, кладет друг на друга ладони девочке на грудь, сильно и ритмично нажимает.

— Ева, очнись!

Эвелин садится на пол, обнимает Уильяма и тихо-тихо плачет, прижимая его к себе.

— Ева, черт возьми!!!

— Тс-с... Они спят. Не кричи, — улыбается девушка сквозь слезы, убирая со щек брата прилипшие светлые пряди. — Они так устали...

«Раз, два, три, четыре, — считает про себя Этьен. — Девять, десять...»

Руку под шею девочке, запрокинуть ей голову, глубоко вдохнуть, выдохнуть в приоткрытые белые губы. Снова ладони на груди, считать до десяти. Руки чужие, холодные, слушаются с трудом.

— Помоги Уильяму! — просит Этьен. — Время, Ева! Время уходит!

Девушка тихо баюкает брата в объятьях, глядя в одну точку.

— Оставьте, Доктор Легран, — раздается из дальнего угла котельной мужской голос. — Они оба мертвы уже минут десять. Все ваши усилия тщетны.

Этьен бросает взгляд через плечо, не отрываясь от своего занятия.

— Полковник Стивенс? — хмыкает он. — Вы что здесь забыли?

— Встать! Отойти к стене, ну!

Худощавый немолодой мужчина в серой униформе подходит ближе, держа Этьена под прицелом пистолета. Легран медленно встает, перемещаясь так, чтобы закрыть собой Эвелин.

— Это даже лучше, чем я предполагал, — удовлетворенно кивает Стивенс. — Элитный нью-кرويدонский смутьян в довесок к ведьме. Легран, вы знали, кого пригнали среди своих вудупанков?

— Какое вам дело, Стивенс? — мрачно огрызается Этьен. — Вудупанки чисты перед законом. И уж не вам об этом не знать. Уберите пистолет.

— Встать к стене! — рявкает Стивенс. — Фланнаган, тебя это тоже касается!

Эвелин бережно укладывает тело Уильяма на пол, выпрямляется.

— Этьен, в сторону, — коротко командует она и делает шаг вперед.

Сплетенная из волос веревка извивается в руках, как живая. Стивенс нервно облизывает губы, направляет пистолет на Еву.

— Не подходи, ведьма! Встань лицом к стене!

— Не тебе здесь распоряжаться, убийца, — глухо отвечает Ева и прыгает.

Выстрелов не слышно. Одна за другой падают на каменный пол четыре пули. Девушка толкает полковника в грудь, ухмыляется. Правый уголок рта ползет вверх, обнажая зубы.

— Я же тебя предупреждал: мои боги не любят огнестрельного оружия, — говорит Эвелин чужим мужским голосом.

Стивенс бледнеет, отбрасывает пистолет, словно ядовитую гадину. Пятится.

— Что ты теперь будешь делать, убийца? — скалится Эвелин.

Полковник бросается к двери, но Этьен опережает его, подсечкой сбивает с ног.

— Легран, в сторону. Сама разберусь.

Ева склоняется над поверженным полковником, набрасывает веревку, сплетенную из волос, ему на шею. Дергает вверх, заставляя Стивенса опуститься на колени. Он хрипит,

цепляется пальцами за удавку, пытаясь высвободиться. Девушка смотрит на его усилия темными от ненависти глазами.

— Они наверняка звали на помощь, да? Они просили их выпустить, кричали и плакали. А ты, урод, стоял и смотрел.

Она немного ослабляет хватку, давая Стивенсу возможность перевести дыхание.

— Сладко тебе было, мразь? До дрожи в коленках сладко, ручаюсь. Ты же нас не один год выслеживал. Любишь смотреть на тех, кого загнал в угол? Любишь убивать невинных, слабых?

— Эвелин, хватит! — не выдерживает Этьен.

— Не хватит! Вставай, мерзавец. Выводи нас отсюда. Этьен, идем.

Легран подходит к телам близнецов, поднимает Сибил на руки, укладывает рядом с братом. Цепляется за шнурок, свешивающийся из кулачка девочки, бережно разжимает стиснутые пальцы.

— Она это над водой держала, — замечает Эвелин, поглядывая в сторону Этьена.

Из мокрого мешочка в ладонь Этьену выпадает маленькая кукла вуду, так похожая на него самого. В горле ком, слезы наворачиваются сами.

«Вот что ты так берегла, малышка...» — с горечью думает он, надевая мешочек с фигуркой на шею.

За дверью слышится возня, приглушенные голоса.

— Легран, идем! Открывай дверь и держись за мной.

Ева убирает веревку с горла Стивенса, пропускает ее ему между зубами, натягивает.

— Пошел, скот! — приказывает она, толкая его в спину.

В тесном коридоре четверо военных кажутся большой шумной толпой. Эвелин выворачивает Стивенсу руку за спину, смотрит на солдат.

— Мы уходим, — говорит девушка уверенно. — И вы нас пропустите. Не так ли, полковник?

Стивенс мычит, морщится от боли, кивает. Солдаты расступаются, один из них склоняется над телом Элизабет.

— Прощайте, мелкашки, — шепчет Ева едва слышно и прикрывает глаза. — Прощай, мама.

Они поднимаются наверх, проходят через зал ожидания. Люди провожают странную троицу испуганными взглядами, расступаются. Кто-то из молодых солдат вскидывает винтовку к плечу, Эвелин смотрит на него, как на идиота.

— Мы без оружия. Мы хотим уйти. Станешь стрелять в безоружных, как этот старый ублюдок?

Парень опускает винтовку, отворачивается. Ева выводит Стивенса из здания вокзала, они втроем спускаются по широким ступенькам на улицу. Этьен идет впереди, пробираясь через толпу и прикрывая Эвелин с полковником.

«Дождь кончился, — замечает Этьен. — Почему?..»

Громко вскрикивает проходящая мимо женщина, люди начинают оглядываться, отшатываются прочь. Ева рвет на себя веревку, заставляя Стивенса упасть на колени. По подбородку полковника сочится кровь из разодранных углов рта. Эвелин тянет сильнее и сильнее, Стивенс воет и мечется, не в силах высвободиться. Веревка врезается глубже, разрывая кожу и мышцы, кровь частыми каплями шлепается на серый камень мостовой. Ева ногой бьет полковника в поясницу, валит навзничь, упирается босой ступней в спину.

— Нравится, мразь? Доставляет удовольствие?

Из капель крови собирается маленький голем, чуть меньше детской ладони. Эвелин в последний раз дергает веревку, заставляя свою жертву взвыть от боли, и поднимает голема с земли.

— Так странно... — задумчиво говорит она, рассматривая фигурку на ладони. — У хороших людей и у такой мрази, как ты и я, кровь одинаково красная. И детьми мы все были одинаково любимыми...

И прежде чем Этьен успевает что-то сказать, девушка с силой сминает фигурку в пальцах. Стивенс хрипит, корчится, неестественно выворачивая в суставах руки и ноги. Не сводя с него ненавидящего взгляда, Ева сжимает голема в кулаке. Отчетливо хрустят кости, хрип обрывается. Смятый голем падает на мостовую, и Эвелин с отвращением давит его босой ногой. Из-под головы лежащего лицом вниз полковника растекается багровая лужа. Ева плюет на неподвижное, изломанное тело, поворачивается к Этьену.

— Уходи. Сейчас все опомнятся, начнется паника, прибегут полицейские.

Этьен протягивает ей руку:

— Я тебя здесь не оставлю, Мадан. Толпа тебя линчует.

Эвелин пятится, качая головой.

— Уходи. Я заслужила.

Он хватается за руку, дергает к себе.

— Нет уж, Эвелин. Я доставлю тебя отцу и брату, а там уже делай, что хочешь.

Вдвоем они проталкиваются через толпу, бегут по улице, сворачивают сперва в один переулок, затем в другой, третий. Хлюпает под ногами вода, ветер сушит волосы Эвелин, бьется на груди Этьена маленький мешочек с фигуркой вуду. В переулке, выходящем к Лайон-стрит, Ева останавливается, приваливается спиной к линялой стене трехэтажного дома, тяжело дышит.

— Немного осталось, идем, — торопит ее Этьен.

Она трясет волосами, оседает на землю и плачет.

— Что я им скажу? — подвывает она сквозь рыдания. — Что я теперь, Этьен? Я убийца тех, кого любила больше жизни! Это все из-за меня!

Этьен молча бьет ее по щеке, поднимает обеими руками под мышки, вынуждая встать и смотреть в глаза.

— Слушай меня! Мадан, Ева, Анве... не знаю, кто ты сейчас. Слушай! Я заставлю тебя все это прекратить или убью. Ты поняла? — Он хватается за подбородок, ладонь скользит ниже, ложится на горло. Пальцы сжимаются сами.

— Я не смогу, — плачет Ева, кашляет, толкает Этьена в грудь ослабевшими руками. — Я себе не принадлежу больше, ты не понимаешь?

Вторая пощечина заставляет ее замолчать. Теперь она смотрит на Леграна, глотая слезы и дрожая. На мгновение в нем просыпается жалость, он привлекает девушку к себе.

— Я не верю, что нет способа все исправить. Даже если ты — марионетка древнего бога, ты остаешься любимой дочерью, сестрой... и просто любимой, Ева. Нельзя сдаваться. Мы найдем выход.

— Не говори «мы», — глухо отвечает она, уткнувшись в его плечо. — Ты же меня бросил.

Этьен прижимает ее к себе сильнее, прячет в объятьях.

— Сейчас это не имеет значения.

В восемь часов вечера от посадочной платформы нью-кرويدонского аэровокзала отправляется последний пассажирский дирижабль, унося прочь семью мэра города, его заместителей, начальника полиции и Агнесс Флетчер с сыновьями. Последняя прибывает в особняк на Лайон-стрит за полтора часа до вылета. Она спрашивает хозяина дома об Этьене, поднимается на второй этаж и деликатно стучит в дверь комнаты для гостей. Голоса в комнате смолкают.

— Войдите, — нехотя откликается Легран.

Агнесс заглядывает, здоровается с Бренденом, Этьеном и Аланом. Бросает взгляд на спящую на диване в глубине комнаты Эвелин, поджимает губы.

«Этьен, я могу поговорить с тобой? Всего пару фраз», — просит она.

— Прошу прощения, — поспешно бросает Легран собеседникам и быстро выходит в коридор.

Агнесс кидается в объятия Этьена, лишь только за ним закрывается дверь.

— Ну что ты, богиня моя? — растерянно ворчит он, поглаживая стянутую старомодным корсетом спину перерожденной.

Она отпускает его, смотрит полными отчаяния глазами.

«Твой отчим сказал, что ты остаешься здесь. Почему?»

— Я вас потом догоню, Агнешка. У меня тут неоконченные дела. Где вы осядете в столице?

«У меня забронированы номера в гостинице Заря империи. Я пробуду там четыре дня, затем отправлюсь с детьми в Европу. Поедем со мной, я тебя очень прошу».

Она волнуется, пар посвистывает в ее горле. Этьен качает головой.

— Не сейчас. Я закончу все здесь и приеду к тебе.

«Что ты задумал? Нью-Кرويدону конец, океан доедает его! Этьен, мальчик мой, все юго-западное побережье империи под водой, что-то ужасное происходит! Зачем ты остаешься? Ради Евы? Но у вас же с ней все кончено!»

— Агнесс, я должен. Мальчик вырос и может принимать решения. Помнишь, чему ты меня учила?

«Твое безрассудство погубит тебя! С океаном не совладать, даже если ты позовешь на подмогу всех своих големистов!»

Хмурое лицо Этьена светлеет. Он обнимает Агнесс и торопливо целует ее в губы.

— Ты умница, богиня моя! Ох, какая же ты умница!

Она смотрит на него непонимающе и испуганно.

«Что? О чем ты? Стой, Этьен... Что у тебя с руками?»

— Это подарок, Агнешка. Очень дорогой подарок. А благодаря тебе у меня появилась прекрасная идея.

Женщина поникает, горбится, отворачивается.

«Ты у меня мотоцикл оставил в прошлый раз. Я на нем и приехала. Две полные канистры бензина пристегнуты к багажнику. Гостиница Заря империи, запомни. Я тебя буду ждать, мой мальчик».

Она медленно уходит, и ее шаги долго звучат в коридорах. Этьен считает до тридцати, делает глубокий вдох, спокойный выдох и возвращается в комнату к прерванной беседе.

— Я знаю, что делать, — сообщает он, садясь за стол между Бренденом и Аланом.

Этьен говорит долго и уверенно, и в серых глазах отца и сына снова появляется надежда. Брендон будит Еву, Этьен излагает ей свою идею. Девушка вдумчиво слушает, долго молчит, потом вздыхает и подводит итог:

— Да, это вариант. Но голему просто так не выстоять, и управлять им будет крайне тяжело. Можно сделать надежнее, но тогда — верная смерть.

«Ева, мы должны это остановить! — в отчаянии жестикулирует Брендон. — Ты же сама слышала, что Алан говорил. Океан всё выше, угроза другим городам империи очевидна!»

— Я одна не справлюсь, — отвечает она с затаенным страхом в голосе и отворачивается к окну.

За окном проплывают один за другим три дирижабля. «Кто-то спасся», — думает Эвелин. И вспоминает, как отец радостно говорил при встрече, что достал билеты на цепеллин, летящий в Олсен-сити, и мама с близнецами теперь в безопасности. Ева и Этьен не смогли сказать им с Аланом правду.

— Послушай, — нарушает повисшее молчание Этьен. — У нас нет другого выхода, Ева.

— Я знаю, — глухо отзывается она.

— Тогда расскажи, как сделать это надежнее.

Девушка оборачивается. Бледная, глаза блестят от слез. Смотрит на вечно юное лицо отца, на руки Этьена, исчерченные едва поджившими порезами, на нервно постукивающего пальцами по столу Алана.

— Вы понимаете, что мы умрем?

«Я умирал дважды, — грустно усмехается Брендон. — Поверь, родная, это не самое страшное на свете».

— Папа! — в ужасе восклицает девушка и заливается слезами.

Этьен подходит к ней, кладет руки на плечи, заглядывает в лицо.

— Если б я мог, я сделал бы все за тебя. Но такой силы, какой обладаешь ты, нет ни у кого, — тихо говорит он. — Только ты сумеешь засунуть чудовище туда, откуда оно выползло. В глубину. Я готов отправиться туда сам, если это увеличит наши шансы.

Ева всхлипывает, проводит ладонью по щеке Этьена. Синие глаза вудупанка смотрят спокойно и уверенно.

— У нас все получится. И мы уцелеем, мисс Фланнаган. Только расскажи, что нужно сделать.

— Этьен, я хочу тебе сказать...

— Потом, Ева. Давай сперва дело. Алану скоро возвращаться на борт, он должен знать, к чему готовиться. Да и нам надо покинуть этот дом.

Девушка понуро кивает, опускает руки. Подходит к столу, садится напротив Брендона.

— Если просто создать огромного голема, он будет непрочным. Ему нужно живое сердце внутри, — начинает объяснять Эвелин. — Тогда он устоит. Живой организм держит удар и действует куда лучше чучела. Сердцем голема должен стать посредник между живым миром и миром мертвых.

Она умолкает и опускает глаза.

«Я понял, родная, — улыбается Брендон. — Да, я готов».

— Это еще не все. Для того чтобы управлять големом удаленно, нужен еще один человек. Подобие куклы вуду. Он примет на себя основной удар Анве. Будет чувствовать все то, что чувствовал бы голем, окажись он живым.

— Я? — оборачивается Этьен.

— Нет. Это буду я, — отрезает Ева. — Ты не продержишься против моего хозяина и минуты. Алан, теперь ты. Твоя задача — нанести удар, как только Анве будет уязвим. Я не знаю, хватит ли у меня сил сделать это, но как только представится шанс — бей. Сколько взрывчатки на борту «Мнемозины»?

— Достаточно для того, чтобы пустить на дно имперский морской флот, — безжизненно отвечает Алан. — Ева, ты понимаешь, что после взрыва...

— Заткнись, — перебивает его сестра. — Здесь все всё понимают, и не надо лишний раз...

В дверь негромко стучат, и голос Фредерика вежливо окликает:

— Господин Легран, мистер Фланнаган, нам пора уходить. Простите, что напоминаю.

— Да, мы идем, — отвечает Этьен и поворачивается к Еве. — А моя роль какова?

Не говоря ни слова, девушка выходит за дверь. Отец с братом следуют за ней. Проходя мимо Этьена, Алан невесело усмехается и хлопает его по плечу.

— А вам, мистер Легран, видимо, придется свечку держать.

На крыльце Этьен сухо прощается с отчимом, обнимает мать и Агнесс, благодарит хозяев дома за гостеприимство.

— Я закончу дела с мистером Фланнаганом и догоню вас, — обещает он. — Это не займет много времени. Спасибо за мотоцикл, Агнесс.

Несколько минут — и на дорожке перед опустевшим особняком на Лайон-стрит остаются Этьен и Фланнаганы.

— Мне пора возвращаться, — виновато говорит Алан и умолкает.

Ева и Брендон обнимают его. Сестра целует его в щеки и в нос, отец жмет руку.

«Я тобой горжусь, парень. У меня лучшие в мире дети. Когда все закончится, разыщи маму и малышей и позаботься о них. И передавай мое почтение Маргарет. Не тяните со свадьбой», — плавно жестикулирует Брендон.

— Есть, сэр! — звонко кричит Алан, отдает честь и со всех ног бежит прочь.

Ева медленно уходит вверх по пустынной улице. Брендон и Этьен догоняют ее.

— Папа, — окликает девушка. — Мы должны вернуться туда, где все началось. В особняк Баллантайнов. Ты готов?

«Да», — твердо отвечает он.

Эвелин перехватывает вопросительный взгляд Этьена и коротко говорит:

— Позже. Я все тебе скажу. Мотоцикл возьми.

Он возвращается к дому, забирает припаркованный у ворот мотоцикл и тяжело толкает его в гору. Брендон дожидается его, помогает. Этьен поглядывает на свежее пятно ржавчины на рубахе отца Эвелин, хмурится.

— Мистер Фланнаган, это давно появилось?

Брендон на секунду оставляет тяжелую машину, разводит руками.

«Вчера».

— У вас какой сплав стоит? Он же не должен ржаветь.

«Я не знаю, Этьен. Чтобы сказать точно, надо отмотать больше ста лет назад. Ты не беспокойся, оно не болит».

«Что-то странное происходит, — думает Этьен. — Необъяснимо, но я чувствую взаимосвязь между смертью Элизабет и малышей — и этой странной ржавчиной».

Старинный особняк Баллантайнов встречает их выбитыми стеклами и потемневшими от времени каменными стенами. На воротах изящного чугунного литья висит тяжелый замок.

Ева трогает его, обводит пальцем отверстие замочной скважины, поворачивается к мужчинам.

— Через ограду полезем или мне его ломать?

— Глупый вопрос, — бурчит под нос Этьен.

Эвелин присаживается на корточки и еле слышно издает свистяще-цокающий звук. Берет замок в руку, тянет на себя. Щелчок — и массивная дужка переломлена пополам. Девушка толкает ворота, они открываются с глухим скрежетом.

— Заходите.

Дверь заперта, и в дом Этьен, Брендон и Ева проникают через окно. Подгнившие половицы опасно прогибаются и скрипят под ногами, со стен свисают обрывки когда-то дорогих обоев. Пахнет сыростью. Дом пуст. Все, что можно было вынести или сломать, — вынесено и сломано. Брендон проходит по коридорам, вспоминая расположение комнат, касается механическими пальцами ветшающих, разошедшихся дверей.

— Папа? — окликает его Эвелин.

«Я пройду по дому, родная. Мне это очень нужно. Я недолго».

Первый этаж. Комнаты прислуги, кухня. Здесь всегда витал запах сдобы и крепкого кофе. Кэрол так любила булочки с корицей... Прачечная. Сколько рубашек и брюк было испорчено смазкой для механических суставов. Брендон носил свои вещи в стирку сам. Сперва потому, что прислуга его побаивалась, потом стеснялся обременять Абби.

Небольшое окно в конце коридора, выходящее в маленький сад. Брендон садится на подоконник и закрывает глаза. Дикий виноград разросся, проник в дом, а когда-то Брендон любил открывать окно и смотреть сквозь подсвеченные солнцем листья. Маленькая обитель его одиночества...

Он возвращается к центральному входу, идет вверх по мраморной лестнице. На перчатке от прикосновения к широким перилам остается грязь. Брендон поднимает глаза и видит темные прямоугольники на выгоревших от времени обоях. Здесь висели портреты династии Баллантайн. Дед Кэрол, ее отец, сама Кэрол, Алистер, Байрон... На месте портрета Байрона — рваная рана, оставленная штыком.

На втором этаже под ногами хрустит битый фарфор. Брендон заходит в столовую, поднимает с пола осколок кофейной чашки. Рождественский сюжет: играющие в снежки румяные дети. Любимая чашка Виктории... В кабинет Алистера Брендон не заходит. Он хочет помнить это место как уголок идеального порядка в доме. Даже Байрон хранил кабинет отца в неизменном состоянии.

Бальный зал. Обрывки тонких дорогих занавесок, осколки хрустальных люстр, разбитый рояль. При прикосновении развороченный инструмент издает долгий утробный стон. Брендон отшатывается, рукав рубашки цепляется, легко рвется. Перерожденный прикрывает ладонью прореху, выбегает из зала. Осколки хрустала жалобно звенят, разлетаясь из-под ног.

Спальня Кэрол. Здесь он останавливается, кладет ладонь на закрытую дверь. «Столько раз я стоял вот так, не зная, что тебе сказать, боясь войти, — шепчет Брендон беззвучно. — И сейчас не знаю. Но мне все кажется, что ты ждешь от меня тех слов, что я не могу подобрать. И как бы ни было тяжело это признавать, я вернулся домой, Кэрол».

Дверь поддается удивительно легко, и Брендон делает шаг вперед. Разбуженный сквозняк мечется по залитой вечерним светом спальне в облаке пуха. Брендон смотрит на изрезанную перину, наполовину сташенную с кровати, и видит совсем другое. Он видит молодую женщину с упрямой линией губ и печальными глазами. Вполоборота она стоит у

окна в просвечивающей ночной сорочке и смотрит на дымящие заводские трубы.

«Прости, Кэрол. Кажется, мы испортили все, что смогли. На много-много лет вперед. Друг другу, своим детям и этому городу».

Он тихо прикрывает за собой дверь и возвращается в вестибюль к ожидающей его дочери и Леграну.

— Пап, здесь есть, где прилечь на ночь? — спрашивает Эвелин. — Мы начнем на рассвете. А пока надо восстановить силы и поспать. Этьен сходит на улицу, поищет нам чего-нибудь поесть. А ты сможешь показать мне место, где родился второй раз?

Брендон кивает и машет дочери рукой, приглашая следовать за ним. Этьен же выпрыгивает в окно и идет по дорожке к воротам.

— Не задерживайся нигде! — кричит ему вслед Ева и спешит за отцом.

Ночью по Эвелин, спящей под найденным на чердаке брезентом, пробегает крыса. От истеричного визга просыпаются и мужчины. Брендон в темноте находит руку дочери, гладит ее.

— Крыса! — рыдает Ева. — Здесь крысы!

Остаток ночи Этьен сидит на лабораторном мраморном столе и баюкает девушку в объятьях. Ева то проваливается в сон, то просыпается, судорожно всхлипывая. Будто и не было никогда грозной Мадан...

— Я здесь. Никого не подпущу к тебе, спи, — шепчет Этьен.

На рассвете Брендон обнаруживает их спящими в обнимку под куском грязного брезента. Горько улыбается, гладит дочь по голове.

— Что, уже пора? — хриплым спросонок голосом спрашивает Эвелин.

«Да, родная, — кивает Брендон и целует ее в висок. — Вставайте. Давайте делать то, что решили».

— Этьен, — зовет Ева. — Этьен, проснись. Пора.

Он что-то бормочет во сне, ежится зябко. Девушка усмехается, прикасается ладонью к спутанным волосам Леграна, перебирает черные пряди.

— Если выживем, я тебя подстригу. И бороду твою ужасную сбрею собственноручно. Слышишь?

Он фыркает от смеха, прячет лицо в ладонях.

— Что ты хохочешь? — недоумевает Ева. — Давай посерьезнее. Вставай.

Этьен повинуется, стараясь не улыбаться. Эвелин прохаживается по лаборатории, сгребая ногами осколки и обломки разбитых колб и приборов. Мрачно хмурится, трет виски ладонями.

— Пап. Ты должен находиться здесь. Я тебя запечатаю надежно и стану твоими глазами. Я сейчас уберу стекла и мусор. Будет болтать очень сильно, я не хочу, чтобы ты...

Брендон ловит ее за запястье, прижимает к груди, ерошит волосы на затылке. Отпускает.

«Ева. Делай, как надо. Куда мне сесть? Или лучше лечь?»

— В то кресло. Оно закреплено, да?

Брендон кивает, опускается в неудобное, вмонтированное в пол кресло из железного дерева. Трон, который Байрон купил для себя за безумные деньги у какого-то путешественника.

— Эвелин, — окликает ее Этьен. — Ты так и не сказала, что требуется от меня и что мы вообще делаем.

Ева горстями сыпает стекла с пола на расстеленный брезент, выносит мусор за дверь. Смотрит на Этьена, вздыхает.

— Ты сможешь мне наладить контакт с отцом на расстоянии. Сделаешь из меня куколку вуду, доктор Легран. А если поймешь, что я — снова не я, убьешь меня. Возьми с собой что-нибудь тяжелое. Куда бить, знаешь?

Он подходит к ней, молча касается пальцами виска, проводит по волосам к уху.

— Именно здесь. Кость тонкая, ты сильный, — сухо говорит Эвелин. — Всё. Приступаем. Пап, ты сам поймешь, когда все начнется. Твоя задача — жить. Держаться изо всех сил, верить в то, что у нас все получится. Я постараюсь спрятать тебя максимально надежно, чтобы Анве не смог до тебя добраться.

Она обнимает его, прижимается к груди.

— Ты — самый лучший отец в мире. Я же — самая ужасная дочь. Но я тебя люблю.

«И я люблю тебя, Ева. Горжусь тобой, моя сильная девочка, — через силу улыбается Брендон. — Идите. Давайте сделаем это ради мамы и близнецов. И ради всех нас».

Он привстает с места, жмет руку Этьену.

«Прощай, парень. Лучшей пары для Евы я не могу себе представить. Берегите друг друга».

— Спасибо, мистер Фланнаган. И прощайте.

Этьен почти силой отрывает Еву от отца и выводит за дверь.

— Я люблю тебя, папа! — плачет девушка.

Тяжелая дверь лаборатории закрывается. Брендон откидывается на спинку кресла и улыбается.

«Не бойся. Ты сможешь. Только не сомневайся в себе».

Этьен и Ева выходят из особняка Баллантайнов. У ступенек уже плещется вода по щиколотку.

— Четвертый ярус, Ева! — в ужасе восклицает Этьен. — Высшая точка города...

Эвелин вытирает со щек слезы и низко рычит Имя Камня. Контуры стен особняка плывут, подернутые серой рябью, изменяются. Здание потрескивает, тает, проседает само в себя. Ева плавно двигает ладонями, словно катает невидимый комок. Пальцы мнут пространство, выглаживая незримую сферу, заделывая мельчайшие трещины в ней. Этьен отворачивается, не в силах смотреть.

Бегут минуты, по рассветному небу стелются рваные серые облака. Ноги стынют в мокрой насквозь обуви. Мешочек с куколкой вуду на шее кажется живым и теплым.

«Сибил, Уильям, слышите ли вы меня? Как помочь Еве, что я должен сделать?»

Над головой, взрезая утренние небеса острым изгибом крыльев, проносятся три чайки. Этьен провожает их взглядом.

Пальцы Эвелин касаются его запястья.

— Поедем. Как можно дальше от города, туда, где высоко, — тихо говорит девушка.

Вдвоем они выкатывают мотоцикл за ворота, заводят. Ева садится позади Этьена, обнимает, прижавшись к влажной кожаной куртке, и поджимает босые ноги. Рев мотора рвет мертвую тишину улиц. Мотоцикл мчится по Нью-Кройдону, оставляя за собой веер брызг.

Город пуст. Нет даже мародеров. Люди бежали, бросая вещи и домашних животных.

Кошки на окнах верхних этажей провожают машину тоскливыми взглядами. Несколько раз мотоцикл облаивают собаки.

Душная влажность стелется над городом, и кажется, что океану мало земли и он пожрал даже воздух. Ева нервно облизывает губы и чувствует вкус соли. Она вспоминает, как в детстве близнецы шутили над ней, меняя местами сахарницу и солонку, и к горлу подступают слезы. Этьен чувствует, как девушка рыдает ему в плечо, и молча стискивает зубы.

«Сколько людей погибло только в Нью-Кройдоне, Ева! Таких, как Элизабет, как твой брат и сестра, как Мария. Ты плачешь по своей семье, но ни слезинки не уронишь по тысячам людей, оставшихся без дома, без родных, — думает с горечью Этьен. — Теперь в огромный город нет смысла возвращаться. Когда уйдет вода, в домах будет невозможно жить, вещи непригодны для использования, работы нет. Думаешь ли ты об этом? Скорбишь ли? Нет. У тебя свое горе».

Мотоцикл петляет по авеню и переулкам, Этьен тщательно выбирает дорогу, ведущую из города, и через полтора часа они выезжают за пределы Нью-Кройдона. Легран останавливается на раскисшей обочине, оборачивается:

— Куда дальше?

Эвелин указывает на далекие холмы к северо-востоку, и мотоцикл снова срывается с места. Дорога размыта, колеса скользят в грязи, машину заносит. Ева вцепляется в куртку Этьена так, что белеют сжатые кулаки.

До холмов остается полтора десятка миль, когда заканчивается топливо в баке. Этьен ставит мотоцикл на подпорку, снимает притороченную к багажнику канистру, мысленно благодарит Агнесс за предусмотрительность. Пока он заливает бензин в бак, Ева прислушивается и всматривается вдаль, оглянувшись назад.

— Что такое? — не отрываясь от своего занятия, спрашивает Этьен.

— Предчувствие. Что-то идет за нами.

— Совесть, — коротко бросает он, завинчивая крышку бака.

— Пожалуйста, поехали скорее. Нам надо на вершину самого высокого холма.

— Как только, так сразу. И не гони меня: дорога отвратительная.

— Вижу.

Чем дальше от Нью-Кройдона, тем чаще встречаются завязшие в грязи автомобили и бредущие по обочине люди. Завидя мотоцикл, они машут руками, что-то кричат. Этьен старается не смотреть на умоляющие лица и внимательно следит за дорогой. Больше всего сейчас он боится, что их попытаются сбить на землю и отобрать мотоцикл. Легран нервничает, прибавляет скорости.

Дорога петляет между холмов, начинается подъем. На одном из поворотов Эвелин оглядывается назад, вскрикивает.

— Что такое?

— Быстрее! Умоляю — быстрее! — испуганно кричит девушка.

— Нельзя быстрее, мы разобьемся! — отвечает Этьен, не оборачиваясь. — Скажи, что там?

— Кони! Океанский табун, они несутся за нами!

— Merde[1]... - шипит сквозь зубы Легран.

Он гонит мотоцикл на максимальной скорости, с трудом входя в повороты. Ева то и дело оглядывается, просит ехать быстрее. Кони приближаются, перед ними идет волна

холода, проникающего под одежду, студящего пальцы. Легран смотрит под колеса и видит, как по дороге растекается, пульсируя, морская пена.

— Этьен! — снова зовет Ева.

— Что?

— Помнишь, я сказала, что хочу, чтобы ты умер?

— Да. Спасибо, что напо...

— Я сожалею об этих словах! Я отдала бы сейчас все, лишь бы они не прозвучали! — кричит девушка, склонившись к его уху. — Держи руль крепче. Встретимся на вершине холма!

Этьен не успевает затормозить, девушка опирается ладонями ему на плечи, выпрямляется резко, как пружина, и прыгает назад. От рывка машину заносит, заваливает набок, и мотоцикл падает, скользит по дороге, волоча за собой ездока. На повороте тяжелая стальная махина пробивает ограждения и летит вниз, в темный водоворот с белыми гребешками волн. Холодная вода принимает Этьена в объятия. Он изо всех сил работает руками, стараясь оттолкнуться от увлекающего его в глубину мотоцикла, но не может. Штанина зацепилась за что-то, и как Этьен ни пытается, у него не получается высвободить ногу.

Воздух уходит из легких, заставляя биться и рваться, тратя последние силы. Свет отдаляется, перед глазами растекаются алые пятна.

«Нет-нет-нет! — слышит Этьен возмущенный голосок Сибил. — Все было не так!»

Мир гаснет, остаются лишь хлопки маленьких ладоней вдалеке...

— Вставай! Этьен, ну! Что с тобой?

Он открывает глаза, видит встревоженное лицо склонившейся над ним Эвелин. Приподнимается на локтях. Понимает, что лежит в мокрой траве. Мотоцикл стоит рядом.

— Я их разогнала! — кричит Ева. — Я отпугнула коней! Залезла на холм, а ты тут разлегся.

Он смотрит на нее — грязную, босую, в драных штанах и блузе — и пытается понять, почему не помнит, как доехал до вершины и почему лежит.

— Приди в себя, — строго требует Эвелин. — Начинаем.

Очертить на земле круг острием ножа. Имена Лоа, ориентированные по сторонам света. Надрезать руку себе и Еве, смешать кровь, окропить круг. Бросить взгляд на Нью-Кройдон, ужаснуться увиденному — водной глади без конца и края. Лишь вдалеке просматриваются небольшие островки — четвертый, самый верхний, городской ярус.

— Этьен, — окликает Ева.

— Да, моя Мадан.

Она переминается с ноги на ногу в центре круга. В глазах плещется страх.

— Я не справлюсь без тебя. И хочу попросить. Ты можешь сделать так, чтобы я не чувствовала боли? Совсем. Иначе я не выдержу.

— Без опия это сделать сложно.

— Но возможно? — с надеждой спрашивает она.

— Да, я сделаю. Что еще?

— Имена должны звучать. Последовательность: Вода — Земля — Камень — Металл — Земля — Существо — Камень. И заново. Если я прервусь или сойбьюсь, надо подхватить.

— Хорошо.

Она молчит, смотрит туда, где еще несколько дней назад стоял огромный город. Над головами медленно движется в сторону океана флотилия имперских дирижаблей.

— Ева, пора.

Девушка вскидывает голову, в глазах блестят слезы.

— Этьен, я прошу у тебя прощения. Я... слов подобрать не могу. Я прошу прощения, которого не заслуживаю ни единым своим поступком.

— Будет еще время поговорить об этом, Ева. Начинаем, — нарочито сухо говорит он и отводит глаза.

Девушка вскидывает руки, становится на цыпочки и начинает кружиться, плавно выводя Имя Воды. Бегут секунды, Вода сменяется Землей, затем Камнем. Этьен напряженно вслушивается в последовательность, бережно выводя собственную. Тихие, нежные звуки, срывающиеся с его губ, обволакивают сознание Эвелин, вынуждая организм забыть о том, что в мире существует боль.

Далекий рокочущий звук заставляет Этьена вздрогнуть. Вдали у горизонта океан словно вскипает, распускается гигантским цветком, рождая из глубин нечто громадное. Этьен не сразу понимает, что это, и с изумлением и ужасом смотрит, как встает со дна гигантский голем, создаваемый Эвелин Фланнаган из затопленного города.

Свиваются в мышцы и сухожилия целые улицы. Громоздятся друг на друга фабричные здания и жилые дома, образуя каменную броню. Фигура Города растет, приобретая человеческие очертания, встает, медленно разгибая спину шириной в полмили.

Этьен переводит взгляд на Еву и понимает, что голем полностью повторяет движения девушки. Глаза Эвелин закрыты, лицо сосредоточено, кисти рук скользят вдоль тела, словно обмазывая его чем-то. Голем втягивает в себя все новые и новые постройки, наращивая плоть из камня и металла. Ева поет, запрокинув голову, замирает на мгновение, начиная последовательность заново.

Голем приподнимает ногу и делает первый шаг в сторону океана. За ним второй, поувереннее, и твердый третий.

— Молодец, Ева! — шепчет Этьен. — Давай, девочка!

Шаг за шагом голем уходит все дальше в океан. Солнечные лучи играют на осыпающихся стеклах зданий, и со стороны кажется, что гигант-Город окружен сияющим ореолом. Ева сосредоточенно переступает на месте, на висках блестят бисеринки пота. Видно, что управление големом дается ей с трудом, но Этьен уверен: она справится.

За передвижением голема с борта имперского флагмана «Мнемозина» внимательно наблюдает вся команда. Люди встревожены и напуганы, никто не понимает, что за чудовище они видят. Никто, кроме Роберта Коппера и его младшего помощника Алана Фланнагана. «Мнемозина» неотступно следует за Городом, держась над его правым плечом. С десятков дирижаблей движутся тем же курсом на расстоянии в три мили.

Бегут минуты, свиваясь в часы. Голем медленно приближается к темной воронке в глубине океана. Внезапно Эвелин теряет равновесие, словно споткнувшись обо что-то, вскрикивает. Этьен мгновенно оказывается рядом, подхватывает девушку и продолжает за нее Имя Существа.

В центре водоворота вырастает в небо громадное водяное щупальце, шарит в воздухе и устремляется к голему. Ева бьется, словно пытаясь сбросить что-то с ног, фигура голема наклоняется, гигантская рука перехватывает щупальце, разбивая его в водяную пыль. Эвелин

тяжело дышит, сквозь ткань, облепившую ноги, проступают темные влажные пятна. Управляемый ею гигант из камня и металла снова выпрямляет спину и идет навстречу порождению глубины. Вода доходит ему до пояса, шаги замедляются. До края воронки остается две мили. Океан бурлит, что-то громадное под водой плывет к голему, бьет его под каменные колени.

Эвелин скалит зубы, рыча Имя Камня, лезет за пазуху и достает свою волосяную веревку. Голем вытягивает из-за левого плеча длинный, сверкающий металлом хлыст, состоящий из трех переплетенных рельс. Этьен, поддерживающий Еву, с трудом уворачивается от замаха руки девушки. Хлыст рвет поверхность воды, и громадная трехпалая ладонь голема устремляется в глубину. Эвелин наклоняется, перехватывает веревку второй рукой, делая жест, будто что-то обматывает ею, и резко дергает вверх. Веревка лопается, и девушка, потеряв равновесие, падает на колени.

— Ева, нет! — кричит Этьен, подхватывает ее под мышки, тянет на себя. — Вставай! Вставай же!

Тело девушки бьется, клочья одежды расползаются под пальцами, обнажая кровоточащую плоть. Спина Евы неестественно выгибается, и Этьен отчетливо слышит, как трещат ломающиеся ребра. Руки Эвелин тянутся вперед, стараясь поймать и удержать что-то незримое.

С плеч голема пластами сыплются обломки стен, лопаются с жалобным стоном толстые металлические сваи, но он упорно тянет на себя что-то из глубины океана.

— Давай! — орет команда «Мнемозины», наблюдающая за схваткой.

— Еще немного, папа! — умоляет Алан.

Этьен молчит, удерживать Еву на ногах все труднее. Что-то тянет ее к земле, что-то чудовищное, под тяжестью которого рвутся мышцы на тонких девичьих руках. Эвелин упорно тащит это что-то на себя, задыхаясь и роняя с губ капли крови.

Голем медленно вытягивает на поверхность нечто пульсирующее, студенистое, темное. Многочисленные щупальца беспорядочно молотят воздух, поверхность медузоподобного тела идет бордовыми пятнами. Наполовину вытащенное из воды, чудовище обмякает, вяло дергается. Голем шатается, теряя куски каменной плоти.

— Коппер! Чего мы ждем? Сейчас!!! — кричит Алан, срывая голос.

Капитан «Мнемозины» кивает и командует на амслене первому помощнику: «Сбросить груз!» Дирижабль зависает над големом, словно бабочка, к нему подтягиваются остальные воздушные корабли. Секунды...

Взрывная волна подбрасывает Алана, он ударяется о фальшборт, отлетает к стене, снова поднимается на ноги и бежит к ограждению.

Обломки голема медленно погружаются в темные воды. От воронки, в центре которой обосновался чудовищный океанский бог, не осталось и следа. Команда ликует, люди обнимаются, поздравляют друг друга, пляшут. Алан Фланнаган оседает на дощатый пол, закрывает лицо сорванной с головы фуражкой.

На вершине холма Этьен Легран тихо баюкает в объятьях изувеченное, изломанное тело девушки. Ева еще жива, кашляет алой кровью, что-то пытается сказать.

— Не надо, — просит Этьен. — Молчи, не надо. У тебя получилось, моя Мадан. Вода уходит.

Ева упорно шевелит губами, смотрит умоляюще. Пальцы двигаются с трудом, выплетая единственное слово: «Перекресток».

— Ты хочешь, чтобы я отвел тебя туда? — спрашивает Легран, и Эвелин кивает.

Он никогда не делал этого прежде, но точно знает, что нужно. Как и обещали близнецы. Взять в руку ее ладонь, удерживая так, чтобы совпали обе линии жизни и свежий шрам, соединяющий его линию жизни с узором на предплечье и кисти. Накрыть левой рукой, чтобы точно такой же шрам стал исходом линии сердца на ладони Евы. Поймать потухающий взгляд.

— Ева, не уходи далеко. Мы можем не вернуться, — просит ее Этьен.

Глаза девушки закатываются, она скользит куда-то вдоль алой линии монорельса...

[1] Дерьмо (фр.).

Эпилог

Океан дышит в лицо холодом и свежестью. Ветер меняет направление — это «Мнемозина» идет на разворот. Не в силах оторваться, Ева смотрит туда, где пульсирует, будто живая, громадная воронка. Пульсирует в ритме ее сердца. Эвелин делает шаг от ограждений, встает на цыпочки и начинает кружиться, раскинув руки. Звуки неизвестных ей Имен срываются с губ, летят, подхваченные ветром. Океан жадно впитывает их, вращение водоворота ускоряется. Из самого центра воронки взматывается ввысь водяной протуберанец.

«Уходи, — хочет сказать Эвелин. — Убирайся обратно, откуда пришел. Я не дам тебе пройти. Я люблю этот город и людей в нем».

Она молчит и идет дальше...

— ...Формальности должны быть соблюдены, сэр, — с пониманием отвечает Этьен. — Что ж, меня зовут Этьен Легран, мой отчим — мэр этого прекрасного города. Мне двадцать семь лет, у меня высшее физико-техническое образование. Учился в Европе, сюда приехал четыре года назад. Имею собственный бизнес — сеть цирюлен и салонов красоты в Нью-Кройдоне и за его пределами. Собственно, с Евой познакомился на работе. Заехал по делам в «Цветок тиарэ» и своими глазами увидел, какие чудеса творят золотые руки вашей дочери.

Этьен ловко извлекает из кармана маленькую коробочку, открывает ее, протягивает Эвелин на ладони кольцо с девятью бриллиантами.

— Ева, ты станешь моей женой?

Молчание длится слишком долго. Эвелин смотрит на кольцо, потом на Этьена, потом на родителей. Вздыхает...

«Да! — вертится на языке. — Да, Этьен, я согласна!»

Эвелин молчит и проходит дальше...

— ...Что там написано? — повторяет Элизабет.

— Это ловушка, — шепчет Виктория.

Девушка хватается за лист, вчитывается.

— «Требуем вернуть прежде принадлежавшего дому Баллантайнов, а ныне являющегося собственностью империи...» Это что вообще такое? Это кто тут «собственность империи»? — возмущенно спрашивает она. — «В случае неповиновения... по обвинению в промышленном шпионаже...» Да как они вообще смеют?..

«Леди Виктория! Скажите нет! В ваших силах спрятать их, в этой стране столько возможностей, никто никогда не найдет моих родителей!»

Ева хранит молчание. Еще несколько шагов...

— ...Ангел мой. Могу ли я доверять кому-то больше, чем тебе?

Байрон смотрит ему прямо в глаза, и по выражению его лица Брендон понимает все.

«Нет. Я этого не сделаю», — говорит он.

Сенатор Баллантайн поднимается по ступенькам. Останавливается у балюстрады и небрежно бросает через плечо:

— Сделаешь. Просить я тебя не собираюсь. Это приказ. Иди за мной.

«Папа, сопротивляйся! Именно сейчас у тебя получится! Она — Баллантайн, ты можешь отказаться!»

Эвелин зажимает рот ладонью, делает рывок вперед, тратя последние силы.

...Молодой человек лет двадцати спускается по ступенькам подъезда, заматывая шею длинным шарфом. Декабрьские снежинки танцуют в воздухе, ложатся на светлые кудри и кончик носа. Брендон чихает, поднимает воротник пальто повыше. Ступает на тротуар, шарит по карманам, ища бумажник, делает шаг на мостовую.

— Папа! Сто-о-ой! — замирает в отдалении девичий крик.

Юноша останавливается, оборачивается, услышав смутно знакомый голос. Мимо, обдав его облаком едкого дыма, с грохотом проносится автомобиль. Брендон отшатывается назад, поскользывается и с трудом успевает ухватиться за водоколонку. С минуту он стоит, переводя дыхание, потом бегом возвращается в дом.

— Кимберли! Дорогая! — зовет он с порога.

В прихожую выглядывает миловидная молодая женщина с годовалой малышкой на руках.

— Ты опять что-то забыл, растяпа мой?

— Я вот чуть под машину не попал, — виновато разводит руками Брендон. — Но кто-то окликнул. Как будто Фэй, но совсем взрослая. И машина мимо проехала. Чудеса, правда?

— Ох, Брендон Фланнаган! — укоризненно качает головой жена. — Ну что ж, проживем денек без свежей сдобы.

Брендон снимает в прихожей пальто и ботинки, наматывает на вешалку шарф и проходит к окну в спальне. За стеклом тихо падает снег, и в танце снежинок юноше видится силуэт худенькой девушки с вздетыми к небу руками.

Больше книг на сайте - Knigolub.net